

Герман Осдеевич

издатель

№ 111

Литшерство, I. A.

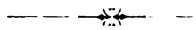
ЧЕРТЫ

изъ

ИСТОРИИ СОСЛОВІЙ

въ

Юго-западной Галицкой (Руси) XIV—XV в.

изслѣдованіе

Н. А. Минниченка.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.

Воздвиженск. Крестовозд. пер., д. Лиснера.

1894.

Литшерство

H 7/20
5325

По постановлению историко-филологического факультета печатать разрешается. 17 марта 1894 г.

Декань историко-филологического факультета *М. Троицкий*.

Памяти отца

благговъино

посвящаю этотъ трудъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ не представляетъ собою ничего цѣльнаго. Авторъ не имѣлъ въ виду писать полной исторіи внутреннихъ отношеній въ Галицкой Руси XIV—XV в. Три отдѣльныя главы предлагаемой книги посвящены разсмотрѣнію разныхъ вопросовъ въ исторіи трехъ сословій — дворянскаго, крестьянскаго и мѣщанскаго. Связаны очерки (помимо связи хронологической) одной общей имъ всѣмъ цѣлью: авторъ старался прослѣдить въ исторіи cadaго изъ трехъ сословій процессъ перехода отъ старыхъ русскихъ порядковъ къ новымъ, созданныхъ здѣсь польскимъ правительствомъ, и отмѣтить жившіе еще здѣсь въ XIV—XV в. остатки древнерусскаго права. Изученіе этихъ вопросовъ въ исторіи Галицкой Руси представляется особенно важнымъ въ виду того обстоятельства, что въ Червоную Русь новые порядки были введены двумя столѣтіями (если считать начало ихъ съ эпохи завоеванія Польшей наслѣдія Романовичей) ранѣе, чѣмъ въ остальныя части Юго-Западной Руси; уясненіе процесса замѣны старыхъ русскихъ порядковъ новыми въ Гал Руси можетъ поэтому служить хорошимъ пропедевтическимъ средствомъ для уясненія пониманія такого же процесса въ исторіи другихъ западно-русскихъ областей. Авторъ держался въ своемъ изслѣдованіи главнымъ образомъ метода описательнаго. Къ методу сравнительному (сравненію институтовъ галицко-русскихъ съ аналогичными западно-русскими или сѣверно-русскими) авторъ прибѣгалъ рѣдко, ибо для правильнаго примѣ-

ненія сравнительнаго метода въ настоящемъ изслѣдованіи автору пришлось бы сдѣлать тройную работу (два описательныхъ изслѣдованія и одно сравнительное).

Въ заключеніе авторъ горячо благодаритъ всѣхъ такъ или иначе содѣйствовавшихъ ему въ его трудѣ и *in primis* уважаемыхъ пріятелей: доктора Антонія Прохаску, вице-директора Львовскаго Бернардинскаго Архива, бывшаго автору незамѣнимымъ совѣтникомъ при чтеніи рукописныхъ судебныхъ книгъ XV в., и бібліотекаря петербургской публичной бібліотеки П. А. Соколовскаго, неистощимая любезность, котораго хорошо извѣстна всѣмъ работавшимъ въ историческомъ отдѣленіи этого лучшаго книжнаго собранія на Руси.

Если результаты настоящаго труда не соотвѣтствуютъ массѣ потраченной на него любезности со стороны друзей и знакомыхъ автора, то... „*non eorum erit id damnum, sed meum*“.

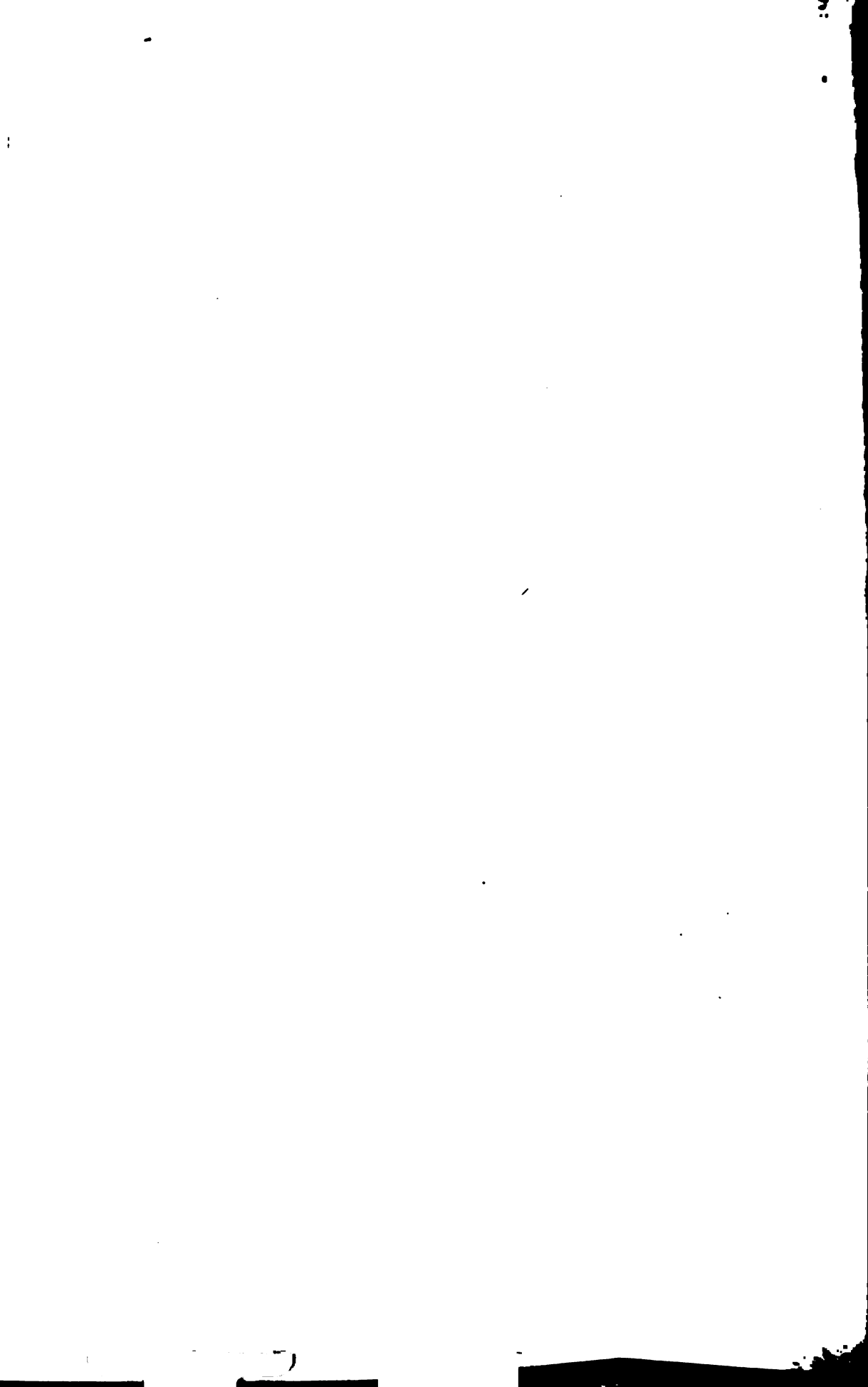

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.....	V—VI
Глава I. Политика польскихъ королей и судьба древне- русскаго боярства въ Галицкой Руси XIV— XV вв.....	1—71
Глава II. Судьба крестьянскаго населенія Галицкой Руси XIV—XV в.	71—209
Глава III. Мѣщанство въ Галицкой Руси XIV—XV вв.	210—238
Дополненія и поправки	239—240
Опечатки	241

ГЛАВА I.

Политика польскихъ королей и судьба древне-русскаго боярства въ Галицкой Руси XIV—XV в.

Въ срединѣ XIV ст. Галицко-Володимирское княжество теряетъ свою самостоятельность. Къ концу XIV ст., послѣ многолѣтней борьбы трехъ сосѣднихъ государствъ изъ-за наслѣдія Романовичей, большая часть его окончательно утверждается за Польшей.

Не станемъ слѣдить за перипетіями борьбы изъ-за наслѣдства Романовичей — вопросу этому удѣлено уже не мало вниманія въ исторической литературѣ¹⁾. Нашему вниманію будетъ посвящено изслѣдованіе тѣхъ измѣненій, которыя внесло во внутренній строй Галицко-Русскаго княжества новое господство²⁾.

¹⁾ О послѣднихъ временахъ самостоятельнаго существованія Галицко-Володимирскаго княжества см. соч. Д. Зубрицкаго, Анонимъ Гѣвненскій и Янъ Длугошъ, и особенно J. Reżabek, *Jirzi II posledne knize veschkeré Malé Rusi*, časopis Musea Království českého 1883, и рецензію на это сочиненіе А. В. Лонгинова, Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная запись князя Юрія Даниловича Холмскаго XIV в. Москва 1887.

Исторіей борьбы Польши, Литвы и Венгрии за Галицко-Владимирское княжество занимаются: Joh. Matijów, *Der polnisch-ungarische Streit um Galizien und Lodomerien*. Lemberg 1886; Huber, *Ludwig I von Ungarn und die ungarischen Vassallensländer* (*Archiv für oesterr. Gesch.* B. 66, I); K. Gorzycki, *Połączenie Rusi czerwonej z Polska przez Kazimierza Wielkiego*. Lwow 1889. Ern. Breiter, *Władysław książę Opolski, pan na Wieluniu, Dobrzyniu i Kujawach, palatyn węgierski i wielkorządca Polski i Rusi*. Lwow, 1889. И. Филевичъ, *Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Володимирское наслѣдіе*, С.-Пб. 1890. Рецензіи на это сочиненіе: Czuczynski (*Kwar. Hist.* 1891 № I). Ant. Prochaska, *W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego*. Наша статья: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891, № 5, 6, 7, гдѣ рассмотрѣны вышеуказанные труды Лонгинова, Брейтера, Горжицкаго и отчасти г. Филевича). Отвѣтъ г. Филевича критикамъ (въ томъ числѣ и намъ) въ *Ж. М. Н. П.* 1891. № 12. см. также общія сочиненія, Саго, *Geschichte Polens*, II, И. И. Шараповичъ, *Исторія Галицко-Володимирской Руси*. Львовъ, 1863.

²⁾ Вопросы, разбираемые въ этой главѣ, отчасти уже рассмотрѣны нами въ двухъ статьяхъ: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси

Не можемъ однако не коснуться здѣсь дипломатической судьбы Черв. Руси въ XIV в. Особенности строя Галицко-Русскаго княжества въ первую эпоху польскаго владычества въ значительной степени объясняются ея особенными отношеніями къ Польшѣ, результатомъ договоровъ Польши съ сосѣдними государствами относительно наслѣдія Романовичей.

Приглашеніе на Галицко-Владимірскій столъ мазовецкаго князя было крупной политической ошибкой со стороны галицко-русскаго боярства. Заботясь о своихъ личныхъ интересахъ, галицко-русское боярство поступило въ этомъ случаѣ крайне недалеко-видно, такъ какъ послѣдствія этого необдуманнаго шага обрушились прежде всего на его же голову. Результаты приглашенія чужеземнаго князя были еще печальнѣе для судьбы всего края. По весьма вѣроятнымъ соображеніямъ Прохаски, предпринятая Болеславомъ-Юріемъ реформа, равно какъ и переходъ его въ католицизмъ, преслѣдовали очень опредѣленную цѣль — втянуть Галицкую Русь въ общій строй европейской политики и, прибавимъ отъ себя, оторвать ее отъ общерусскаго тѣла. Путемъ принятія католицизма, по мнѣнію г. Прохаски, Болеславъ-Юрій хотѣлъ укрѣпить положеніе Черв. Руси какъ самостоятельнаго княжества, прекратить претензіи къ ней сосѣднихъ государствъ, отнявъ религіозную санкцію у ихъ завоевательныхъ попытокъ, обезпечить Гал. Русіи помощь Запада въ дѣлѣ освобожденія отъ татарскаго ига¹⁾.

(Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 5, 6, 7) и Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древне-русскаго боярства въ юго-западной Руси XIV—XV в. Юридич. Вѣсти. 1892, № 6—7. См. также Alex. Stadnicki, Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV wieku we wzglądzie społecznych stosunków rozpoznana, Bibl. Ossolinskich, poczet nowy, t. III. Lwów 1863 и Zygor Szaraniewicz, Rys wewnetrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie piętnastego wieku. Lwów, 1869.

¹⁾ Въ статьѣ А. Прохаски (W sprawie zajęcia Rusi przez Kaz. W.) есть нѣсколько не безынтересныхъ дополненій къ извѣстнымъ уже фактамъ начала XIV в. Такъ имъ впервые указанъ мало извѣстный источникъ — генеалогія мазовецкихъ князей, напечатанная Нарбутомъ (Pomniejsze pisma). Въ этой генеалогіи жена Тройдена именуется русскою княжной, сестрой галицкаго короля Льва. О женѣ Болеслава-Юрія въ ней читаемъ: Болеславъ, сынъ Тройдена, получившій княженіе въ Черв. Руси какъ наслѣдство матери, отравленный русскими въ 1340 г., имѣлъ женою Офку, въ христіанствѣ Марію, дочь в. кн. лит. Гедмина, сброшенную подъ ледъ въ Вислу у Завихоста, 5 февр. 1342 г. (Pomn. pisma histor. Wilno 1856, p. 296. Извѣстіе это Нарбутъ приводитъ изъ рукописной генеалогіи мазовецкихъ князей, составленной въ XVI в., оригиналъ исанъ по латыни, но Н. приводитъ его въ польскомъ переводѣ). Изъ этихъ словъ впрочемъ нельзя дѣлать заключенія, какое дѣлаетъ уважае-

Что Болеславу могли мерещиться подобныя радужныя картины — весьма возможно, хотя мы сильно сомнѣваемся, чтобы онѣ зародились самостоятельно въ его головѣ.

Хотя папа и представляетъ намѣреніе Болеслава перейти въ католицизмъ какъ вышедшее изъ его личной инициативы, но это обычная манера римской куріи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что инициатива къ этому вышла отъ самой куріи, и картина выгодъ принятія католицизма была развернута передъ галицко-владимірскимъ княземъ какимъ-нибудь гласнымъ или негласнымъ папскимъ делегатомъ. Нечего было бы просить помощи Локетка къ обращенію Болеслава, если бы инициатива обращенія шла отъ самого галицко-владимірскаго князя¹⁾.

мый ученый, будто Марія была ярой прозелиткой католицизма и за это погибла насильственной смертью. Согласно съ А. В. Лонгиновымъ, А. Прохаска, на основаніи равнообразія титуловъ въ грамотахъ Юрія-Болеслава, утверждаетъ постепенное распространеніе его власти, но не шире такъ сказать, а вглубь, въ отношеніяхъ къ боярству, такъ какъ Болеславъ наираетъ на то, что онъ сталъ княземъ Руси не по волѣ боярства, а по милости Божіей и какъ сынъ русской княгини. Но вслѣдъ за тѣмъ почтенный авторъ не могъ не указать на несомнѣнныя попытки боярства ограничить власть князя и думаетъ даже, что направленный противъ татаръ параграфъ въ первыхъ договорахъ съ крестоносцами былъ опущенъ въ послѣднихъ договорахъ по требованію боярства, которое въ хорошихъ отношеніяхъ съ татарами видѣло ручательство своей силы. Какимъ образомъ произошло такое умаленіе власти князя, почтенный ученый не старается объяснить. Въ дѣлѣ отравленія Болеслава, по мнѣнію автора, можно подозрѣвать союзъ боярства съ татарами.

¹⁾ До папы дошли только *слухи* о желаніи Юрія перейти въ католицизмъ (*auditiuus*), въ папскихъ буллахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на прямое обращеніе Юрія къ папскому престолу (вспомнимъ при этомъ дѣло объ обращеніи въ католичество Гедимины, гдѣ папа имѣлъ дѣйствительное основаніе ссылаться на инициативу литовскаго князя: папа постоянно ссылается на письма Гедимины и приводитъ ихъ подробное содержаніе). По всей вѣроятности, къ папѣ дошли лишь неопредѣленные слухи о желаніи Юрія перейти въ католицизмъ, вѣрнѣе, что кто-либо изъ миссіонеровъ или пограничныхъ съ Русью польскихъ епископовъ указалъ папѣ на русскаго князя, рожденнаго отъ католическихъ родителей и перешедшаго затѣмъ въ православіе, какъ на хорошій объектъ для пропаганды. Что какіе-то католическіе миссіонеры появились въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ въ первые годы правленія Юрія, доказательство видимъ въ утвержденіяхъ любускаго епископа, что *sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris galathe, que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet Flademiria* (въ другомъ мѣстѣ *Flademiria*) *ab antiquo extitit situata, et adhuc ibi patent plura episcoporum sepulchra...* Замѣчательно, что это утвержденіе и жалоба на разныя препятствія, заставившія любускаго епископа уйти изъ Владиміра и даже потерять въ этой области юрисдикцію (правильность такого утвержденія другой вопросъ) относятся именно къ году обращенія папы къ Юрію-Болеславу (1327) и нѣсколькими мѣсяцами предшествуютъ папскимъ булламъ къ Локетку и Юрію (Theiner № 376, 383, 384).

Впрочемъ примѣръ Данила могъ служить послѣднему галицко-русскому князю яснымъ доказательствомъ эфемерности надеждъ на помощь папы въ дѣлѣ освобожденія отъ татарскаго ига. Главная политическая выгода обращенія Руси состояла бы въ ограниченіи религиозной санкціи для завоевательныхъ плановъ сосѣднихъ государствъ. Но если этимъ актомъ упрочивалось положеніе Галицко-Владимірскаго княжества со стороны Запада, зато кореннымъ образомъ измѣнялось его отношеніе къ Востоку — католическая Черв. Русь переставала быть своей, родной, обратилась въ такую же враждебную страну иновѣрцевъ, какъ Венгрія и Польша.

Этого мало. Удача или неудача плановъ Болеслава должна была въ концѣ концовъ повести къ паденію самостоятельности Галицкой Руси. Если бы Болеславу-Юрію и удалось утвердиться въ Черв. Руси, положеніе его княжества, окруженнаго съ трехъ сторонъ сильными и давно питавшими къ богатой русской странѣ вождедвія государствами могли быть только весьма прекарнымъ. Въ виду претензій могучаго Литовско-Русскаго государства на наслѣдство Романовичей, предъявленія пресumptивныхъ правъ на ту же область со стороны Венгріи, Галицкой Руси въ концѣ концовъ оставалось бы примкнуть къ одному изъ сосѣднихъ государствъ, и едва ли можно сомнѣваться, что въ виду родственныхъ связей мазовецкій князь въ концѣ концовъ примкнулъ бы къ Польшѣ.

Какъ бы то ни было, но смерть Болеслава открыла дорогу всѣмъ претендентамъ на Гал. Русь. Конечно, съ точки зрѣнія русскаго государственнаго права княжеской Руси, наслѣдство Романовичей не переходило ни къ одному изъ претендентовъ. Древне-русское государственное право не признавало перехода княженія по наслѣдству: Ольговичевъ не хотимъ быти, аки въ задничи, говорятъ кіевляне. Князь избирался и утверждался на столѣ общиною. Въ Гал. Руси, гдѣ община была рано подавлена, выборъ князя *de facto* перешелъ въ руки боярства, а съ половины XIII в. новый князь еще утверждался и татарскимъ ярлыкомъ¹⁾.

Но, съ другой стороны, вполне понятно, что никому изъ претендентовъ не было дѣла до русскаго государственнаго права:

¹⁾ Ил. 591—слова Владиміра Васильковича Мстиславу Даниловичу „а даю тобѣ, брату своему, землю свою всю и города, по своему животѣ; а се ти даю *при царствѣ и при его радъцахѣ*.”

въ дипломатическихъ вопросахъ *право* имѣеть значеніе лишь настолько, насколько за нимъ стоитъ *сила*, возможность его защитить. А въ Гал. Руси единственной дѣйствительной силой, съ которой приходилось посчитаться, были татары, при весьма вѣроятномъ участіи которыхъ и произошла катастрофа 1340 года.

Каждому изъ претендентовъ, считавшихъ свое право на Черв. Русь незаконнѣйшимъ, нужно было для успѣха дѣла отстоять его передъ прочими и помимо того заручиться поддержкою татаръ, *de facto* верховныхъ господъ Руси. Яснѣе всего понялъ дѣло Казимиръ; онъ прекрасно сообразилъ, что однимъ дипломатическимъ путемъ ему не удастся отстоять своихъ пресумптивныхъ правъ на Черв. Русь. Избѣжать борьбы изъ-за такого лакомаго куска все равно не было возможности. По справедливому замѣчанію Прохаски, было еще иное право, на основаніи котораго можно было обезпечить себѣ въ то время обладаніе странюю языческой или схизматической — *jus prius occupantis*. Папы, крайне щедрые на раздачу того, что имъ не принадлежало, обыкновенно дарили католическимъ государямъ всѣ тѣ языческія или схизматическія страны, которыми они овладѣють. А поддержка папы въ то время не мало значила.

Всѣми этими соображеніями объясняется необыкновенно быстрый и смѣлый наѣздъ Казимира на Черв. Русь. Въ то время какъ Черв. Русь еще не успѣла опомниться отъ катастрофы 25 марта, когда извѣстіе о ней только что дошло до сосѣдей, Казимиръ уже стоитъ подъ стѣнами Львова.

Если этотъ первый успѣхъ могъ быть только весьма эфемернымъ при тѣхъ незначительныхъ силахъ, какими могъ располагать Казимиръ, съ такой невѣроятной быстротой совершившій свой походъ въ Черв. Русь, то значеніе этого шага не могло конечно не быть понятнымъ въ Венгріи. Мы не можемъ согласиться съ Прохаскою, чтобы уже въ первомъ наѣздѣ на Черв. Русь Казимиръ дѣйствовалъ совмѣстно съ венграми. Мы думаемъ, что походъ Карла-Роберта на Русь, о которомъ сохранилось свидѣтельство въ грамотѣ отъ 15 мая 1340 г.¹⁾, былъ вызванъ или тѣми же соображеніями, что и походъ Казимира²⁾, или даже прямо явился отвѣтомъ на наѣздъ польскаго короля на Черв.

¹⁾ Cod. dipl. Hung. Andegav. IV, p. 26.

²⁾ А также и непосредственно за катастрофой 25 марта послѣдовавшими набѣгами татаръ на Венгрію.

Русь. Трудно также согласиться съ тѣмъ же уважаемымъ ученымъ, чтобыеще въ 1338 г., т.-е. при жизни Болеслава, состоялось соглашеніе между польскимъ и венгерскимъ королями относительно Черв. Руси. Если въ трактатъ 1350 г. и есть намекъ на какое-то предыдущее соглашеніе обоихъ королей, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній не допустить, чтобы соглашеніе это послѣдовало уже послѣ наѣзда Казимира.

Хотя своимъ смѣлымъ наѣздомъ Казимиръ и приобрѣлъ новое, съ дипломатической точки зрѣнія, право на Черв. Русь, но факты показываютъ, что Венгрія не имѣла никакого желанія отказать отъ своихъ предполагаемыхъ правъ на Гал. Русь. Поддержать свои старыя и новыя права на Черв. Русь можно было только силой, при чемъ приходилось отстаивать ихъ съ двухъ сторонъ — со стороны Литвы и Венгрии. Выдержать борьбу съ двумя сильными претендентами Казимиру было не подъ силу. Оставалось войти въ соглашеніе съ однимъ изъ претендентовъ. Цѣлый рядъ обстоятельствъ, родственныя отношенія и предыдущіе договоры привязывали Казимира къ Венгрии. Въ результатъ этого и состоялся извѣстный договоръ польскаго и венгерскаго королей по вопросу о Черв. Руси. Заключенъ онъ былъ еще между Казимиромъ и Карломъ-Робертомъ и повторенъ въ договорѣ Казимира съ Лудовикомъ 1350 г.¹⁾ По этому договору Черв. Русь остается въ пожизненномъ владѣніи Казимира, по смерти его, въ случаѣ если польскій король оставитъ потомка мужскаго пола, Черв. Русь выкупается Венгріею за 100 т. флориновъ у наследника польскаго короля, если же Казимиръ умретъ, не оставивъ потомковъ мужскаго рода, то Гал. Русь вмѣстѣ съ Польшей переходитъ къ Лудовику Венгерскому (вопросъ о наследованіи Лудовикомъ Польши былъ рѣшенъ еще раньше трактатомъ 1338 г.).

Договоръ этотъ показываетъ ясно, что Казимиромъ были вполне признаны права Венгрии на Черв. Русь, которая остается за за нимъ только пожизненно на правахъ *wiederkauf'a*, какъ вѣрно замѣчаетъ Прохаска.

Такъ обр. въ силу этого договора Черв. Русь является не государственной собственностью, не провинціей Польши, даже не

¹⁾ Договоръ не разъ напечатанъ подъ разными датами: у Стадницкаго, *Synowie Gedymina II*, p. 231, откуда его перепечаталъ Матіовъ, *Der poln.-ung. Streit*, p. 45. По копіи Нарушевича — Смолька (*Rok 1386*, p. 135) и по копіи Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Прохаска (*W. Sprawie Zaj. R. przez. K. W.*, p. 30). Принимаемъ дату послѣдняго (см. у него p. 23).

королевщиной, а *личной* и притомъ лишь на пожизненномъ правѣ *собственностью* Казимира. Ясное пониманіе этого отношенія Черв. Руси къ Польшѣ имѣетъ большое значеніе для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Сущность договора совершенно ясна, но нѣкоторые пункты его съ дипломатической стороны изложены нѣсколько неопредѣленно, во всякомъ случаѣ не юридически точно (да, какъ кажется, договоръ этотъ былъ тайнымъ), что и повело впоследствии въ неодинаковому его пониманію у обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

По смерти Казимира Черв. Русь вмѣстѣ съ Польшей отошла къ Лудовику, но по смерти Лудовика долженъ былъ возникнуть вопросъ, на какомъ правѣ владѣлъ Лудовикъ Черв. Русью, какъ король польскій или король угорскій? Въ первомъ случаѣ Черв. Русь отходила къ Польшѣ, во второмъ — къ Венгріи.

Если въ договорѣ 1350 г. Лудовикъ прямо именуется Черв. Русь *regnum nostrum, ad nos iure successorio devolutum* и въ качествѣ такого отдаетъ его въ пожизненное владѣніе Казимиру, то съ другой стороны въ договорѣ проскользнула фраза, что въ случаѣ безпотомной смерти Казимира *regnum Russie tanquam ius nostrum proprium eodem modo sicut regnum Poloniae ad nostras manus devolvetur*. Впрочемъ едва ли нужно прибѣгать къ такимъ дипломатическимъ тонкостямъ въ обсужденіи договора 1350 г. — есть основанія предполагать, что документъ этотъ не предназначался во всеобщее свѣдѣніе¹⁾.

Что договоръ 1350 г. не былъ обнародованъ, показываютъ *acta conventa* Лудовика со шляхтою польскою при занятіи имъ польскаго престола. Въ нихъ находимъ лишь общее обязательство не отчуждать земель, принадлежащихъ польской коронѣ, во никакихъ специальныхъ пунктовъ относительно Гал. Руси нѣтъ. Если бы договоръ покойнаго короля съ Лудовикомъ былъ извѣстенъ польскимъ панамъ, они несомнѣнно подняли бы при коронаціи венгерскаго короля вопросъ о будущности Черв. Руси.

Намѣренія свои относительно Гал. Руси Лудовикъ скрываетъ нѣкоторое время. Лишь два года спустя послѣ занятія польскаго престола онъ раскрываетъ свои карты, отдавъ Черв. Русь въ

¹⁾ На документѣ нѣтъ печатей и подписей ни польскихъ ни угорскихъ пановъ. И впоследствии документъ этотъ составлялъ дипломатическую тайну, почему и не вошелъ въ сборникъ Dogiel'a (*Prochaska* I. с. р. 23).

лень Владиславу Опольскому, одному изъ вѣрнѣйшихъ своихъ споспѣшниковъ.

Передача Черв. Руси въ лень такому лицу, какъ Владиславъ Опольскій, лицу крайне не симпатичному польской шляхтѣ, извѣстному своими венгерскими симпатіями, должна была ясно показать польскимъ панамъ, что Лудовикъ смотрѣлъ на Черв. Русь какъ на свою собственность, а не какъ на провинцію польскаго государства. Что Лудовикъ передалъ Черв. Русь опольскому князю какъ *угорскій*, а не польскій король, ясно показываетъ надпись на монетахъ Владислава, битыхъ на Руси: L съ надписью *Ludovicus rex Ungariae* (на обратной сторонѣ изображеніе льва, стоящаго на заднихъ лапахъ, — герба Черв. Руси, и надпись *Vladislaus Dux*).

Что шляхта польская, въ свою очередь, прекрасно поняла значеніе этого шага, показываетъ одно изъ постановленій Кошицкаго съѣзда 1374 г., по которому Лудовикъ обязывается не отдавать польскихъ замковъ и крѣпостей въ управленіе или въ лень лицамъ княжескаго происхожденія. Едва ли можно сомнѣваться, что это постановленіе направлено прямо противъ Владислава Опольскаго. Однако, давши подобное обязательство, Лудовикъ не признаетъ его силы по отношенію къ Руси, и Владиславъ и послѣ Кошицкаго съѣзда еще нѣсколько лѣтъ владѣетъ Русью.

Что Владиславъ получилъ Черв. Русь не въ собственность, а только въ лень, доказываетъ ясно грамота Лудовика, извѣщающая населеніе Польши и Угрии о передачѣ Черв. Руси опольскому князю *ad gubernandum et conservandum*, при чемъ населеніе Черв. Руси не выходитъ изъ высшаго подчиненія Лудовика (*homines ac mercatores... tanquam nostros subjectos fideles ac dicioni nostre subjectos... habeatis*¹⁾).

Въ званіи русскаго князя (Опольскій именуетъ себя *Domini et haeres Russie, Dux Russie*) Владиславъ остается около шести лѣтъ²⁾. Въ концѣ 1378 г. Владиславъ получаетъ замѣнъ Русі землю Добринскую, а Русь передаетъ Лудовику.

¹⁾ Akta gr. III № 20.

²⁾ Грамота Лудовика, извѣщающая населеніе Польши и Венгрии о передачѣ Черв. Руси Владиславу датирована 30 окт. 1372 г. (А. гр. III № 20). Грамота Лудовика землѣ Добринской (извѣщеніе о замѣнѣ ею Руси опольскому князю) отъ 8 дек. 1378 г. (А. гр. V. № 14). Грамота Опольскаго жителямъ Руси, освобождающая ихъ отъ присяги ему на вѣрность, отъ 13 янв. 1379 (А. гр. III № 27).

Янъ Чарковскій объясняетъ отказъ Владислава отъ богатаго лена миролюбивымъ характеромъ опольскаго князя, уставшаго отъ непосильныхъ трудовъ держать въ повиновеніи безпокойный край, подверженный къ тому же частымъ нападеніямъ враговъ¹⁾. Длугошъ, хорошо понимавшій значеніе переуступки Владиславомъ Лудовику Руси, довольно наивно объясняетъ эту переуступку тѣмъ, что Лудовику, проѣзжая по Черв. Руси, восхитился богатствомъ и красотою незнакомой ему раньше области²⁾. Длугошъ хорошо понялъ что Лудовику перенялъ у Владислава Черв. Русь какъ *венгерскій*, а не польскій король, и дѣлаетъ по этому поводу репримандъ польскимъ панамъ³⁾.

По мнѣнію одного изъ изслѣдователей исторіи Черв. Руси XIV в.⁴⁾, Лудовику передачей Черв. Руси опольскому князю имѣлъ въ виду подготовить окончательный переходъ этой области къ Венгріи. Задачей дѣятельности Владислава въ Черв. Руси было, по мнѣнію автора, введеніе здѣсь управленія на венгерскій ладъ и внутренняя подготовка спорной области къ переходу подъ непосредственную власть Венгріи. Мы уже подробно разбирали это мнѣніе и пришли къ заключенію, что порядки, введенные Опольскимъ въ Черв. Руси, ни въ чемъ существеннымъ образомъ не отличались отъ порядковъ, устроенныхъ здѣсь Казимиромъ: Владиславъ только продолжалъ дѣло Казимира, не вводя ничего особенно оригинальнаго⁵⁾. По нашему мнѣнію, эпоха управленія Владислава на Руси имѣла значеніе подготовки перехода Руси къ Венгріи главнымъ образомъ съ дипломатической стороны. Отдавая Русь въ ленъ лицу, извѣстному своими вен-

¹⁾ Cernens Vladislaus quod mobile regnum Russiae propter insultus Lithuanorum pacifice teneri non possit... (Mon. pol. II, p. 680).

²⁾ L. X ad a. 1377, ed. Przewdziecki, t. XII, p. 374. При этомъ Длугошъ забываетъ свой рассказъ подъ 1351 г. о совѣстномъ походѣ Казимира и Лудовика на Русь.

³⁾ l. c Terrarum Russiae Ludovicus Hungariae et Poloniae Rex anno superiori glebam uberem et situm contemplatus, quorum sibi antea ignotus erat conspectus cum esset in Hungaros magis quam Polonos tam affectione quam largitione propensior, applicare illas et subiicere Hungariae Regno et a Polonis Regno sequestrare, in cuius ditone eas fuisse repererat, in animum inducit. Wladislaum itaque Opoliensem Ducem... ex terris Russiae et districtibus atque castris sibi inscriptis, quo facilius Regno Hungariae illarum accedat successio, amovet... castraque, districtus, oppida et villas Russiae Hungaris, Polonis necquicquam obstantibus aut improbantibus aut committit, aut partitur: quod solum Polonis documento esse potest, ne propriis iuxta ponant exteros, cum ad Regni sui Poloniae integritatem scindendam tot pestes viderint peregrinum Regem excivisse.

⁴⁾ Breiter, Wladisław, książę Opolski, Lwów 1889.

⁵⁾ Жур. Мнѣ. Нарв. Пр. 1891, № 7.

герскими симпатіями, и оставляя ее въ его власти и послѣ указанного нами соглашенія 1374 г. съ польскими панами, Лудовигъ открыто заявилъ, что считаетъ Черв. Русь своею собственностью и можетъ ею распоряжаться по усмотрѣнію. По уходѣ Владислава, Черв. Русь переходитъ въ вѣдѣніе угорскаго старосты, и важнѣйшія уряды въ ней замѣщаются уграми.

Съ 1378 по 1387 г. Черв. Русь остается подъ властью Угріи, хотя вопросъ о возвращеніи ея Польшѣ и былъ поднятъ польскими панами немедленно послѣ смерти Лудовика¹⁾.

Однако только въ 1387 г. послѣ похода Ядвиги Черв. Русь окончательно переходитъ къ Польшѣ, при чемъ Ягелло даетъ обѣщаніе, что не отдастъ Руси никому изъ князей, а оставляетъ ее себѣ, Ядвигѣ, дѣтямъ и *Коронѣ Польской*²⁾. Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ³⁾, что обѣщаніе это, по всей вѣроятности, было выдано Ягелломъ по настоянію польской шляхты, опасавшейся возможности вторичнаго отчужденія Черв. Руси. И Ягелло, какъ и Лудовигъ, стоялъ во главѣ двухъ государствъ, претендовавшихъ на Гал. Русь, и онъ, какъ и Лудовигъ, больше симпатизировалъ родинѣ, чѣмъ новопріобрѣтенной Коронѣ.

Наше предыдущее изложеніе имѣло цѣлью доказать, что до конца XIV ст. Черв. Русь находилась въ особенныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: она не была ея составною частью, провинціей польскаго государства, а личной собственностью сначала Казимира, потомъ Лудовика, и оба государя считали себя поэтому вправѣ распоряжаться ею по произволу, помимо представителей польской шляхты.

¹⁾ Подробности см. у Matijów, Der poln. ungr. Streit.

²⁾ Akta gr. II, 17. Promittimus et spondemus quod districtum ac terram nec non civitatem nostram Lemburgensem nulli ducum aut cuiquam hominum dabimus aut quomodolibet conferemus, sed eundem districtum ac civitatem Lemburgensem pro nobis ac inclita domina Hedvige, Regina Poloniae, consorte nostra carissima, nec non liberis nostris et *Corona Regni nostri Poloniae* tenebimus, habebimus et habere volumus temporibus perpetuis et in evum (отъ 30 сент. 1388 г.). То же повторено еще яснѣе въ актѣ 1 окт. 1389 г.: dictam civitatem nostram Lemburgensem ipsiusque cives et incolas Corone Regni nostri Poloniae unimus, aggregamus perpetuis temporibus adiungentes, eandemque civitatem Lemburgensem et ipsius cives et incolas sub proteccionem nostram et Corona Regni nostra predicti volumus iugiter respirare (Acta gr. III, № 50). Фактическій переходъ Черв. Руси къ Польшѣ не прекратилъ правда претензій Венгріи къ наслѣдію Романовичей; но эти претензіи выражались лишь на почвѣ дипломатической и mutuo consensu заглохли около середины XV в. (см. подробности у Matijów, Der poln. ungr. Streit).

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 7.

Только что указаннымъ фактомъ, равно какъ и особенными условіями Черв. Руси, какъ новозавоеванной страны, объясняются особенности ея внутреннихъ распорядковъ въ продолженіе второй половины XIV. ст. и первыхъ десятилѣтій XV.

1435 г. считаютъ обыкновенно за эпоху введенія польскаго права въ Черв. Русь и окончательное (юридическое) превращеніе русской области въ польскую провинцію. Мнѣніе это не совсѣмъ справедливо.

Съ одной стороны, польское право начало растрянаться въ Черв. Русь еще съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества, съ другой— и послѣ 1435 г. оно не стало здѣсь единственнымъ дѣйствующимъ правомъ. На самомъ дѣлѣ 1435 годомъ обозначается только введеніе въ Черв. Русь администраціи и судопроизводства на польскій ладъ, такъ какъ до этого времени эти обѣ сферы управленія имѣли въ Черв. Руси значительныя отличія отъ установившихся въ Польшѣ порядковъ. 1435 г. не былъ въ то же время эпохою прекращенія жизнедѣятельности всѣхъ другихъ правъ, кромѣ польскаго: онѣ (въ томъ числѣ и русское) продолжаютъ жить и дѣйствовать еще долго спустя послѣ 1435 г.

Дѣло въ томъ, что польское право, *jus Polonicum*, и послѣ 1435 г. распространялось въ Черв. Руси только на тѣхъ, *кто ему подлежалъ*, а не на всѣхъ обитателей древняго Галицко-Владимірскаго княжества. Но и до 1435 г. въ Черв. Руси было не мало лицъ, состоявшихъ *in jure Polonia*, какъ и послѣ 1435 г. въ ней оставалось не мало субъектовъ на другомъ правѣ. 1435 г. распространилъ право польское лишь на одни высшіе классы Черв. Руси, при чемъ это распространеніе имѣло для нихъ характеръ давно желанной привилегіи. Остальные классы туземцевъ, равно какъ и разнообразныя инородцы, заселившіе Черв. Русь, и послѣ 1435 г. жили по своимъ старымъ правамъ и на основаніи старыхъ своихъ обычаевъ отвѣчали передъ администраціей и судомъ, сформированными на польскій ладъ.

Фактъ этотъ (доказательствомъ которому будетъ служить все наше изслѣдованіе) тѣмъ важенъ для насъ, что, благодаря ему, сохранились обломки стародавнихъ обычаевъ какъ древнерусскаго, такъ и нѣкоторыхъ другихъ правъ, имѣвшихъ въ XIV—XV в. еще жизненную дѣятельность. Съ 1435 г. кругъ лицъ, не подлежащихъ польскому праву, только сузился, но далеко не исчезъ.

Обратимся теперь къ очерку внѣшняго устройства Черв. Руси въ переходную отъ русскихъ къ польскимъ порядкамъ эпоху. Потсараемся, насколько возможно отгѣнить отличительныя черты

управленія Черв. Руси въ этотъ періодъ, отношеніе этого временного устройства къ старой русской системѣ управленія и господствовавшимъ въ чисто-польскихъ областяхъ порядкамъ въ администраціи и управленіи.

Система управленія въ Гал. Руси княжескаго періода известна намъ весьма плохо. Мы знаемъ то огромное значеніе, какое имѣло боярство въ Гал. Руси — *de facto* не только въ эпохи междукняжія или малолѣтства князей, но и при взрослыхъ князьяхъ, судьбы Черв. Руси находились въ рукахъ всемогущаго боярства. Какъ велико было значеніе боярства въ Гал. Руси видно напр. изъ того факта, что мятежный бояринъ Судиславъ, бѣжавшій къ Уграмъ, принятъ съ честью Мстиславомъ и получаетъ отъ него въ управленіе Звенигородъ¹⁾.

Какъ и въ остальной Руси, боярство составляло въ Гал. Руси думу при князѣ; юридическаго значенія такая дума конечно не имѣла, но фактическое значеніе ея было громадно — оно опиралось на солидарности интересовъ всего боярства. Въ самомъ боярствѣ различаемъ въ XIII ст. два слоя — бояре (величии и рядовое боярство, хотя юридической разницы между обоими слоями незамѣтно. Ни Роману, ни Данилу не удалось вполнѣ сломить силу боярства. Не мало тяжелыхъ минутъ и личныхъ оскорбленій пережилъ Данилъ отъ боярства; какъ кажется, независимѣе Данила въ отношеніи боярства находился Василько и его сынъ Владиміръ на Воляни. Мало довѣряя боярству, послѣдній въ разныхъ приговорахъ предпочитаетъ пользоваться въ качествѣ пословъ лицами духовнаго сословія²⁾). Передъ смертью онъ передаетъ землю Волинскую Мстиславу Даниловичу, при царяхъ и при его рядьцахъ³⁾, не спрашивая согласія бояръ.

Однако боярство съ его стремленіями не исчезло и въ волинской землѣ, его сдерживала лишь сила и популярность Владиміра Васильковича — быть можетъ на защиту отъ боярскаго произвола указываетъ плачь владимірцевъ по Владиміръ: „добро бы ны, господине с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ башеть отъ всѣхъ обидъ⁴⁾). Но уже Мстиславу пришлось опять считаться съ бояр-

¹⁾ Ив. 493. Лучшая характеристика галицкаго боярства у Н. П. Дацкевича, Данилъ, король галицій.

²⁾ Ив. 592, 593, 600, 611.

³⁾ Ив. 591.

⁴⁾ Ив. 605.

ствомъ — онъ еще при жизни Владимира заводитъ съ ними сношенія и старается расположить ихъ въ свою пользу¹⁾.

Съ конца XIII в. до времени Юрія-Болеслава значеніе боярѣ еще болѣе растетъ. Грамота Андрея издана *ex Consilio baronum ac nobilium postrogum*²⁾. Замѣтимъ, что съ середины XIII ст. мѣстное галицкое боярство усиливается приливомъ новой струи — служилыхъ князей, лишившихся почему-либо своихъ удѣловъ. Положеніе ихъ мало отличалось отъ положенія остальныхъ боярѣ, галицко-володимирскій князь называется по отношенію къ нимъ господиномъ³⁾, они служатъ у него воеводами, намѣстниками⁴⁾.

При Юрїѣ Болеславѣ мы находимъ при князѣ уже нѣчто въ родѣ сената на польскій или угорскій ладъ, съ несомнѣннымъ ограничительнымъ въ отношеніи княжеской власти характеромъ. Разсматривая составъ этого боярскаго совѣта, мы видимъ, что онъ существеннымъ образомъ отличается отъ состава русской боярскаго думы — послѣднюю составляли всѣ нашедшіеся при князѣ бояре, въ составѣ совѣта Юрія находятся лишь воеводы главнѣйшихъ городовъ, надворный княжескій судья и епископъ. Съ ихъ согласія издаются важнѣйшіе акты. Повидимому, Юрїѣ-Болеславѣ въ послѣдніе годы правленія затѣялъ рядъ реформъ въ Гал. Руси, и реформа боярскаго думы находится въ связи съ реформой всего управления на польскій ладъ.

Въ XIII ст. мы находимъ въ главнѣйшихъ галицко-русскихъ городахъ въ качествѣ намѣстниковъ князя тысяцкихъ⁵⁾, въ нѣкоторыхъ воеводъ и тиуновъ⁶⁾. Подъ тысяцкимъ были сотс-

¹⁾ Ib. 592. Тогда же повѣдаша: «братъ (Мстиславъ) ти даеть городъ Всеволожь богромъ и села роздаваетъ». Мстиславъ чувствовалъ, что ему придется вступить въ борьбу за наслѣдство Владимира Васильковича съ другими претендентами на это наслѣдіе и искалъ заранѣе содѣйствія боярѣ. Другими претендентами были Левъ и его сынъ Юрїѣ, начавшіе интриговать противъ Мстислава еще при жизни Владимира. Немедленно по смерти Владимира Юрїѣ, заранѣе согласившись съ Берестянами завладеетъ ихъ городъ (Ип. 610—13).

²⁾ Supplementum ad hist. Russiae Monum. № 38.

³⁾ Ип. 584.

⁴⁾ Василько, князь Вословимскій. Ип. 583—4; Юрїѣ, князь Поросскій, ib. 612; Даниль Острожскій.

⁵⁾ Въ Черемшлѣ, Галичѣ. Занявъ Кіевъ, Даниль «сдасть Кневь в рудѣ Дмитрови обдержати противу иноплеменныхъ языкъ, безбожныхъ татаровъ». (Ип. 521). Этотъ Дмитръ носилъ званіе тысяцкаго (ib. 523). О тысяцкихъ въ Гал. Руси см. Ип. 490, 491, 493, 494, 499, 508, 509, 511, 527, 545, 572.

⁶⁾ Ип. 514. Даниль раздаетъ города боярамъ и воеводамъ «и бѣаше корма у нихъ много». Воевода Холмскій Ип. 583. Брестскій воевода 586. Впрочемъ въ послѣднихъ нѣсколькихъ случаяхъ не можемъ сказать, были ли указанные воеводы вмѣстѣ и прави-

кіе¹⁾. При князѣ дворскій, печатникъ, дворскіе слуги, между которыми важнѣйшую роль играли дѣти боярскія²⁾.

Тысяцкіе и воеводы имѣли повидимому кромѣ административной и военную власть въ городахъ, такъ какъ мы находимъ ихъ часто во главѣ мѣстныхъ полковъ. Въ пользу тѣхъ правителей шли кажутся извѣстныя дани съ населенія³⁾.

Вотъ все, что мы можемъ, на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, сказать о системѣ управленія въ Гал. Руси до Юрія⁴⁾.

Мы не знаемъ въ точности характера отношеній правителей городовъ къ великому князю, но повидимому Юрію онъ казался слишкомъ самостоятельнымъ, и онъ думалъ замѣнить старыхъ русскихъ тысяцкихъ и воеводъ такими безусловно зависимыми отъ князя правителями, какіе были назначаемы въ Польшѣ въ началѣ XIV в. Такіе правители съ названіемъ *Palatinus* являются въ главнѣйшихъ городахъ Галицко-Владимірскаго кня-

телями городовъ. Въ Дрогичинѣ упоминается держатель града. Ип. 524. Но держатель названіе общее — и Давида галичанине называютъ держателемъ (= правитель: Ип. 517, яко се есть держатель нашъ, Богомъ даний). Тіуць упоминается въ Возмглі, Ип. 555. Взъмгліяні же солгаша Шварномъ, поемше тивува не вѣдаа ему тивунти. Тіуць шмавинскій Ип. 486.

¹⁾ Ип. 509 соцкій Миколо. Соцкихъ находимъ впоследствии и при польскомъ владѣствѣ (львовскій 1386 и 1400, Головацкій, Пам. диплом. свом. № 7, 20. Те-ребовскій ib. № 7, Подъ 1381 г. упоминается Баграмъ, писарь львовскій (Przegląd Archeolog. 1882, I, p. 73), б. м. одно лицо съ Баграмомъ, львовскимъ сотникомъ. Соцкій львовскій Юшко въ напечатанномъ нами актѣ Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, приложение.

²⁾ Дворскій Ип. 527, 529, 530, 533—4, 539, 545, 550, 551—3. Печатникъ Ип. 526. Дворные слуги 584 (дворный слуга, любимый сынъ боярскій Михайловичъ, именемъ Рахъ), 604. Роль дворскаго опредѣлить трудно, но едва ли можно согласиться съ В. И. Сергѣевичемъ (Русск. Юрид. Древн. р. 393), что это только новое наименованіе для домовыхъ ключниковъ. Дворскій играетъ видную роль, участвуетъ въ походахъ, гдѣ командуетъ цѣлыми отрядами. Думаемъ, что это министръ двора, *comes palatii*. Роль печатника установить также трудно. Въ лѣтописи онъ появляется только одинъ разъ въ качествѣ слѣдователя по злоупотребленіямъ бояръ (Курилова же сущо печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Давидомъ княземъ и Василкомъ исписати грабительство нечестивыхъ бояръ, утиши землю. Ип. 526.

³⁾ Ип. 514.

⁴⁾ Прибавимъ еще то, что сельское населеніе повидимому было раздѣлено на сотни, какъ видно изъ Ип. 613, и повинности накладываются на сотню огуломъ. Что повинности состояли главнымъ образомъ въ дани натурой, видно изъ Ип. 521. Давидъ же и Василко вѣдаста ему ходити по землѣ своей, и даста ему шведиць много, и меду, и говядь, и овецъ доволѣ. Упоминается еще — поборъ и татарщина, дань (Ип. 595). Изъ спеціальныхъ повинностей — ловчее (Ип. 613). Изъ косвенныхъ налоговъ — мыто (595).

жества: Белзъ, Перемышль, Львовъ, Луцкъ¹⁾. На новое значеніе такихъ правителей указываетъ и то, что на мѣстѣ ихъ видимъ только однихъ иностранцевъ, а не представителей мѣстнаго боярства, и что любопытно, нѣсколько чеховъ (судя по фамиліямъ, напр. Ходоръ Отекъ) — а какъ извѣстно, новая организація мѣстнаго управленія пришла въ Польшу изъ Чехіи²⁾.

Юрій же задумалъ и реформу городского управленія, сдѣлавъ первыя попытки введенія въ русскія города нѣмецкаго права. Отъ его времени впрочемъ сохранилась только грамота Саноку на нѣм. право³⁾.

Съ переходомъ Черв. Руси подъ власть Польши въ системѣ ея управленія опять начинаются видоизмѣненія. Время до 1435 г., обозначаемое въ актахъ, какъ *tempus iuris Ruthenicalis*, характеризуется въ этомъ отношеніи двумя относительными чертами: 1) стремленіемъ къ централизаціи, 2) сосуществованіемъ нѣкоторыхъ старыхъ русскихъ порядковъ съ новыми польскими, 3) неоднократной перемѣной въ системѣ управленія, что впрочемъ понятно при тѣхъ перипетіяхъ, которыя испытывала Черв. Русь во вторую половину XIV в.

Во главѣ центрального управленія въ Черв. Руси при Казимирѣ стоитъ староста (*Capitaneus terrae Russiae generalis*⁴⁾. Кромѣ генеральнаго старосты всей Руси въ эпоху Казимира

¹⁾ Грамота 1335 г. у А. В. Лонгинова, Грамоты малор. кн. Юрія II, р. 41.

²⁾ Въ Польшѣ они появляются въ эпоху кратковременнаго господства чешскаго короля Вацлава. О значеніи новой власти говорятъ Бобржинскій сгѣд: *Starostowie ci od króla zupełnie zależni i poleceniom jego ślepo posłuszni, stanowili teraz najsiłniejszą, nigdy niezawodzącą podporę rządów królewskich, i byli największą rękomią jedności państwa. Въ ихъ рукахъ была власть административная, судебная и военная; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ подъ ними была буркграбин, въ городахъ поѣтовыхъ, а сами старосты называли себя королевскими наместниками (Dz. polski I, ed. II, p. 210). См. еще Caro, *Gesch. Polens*, II, p. 5.*

³⁾ Напечатано у Ренпеля, *Ueber die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten poln. Reichs, ostwärts der Weichsel, Breslaw 1857.* Войтъ нѣмецкій упоминается во Львовѣ еще въ эпоху Льва (Akta gr. II, № 1, 1352 г., *que bona discreto viro Bertholdo olim advocato Lemburgensi, avo ipsorum per magnit. principem felicis recordacionis dictum Leonem Ducem Russie pro suis fidelibus servi, cum donata dinoscuntur.* Впрочемъ это могъ быть войтъ только одной нѣмецкой общины во Львовѣ.

⁴⁾ Первымъ старостой Руси былъ Авраамъ heres in Baranow. (Akta gr. II № 1). Съ 1359—1371, Отто Пилецкій (ib. № 2), Головацкій, Пам. диплом. свож. № 4. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, наша статья, приложение № 3. Akta gr. VIII, № 8, 5.

находимъ старосту только въ Санокѣ¹⁾. Въ остальныхъ городахъ Черв. Руси при Казимирѣ упоминаются только воеводы²⁾.

При Владиславѣ Опольскомъ во главѣ центрального управленія стоитъ точно такъ же староста, въ городахъ сначала воеводы³⁾, затѣмъ каштеляны — въ Белзѣ, Ярославѣ, Галичѣ, Любачевѣ и Львовѣ⁴⁾, но въ Перемышлѣ и Санокѣ старосты⁵⁾.

При Лудовикѣ воеводы опять возстановляются. Ихъ находимъ въ Любачевѣ, Галичѣ, Городкѣ⁶⁾, но во Львовѣ каштелянъ⁷⁾, въ Белзѣ староста⁸⁾. Намѣстникомъ короля попрежнему староста всея Руси⁹⁾.

Со времени окончательнаго водворенія Польши въ Гал. Руси (съ 1387 г.) число старостъ растетъ. Такъ въ концѣ XIV в. и началѣ XV в. находимъ старостъ галицкихъ и снытинскихъ, самборскихъ, жидачевскихъ, саноцкихъ, перемышльскихъ, теробовльскихъ¹⁰⁾. Во то же время увеличивается и количество воеводъ. Ихъ находимъ при старостахъ въ главныхъ городахъ: Львовѣ, Галичѣ, Санокѣ и часто даже въ довольно незначительныхъ городкахъ¹¹⁾.

Замѣна воеводъ сначала каштелянами (при Опольскомъ), а затѣмъ старостами, не есть только замѣна одного названія другимъ.

¹⁾ Akta gr. VIII, № 1.

²⁾ Въ Перемышлѣ Цяборъ, Akta gr. VIII, № 3, въ Жидачевѣ (Cod. dipl. Min. Pol. I, № 255, Петръ Ивановичъ). Во Львовѣ при старостѣ — воевода (Головацкій № 4, Павъ Блотшескій, Ж. М. Н. Пр. 1891 № 7, прил. 3. Въ Санокѣ при старостѣ буркграфій, А. г. III, № 9, VIII, 1. 1359 г. Саноцкая область называется еще каштеляніей (А. г. III, № 9).

³⁾ А. г. III, 21 Palatinus Gumpert въ Перемышлѣ. Язловецкій воевода упоминается А. г. V, № 15.

⁴⁾ А. г. III, 23, II, 6, II, 7, 8, V, 8. Въ Жидачевѣ подъ 1374 г. упоминается буркграфій.

⁵⁾ А. g. grodzkie II, 5, V, 11, VIII, 9, 11, IX 1.

⁶⁾ А. г. II, 11.

⁷⁾ Ib.

⁸⁾ Ib.

⁹⁾ А. г. II, 11, 13, III, 31, 33, VI, 1.

¹⁰⁾ Галицкіе 1398 — Головацкій 13, 1401 ib. 24, 30, 31. Самборскихъ старостъ встрѣчаемъ лишь въ 1-й четверти XV в. Голов. № 33 (1422 г.), А. г. IV, V и VI. Жидачевскаго 1424 (Голов. № 36, 39, 40). Теробовльскаго 1408, Prochaska Mat. Arch. № 19. Особенное положеніе занималъ Спытко Мелштинскій въ Самборѣ въ концѣ XIV в. Онъ и именуется себя dominus et haeres districtus Samboriensis, а русскихъ князей своими предшественниками. (Marc. Turkawski, Sпытко z Melsztyna, wojew. Krak. Lwów 1876, p. 27).

Въ Ярославѣ староста 1425 г.

¹¹⁾ Akta gr. XI предисловіе.

Въ первую эпоху польскаго господства положеніе Черв. Руси, какъ области новозавоеванной, требовало значительной централизаціи власти, поэтому-то и власть червонорусскихъ старостъ была еще значительнѣе власти старостъ польскихъ. Червонорусскіе старосты при Казимирѣ повидимому имѣли власть административную, судебную и военную. Въ санюцкой судебной книгѣ находимъ замѣчаніе, что *tempore iuris Ruthenicalis erat moris inscripciones facere coram capitaneis pro causis quibuscumque*¹⁾. Можно предположить, что и воеводы вначалѣ обладали значительными прерогативами, почему Опольскій и старался замѣстить ихъ каштелянами, болѣе, чѣмъ воеводы, зависимыми отъ старостъ.

Со времени Ягелла, съ увеличеніемъ числа старостъ, начинается въ Гал. Руси эпоха децентрализаціи, такъ какъ каждый староста желалъ быть вполне независимымъ въ своей области, считая себя въ ней намѣстникомъ короля. Но съ введеніемъ польскаго права, т.-е. администраціи и судопроизводства на польскій ладъ, падаетъ и значеніе самихъ старостъ, т. к. значительная часть ихъ судебной компетенціи отошла къ суду земскому и шляхетскимъ собраніямъ (*colloquia, wiesce*).

Власть воеводъ падаетъ съ увеличеніемъ числа старостъ. Въ эпоху Казимира воеводы стоятъ во главѣ отдѣльныхъ земель. Въ концѣ XIV в. воеводъ находимъ уже подъ старостами или въ менѣе значительныхъ городахъ. Воевода при старостѣ играетъ роль его намѣстника, а кое-гдѣ спускается и до положенія простаго буркграбія²⁾. Подъ начальствомъ воеводъ еще до начала XV ст. удержались старые русскіе сотскіе, бывшіе въ эпоху княжескую подъ тысяцкими³⁾.

Вопросъ о раздѣленіи Черв. Руси въ административномъ отношеніи представляетъ пока еще много неяснаго.

Съ 1435 г. Черв. Русь дѣлится на 4 административныхъ округа (*terrae*, — Льв., Гал., Перем., Сан.); каждый округъ, въ свою очередь, повидимому, дѣлится на болѣе мелкія административныя

¹⁾ А. гр. XI, р. 189.

²⁾ Akta гр. XI предисловіе пр. Лиске. Въ Жидачевѣ при князѣ Теодорѣ Любартовичѣ воевода играетъ роль его намѣстника и въ его отсутствіе творитъ судъ вмѣстѣ съ княжескимъ судьей и ассесорами. А. гр. III, р. 166.

³⁾ Hube, Wyrok Lwowski г. 1421, Warszawa 1888, Liske, Kilka uwag o sądownictwie czerwonoruskiem Kwart, Hist. 1888 г., III. Разборъ обонхъ мѣстн. см. въ нашей статьѣ, Крит. обзор. новѣйшей литературы по исторіи Гал. Руси, Журн. Мин. Нар. Пр. 1891 г. № 7. См. также рецензію на Akta grodzkie проф. Бальзера, Kwart. Histor. 1890 г., III.

части (*territorium, ambitus*, см. предисловіе Лиске къ А. гр. XI—XV). До 35 г., повидимому, административное дѣленіе было иное — число равноправныхъ въ административномъ отношеніи округовъ было значительно болѣе, чѣмъ послѣ 35 г. Мы уже указывали на частую смѣну въ XIV в. старостъ то каштелянами, то воеводами. Въ этомъ фактѣ, какъ кажется, можно видѣть симптомы борьбы двухъ системъ — правительственной централизованной и шляхетской децентрализованной: представитель каждаго, даже мелкаго, административнаго округа стремился къ самостоятельной роли, хотѣлъ быть полнымъ господиномъ и судьей въ своемъ округѣ. Этимъ соображеніемъ, думаемъ, мы возможно примирить разногласіе между проф. Лиске и проф. Балзеромъ относительно указаннаго вопроса. Проф. Лиске насчитываетъ до 17 городовыхъ староствъ въ XIV—XV в., имѣвшихъ каждый свой особый судъ, съ судьей и возными. Проф. Балзеръ (*Kwart. Hist.* 1890, III, p. 554) думаетъ, что многія изъ указываемыхъ проф. Лиске староствъ были староствами *не* городовыми, простыми держаніями (*Tenuta*). Судъ такихъ державцевъ былъ просто обычнымъ патримоніальнымъ судомъ надъ мѣстнымъ населеніемъ, а не гродскимъ судомъ; если и шляхтичи иногда обращались въ подобные суды, то большею частью только по дѣламъ съ населеніемъ, подвѣдомственнымъ державцѣ.

Въ правильности нашей мысли убѣждаетъ и замѣтка въ Саноцкой судебной книгѣ, что до 35 г. на судѣ старостами рѣшались всевозможныя дѣла, т.-е. какъ тѣ, которыя остались позже въ гродскомъ судѣ, такъ и тѣ, которыя перешли въ судъ земскій (А. гр. XI, p. 189). Такое безпорядочное судопроизводство прекратилось лишь постепенно послѣ реформы 35 г., когда учреждены были 4 земскихъ суда. Замѣтимъ еще, что число самостоятельныхъ административныхъ округовъ XIV в., подчиненныхъ всѣхъ вмѣстѣ генеральному старостѣ, по всей вѣроятности соотвѣтствовало мало намъ извѣстному административному дѣленію русскаго періода въ Червоной Руси. Повидимому, правительство, вручая значительную компетенцію каждому отдѣльному начальнику округа, непосредственно подчиненному генеральному старостѣ, думало достигнуть помощью такого порядка централизаціи власти. Однако стремленіе такихъ окружныхъ начальниковъ эмансипироваться отъ подчиненія генеральному старостѣ заставляло замѣнять однихъ урядниковъ другими, пока съ учрежденіемъ 4 земствъ въ Черв. Руси здѣсь вводится правильная децентрализація, признанная закономъ.

Вопросъ о компетенціи старостъ и воеводъ явился *objectum litis* между извѣстнымъ польскимъ ученымъ Ром. Губе и изда- телемъ червоно-русскихъ актовъ, проф. Лиске¹⁾. Губе утверждалъ, что воеводы стояли во главѣ мѣстнаго управленія и имѣли юрисдикцію по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (хотя лишь второстепеннымъ). Проф. Лиске отрицаетъ самостоятельное су- дебное значеніе воеводъ и утверждаетъ, что воевода председа- тельствовалъ на судѣ только въ отсутствіе старосты, при чемъ рѣшеніе воеводы могло итти еще на усмотрѣніе старосты. Мы уже указывали выше на тѣ перипетіи, которыя пережила долж- ность воеводъ — изъ самостоятельныхъ правителей отдѣльныхъ областей они съ теченіемъ времени перешли въ роль подчи- ненныхъ старостамъ чиновниковъ; мы думаемъ поэтому, что въ первую эпоху польскаго владычества, воеводы, имѣя значеніе, подобное позднѣйшимъ городовымъ старостамъ, имѣли и само- стоятельную судебную власть. Съ утвержденіемъ старостъ поль- скаго образца, воеводы теряютъ во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣ- довательно и въ судебномъ, свою компетенцію.

Не легкимъ является и рѣшеніе вопроса объ отношеніи власти генеральнаго старосты къ власти воеводъ и позднѣйшихъ гро- довыхъ старостъ. Думаемъ однако, что въ первую эпоху поль- скаго владычества правители отдѣльныхъ округовъ находились въ значительной зависимости отъ генеральнаго старосты, какъ единственнаго королевскаго намѣстника на Руси. Возможно, что власть генеральныхъ старостъ распространялась на урядни- ковъ отдѣльныхъ повѣтовъ не только въ административномъ, но и въ судебномъ отношеніи — судъ генеральнаго старосты могъ быть первой апелляціонной инстанціей для суда правителей окружныхъ. Съ введеніемъ администраціи на польскій ладъ городовые старосты, какъ кажется, стремились во всѣхъ отно- шеніяхъ эмансипироваться отъ власти генеральнаго старосты, считая себя равносильными ему королевскими намѣстниками въ своихъ округахъ.

До появленія въ Черв. Руси судоустройства на польскій ладъ судебная компетенція старостъ была весьма значительна. До 1435 г. судъ старостъ совмѣщалъ въ себѣ компетенціи двухъ разрядовъ позднѣйшихъ судовъ—городскаго и земскаго. Судъ ста- ростъ однако не былъ судомъ единоличнымъ, но коллегіальнымъ: въ составъ его входили ассессоры изъ шляхты и нѣкоторые чи-

¹⁾ Лиске въ указанной выше статьѣ.

новники (но послѣдніе, какъ кажется, случайно — въ качествѣ шляхтичей). Предсѣдателемъ суда былъ староста, а не судья, какъ въ Польшѣ; роль судьи состояла лишь въ формулировкѣ рѣшенія. Иногда староста обходился и безъ судьи¹⁾. Суду старосты подлежали какъ дѣла гражданскія, такъ и дѣла уголовныя (въ первомъ отношеніи также *causae hereditariae*, т.-е. споры о земельномъ владѣніи, передачѣ имущества и т. д.). Какого права держался судъ при постановленіи рѣшенія? Судебныя книги XIV—XV в. даютъ намъ на это вполне опредѣленный отвѣтъ: того права, которому подлежалъ отвѣтчикъ. Поэтому-то поляки отвѣчали по праву польскому, русскіе — русскому, армяне — армянскому и т. под. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ очень часто при судѣ надъ иностранцами представителей разныхъ національностей (армянъ, жидовъ, валаховъ) въ качествѣ ассессоровъ старосты — въ такихъ смѣсныхъ судахъ староста является предсѣдателемъ суда, слѣдящимъ за правильностью судебного процесса, но рѣшеніе постановляется по приговору соплеменниковъ обвиняемаго и на основаніи того національнаго права, въ которомъ жилъ отвѣтчикъ. Такъ какъ главная масса населенія Черв. Руси принадлежала національности русской, то въ XIV и началѣ XV в. мы и встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ существованія дьяковъ и судей русскаго происхожденія при польскихъ старостахъ²⁾.

Съ 1435 г. въ Черв. Русь вводится судоустройство на польскій ладъ. Суды подраздѣляются на городскіе и земскіе. Во главѣ суда городскаго стоитъ староста, которому приданъ еще особый городскій судья (*judex castri*). Въ отсутствіе старосты мѣсто предсѣдателя на этомъ судѣ занимаетъ воевода.

Земскій судъ является въ качествѣ учрежденія самостоятельнаго, независимаго отъ старосты — во главѣ его стоитъ судья и подсудокъ, — ассессорами состоятъ земляне, наконецъ съ этого времени вводятся въ Черв. Руси и вѣчевые суды, *colloquia*

¹⁾ Liske, Kwart. Hist, 1888, III.

²⁾ Костко Болестратичкій дьякъ и писарь старосты, поповичъ по происхожденіи, вѣдѣствіи черемшльскій судья, Akta gr. VIII, № 3, 5, Головацкій, № 11, Prochaska, Mat. archiw. № 19. Подробнѣе въ нашей статьѣ, Крит. обзор. Журн. Мин. Нар. Пр. 1891, № 7, р. 162, прим. 1 и 163, пр. 2. Нѣсколько постановленій суда по р. праву см. *ibidem*, р. 166. Дьяки по мѣстамъ продолжали существовать и въ XVI в., XVII в. см. Registr. Złoczunców grodu Sanockiego 1554—1638 гг. Lwow. 1891, № 119, 121.

generalia, общіе сѣзды шляхты. Эти сѣзды разбираютъ важнѣйшія дѣла, по отношенію къ рѣшеніямъ земскихъ судовъ играютъ роль апелляціонныхъ инстанцій.

Termini particulares собирались по отдѣльнымъ землямъ каждыя четыре недѣли; colloquia generalia, или вѣча, четыре раза въ годъ въ каждомъ изъ червоно-русскихъ земствъ¹⁾.

Шляхетскія вѣча имѣли значеніе апелляціонныхъ инстанцій по отношенію къ гродскимъ и земскимъ судамъ, а также по отношенію къ termini particulares (усиленный составъ обыкновенныхъ земскихъ судовъ).

Гродскому суду осталась юрисдикція надъ подвѣдомственнымъ замку населеніемъ и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (articuli castrenses) судъ надъ шляхтичами и ихъ крестьянами. Всѣ же дѣла, не подходившія подъ articuli castrenses, разбирались на земскихъ судахъ. Но и компетенція земскихъ судовъ была ограничена въ дѣлахъ гражданскихъ извѣстнымъ предѣломъ суммы иска (до 30 гривенъ), а также извѣстными разрядами дѣлъ. Такъ, по опредѣленію перваго же вѣча въ Перемышлѣ въ 1437 г.²⁾, земскіе суды не имѣли права совершать актовъ о resignatio bonorum hereditariumum (отчужденіе наследственнаго имущества); закладныя и вѣновыя записи могли совершаться въ земскихъ судахъ.

Дѣла, разбиравшіяся на вѣчахъ, были самаго разнообразнаго характера — суду вѣча подлежали какъ дѣла гражданскія, такъ и дѣла уголовныя и разрѣшеніе всевозможныхъ процессуальныхъ вопросовъ. Протоколы вѣчевыхъ постановленій записывались въ особыя книги (liber colloquialis, liber terrestris colloquialis), обломки которыхъ сохранились въ нѣкоторыхъ судебныхъ книгахъ³⁾.

Кромѣ судебныхъ рѣшеній, вѣча издавали и общія постанов-

¹⁾ Akta gr. XI, p. 95, гдѣ обозначены сроки этихъ вѣчъ. Colloquia generalia называются иногда въ актахъ *wielkie poroczki* (A. gr. XII, p. 342) termini generales (ibid.), conventio magna dominorum, alias *wyecz* (A. gr. XII, p. 2), iudicium magnum (ibid. p. 351). Хотя colloquia generalia и были опредѣлены для Черв. Руси реформой 1435 г., но не во всѣхъ земствахъ они стали тотчасъ правильно собираться: такъ первое вѣче въ Санокской землѣ собирается только въ 1437 г. (A. gr. XI, p. 123, XIII, p. 45. Кажется и въ Перемышлѣ только съ этого года появляются вѣча (ibidem). cf. p. 588. Но cf. XI, p. 104, гдѣ указано colloquium generale въ Санокѣ въ 1436 г.

²⁾ A. gr. XIII, p. 594.

³⁾ A. gr. XIII, p. 588 sq.

ленія законодательнаго характера, имѣвшія впрочемъ силу только въ предѣлахъ даннаго земства¹⁾.

Въ вѣчахъ участвовали всѣ высшіе чиновники (*dignitarii majores*) данной земли и неопредѣленное число мѣстныхъ шляхтичей. Для постановленій вѣча, вѣроятно, по общему правилу для всѣхъ шляхетскихъ собраній въ Польшѣ, требовалось единогласіе. Продолжительность собранія зависѣла, по всей вѣроятности, отъ количества дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію.

Повидимому вскорѣ послѣ введенія польскаго права въ Черв. Русь вся червонно-русская шляхта стала собираться и на общіе сеймики, первое упоминаніе о которыхъ встрѣчаемъ подь 1437 г.¹⁾ Сеймикъ этотъ называется въ латинскихъ актахъ то *convencio*, то *convencio generalis*, то *convencio generalis terrestris*, то прямо сеймомъ²⁾.

Сеймики эти собираются почти ежегодно³⁾ и продолжаются по нѣскольکو дней⁴⁾. Определеннаго срока для созыва сеймиковъ, кажется, не было, хотя извѣстные намъ сеймики собирались преимущественно весной и лѣтомъ (апрѣль, май, іюль, августъ⁵⁾). Первые сеймики собирались въ Мосцискѣ (*convencio in Mosciska*) до 1448, но въ 1444 и 1446 г. мы находимъ ихъ въ Вишнѣ⁷⁾, а послѣ 1448 г. уже постоянно въ этомъ городѣ⁸⁾.

1) Такихъ общихъ постановленій сохранилось нѣсколько въ судебныхъ книгахъ Черв. Руси. Сводъ ихъ сдѣлавъ проф. Балзеромъ въ *Kwart. Hist.* 1891, № II, p. 366.

Постановленія такіа носятъ названіе *laudum*., *statutum*, *uchwala*. Въ изданныхъ до сихъ поръ актахъ находимъ слѣд. общія постановленія вѣчъ: Галацкаго — о преслѣдованіи преступниковъ (*A. gr.* XII, p. 425), выходѣ крестьянъ, торговлѣ въ городахъ (*ib.*), военной службѣ валашскихъ общинъ (*ib.* p. 128), о продолжительности засѣданій *termini partit.* (*ib.* p. 291). Савоцкаго — о пр. конфискаціи имущества преступниковъ крестьянъ, и т. под.

2) *Akta gr.* XIII, p. 27.

3) *A. gr.* XIV, p. 42 *secundum convencionem, alias Seymu Moszczycziensem statutum.*

4) Въ судебныхъ книгахъ мы отмѣтили ихъ подь 1437, 1439, 1440, 1441, 1442, 1443, 1444, 1446, 1447, 1448, 1457, 1459, 1463, 1467, см. *Akta gr.* XI—XV.

5) Сеймикъ 1441 г. 4 дня — съ 21—24 мая, *A. gr.* XIV, p. 502.

6) *A. gr.* XI—XV *passim.*

7) *A. gr.* XIV, p. 138 и 244.

8) Въ одномъ актѣ встрѣчаемъ указаніе, что подобныя сеймики собирались даже *in loco campestri*, *A. gr.* XV, p. 17, *causam ad primam convencionem, que primum hic in terra Russie fuerit, si in Wysznya, bene, si vero non fuerit in Wysznya, sed in loco campestri, ipse recepit ad consulendum dominos, qui in convencione fuerint.*

Проф. Balzer (*Kwart. Hist.* 1890, III, p. 553) неправильно утверждаетъ, что Вишенскій сеймикъ существовалъ одновременно съ сеймикомъ въ Мосцискѣ. Въ промежуткѣ 1437—48 г. упоминается лишь два раза сеймикъ въ Вишнѣ, именно въ тѣ года, когда нѣтъ свѣдѣній о сеймикѣ въ Мосцискѣ (1444 и 1446).

Встрѣчаемъ еще извѣстiе о *convencio* во Львовѣ¹⁾, но, быть можетъ, названiе *convencio* употреблено писцомъ вмѣсто *colloquium*, такъ какъ срокъ для этихъ *convenciones* совпадаетъ съ срокомъ обыкновеннаго второго Львовскаго *colloquium*'а (около 9 мая).

Что касается *convencio generalis* въ Гродкѣ, 1442 г., то, быть можетъ, это былъ какой-нибудь специальный съѣздъ назначенныхъ королемъ *judices deputati*, на что указываетъ и составъ этого *convencio* (краковскiй каштелянъ, львовскiй каштелянъ, львовскiй подсудокъ, князь Гольшанскiй); это собранiе должно было разобрать дѣло снятинскаго старосты съ Альбертомъ Жаковѣцкимъ²⁾. Такой же частный характеръ могло имѣть и *convencio* въ Кроснѣ 14 г.³⁾ Рѣшаемъ утверждать это на томъ основанiи, что срокъ для этого собранiя былъ назначенъ львовскимъ старостой, между тѣмъ какъ сроки для сеймиковъ назначались королемъ⁴⁾.

Наконецъ всего одинъ разъ упоминается общiй сеймикъ для Краковскаго и Сандомирскаго воеводства и Черв. Руси въ 1443 г.⁵⁾ Составъ присутствовавшихъ на червоно-русскихъ сеймикахъ опредѣляется изъ одного сеймиковаго постановленiя, записаннаго въ львовскiя судебныя книги⁶⁾: здѣсь указаны — льв. архіепископъ, перемышльскiй и каменецкiй епископы, львовскiе староста и каштелянъ, каменецкiй каштелянъ, и прочiе *dignitarii et officiales ac terrigenae Leopolienses, terrarum Russiae et Podoliae terrigenae*⁷⁾.

Точно опредѣлить вопросы, разбиравшiеся на сеймикахъ, трудно. Полные протоколы сеймиковыхъ постановленiй XV вѣка до насъ не дошли. Въ судебныя книги занесены лишь тѣ изъ сеймиковыхъ постановленiй, которыя касались подлежа-

¹⁾ А. г. XIV, р. 65, 82, 88.

²⁾ Состоялось ли *convencio* въ Гродкѣ 1458 г. (А. г. XIV, р. 506), мы не знаемъ, но оно могло имѣть такой же частный характеръ.

³⁾ А. г. XIV, р. 93.

⁴⁾ А. г. XI, р. 172. Но конечно, помимо ободнарныхъ сеймиковъ, экстраординарные могли собираться по требованiю короля или шляхты въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, cf. Prochaska, *Konfederacya lwowska 1464 г.* Kwart. Hist, 1892, IV.

⁵⁾ А. г. XIV, р. 85 *convencio, ubi terre Cracovienses, Sandomirienses et Russie convencionaliter conveniant, alias Seymasya.*

⁶⁾ А. г. XIV, р. 502.

⁷⁾ Такъ въ заголовкѣ протокола, въ текстѣ его перечислены еще львовскiе судья и подсудокъ, перемышльскiй судья, львовскiй коморникъ, перемышльскiй мечникъ. Въ виду того, что на сеймикахъ рѣшались главнымъ образомъ дѣла судебныя, нужно думать, что въ этихъ собранiяхъ обязательно присутствовали члены мѣстныхъ судовъ.

щей земли. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ примѣръ, находящійся въ книгахъ Львовскаго земскаго суда подъ 1441 г.¹⁾ На основаніи заголовка (*Convencio generalis terrestris dominica Rogac. et tribus diebus sequentibus est in Mosciska celebrata per rever in Cho Patr. D. Joh. Dei gr. Arch. Leop....*) можно бы принять эту запись за полный протоколъ всего сеймика, но изъ дальнѣйшаго оказывается, что составитель судебной книги занесъ въ нее только постановленія, касающіяся одной Львовской земли (рѣшенія спорныхъ дѣлъ разныхъ лицъ), постановленія только одного *второго дня* собранія (*fer ves. Convencionis predictae*)²⁾.

Замѣчательно, что мы знаемъ лишь одно общее постановленіе сеймика, касающееся всей Черв. Руси — это постановленіе Вишенскаго сеймика 1453 г., что шляхтичъ, обвиненный кметомъ въ воровствѣ, можетъ очиститься отъ этого обвиненія самоличною присягой³⁾. Въ большинствѣ случаевъ дошедшія до насъ постановленія сеймиковъ касаются разныхъ частныхъ дѣлъ, поднятыхъ въ первой инстанціи въ градскихъ и земскихъ судахъ.

Не можемъ также, на основаніи сохранившихся данныхъ, сказать что-нибудь опредѣленное объ отношеніи общихъ сеймиковъ къ *colloquia generalia* отдѣльныхъ земель, хотя весьма вѣроятно, что первые служили апелляціонной инстанціей по отношенію къ послѣднимъ, но, какъ кажется, дѣла съ градскихъ и земскихъ судовъ можно было вносить и прямо въ сеймики, минуя *colloquia generalia*, подобно тому, какъ въ Польшѣ XIV—XV в. всякое дѣло можно было представить на усмотрѣніе короля, который или приказывалъ его рассмотреть въ своемъ надворномъ судѣ, или назначалъ для его изслѣдованія особыхъ судей (*judices deputati*), или передавалъ въ обыкновенныя суды⁴⁾.

Всматриваясь въ представленную нами картину постепеннаго видоизмѣненія во внѣшнемъ строѣ управленія и судоустройства въ Черв. Руси, нельзя не замѣтить въ ней двухъ противоположныхъ теченій: правительство видимо стремится къ централизаціи власти въ Черв. Руси, имѣя при этомъ въ виду какъ обезпеченіе своей власти въ новозавоеванномъ краѣ, такъ и

¹⁾ А. гр. XIV, p. 502.

²⁾ Cf. А. гр. XIII, p. 557.

³⁾ А. гр. XIV, p. 370.

⁴⁾ Hube, Wyrok Lwowski 1421 r.

нѣкоторыя спеціальныя цѣли, о которыхъ ниже. Поэтому-то польскіе короли и стараются ввести въ Черв. Руси администрацію, отличную отъ польской, рядъ чиновниковъ, подчиненныхъ одинъ другому, а всѣхъ вмѣстѣ центральной власти генеральнаго старосты всей Руси, какъ непосредственнаго королевскаго намѣстника. Однако правительству не удается провести своихъ намѣреній, вслѣдствіе противодѣйствія какъ со стороны польской шляхты, такъ и со стороны мѣстныхъ, имъ же назначенныхъ чиновниковъ.

Особенности вводимаго въ Черв. Русь административнаго строя приходились очень не по вкусу какъ всей польской шляхтѣ, такъ и въ частности той ея части, которая переселилась на жительство въ Черв. Русь. Польская шляхта никакъ не можетъ примириться съ мыслью видѣть въ Черв. Руси только королевскую собственность; она требовала включенія ея въ составъ собственности государственной и, какъ мы видѣли, добилась этого признанія въ первые же годы правленія Ягелла. Переселившаяся въ Черв. Русь польская шляхта точно такъ же стремилась къ уравниенію своихъ правъ съ правами родовитой польской шляхты, а это могло наступить только съ введеніемъ администраціи и судоустройства на польскій ладъ. Наконецъ мѣстная администрація тяготилась своимъ подчиненнымъ положеніемъ и въ свою очередь стремилась къ болѣе самостоятельной роли. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ тенденцій и состоялась реформа 1435 г.

Высказаннымъ нами предположеніемъ о причинахъ реформы 1435 г. какъ бы противорѣчить показаніе одного источника. Подъ 1434 г. Длугошъ, рассказывая объ уравниеніи червонорусской шляхты въ правахъ съ шляхтою польской, прибавляетъ, что такимъ уравниеніемъ были недовольны польскіе магнаты, такъ какъ Ягелло, не успѣвшій привести эту реформу къ концу, не думалъ будто бы давать червонорусской шляхтѣ такихъ значительныхъ привилегій. Ягелло, предполагая облегчить положеніе червонорусской шляхты, хотѣлъ однако сохранить за нею нѣкоторыя повинности, какъ военную службу безъ вознагражденія изъ королевской казны, поправку укрѣпленій землянскими людьми и натуральную дань съ cadaго лана шляхетскихъ владѣній. Между тѣмъ Владиславъ освободилъ шляхту Черв. Руси отъ всѣхъ этихъ повинностей, создавъ ей такое положеніе, котораго польская шляхта добилась лишь послѣ столь долгихъ трудовъ на пользу отечества¹⁾.

¹⁾ Длугошъ, ad. a. 1434, ed. Przewdziecki, t. XIII, p. 548.

Недовольство польской шляхты могло, какъ мы думаемъ, происходить отъ другихъ причинъ, чѣмъ приводимыя Длугошемъ.

Недовольна могла быть польская шляхта дарованіемъ значительныхъ льготъ шляхтѣ русской, послѣ реформы 1435 г. получившей полныя шляхетскія права, какими до этого времени пользовались только отдѣльные русскія земьяне за особыя услуги польскому правительству, такъ какъ, въ этомъ актѣ польская шляхта могла видѣть *caritatio benevolentiae* червонорусской шляхты для какихъ-либо сокрытыхъ королевскихъ намѣреній — недовѣріе къ королю, вѣчныя подозрѣнія какихъ-либо мѣропріятій съ его стороны во вредъ шляхетскимъ прерогативамъ проходить черезъ всю исторію Польши.

Если особенныя отношенія, въ которыхъ до 1435 г. червонорусская шляхта находилась къ королю, могли беспокоить польскихъ магнатовъ, то теперь въ нравственныхъ результатахъ реформы — благодарности за значительныя дарованныя королемъ привилегіи, шляхта могла видѣть нежелательныя для нея симптомы сближенія короля съ червонорусскими земьянами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію условій земельных пожалованій въ Черв. Руси съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества, попытаемся очертить постепенно измѣнявшіяся условія этого пожалованія и затѣмъ перейдемъ къ изученію судьбы собственно *русскихъ* земьянъ, потомковъ древняго галицко-русскаго боярства подъ новымъ владычествомъ.

Съ переходомъ Червонной Руси подъ власть Польши русское государственное право уступило здѣсь мѣсто государственному праву польскому. Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ¹⁾ на существенныя черты отличія государственнаго права обоихъ государствъ: верховнымъ владѣльцемъ всей территоріи государства былъ въ Польшѣ *de jure* король. *De facto* однако онъ давно уже потерялъ это право, уступивъ высшему сословію одну за другой составныя части этого права. Польскій шляхтичъ XIV в. владѣлъ землею не только безусловно (*jure hereditario*), но имѣлъ въ своемъ земельномъ участкѣ даже *jura ducalia*. Онъ имѣлъ право полного распоряженія своимъ земельнымъ имуществомъ, владѣлъ имъ *jure hereditario*, могъ его отчуждать всѣми способами: завѣщать, дарить, заложить, продать. Внутри владѣнія

¹⁾ Журн. Мян. Народн. Просв., 1891 г., № 6.

отъ полный господинъ, и не только самой территоріи земли, но и ея населенія — послѣднее подчинено его доминантной власти и только черезъ его посредство входитъ въ сношенія съ государствомъ. Населеніе шляхетскаго имѣнія точно заслонено его владѣльцемъ отъ государства: только ничтожная подать въ пользу государства и появленіе на судѣ по иску третьихъ лицъ (и то только въ извѣстныхъ случаяхъ) служили слабымъ воспоминаемъ давнишнихъ правъ государства на населеніе его территорій.

Воинская повинность, отбываемая шляхтичемъ, составляла не столько его обязанности, сколько его право (Статутъ Великопольскій выражается такъ: *quia in agmata militia honor et defensio totius regni defendet...*) тѣмъ болѣе, что вопросъ о необходимости военнаго ополченія рѣшался самой шляхтой.

Кромѣ личнаго отправленія военной повинности землевладѣльцы-шляхтичи должны были поставлять извѣстное число вооруженныхъ людей со своихъ помѣстій; условія отбыванія воинской повинности въ древней Польшѣ намъ очень плохо извѣстны; при отсутствіи точнаго измѣренія величины земельныхъ участковъ, сомнительно, чтобы число воиновъ соотвѣтствовало числу единицъ мѣры земли; скорѣе въ расчетъ бралось количество населенія земельныхъ участковъ; древнѣйшая подать — подымное или поральное — могла дать основанія для такого исчисленія. Съ введеніемъ нѣмецкаго права и раздѣленіемъ земли на правильно отмѣренныя единицы (ланы) военная служба могла раскладываться по этимъ земельнымъ мѣрамъ, къ которымъ съ тѣхъ поръ стали уже приурочивать и всѣ повинности и платежи ¹⁾.

¹⁾ *Smolka*, въ соч. *Mieszko stary i jego wiek*, p. 430, предполагаетъ, что военную службу отправляли всѣ (?). Всѣ обязаны были являться въ городъ, а каштелянъ уже отбиралъ изъ нихъ, сколько было нужно. S. строитъ это предположеніе на актѣ привилегій станяецкаго монастыря, населеніе котораго въ 1270 г. было освобождено отъ воинской повинности, но тѣмъ не менѣе монастырь долженъ былъ со всѣхъ своихъ имѣній поставить 17 вооруженныхъ людей. Если это, говоритъ S., значило освобожденіе отъ военной службы, то слѣдовательно нормальнымъ положеніемъ была служба всѣхъ.

Выводъ такой едвали можно признать правильнымъ.

Мы знаемъ, какъ велики были имѣнія монастырскія; количество 17 вооруженныхъ для обширныхъ земель дѣйствительно могло равняться почти полному освобожденію отъ военной службы. Но и самое выраженіе *expeditio* растяжимо: возможно, что оно здѣсь понимается въ смыслѣ *expeditio generalis*, *pospolitego ruszenia*, когда вся шляхта должна была идти поголовно безъ отговорокъ, всеобщее ополченіе въ случаѣ общей опасности (ср. *Cod. diplom. Min. Pol. I, № 60, 1262 актъ освобожденія*

Если принять еще въ расчетъ, что значительная часть земельных имуществъ Польши сосредоточивалась въ рукахъ духовенства которое очень часто въ числѣ другихъ льготъ получало и освобожденіе отъ воинской повинности; далѣе, что король, благодаря плохому состоянію своихъ финансовъ, не могъ ни содержать, ни нанимать значительнаго войска, то этимъ всѣмъ легко объясняется та зависимость отъ шляхты, въ которую попали польскіе короли.

Отсутствіе постояннаго войска лишало королей всякой возможности приводить въ исполненіе задуманныя ими законодательныя мѣры и преслѣдовать какія-либо внѣшнія политическія цѣли, помимо согласія шляхты. Статутъ Казимира прямо говорить, что походы за границы государства не лежали на обязанности шляхты, а зависѣли исключительно отъ ея доброй воли. Приходилось поэтому королямъ заняться изысканіемъ средствъ къ увеличенію своей боевой силы съ наименьшими затратами.

Въ завоевательный періодъ польской исторіи шляхта составляла княжескую дружину, жила при дворѣ князя и получала отъ него содержаніе. Когда дружина осѣла, завоевательная дѣятельность сократилась, вознагражденіе за боевыя заслуги деньгами и цѣнными подарками при слабомъ состояніи княжеской казны стало затруднительнымъ. Князья и короли стали вознаграждать шляхту пожалованіемъ земельных участковъ, освобождая ихъ притомъ отъ разныхъ повинностей. Но раздача земель шляхтѣ не увеличивала боевой силы короля. Шляхтичъ получаетъ новый участокъ на тѣхъ же правахъ, на которыхъ владѣлъ своимъ участкомъ, т.-е. *jure hereditario*. Изъ-за новополученной земли онъ не вступаетъ въ какія-либо новыя условія по отношенію къ королю, не становится его личнымъ вассаломъ, обязаннымъ по первому требованію выступать во всякій походъ съ своимъ сюзереномъ. Онъ попрежнему обязанъ участвовать только въ войнахъ оборонительныхъ, на защиту государства. Участіе его въ военныхъ предпріятіяхъ за предѣлами государ-

ниѣннй цистеріанскаго монастыря въ Копривницѣ ab expedicione aliqua et pogon, *excepto duntaxat cum exercitus aliquis terram nostram invaserit intraveritque occupando*. Ibid. № 104. Въ Вислицк. статутѣ это высказано очень ясно: *declaramus eciam et decernimus, quod barones et nobiles nostri terre Polonie nobis et successoribus nostris in terra et regno Polonie servire in armis, sicut melius poterunt, teneantur, sed extra metas regni non tenentur servire nobis, nisi ipsis competens satisfactio per nos impendatur aut per nos fuerint petiti et rogati*. Это же условіе повторено и въ договорѣ шляхты съ наследникомъ Казимира, Лудовикомъ Угорскимъ.

ства зависить исключительно отъ его личнаго желанія или общаго согласія всей шляхты.

Правда, не одни шляхтичи шли на войну; и остальные классы общества обязаны были поставлять опредѣленное количество вооруженныхъ людей, первоначально, повидимому, по первому требованію князя (порядокъ исправленія воинской повинности низшихъ классовъ намъ неизвѣстенъ, хотя весьма вѣроятно раскладка и воинской, какъ и другихъ повинностей, по древнимъ территориальнымъ единицамъ, каковы были *ополья*). Съ переходомъ значительнаго количества территоріи и массы низшаго населенія къ шляхтѣ и духовенству, и въ военной повинности низшихъ классовъ общества должно было произойти существенное измѣненіе, тѣмъ болѣе что старая связь общинъ (*ороле*) была теперь нарушена (въ актахъ XIII в. мы постоянно встрѣчаемъ въ числѣ другихъ льготъ землямъ шляхтичей и духовенства освобожденіе ихъ отъ *ороле*). Населеніе владѣльческихъ земель освобождается отъ разныхъ повинностей и въ томъ числѣ и отъ обязанности выступать въ походъ по первому требованію князя: привилегія шляхты участвовать обязательно только въ оборонительныхъ войнахъ распространяется и на подвластное ей населеніе¹⁾.

Въ XIV в. дѣлаются, повидимому, попытки, хотя и довольно робкія, произвести и реформу въ военномъ дѣлѣ. Основная мысль новой реформы, какъ кажется, состояла въ стремленіи перевести военную повинность на землю. Статутъ Казимира выражается однако еще очень неопредѣленно: шляхтичи кромѣ личной военной службы обязаны поставлять еще извѣстное число вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ и доходности своихъ участковъ. Отъ XIV и XV в. не сохранились „пописы“ военной повинности, поэтому очень трудно сказать, что-нибудь о критеріумѣ, принятомъ для исчисленія числа воиновъ, обязательно поставляемыхъ шляхтою съ своихъ имѣній. Раскладка воинской повинности происходила, вѣроятно, на собраніяхъ шляхтичей (*colloquia, wiesce*).

Что въ основаніе раскладки бралось не количество населенія участка, а его величина, доказывается грамотами на нѣмецкомъ право. Каждый солтысъ (представитель общины на нѣмецкомъ

¹⁾ Въ числѣ *jura polonica*, общаго обозначенія для множества древне-польскихъ повинностей, нерѣдко находимъ въ актахъ *rogon* и *wojna*; освобожденіе отъ этихъ послѣднихъ повинностей не равнялось, однако, полному освобожденію отъ военной службы, такъ какъ при этомъ дѣлается нерѣдко оговорка объ обязательномъ участіи въ *expeditio generalis* въ случаѣ отпора вражескому нападенію извнѣ.

правѣ) обязанъ не только лично отбывать военную повинность, но и вооружать известное число воиновъ, смотря по величинѣ солтыства. Трудно и въ этомъ случаѣ сказать что-нибудь определенное объ отношеніи величины участка къ числу воиновъ, положеннаго на него, тѣмъ болѣе что доходность участка не зависѣла отъ его абсолютной величины. Вѣрнѣе всего, что это число стояло въ известной зависимости отъ доходности участка и опредѣлялось взаимнымъ соглашеніемъ владѣльца и его солтыса. Но такъ какъ грамоты на нѣмецкое право утверждались королямъ или старостой, то въ нихъ для насъ сохранились первыя точныя указанія на число вооруженныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой (и довольно значительной, т. к. съ XIV в. число поселеній на нѣмецкомъ правѣ растетъ съ неимоверною быстротою) части шляхетскихъ земель.

Устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ было тѣмъ выгодно для шляхтичей, что, помимо увеличенія доходовъ съ пустовавшихъ земельныхъ участковъ, давало возможность шляхтичу свалить на солтыса обязанность доставленія вооруженныхъ силъ или *conductus militaris* (военнаго обоза), слѣдуемыхъ съ его имѣнія (въ грамотахъ частныхъ лицъ на устройство въ ихъ имѣніяхъ поселеній на нѣмецкомъ правѣ нерѣдко военная обязанность солтыса является обязанностью по отношенію къ землевладѣльцу — *nobis sit astrictus* — отсюда ясно, что солтысъ принималъ на себя часть обязанностей шляхтича по отношенію къ государству. Само собой, однако, разумѣется, что солтысъ не могъ заступитъ *личной* военной повинности шляхтича, избавляя его только отъ труда самому заботиться о снаряженіи вооруженныхъ людей съ своихъ имѣній).

Для королей устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ имѣло особенно важное значеніе: солтысъ не есть собственникъ земли, а только ея пожизненный или наследственный арендаторъ, хотя отношенія солтыса къ землевладѣльцу гораздо сложнѣе, чѣмъ отношенія арендатора къ послѣднему. Солтысъ въ сущности вассалъ владѣльца, обязанный въ отношеніи его, кромѣ сдачи главной части доходовъ, еще и военной службой. Въ солтысъ король пріобрѣталъ новую и притомъ лично отъ него зависимую боевую силу и сохранялъ при томъ право собственности на землю, между тѣмъ какъ земля, отданная шляхтичу *jure hereditario*, ставилась полной собственностью послѣдняго.

Но конечно и зависимое положеніе солтысовъ не могло особенно исправить одного изъ главныхъ недостатковъ Польши —

отсутствіе постоянного войска. Едва ли въ интересахъ короля могла быть постоянная военная служба солтыса. Солтысы, набравшіеся изъ низшихъ классовъ свободныхъ людей, не были специалистами военного дѣла; военная служба разстраивала и хозяйство самого солтыса, и систему управленія, и доходность именія. Притомъ и солтысы, какъ и шляхтичи, конечно туго собирались въ походъ, и они, подобно первымъ, долго снаряжались и, вѣроятно, выходили только послѣ третьяго оповѣщенія.

Между тѣмъ экономическое положеніе шляхты уже въ XIV в. стало очень критическимъ. Огромное количество королевскихъ земель перешло къ церкви или отдано было заслуженнымъ шляхтичамъ. Путемъ завѣщанія и даровъ шляхетскія земли переходили къ духовенству. Въ то же время многіе шляхетскіе роды сильно разрослись, и земельные ихъ надѣлы до крайности раздробились. Такимъ образомъ на ряду съ крупными землевладѣльцами—королями, духовенствомъ и отдѣльными магнатами, скопившими разными путями огромныя *latifundia*, образовался значительный классъ или совѣтъ безземельной шляхты (голоты) или владѣвшей совершенно ничтожными клочками земли. Эта безземельная шляхта составляла самый безпокойный элементъ тогдашняго польскаго общества, слонялась по дворамъ магнатовъ, участвовала во всевозможныхъ набѣздахъ, представляя изъ себя чуть не разбойническія шайки. Если изъ среды такой голоты всегда легко было набрать охотниковъ для всякаго военного предпріятія, то зато эта нестройная толпа не подчинялась никакой дисциплинѣ, и прохожденіе черезъ польскія земли подобныхъ воиновъ оставляло слѣды, совершенно равносильные непріятельскому нашествію, на что указанія находимъ уже въ статутѣ Казимира.

Удовлетворить эту голодную толпу, дать ей средства къ существованію, привести ее къ порядку, составляло задачу весьма не легкую для современныхъ польскихъ королей.

Задача эта была на время разрѣшена неожиданнымъ и легкимъ приобрѣтеніемъ обширныхъ земель галицко-русскаго княжества.

Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ¹⁾, что Червоная Русь стала въ особыя отношенія къ королю. Онъ разсматриваетъ ее не какъ государственную собственность, даже не какъ кролевщину, а какъ свою личную собственность, свою вотчину; онъ именуется себя *dominus et haeres Russiae*, утверждая, что Русь

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 6.

перешла къ нему какъ законному наслѣднику послѣдн- скаго князя Юрія-Болеслава Тройденевича, и считаетъ себя въ правѣ распоряжаться ею по личному усмотрѣ- твѣхъ же основаніяхъ, на какихъ всякій haeres — собст- распорядился своимъ имуществомъ, т.-е. съ правомъ п- мѣны, залога, завѣщанія. Договоръ Казимира съ Людо- доказываетъ это яснѣ всего. Казимиръ на извѣстныхъ- вѣяхъ продаетъ Червоную Русь племяннику: если у- будутъ наслѣдники мужского рода, то Людовикъ упла- имъ значительную сумму и получаетъ Червоную Русь.

Если король съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ на новоп- тенную землю, то, естественно, онъ могъ раздавать- участки на какихъ угодно условіяхъ, не стѣсняясь госп- вавшими въ современной Польшѣ условіями шляхетскаго- владѣнія.

И дѣйствительно, стоить только бросить бѣглый взгля- земельныя наданія въ Червонной Руси и сравнить ихъ- мельными пожалованіями въ Польшѣ, чтобы увидать суще- ную разницу въ условіяхъ пожалованій обѣихъ земель.

Исслѣдованіе древнѣйшихъ земельныхъ пожалованій по- шляхтѣ приводитъ къ весьма интереснымъ результатамъ- можемъ, рассматривая такіа пожалованія въ хронологиче- порядкѣ, прослѣдить постепенный ростъ шляхетскихъ пр- гій и въ то же время, исходя изъ того соображенія, что- боженіе отъ извѣстныхъ повинностей доказываетъ ихъ- въ эпоху, предшествующую привилегіи, опредѣлить древне- повинности шляхты и степень ея зависимости отъ верх- власти.

Всѣ извѣстныя намъ древнѣйшія земельныя пожалованія- ской шляхтѣ даются *jure hereditario*. Jus hereditarium- чинное право, есть понятіе сложное, слагаемое изъ цѣлаго- иммунитетовъ и привилегій и въ свою очередь составля- часть (самую важную) права рыцарскаго (*jus militare*)¹⁾- нятіе *juris hereditarii* уже потому уже понятія *juris mil-* что на вотчинномъ правѣ (*jure hereditario*) земли жалуют- одной только шляхтѣ, а и другимъ, непривилегирован- классамъ. Въ болѣе общемъ смыслѣ *jus hereditarium* есть т- полное право собственности на свое имущество: право н-

¹⁾ *Piekosiński*, O dynastycznym szlachty polskiej pochodzeniu, pag. 207. dziedziczne (jus hereditarium) nie jest i nas w wiekach średnich niczem tylko częścią składową, i to najbardziej charakterystyczną prawa rycerskiego.

ванія и распорядженія. Но въ примѣненіи къ шляхтичу, пользовавшемуся полными рыцарскими правами, *jus hereditarium* приобрѣтаетъ новую окраску и значеніе, подобно дичку, облагоустроенному драгоцѣнной прививкой¹⁾.

Владѣющій земельной собственностью *jure hereditario* шляхтичъ (пользовавшійся правами рыцарскими, *plenum jus militare*) имѣлъ въ XIV в. слѣдующія права на свое владѣніе²⁾:

1) Право владѣнія, даренія, продажи, мѣны, вообще право распорядженія имуществомъ по своему усмотрѣнію.

2) Передачу своихъ правъ наслѣдникамъ по завѣщанію или закону.

Внутри имѣнія³⁾ — право полного распорядженія въ недвижимой части имѣнія и взысканія исключительно въ свою пользу всѣхъ ея доходовъ.

3) Полную патримоніальную власть надъ населеніемъ своего участка; владѣльческое населеніе освобождено отъ суда всѣхъ княжескихъ чиновниковъ и подчинено исключительно суду *dominus*'а. Послѣднему принадлежитъ какъ низшая, такъ и высшая юрисдикція надъ населеніемъ своего участка и взиманіе въ свою пользу всѣхъ виръ и штрафовъ съ преступниковъ изъ числа своихъ крестьянъ.

4) Освобожденіе отъ всѣхъ повинностей и податей. Это освобожденіе касается не только личности шляхтича, но и зависимаго отъ него населенія. Вся совокупность древнихъ повинностей носитъ общее названіе *juga rōlonicalia*. Населеніе шляхетскаго владѣнія или совершенно отъ нихъ освобождается, или повинности эти переносятся съ лица князя на лицо владѣльца.

Разумѣется, такое привилегированное положеніе шляхты явилось не вдругъ, а путемъ долгаго процесса, отдѣльными привилегіями и иммунитетами. Въ древнѣйшихъ пожалованіяхъ шляхтѣ (къ сожалѣнію, самыя раннія изъ извѣстныхъ намъ земельныхъ пожалованій не восходятъ раньше первой половины XIII в.) нѣтъ одной общей формулы привилегій; это все отдѣльныя грамоты на отдѣльные иммунитеты, различныя для каждаго пожалованія, хотя чѣмъ ближе къ XIV в., тѣмъ яснѣе тенденція обобщенія ихъ въ одну формулу, такъ что въ XIV в.

связи Реппель (Geschichte Polens I, 585, пр. 36) замѣтилъ, что въ понятіе *jus salu* земли вовсе не входятъ *implicite* всевозможные иммунитеты и привилегіи. Но въ таинки, I. с. R. *Hube*, Prawo polskie w XIV w. ную отъ Н. Пр., 1891 г., № 7.

пожалованіе шляхтичу *jure hereditario* въ Польшѣ уже за-
въ себѣ *implicite* всѣ тѣ привилегіи, которыя мы очертили:

Замѣчательно однако, что во всѣхъ пожалованіяхъ земельных имуществъ шляхтѣ нѣтъ упоминанія о военной повинности, какъ самого пожалованнаго шляхтича, такъ и населенія его участка. Личная военная служба потому въ пожалованіи не упоминается, что составляла главную обязанность шляхтича, связанную неразрывно съ его званіемъ. Болѣе страннымъ является отсутствіе указанія на военную повинность населенія пожалованнаго участка. Что шляхетскія имѣнія не были освобождены отъ военной повинности, это мы знаемъ уже изъ статута Казимира, говорящаго объ этомъ очень категорически, хотя и въ общихъ чертахъ.

Между тѣмъ огромная масса пожалованій въ Червоной Руси XIV в. и въ первой половинѣ XV в. происходитъ совершенно на иныхъ основаніяхъ. Въ то время какъ земельныя пожалованія шляхтѣ въ Польшѣ представляютъ собой односторонній актъ, въ которомъ идетъ только рѣчь о правахъ жалуемаго и совершенно умалчивается объ его обязанностяхъ, подавляющее большинство земельныхъ наданій въ Червоной Руси является актомъ двустороннимъ, содержащимъ какъ перечисленіе льготъ и преимуществъ жалуемому, такъ и обязанностей послѣдняго. Первая и главная обязанность его — военная повинность съ *пожалованнаго участка*, при чемъ способъ ея отбыванія всегда точно обозначенъ. Кромѣ личной военной службы шляхтичъ, получившій надѣлъ въ Червоной Руси, обязанъ на свой счетъ вооружать опредѣленное число воиновъ, точно обозначенное въ жалованной грамотѣ; и не только число вооруженныхъ людей, но и способъ ихъ вооруженія всегда предусмотрѣнъ въ актѣ пожалованія, причѣмъ иногда обозначено даже самое качество вооруженія. Пожалованный землею шляхтичъ обращается въ лично зависимаго отъ короля воина, обязаннаго выступать въ походъ *по первому его требованію* (*ad quamlibet expeditionem quocienscumque necesse fuerit, necesse et oportunum fuerit*); устанавливается такимъ образомъ настоящая *феодалъная* зависимость воина-шляхтича отъ короля. Король является феодаломъ, шляхтичъ-землевладѣлецъ — его вассаломъ.

Въ грамотахъ Казимира пожалованные въ Червоной Руси землею шляхтичи не называются еще вассалами: быть можетъ Казимиръ боялся употребить этотъ терминъ, въ Польшѣ необычный и шляхтѣ польской ненавистный. Онъ употребляетъ тѣ же юридическіе термины, къ которымъ привыкло польское шляхет-

ство, но, какъ видно изъ содержанія актовъ, въ совершенно иномъ, нежели въ грамотахъ польскихъ, значеніи. Шляхтичъ получаетъ и здѣсь землю, какъ и въ Польшѣ, *jure hereditario*, во всегда съ существенной оговоркой, которой нѣтъ въ польскихъ грамотахъ, что пожалованный обязанъ служить королю съ своего участка.

Другое важное отличіе надавій червонорусскихъ — *личное присутствіе получившаго участокъ шляхтича въ Червонной Руси*. Въ грамотахъ Казимира это опять не высказывается прямо, но вытекаетъ неминуемо изъ обязанности личной службы съ полученнаго участка. Такимъ образомъ червонорусскія грамоты Казимира представляютъ собой весьма ловкій юридическій изворотъ: съ внѣшней стороны онѣ походятъ на польскія грамоты, не содержа на первый взглядъ повидимому ничего такого, что бы могло оскорбить шляхтича въ его достоинствѣ: шляхтичъ получаетъ землю и здѣсь, какъ и въ Польшѣ, *jure hereditario*, патримоніальную власть надъ населеніемъ, съ котораго ему идутъ, какъ и въ Польшѣ, всѣ платы и повинности, личный иммунитетъ (судится только королемъ или его намѣстникомъ). Но въ сущности однако положеніе шляхтича въ Червонной Руси было, какъ мы видѣли, совершенно иное, чѣмъ въ Польшѣ; онъ является здѣсь не полноправнымъ шляхтичемъ, обязаннымъ только военной службой *ad rem publicam*, а вассаломъ короля, привязаннымъ къ своему участку, за который несетъ своему феодалу военную службу.

Въ грамотахъ Казимира нѣтъ упоминаній о согласіи короля на отчужденіе шляхтичемъ своего участка — земля дается *jure hereditario*, при чемъ владѣлецъ можетъ свой участокъ *tenere, possidere, utifruir, vendere, commutare, donare, obligare et in usus suos proprios suorumque successorum convertere prout sibi suisque legitimis successoribus melius et utilius videbitur expedire*. Между тѣмъ есть основаніе предполагать, что, несмотря на умолчаніе объ этомъ въ жалованныхъ грамотахъ, отчужденіе пожалованнаго участка могло происходить только съ согласіемъ пожаловавшаго.

Отношенія вассала къ сюзерену зиждутся на личномъ договорѣ и опредѣляются взаимными обязательствами, вытекающими изъ связующаго обонхъ звена, каковымъ является уступленная вассалу земля. Вассалъ можетъ порвать свои отношенія къ сюзерену, но въ такомъ случаѣ не сохраняетъ права на землю, полученную отъ послѣдняго. Раздавая свои земли шляхтичамъ, король

дѣйствуетъ не изъ какихъ-либо филантропическихъ чувствъ, не изъ горячаго желанія поддержать убогое дворянство, а преслѣдуетъ свои, вполне реальные интересы, *стремясь создать въ Червоной Руси необходимую ему боевую силу для сохраненія этой завоеванной области*, — предметъ вождѣвнй не одного сосѣда. А разъ земельная дача не есть подарокъ шляхтичу, а только эквивалентъ его боевой правоспособности, то и отчужденіе ея можетъ происходить только съ согласія короля.

Если новыя начала для шляхетскаго землевладѣнія проводились Казимиромъ, такъ сказать, подъ сурдинку, подъ прикрытіемъ внѣшнихъ формъ польскихъ порядковъ, то уже Владиславъ Опольскій, временно управляющій Червоною Русью въ короткое время венгерскаго господства совершенно ясно поставилъ въ этомъ отношеніи *les points sur les i*.

Мы уже указывали, что Опольскій получилъ отъ Людовика Червою Русь не въ управленіе, какъ доказываютъ одни, и не въ собственность, какъ другіе, а въ ленъ.

Человѣкъ Запада по своимъ симпатіямъ, хорошо знакомый съ нѣмецкими и венгерскими феодальными порядками, вѣрный слуга Людовика, не имѣвшій никакихъ общихъ съ польскою шляхтой интересовъ, а наоборотъ, по многимъ причинамъ, недружелюбно къ ней расположенный (за что и шляхта, въ свою очередь, отвѣчала ему острой враждой), опольскій князь, ставъ *haeres et dominus Russiae*, проводить въ Червоной Руси весьма систематично начало феодальнаго землевладѣнія, не стѣсняясь называть новыя порядки ихъ собственнымъ именемъ.

Почти всѣ извѣстныя намъ пожалованія Владислава въ Червоной Руси происходятъ *jure feodali* или *in feudum*. Условія феодальнаго владѣнія обозначены въ его грамотахъ очень опредѣленно: 1) получившій земельный участокъ шляхтичъ владѣть имъ наследственно (*hereditarie*) съ правомъ отчужденія, но лишь съ согласія сюзерена; 2) онъ обязывается вносить въ княжескую казну по 2 гроша съ cadaго дома, дворища (*fumo* или *curia*, разумѣется, крестьянскаго) или кмета своего лена¹⁾; 3) отбывать личную военную службу и поставлять опредѣленно обозначенное для cadaго жалуемаго участка число вооруженныхъ воиновъ, по первому требованію сюзерена (*ad quamlibet expeditionem, seu viam, quociensque in terra nostra Russiae necessa-*

1) Ср. постановленіе шляхты земли Сѣрадзкой: *nobiles* обязаны вносить въ княжескую казну по $\frac{1}{4}$ гроша съ кмета, а *milites vero pauperes, kmethones non habentes, per duos grossos dare debebunt*.

rium fuerit, secundum quod alii ejusdem terre barones serviunt); 4) вассаль обязывается личнымъ присутствіемъ на Руси, а если семейный, то — съ женой и дѣтьми. Получившихъ на такихъ основаніяхъ земельные участки, Опольскій прямо именуеъ своими *vassalibus* (jure et eadem libertate et consuetudine, qua *ceteri nostri vassalli bona ipsorum tenent*).

Обязанности сюзерена въ отношеніи вассала выражаются въ заботѣ о его матеріальномъ обезпеченіи (что достигается земельнымъ надѣломъ вассала), обѣщаніи вознагражденія за повесенные на войнѣ убытки и выкупъ вассала изъ плѣна¹⁾.

Если мы еще примемъ во вниманіе, что особое положеніе Червоной Руси, какъ страны новозавоеванной, вызвало и особенности въ ея управленіи, значительно отличномъ отъ управленія земель польскихъ, особенности, состоявшія въ значительной административной централизаціи, цѣломъ рядѣ правительственныхъ чиновниковъ, снабженныхъ широкими правами и обширной юрисдикціей, подъ которую подходили и такіе классы, которые въ Польшѣ пользовались уже полнымъ иммунитетомъ, не призывали никакой власти, кромѣ княжеской, наконецъ, что до второй четверти XIV в. здѣсь не было земскихъ судовъ для шляхты, а одинъ общій судъ королевскихъ намѣстниковъ для всѣхъ классовъ общества, то разница въ положеніи шляхтича червонорусскаго сравнительно съ шляхтичемъ въ Польшѣ окажется весьма значительной²⁾.

Какія же причины заставляли польскаго шляхтича подчиняться такимъ, по современнымъ шляхетскимъ понятіямъ унижительнымъ для шляхетскаго достоинства, условіямъ?

Жалованныхъ грамотъ шляхтичамъ на землю въ Червоной Руси сохранилось совсѣмъ ничтожное количество за время Казимира и Владислава Опольскаго (такихъ грамотъ Казимира мы знаемъ всего около десятка). Но уже по однимъ подписямъ свидѣтелей на этихъ грамотахъ является возможность увеличить число польскихъ шляхтичей, переселившихся въ Русь, въ нѣсколько десятковъ разъ. Не всѣ упомянутые въ грамотахъ шляхтичи основались, конечно, прочно въ Червоной Руси; одни могли выселиться въ другія области польскаго государства, а

¹⁾ Permittimus (? см. promittimus) quod si aliqua damna notabilia in nostro exercitu sub nostro banirio in equis interfectis perciperint, vel detenti seu captivati fuerint, talia omnia damna restituere et ab hujusmodi captivitate liberare absque ipsorum damnis (Akta gr. II, № 6).

²⁾ См. нашъ разборъ соч. R. Huber, Wyrok lwowski, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 7.

другіе умереть безпотомно; прослѣдить судьбу всѣхъ извѣстныхъ по древнѣйшимъ грамотамъ шляхтичей очень трудно еще потому, что обращеніе земельной собственности, мѣна, продажа, покупка, земельныхъ участковъ происходили въ XIV и XV в. необыкновенно часто, а у шляхты вошло въ обычай именоваться не по родовымъ прозвищамъ, а по названію принадлежащей имъ земельной собственности (Бенко de Kuchag получаетъ имѣніе Жабобруки и называется de Zabokruk); мы можемъ прослѣдить судьбу только нѣкоторыхъ родовъ, достигшихъ особенно важнаго значенія въ Червоной Руси, какъ Гербурты, Габданки, Одрованжи, Тарновскіе, Сѣнинскіе, Ходецкіе и др.¹⁾ Но и исторія этихъ родовъ доказываетъ намъ ясно, какимъ элементомъ заселилась Червоная Русь: переселившіеся сюда польскіе шляхтичи принадлежали къ родамъ, не игравшимъ въ Польшѣ никакой роли, шляхтѣ убогой, малоземельной или вовсе безземельной, искавшей на Руси поправленія своего критическаго положенія. Такая убогая шляхта, разумѣется, не могла особенно настаивать на своемъ шляхетскомъ гонорѣ и принимала на первое время съ благодарностью то, что ей давали, хотя бы и на условіяхъ, стѣснявшихъ шляхетскую вольность. Есть даже основанія предполагать, что многіе изъ надѣленныхъ въ Червоной Руси землею поляковъ принадлежали не къ разряду полныхъ шляхтичей (пользовавшихся *pleno jure militari*), а къ разряду *владыкъ*, полублагородныхъ, имѣвшихъ лишь *simplicem miliciam, mediam nobilitatem*. Владыки были лично свободны, могли отправлять низшія должности, владѣли наследственными участками (*hereditarie*), не заселенными крестьянами; за раны и убійство владыки платилась вира въ половину меньшая, чѣмъ за голову и раны шляхтича²⁾.

Для такихъ полусляхтичей земельный надѣлъ на Руси представлялъ двойную выгоду, ибо, кромѣ матеріальнаго обезпеченія они получали расширеніе своихъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду перейти въ разрядъ полныхъ шляхтичей.

Кромѣ польскихъ шляхтичей земельныя наданія въ Червоной Руси на такихъ же условіяхъ получаютъ многіе иностранные

¹⁾ О Гербуртахъ см. статью *Стадницкаго* въ *Przew. Nauk.* 1874 г. Биографія остальныхъ родовъ у *Шараневича*, *Rys wewnętrznych stosunkow Galicyi wschodniej w drugiej polowie XV w.*

²⁾ *R. Hube*, *Prawo polskie w XIV w.*, p. 32; *Piekosiński*, о *dynastycznym Szlachty polskiej pochodzeniu.*

выходцы — нѣмцы, чехи, венгры, валахи и русскіе — туземцы (о послѣднихъ рѣчь ниже). Для такихъ выходцевъ можно было, конечно, предписывать какія угодно условія, не стѣсняясь господствовавшими въ Польшѣ обычаями шляхетскаго землевладѣнія.

Раздача земель шляхтичамъ на условіяхъ исправленія военной службы не была единственнымъ источникомъ увеличенія боевой силы для польскихъ королей. Устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ и въ Червонной Руси давало королямъ обильный контингентъ военной силы. Условія раздачи земель на нѣмецкомъ правѣ настолько сходны съ условіями земельного наданія шляхтѣ, что Опольскій и эти наданія называетъ *jure feodali*. Солтысь получаетъ солтыство *jure hereditario*, обязывается, какъ и шляхтичъ, личной военной службой съ своего солтыства, а также снаряженіемъ извѣстнаго числа вооруженныхъ людей, обязанъ лично присутствовать въ Червонной Руси, вносить въ королевскую казну извѣстную плату съ своего солтыства. Согласно съ основными установленіями нѣмецкаго права солтысь освобождается отъ присуда княжескихъ чиновниковъ, подлежитъ только суду короля или его намѣстника и пользуется правомъ низшаго и высшаго суда надъ населеніемъ солтыства.

Но въ положеніи солтысы сравнительно съ положеніемъ шляхтича, даже получившаго землю на феодальномъ правѣ, все же есть значительная юридическая разница. Шляхтичъ получаетъ въ надѣль *землю*, недвижимое имущество, солтысь только *солтыство*, т. е. право на извѣстную часть доходовъ съ земли владѣльца. Солтысь имѣетъ право отчужденія своего солтыства, въ большинствѣ случаевъ съ согласія владѣльца, такъ какъ владѣлецъ долженъ быть увѣренъ, что покупатель солтыства способенъ исполнить лежащія на солтысѣ обязанности.

Солтысомъ можетъ быть всякій свободный человѣкъ: шляхтичъ, мѣщанинъ, кметъ (встрѣчаемъ даже случаи продажи солтыства еврею), солтысомъ можетъ быть и самъ землевладѣлецъ въ своемъ имѣніи, обязываясь однако исполнять всѣ солтыскія обязанности, въ томъ числѣ непременно личную военную службу съ солтыства.

Условія раздачи земель въ Червонной Руси нѣсколько измѣняются при Ягелло.

Ягелло, какъ избранный шляхтою король, не могъ держать себя такъ независимо, какъ Пясть-Казимиръ. Если стремленія Казимира считать Червонную Русь своей личной собственностью должны были возбуждать неудовольствіе и опасенія шляхты, то призваніе этой столь желанной для шляхты области личной ко-

ролевской собственностью могло при Ягелло повести къ весьма нежелательнымъ для Польши послѣдствіямъ: какъ литовскій князь, Ягелло могъ стать на сторону литовскихъ претензій на Червоную Русь, какъ онъ это сдѣлалъ относительно Волыни и Подолии, и присоединить ее къ литовскому государству. Такое присоединеніе должно было окончательно разбить всѣ шляхетскія вождельнія къ этой богатой странѣ: унія Польши съ Литвою была только личною, оба государства объединялись только въ лицѣ одного правителя, оставаясь чуждыми другъ другу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: полякъ по отношенію къ литовцу, и обратно, считался чужеземцемъ. Полякъ не могъ исполнять какихъ-либо должностей въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, не могъ получать тамъ земельныхъ надѣловъ. Съ присоединеніемъ Червоной Руси къ Литвѣ пришлось бы сказать прости навѣкъ (или по крайней мѣрѣ *вѣка*) богатымъ червонорусскимъ пажитямъ. Это-то опасеніе и было причиной, заставившей шляхту взять отъ Ягелла обѣщаніе, что онъ не отдастъ Червоную Русь никому изъ князей, а оставляетъ ее себѣ, Ядвигѣ, дѣтямъ и *коронѣ польской*¹⁾. Актъ этотъ не могъ быть вызванъ, какъ утверждаетъ Зубрицкій²⁾ и Шайноха, посольствомъ отъ города Львова, явившимся къ королю вслѣдствіе слуховъ, будто Ягелло намѣревался отдать Червоную Русь кому-то изъ князей, а горожане опасались, что удѣльный князь станетъ ихъ дожимать податями. Правленіе Владислава Опольскаго, сильно покровительствовавшаго червонорусскому мѣщанству, могло скорѣе склонить львовянъ въ пользу удѣльнаго князя, чѣмъ говорить противъ него. Мы думаемъ, повтому, что актъ Ягелло выдавъ имъ скорѣе *по настоянію польской шляхты* изъ-за указанныхъ

¹⁾ Promittimus et spondemus, quod districtum ac terram nec non civitatem nostram Lemburgensem nulli ducum aut cuiuspiam hominum dabimus, aut quomodo libet conferemus, sed eundem districtum ac civitatem Lemburgensem pro nobis ac inclita principe domina Hedvige, Regina Polonie, consorte nostra carissima, nec non liberis nostris et *Corona Regni nostri* Polonie tenebimus, habebimus et habere volumus temporibus perpetuis et in evum. 30 сент. 1388 (Акта гр. II, № 17). Это же лсаѣ подтверждено другимъ актомъ отъ 1 окт. 1389 г., изданномъ въ Львовѣ: dictam civitatem nostram Lemburgensem ipsiusque cives et incolas Corone Regni nostri Polonie unimus, aggregamus perpetuis temporibus adiungentes, eandemque civitatem Lemburgensem et ipsius cives et incolas sub protectione nostra et Corona Regni nostri predicti volumus jugiter respirare (Акта гр. III, № 50).

²⁾ Kronika Miasta Lwowa, p. 57. *Szajnoch*, Jadwiga i Jagiello, III p. 819. За ними то же повторяетъ *Вашиневичъ* (въ примѣчаніи къ изданію акта) и *Шараневичъ* (Ист. Гал. Волод. Руси, p. 295).

выше причинъ, и важнѣйшей частью акта мы считаемъ признание Червоной Руси принадлежностью польскаго государства, что лишило короля права располагать ею, какъ своей личной собственностью. Тенденція акта и вынужденный (во всякомъ случаѣ не по настоянію львовянъ) его характеръ ясно проглядываютъ въ обѣщаніи не отдавать Червоной Руси никому изъ князей.

Ягелло имѣлъ массу родственниковъ, владѣвшихъ удѣлами въ литовско-русскихъ областяхъ на вассальныхъ къ великому князю отношеніяхъ. Возможность отдачи и Червоной Руси какому-либо родственнику Ягелла на такихъ же основаніяхъ, обезпокоивала польскую шляхту, которая и вынудила у короля подобное обѣщаніе.

Такимъ образомъ Червоная Русь осталась при коронѣ польской и попрежнему убѣжищемъ для обѣднѣвшей польской шляхты. И Ягелло, какъ его предшественникъ, щедро раздаетъ земли полякамъ, но условія раздачи при немъ измѣняются. Разъ Червоная Русь перестала быть личной собственностью короля, а присоединена къ коронѣ польской, шляхта могла уже требовать примѣненія къ червонорусскимъ наданіямъ польскихъ порядковъ и уничтоженія тѣхъ основаній земельной раздачи, которыя считала унижительными для своего шляхетскаго достоинства. И дѣйствительно, съ Ягелла прекращается въ Червоной Руси раздача земли *jure feodali*, земля дается только *jure hereditario*, даже прежнія наданія на правѣ феодальномъ освобождаются отъ ленныхъ условій и переводятся на права вотчинныя (*jus hereditarium*)¹⁾. Изъ прежнихъ условій раздачи земли остается одно — военная служба точно опредѣленнымъ количествомъ воиновъ съ жалуетаго участка. Однако условія феодальнаго землевладѣнія не вовсе исчезаютъ въ Червоной Руси — они только территориально передвигаются далѣе на юго-востокъ въ крайніе предѣлы Червоной Руси и польскую часть Подолии, гдѣ потребность

¹⁾ Такъ въ 1386 г. Ягелло подтверждаетъ Бенку Жабокрудскому наданія Владислава Опольскаго, отмѣняя, однако, ленныя условія этихъ пожалованій: *omnia jura feodalia et consuetudines universos removens*; имѣнія переводятся въ *jus hereditarium*, но Бенко остается *circa omnia et singula jura Ruthenica in terra Russiae ab antiquis temporibus tenta et habita* (Лит. Метр. IV, В, 9, р. 90, об.).

1416 г. имѣнія Васьки Тентуковича въ Жыдачевской, Галицкой, Коломыйской и Святинской земляхъ освобождаются *ab omni jurisdictione feodali, constituimusque ipsam vel ipsos veros et legitimos heredes et possessores sepe dictarum villarum secundum ritum et consuetudinem aliorum terrigenarum nostre Corone Regni Poloniae* (Akta gr. V, № 30). Въ обоихъ случаяхъ остается, однако, военная служба съ пожалованныхъ имѣній.

вооруженной силы, вполнѣ зависимою отъ правительства, ощущалась особенно сильно вслѣдствіе необезпеченности края отъ нападенія татаръ и литовцевъ. Здѣсь, въ земляхъ Жидачевской, Теробовльской, Коломыйской и Подоліи раздача земли происходила на прежнихъ ленныхъ условіяхъ: личное присутствіе для защиты земли ставится непремѣннымъ условіемъ пожалованія въ этихъ областяхъ¹⁾. Заботы правительства колонизовать Подолію особенно усиливаются въ концѣ правленія Ягелла, когда началась серьезная борьба между Польшей и Литвою за эту область²⁾.

Съ Ягелла въ Червонной Руси появляется еще новая форма владѣнія землей, весьма употребительная и въ Польшѣ, — форма владѣнія по записи извѣстной суммы на имѣніи.

Форма записи свидѣтельствуеетъ какъ о печальномъ состояніи финансовъ польскаго правительства, такъ и о появленіи заботы экономизировать государственными землями.

Мы знаемъ; что по договорамъ со шляхтою король обязывался за всякій походъ внѣ границъ государства платить

¹⁾ 1399 г. Ягелло даетъ валаху Драгвию с. Чолханъ въ Жидачевской землѣ *jure feudali* (Лит. Метр. IV В. 9, р. 62). 1410 г. Иванъ Korzenya получаетъ имѣніе Korzewa и Lisky съ обязательствомъ служить на каждую потребу двумя конными стрѣльцами *udziedi tego bila niekatora pagla od naszych nieprziaciol na naszej ziemie Haliczka thedi ma sluga nass I. K. ssam swym ziwothem cziağnacъ ze wssitkiemu swoiemi liudzi, y ma sluga I. K. w tei ziemi Haliczkiej bicъ jako y uny nassi ziemianie* (актъ въ переводѣ съ русскаго на польскій, Лит. Метр. IV В, 9, р. 120)

²⁾ 1431 г. Грицко Кердейовичъ получаетъ имѣніе Mechowcze, Chrostkow, Nowyulow, Ostrow Теробовльской земли *jure feudali* (Лит. Метр. IV, В. 9, р. 337) 1431 г. Nobiles Николай и Янъ de Borissowcze, подоольскіе землѣяне (*terrigenae Podolienses*) за услуги *temporibus guerrarum in terra Podoliensi vigencium* получаютъ запись въ 40 грив. на им. Десково дворище Барскаго повѣта (*districtus Baroczensis*), *ita tamen, quod dicti fratres ibidem in terra Podolie residenciam faciant personalem.*

1433 г. Ягелло записываетъ Nob. Domaratho 50 грив. на имѣніи Шаравкѣ въ Смотрицкомъ повѣтѣ *hoc tamen adjuncto specialiter et expresso, quod in terris Podolie residenciam faciat personalem, ipsarumque defensionem toto posse intendat* (Акта гр. IV, № 81). 1433. Ивашкѣ Гвицковичу записывается 50 грив. на имѣніи Dziuacowicze Галицкой земли: *hoc etiam addito et expresso, quod idem Iwaschco terrigena Podolie in Podolia continuam faciat mansionem circa defensionem ejusdem terre.* На такихъ же условіяхъ въ томъ же году Николай Ральовскій получаетъ запись въ 40 гр. на имя Virzbena въ Латичевскомъ повѣтѣ Подоліи (*Prochaska, Mater. archiwalne, № 88 и 89*).

Огромное количество земель какъ въ Польшѣ, такъ и въ Черв. Руси были записаны и заложены шляхтѣ во время пребыванія Владислава Ягеллончика въ Венгрію. Другошъ подъ 1442 г. рассказываетъ, что новые владѣльцы изгоняли съ наследственныхъ участковъ старыхъ собственниковъ (русскихъ), и эти послѣдніе бѣжали къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападали на Русь.

шляхтичу по 5 гривенъ. Но и помимо этого, являлась часто необходимость вознагражденія разныхъ лицъ, заслуженныхъ передъ правительствомъ, отличившихся на войнѣ, удачно справившихъ (нерѣдко на своихъ издержкахъ) посольства, наконецъ просто выручившихъ правительство въ критическіе моменты денежнымъ займомъ и т. п. Между тѣмъ польское правительство страдало хроническимъ безденежьемъ и не имѣло возможности готовыми деньгами платить по своимъ обязательствамъ. Оставалось прибѣгать по прежнему къ старому источнику погашенія долговъ — раздачѣ обширныхъ еще государственныхъ земель. Однако правительство хорошо понимало, что съ истощеніемъ и этого источника оно очутится въ положеніи банкрота. При пожалованіи *jure hereditario* государственная земля отчуждалась въ полную собственность пожалованному, оставалась наследственно въ его родѣ. Раздача на ленныхъ правахъ не долго просуществовала, да и она точно такъ же лишала правительство права собственности на землю вассала, ибо онъ получалъ ее въ собственность съ правомъ передачи наследникамъ на условіяхъ отбыванія обычныхъ для вассала повинностей. Приходилось изыскать такой способъ пожалованія, при которомъ земля по истеченіи извѣстнаго времени возвращалась бы правительству, или по крайней мѣрѣ послѣднее сохраняло на нее право собственности и могло по истеченіи условій пожалованія вернуть ее обратно. Такими формами временнаго пользованія землей явились держаніе (*tenuta*) до воли или пожизненно или даже съ правомъ передачи наследникамъ на тѣхъ же условіяхъ, какими связанъ былъ первый ея *tenutarius*, и наконецъ форма *записи* извѣстной суммы на какомъ либо королевскомъ имѣніи.

Форма пожалованія земли по записи есть въ сущности закладная на имѣніе, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ современной закладной, что въ первой земля въ обезпеченіе записанной суммы переходитъ въ пользованіе получившаго запись. Давшій запись — должникъ, получившій ее заимодавецъ. Земля, въ рукахъ заимодавца является обезпеченіемъ долга, доходы съ нея играютъ роль процентовъ по закладной.

Желая вознаградить извѣстное лицо за какія-либо услуги, король оцѣниваетъ ихъ опредѣленной суммой и какъ бы признаетъ себя должникомъ такого лица въ этой суммѣ, которую и обезпечиваетъ на какомъ-либо изъ своихъ имѣній. Такой заимодавецъ пользуется землей до выплаты ему или его наследникамъ опредѣленной въ записи суммы. Совершенно такъ же обез-

печивается и реальный долгъ, заемъ правительства у частнаго лица.

Такова общая форма владѣнія (правильнѣе — пользованія) землей по записи. Но встрѣчаются и частныя отличія въ этомъ способѣ пожалованія. Напр., пожалованный пользуется землей пожизненно, а его наслѣдники только до выплаты записанной на имѣннїи суммы. Съ согласія короля полученное въ пользованіе по записи имѣніе можетъ быть передано другому лицу, уплатившему первому заимодавцу лежавшій на имѣннїи долгъ; въ такомъ случаѣ всѣ права перваго заимодавца переносятся на выплатившаго ему записанную сумму, и король становится въ той же суммѣ должникомъ втораго.

Въ актахъ записей на имѣннїя въ Червоной Руси обыкновенно нѣтъ упоминаній о какихъ-либо повинностяхъ ея временнаго владѣльца, нѣтъ даже упоминаній о военной службѣ, всегда выговоренной въ пожалованіяхъ *jure hereditario*. Но военная повинность и *residencia personalis* всегда обозначена въ актахъ записей на имѣннїя въ Подолиі.

Любопытной чертой въ исторіи записей являются весьма часто практиковавшіяся прибавки къ прежнимъ записямъ. Такія прибавки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ нашимъ вторымъ, третьимъ и т. д. закладнымъ. Желая вознаграждать за какія-либо новыя услуги лицо, уже пользующееся землей по записи, король къ прежней записи прибавляетъ новую. Эта финансовая операція представляется на первый взглядъ вовсе невыгодной для пожалованнаго; разъ запись равняется долгу, признанному правительствомъ, то прибавка къ записи какъ будто прямо убыточна для заимодавца — долгъ увеличился, а заимодавецъ пользуется тѣмъ же имѣніемъ, слѣдовательно съ увеличившагося долга получаетъ прежній процентъ (для правительства это точно особый видъ конверсіи долга). Хотя имѣніе, отданное въ пользованіе по записи, всегда превышало своею цѣнностью сумму записи (это видно ясно изъ того, что имѣннїя съ многими разновременными записями весьма часто продавались за общую сумму всѣхъ записей, и покупщикъ, конечно, еще не былъ въ накладѣ), и, съ другой стороны, цѣнность земли съ теченіемъ времени и по мѣрѣ привлеченія къ ней поселенцевъ, расширявшихъ ея обработку, а слѣдовательно и доходы, увеличивалась, однако этими обстоятельствами не можетъ объясняться прибавка къ записямъ тѣмъ болѣе, что такая прибавка часто дѣлалась по просьбѣ

самого пожалованнаго¹⁾), которому, казалось, была бы гораздо выгоднѣ запись на другомъ королевскомъ имѣніи. Существовать однако цѣлый рядъ причинъ, почему получившему въ пользованіе имѣніе было выгоднѣ соединеніе нѣсколькихъ записей на одномъ имѣніи, чѣмъ переводъ каждой на новое.

При тогдашнихъ условіяхъ земля сама по себѣ имѣла немного цѣнности: только заселенное несвободнымъ или платившимъ извѣстныя платы и повинности свободнымъ населеніемъ имѣніе представляло болѣе или менѣе значительную цѣнность. Поэтому только устроенный и хорошо колонизованный участокъ представлялъ реальную стоимость, земля же необработанная и незаселенная, пустошь — только проблематическую; требовались не малыя предварительныя хлопоты и издержки для полученія доходовъ съ имѣнія. Притомъ новые поселенцы получали обыкновенно *волю*, т.-е. освобожденіе отъ всякихъ платъ и повинностей на довольно значительный промежутокъ времени. Между тѣмъ, раздача заселенныхъ участковъ вовсе не была въ интересахъ правительства; послѣднее раздавало преимущественно пустоши, *loci deserta*, гдѣ еще предстояло завести поселеніе: на *defectus hominum in terra Russiae* постоянно жалуются польскіе короли и стараются всѣми средствами привлечь сюда колонистовъ, какъ изъ шляхтичей — силу боевую, такъ и изъ крестьянъ — силу рабочую.

Получивъ участокъ, созвавъ сюда населеніе, устроивъ солтыство, шляхтичъ или солтысъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ начиналъ наконецъ получать доходы съ своего участка, но оставался всегда подъ опасеніемъ возможности потерять его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и награду за свои труды и старанія. Правительство всегда имѣло право (если не было какихъ-либо особыхъ условій, напримѣръ, отдачи въ пожизненное поль-

¹⁾ Иногда въ промежуткахъ, столь близкихъ по времени, что вышеприведенныя соображенія, очевидно, не могли играть въ нихъ никакой роли.

Въ 1477 король записываетъ 200 гр. Рафангу de Jaroslaw на имѣніи Dankowize, но такъ какъ это имѣніе было отдано раньше Перемишльской капитулѣ, то запись переводится на гор. Лежайскъ, входящійся уже въ пользованіе Рафанга, (*Prochaska, Mat. № 196*).

То же самое соображеніе имѣло мѣсто и по отношенію къ королю: послѣдній, если желалъ вернуть себѣ участокъ, записанный шляхтичу, долженъ былъ уплатить послѣднему общую сумму всѣхъ записей. cf. актъ 1505 г., въ которомъ король дозволяетъ Львовской капитулѣ выкупить имѣніе Черкассы въ Львовской землѣ у ея державцевъ, хотя на этомъ имѣніи были записи, превращающія стоимость его (Лит. в. IV В., р. 331).

зованіе) выкупить имѣніе за цѣну на немъ записанную. Такой выкупъ представлялъ часто большую выгоду, ибо запись давалась на бездоходную пустошь, а теперь за ту же цѣну пріобрѣталось устроенное и доходное имѣніе. Правда, правительство первое время рѣдко прибѣгало къ такимъ выкупамъ, можетъ быть, по недостатку денегъ, или вслѣдствіе сознанія неприличія подобной операціи. Однако, если не правительство, то сосѣдъ, хорошо знающій обстоятельства смежнаго имѣнія и довольно безцеремонный въ средствахъ обогащенія, могъ предложить правительству сумму записи и просить перевода имѣнія на свое имя за уплатой первому владѣльцу записанной на имѣніи суммы — операція по внѣшнему виду вполне легальная, хотя по существу настоящее мошенничество. Возможно было нерѣдко, конечно, что задолжавшій кому-либо владѣлецъ имѣнія по записи былъ вынужденъ согласиться на подобную операцію.

Являлась такимъ образомъ необходимость обезопасить имѣніе отъ подобной неприятой возможности. Застраховать имѣніе отъ подобныхъ случайностей можно было двумя путями, — обращеніемъ его въ полную собственность (переходъ въ *ius hereditarium*) и прибавками къ прежней записи на имѣніе новыхъ суммъ. Очевидно, мѣтившимъ на чужое имѣніе была выгодна операція перевода записи только въ томъ случаѣ, когда цѣнность имѣнія въ нѣсколько разъ превышала сумму записи — за грошъ пріобрѣтался рубль; поэтому, задачей владѣльца стала забота сдѣлать подобную операцію невыгодной, а это достигалось увеличеніемъ первоначальной суммы записи до эквивалента стоимости имѣнія или до размѣровъ, его превышающихъ въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ особенно дорожилъ своимъ имѣніемъ. Въ подобномъ случаѣ владѣлецъ съ выкупомъ ничего не терялъ, могъ даже и выиграть.

Такими соображеніями, кажется намъ, слѣдуетъ объяснить столь частыя прибавки къ записямъ на имѣнія.

Одной изъ частныхъ формъ записей была такъ называемая *intercessio*, родъ поручительства третьяго лица за чей-нибудь долгъ съ обезпеченіемъ его записью на своемъ имѣніи, при чемъ поручитель, или правильнѣе принимавшій на себя этотъ долгъ (король) записывалъ его на имѣніи, находившемся уже по прежнимъ записямъ въ пользованіи заемщика¹⁾. Въ числѣ разныхъ

¹⁾ Prochaska, Mat. arch. № 171. Король застукаетъ долгъ своего дворянина, Андрея Олешницкаго, Спытку de Jaroslaw и записываетъ его на гор. Лемайскі, уже находящемся въ пользованіи Спытка по прежнимъ записямъ.

частныхъ случаевъ подобныхъ интерцессій встрѣчаемъ, напр., слѣдующую сложную сдѣлку: нѣкій Индришко de Bobrek занялъ у Петра Одрованжа, львовскаго воеводы, 200 венгерскихъ флориновъ, кромѣ того, тотъ же Одрованжъ по просьбѣ короля занялъ 100 венг. фл. нѣкому Коритану. Но Петръ Одрованжъ въ свою очередь долженъ 300 венг. фл. своему родственнику Добеславу. Поэтому король записываетъ весь долгъ въ 300 фл. Добеславу на имѣніяхъ, отданныхъ въ пожизненное пользованіе Петру Одрованжу. Добеславъ будетъ пользоваться имѣніями до смерти Петра Одрованжа, а послѣ его смерти до выплаты ему королемъ 300 фл.¹⁾

Не трудно замѣтить, что сдѣлка эта чисто фиктивная. Петръ Одрованжъ получилъ имѣнія только пожизненно, слѣдовательно, по смерти его они переходили *successione vera et legitima* къ королю. Желаніе удержать эти имѣнія въ своемъ родѣ заставляетъ Петра Одрованжа выдать своему родственнику фиктивный вексель на 300 фл. и просить короля записать этотъ долгъ, на пожалованныхъ ему, Петру, пожизненно имѣніяхъ. Что это долгъ фиктивный, доказываетъ другой актъ²⁾, въ которомъ король отдаетъ эти имѣнія тому же Добеславу въ *пожизненное* пользованіе, записывая на нихъ только 150 фл., слѣдовательно Добеславъ отказывался отъ 150 фл. за право владѣть имѣніями пожизненно.

Запись на имѣніе дѣлалась очень часто по просьбѣ и указанію жалуемаго, — послѣдній или просилъ сдѣлать запись на имѣніи, которымъ уже пользовался, или самъ указывалъ имѣніе, на которое желалъ получить запись. Въ королевской канцеляріи, видимо, не особенно тщательно велись списки записей, такъ какъ нерѣдко были случаи недоразумѣній. Какое-нибудь лицо получаетъ, напр., запись на имѣніе, а на послѣднее предъявляютъ *jura propinquitatis* наслѣдники лица, имѣвшаго на немъ запись³⁾; или же дѣлается запись на какомъ-либо имѣніи, а оно оказывается пожалованнымъ раньше третьему лицу⁴⁾ и т. п.

Встрѣчаемъ запись долга на замкахъ, но безъ права судить населеніе, *взимать exassio* съ крестьянъ шляхетскихъ имѣній, а только съ населенія замковыхъ имѣній⁵⁾.

¹⁾ Prochaska., № 124.

²⁾ Ib., № 154.

³⁾ Proch., № 105.

⁴⁾ Ibid., № 196.

⁵⁾ Ibid., № 137.

Путем пожалованій, записей (въ реальныхъ и фиктивныхъ долгахъ), всевозможными финансовыми оборотами, покупкой, принятіемъ въ залогъ за долги и т. п., отдѣльные болѣе ловкія и оборотливыя лица успѣвали соединять въ своихъ рукахъ огромныя земельныя богатства и держали въ экономической зависимости цѣлый край. Самыми замѣтными представителями подобнаго рода дѣятелей являются Одрованжи, десятки лѣтъ воровавшіе всей Червоною Русью. Несмотря на массу злоупотребленій этихъ вице-королей Руси, постоянныя жалобы населенія, король не могъ долго справиться съ этими магнатами, ибо и сами находились отъ нихъ въ экономической зависимости, заложили имъ, за огромную по тому времени сумму, 20 тысячъ гривенъ, важнѣйшіе изъ червоно-русскихъ замковъ. Населеніе, измученное ненасытнымъ къ наживѣ родомъ, само пришло на помощь королю и сложилось для выкупа замковъ изъ ихъ рукъ¹⁾.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію судьбы древнихъ *русскихъ* землевладѣльцевъ и постараемся, насколько возможно, отмѣтить тѣ измѣненія, которыя внесло въ ихъ положеніе новое владычество.

Основные черты русскаго государственнаго права княжескаго періода существенно отличались отъ основаній государственнаго устройства древней Польши. Отличія эти выступаютъ особенно рѣзко въ вопросѣ о правѣ на земельную собственность.

Древне-русскій князь не былъ верховнымъ собственникомъ всей территоріи своего княженія. Главная масса поземельной собственности на Руси состояла во владѣніи городскихъ и сельскихъ общинъ. Но на ряду съ общинной поземельной собственностью рано появляется (хотя, быть можетъ, пока и въ ограниченнѣхъ размѣрахъ) частная земельная собственность. Могла она произойти и путемъ уступки общинами тянувшихъ къ нимъ земель въ личное пользованіе или владѣніе, или путемъ обработки частнымъ лицомъ земель пустопорожныхъ, на которыя никакія общины не предъявляли своихъ правъ.

Князь древне-русскій является намъ въ качествѣ землевладѣльца на ряду съ другими частными землевладѣльцами. Землей въ *собственность* князь владѣетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другіе отдѣльные землевладѣльцы. *Личной* княжеской собствен-

¹⁾ О злоупотребленіяхъ Одрованжей см. весьма интересную статью А. Прохаски. *Konfederacya lwowska* г. 1464, Kwart. Hist. 1892, IV.

ностью являются тѣ земли, которыя онъ приобрѣлъ у общинъ или отдѣльныхъ лицъ, заселилъ и обработалъ *своими* людьми — въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, рабами. Владѣеть князь и городами, какъ личной собственностью, но только основанными на его личные средства, заселенными его собственной челядью. Доказательствъ вышеприведенныхъ положеній имѣемъ нѣсколько.

Подъ 996 г. въ лѣтописи приводится рассказъ о построеніи Владиміромъ Святымъ Богородичной (Десятинной) церкви въ Кіевѣ „и помолившюся ему и рекъ сице: „се даю церкви сей святѣй Богородицѣ отъ *имѣнія своего* и отъ *моихъ градъ десятую часть* 1)“. „Едва ли возможно, какъ замѣтилъ уже Е. Е. Голубинскій, чтобы Владиміръ подарилъ десятинной церкви десятый городъ по всей Руси 2). Между тѣмъ десятинная церковь несомнѣнно владѣла цѣлыми городами — подъ 1172 г. въ лѣтописи находится рассказъ о набѣгѣ половцевъ на Кіевскую землю: „ѣхаша за Кіевъ воевать и пріѣхаша къ Полоному къ святѣй Богородицѣ *къ граду десятинному* и къ сѣмью и взяша села безъ учта, съ людьми и съ мужи и съ женами и конѣ и скоты и овыцѣ погнаша въ половыцѣ 3)“.

Мы думаемъ, что Владиміръ подарилъ десятинной церкви десятую часть *лично* ему принадлежавшихъ селъ и городовъ, заселенныхъ его челядью. На эту мысль между прочимъ, наводитъ и самое названіе десятиннаго города, *Полоное*, едва ли не намекающее на происхожденіе города — заселеннаго княжескимъ *поломомъ*, плѣнными рабами 4).

Подъ 1158 г. лѣтопись передаетъ подробности о смерти вдовы князя Глѣба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича. Лѣтописецъ указываетъ на особенную любовь престарѣлой княгини (умерла 84 лѣтъ, провдовствовавъ 40 лѣтъ) и ея отца къ Печерскому монастырю. Ярополкъ отдалъ знаменитой обители *всю жизнь свою* (т.-е. все свое имѣніе), Небльскую волость, Дерьвскую, Лучьскую и около Кіева, Глѣбъ же вѣда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вѣда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ

1) Ип. 85.

2) Ист. русск. Церкви.

3) Ип. 380.

4) Половнѣхъ было нѣсколько въ Кіевской и Волынской земляхъ (см. Барсонъ, Матер. для историко-геогр. словаря Россіи, р. 164). Для огражденія своихъ границъ отъ набѣговъ кочевниковъ Ярославъ строитъ города по Рси и населяетъ ихъ плѣнными лахами (Ип. 205, Ярославъ и Мьстиславъ повоеваста лядскую землю, и многи

золота; а по своемъ животѣ вѣда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоа¹⁾.

Это лѣтописное мѣсто имѣеть для насъ большую важность: Ярополкъ Изяславичъ княжилъ во Владимірской землѣ (тамъ онъ и погибъ отъ руки убійцы, на дорогѣ изъ Владиміра въ Звенигородъ)²⁾. Между тѣмъ, волынскій князь дарить Печерскому монастырю имѣніе *возлѣ Кіева*, очевидно, свою личную собственность, свое село, имъ устроенное и заселенное его челядью. Такимъ образомъ, еще въ княжескую эпоху князь одной земли могъ имѣть личную земельную собственность въ другомъ княженіи. Дочь Ярополка владѣеть пятью селами, заселенными ея челядью — это, вѣроятно, ея наслѣдство послѣ отца. Ярополкъ же могъ получить принадлежавшія ему лично села отъ отца, Изяслава Ярославича.

Итакъ, древне-русскій князь владѣеть личной поземельной собственностью и вполне отграниченной отъ собственности государственной, и только этой первой можетъ безусловно распоряжаться. Поэтому, напр., мы ни разу не встрѣчаемъ въ княжескій періодъ отдачи въ приданое за русской княжной государственной земельной собственности (города, части княженія): распоряжаться общинной собственностью, какъ своей, русскій князь не имѣлъ права³⁾. Но, какъ видно изъ приведеннаго случая, князь могъ передать дочери свою *личную* земельную собственность, свои села, заселенныя его рабами.

Въ качествѣ личной собственности князь могъ владѣть не только селами; но и городами, имъ построенными и его рабами заселенными.

Къ числу такихъ городовъ, вѣроятно, принадлежали подаренные Владиміромъ десятинной церкви.

Что такъ же было и въ Галицкой и Волынской землѣ, ясно видно изъ драгоценнаго памятника конца XIII в., завѣщанія волынскаго князя Владиміра Васильковича. Умирающій князь передаетъ всю

ляхи приведоста, и раздѣлиста я, и посади Ярославъ своя по Рси, и суть до сего дне. — Въ лѣто 6540 Ярославъ поча ставити города по Рси). О дѣятельности Владиміра Св. по построенію городовъ см. статью М. Н. Березжкова, Святый Владиміръ — строитель городовъ. Чтен. въ историч. общ. лѣтописца Нестора, кн. II. Кіевъ 1888. О судьбѣ плѣнныхъ — *Лохвицкаю*, О плѣнныхъ по русскому праву.

1) Ип. 338. Лѣтопись не говоритъ здѣсь о *городахъ* Неблѣ и Луцкѣ, вѣроятно дѣло идетъ о какихъ-нибудь княжескихъ селлахъ въ землѣ Волынской, ибо невозможно, чтобы Ярополкъ отдалъ Печерскому монастырю такіе города, какъ Луцкъ и Неблѣ.

2) Ип. 144.

3) См. наше изслѣдованіе. Взаимныя отношенія Руси и Польши, гл. II.

свою землю и города вмѣстѣ съ стольнымъ городомъ Владиміромъ двоюродному брату Мстиславу Даниловичу, женѣ же своей онъ завѣщаетъ „*городъ свой* Кобрынъ и с людьми и з данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Иже даль есмь ей *село свое* городель, и с мытомъ, а людье како то на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ; аже будетъ князю городъ рубити, и ни к городу, а поборомъ и то тарщиною ко князю. А Садовое и Сомино же даль есмь княгинѣ своей, и монастырь свой Апостолы же создахъ и своею силою. А *село есмь купилъ* Березовичъ у Юрьевича у Давыдовича Фодорка, а даль есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата, да бронѣ дощатые; а тое село даль есмь ко Апостоломъ же“¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ этого акта мы видимъ, что волыньскій князь передаетъ свое *княженіе* (съ согласія татаръ „при царѣхъ и его радцахъ“²⁾), двоюродному брату. *Личную* же свою собственность, состоящую въ городѣ и селахъ (какъ кажется, заселенныхъ его челядью) завѣщаетъ женѣ. Въ актѣ указанъ и одинъ изъ способовъ приобрѣтенія личной собственности — покупка.

Существованіе частной поземельной собственности въ галицкой Руси княжескаго періода доказывается многими фактами. Бояре XIII в. владѣютъ вотчинными селами и свободно ими распоряжаются (продаютъ). Бояре и разные классы свободныхъ людей владѣютъ землей, какъ на правахъ полной собственности, такъ и на правахъ пользованія (держаніе).

Какимъ путемъ создавалась здѣсь земельная собственность? По всей вѣроятности, путемъ „займанщины“³⁾, обработкой пусто-порожныхъ земель, путемъ приобрѣтенія земли у общинъ и путемъ княжескаго пожалованія.

Последній способъ приобрѣтенія можетъ возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія и какъ бы стоитъ въ противорѣчій съ выше нами высказаннымъ положеніемъ объ отсутствіи у князя вотчиннаго права на всю территорию княженія. Какимъ образомъ князь могъ пожаловать боярину или кому другому то, что ему не принадлежало на правахъ собственности?

¹⁾ Ив. 596.

²⁾ Ib. 611.

³⁾ О займанщинѣ въ юго-западной Руси писано не мало въ послѣднее время гг. Лучицкимъ, Багалъемъ, Гуровымъ, Шимановымъ, Ковалевскимъ. См. интересную статью послѣдняго: трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ. Юридич. Вѣств. 1892, май — июнь, гдѣ приведена и литература (не совсѣмъ полная) вопроса.

Противорѣчіе это отчасти разрѣшается давно уже указаннымъ нашими изслѣдователями древне-русскаго права фактомъ смѣшенія государственнаго права съ правомъ частнымъ въ нашей жизни княжескаго періода. Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что общинными землями считались лишь тѣ, на которыхъ былъ какой-нибудь слѣдъ экономической дѣятельности общины¹⁾.

При слабой населенности тогдашней Руси несомнѣнно существовала огромная масса земель пустопорожнихъ, общиною не экономизированныхъ. Такія земли должны были считаться „Божьими да княжескими“ (государственными)²⁾. Такія пустопорожнія земли князья могли раздавать частнымъ лицамъ на правахъ полной собственности, а тѣ заселяли ихъ своими рабами или перезывали населеніе другихъ поселеній, сманивая его „волею“, освобожденіемъ отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ.

Можетъ князь пожаловать и землю съ поселенными на ней *несвободными* людьми, рабами и плѣнными³⁾.

Наконецъ князь, при существовавшемъ въ древнее время смѣшеніи права государственнаго съ частнымъ, могъ отдавать частному лицу и участки, заселенные свободными землевладѣльцами; но въ данномъ случаѣ отдавалась въ собственность не земля и на ней поселенные люди, а только право на доходъ, шедшій князю съ населенія (дань, поборы, вины, головничество). Населеніе такихъ участковъ не закрѣпощалось, земля оставалась во владѣніи членовъ общины, хотя конечно такимъ путемъ открывался широкій просторъ злоупотребленіямъ „державцевъ“.

Вслѣдствіе разныхъ способовъ пріобрѣтенія частными лицами земельной собственности и права на ея владѣніе доказывались неодинаково: владѣвшіе землею по княжескому пожалованію имѣли на это княжескія грамоты. Пріобрѣвшіе землю покупкой имѣли (хотя, быть можетъ, вслѣдствіе слабаго еще развитія грамотности далеко не всегда) купчія на свои земли.

Однако, значительная часть землевладѣльцевъ (особенно мелкихъ), поселившихся на общинныхъ земляхъ по словесному съ

1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, помѣстья въ Лат. Государствѣ, р. 5.

2) Ср. выраженія Мстислава Давидовича — на жалобу Владиміра Васильковича, что Мстиславъ еще при жизни Владиміра раздаетъ его города и села боярамъ. Мстиславъ отвѣчаетъ «господине, рци, брате, земля Божия и твоя, и города твои» (ип. 593).

3) Ср. актъ князя Льва (Акта гр. т. I, № 4). А се я князь Левъ вызвали есмо с литовскоѣ землѣ два братѣннца Тутена и Монтсѣка. Дал есми ѣма от перемискоѣ волости село добаневичъ и съ землею, со оусѣми поборы ис винами ис головничествомъ и серпомъ и с косою и с мѣнномъ со оусѣми оужити какъ есми самъ держалъ.

общинной договору, далѣе лица, утвердившіяся „займанщиной“ на пустопорожнихъ участкахъ, наконецъ, пріобрѣвшія землю покупкою, но не утвердившія ее письменными актами, не имѣли никакихъ фактическихъ доказательствъ своихъ правъ на находившуюся въ ихъ владѣніи землю; результаты такой формальной незащищенности земельного владѣнія весьма невыгодно отразились на судьбѣ русскихъ землевладѣльцевъ при переходѣ Червоной Руси подъ власть Польши.

Собственникомъ всей земельной территоріи Червоной Руси теперь становится король. Она принадлежит ему въ силу завоеванія. Король распоряжается здѣсь земельной собственностью, какъ верховный собственникъ, раздавая на разныхъ условіяхъ земельные участки частнымъ лицамъ.

Спрашивается, однако, въ какія отношенія сталъ король къ той массѣ русскихъ землевладѣльцевъ, которыхъ онъ здѣсь засталъ?

Общій секвестръ земельного имущества не могъ быть въ интересахъ короля: въ продолженіе почти всей второй половины XIV в. изъ-за обладанія Червоной Русью шла упорная борьба между захватившей эту богатую русскую область Польшей и другими претендентами — Литвою, Угріей. Возстановлять противъ своего господства мѣстное населеніе, къ внѣшнимъ затрудненіямъ прибавлять внутреннія волненія, которыя были бы, несомнѣнно, вызваны такой крутой мѣрой, вовсе не входило въ интересы короля. Мы видимъ, наоборотъ, заботы короля привлечь къ себѣ населеніе милостями и льготами. Города получаютъ нѣмецкое право, т.-е. самоуправленіе, надѣляются землей, жалуются торговыми льготами; король старается сблизиться съ высшими классами населенія Червоной Руси, приглашаетъ ихъ въ свой совѣтъ во время объѣздовъ по новопріобрѣтенной землѣ, подтверждаетъ ихъ староземельныя пожалованія, надѣляетъ новыми. Таковы подтвержденія грамотъ Льва Ходку Быбельскому¹⁾, Ходку Матутейвичу²⁾ Матвѣю Калдофовичу (подтверждается купчая грамота, утвержденная княземъ Львомъ)³⁾.

¹⁾ Akta gr. I., № 5.

²⁾ Mon. medii aevi res. g. pol. ill., т. X, № 737.

³⁾ Ib. № 743. Отмѣтимъ здѣсь всѣ извѣстныя намъ грамоты Льва.

Akta gr I., № 4, жалованная грамота князя Льва литовскимъ выходцамъ Тутеню и Мовтѣку на с. Добавѣвичи Перем. волости «со оуѣми побори ис винами ис головничьствомъ и серпомъ и с косою и с млиномъ со оуѣми оужитки, какъ есмь сам держалъ».

Лит. Метр. IV В. 9, л. 112 об. Ecce ego Dux Leo dedi servitori meo Kunath militi duas villas in districtu Premisliensi, vct. Rythorowicze et Rogossno. Cum omnibus, cum capitalibus paenis et mericis et cum omnibus pratis, cum sylwa Radossow,

Такимъ образомъ лица, имѣвшія документальныя доказательства своихъ правъ на земельныя владѣнія получали легко отъ

pascuis aut zyrem, et dedi eidem perpetuo, et nullus se in hoc se (sic) intromittat. At quis se in verbum meum intromiserit, iudicium nu (?) fiet coram Deo (въ подтвержденіи 1470 г. На слѣды этой грамоты указывалъ. А. Петрушевичъ, Гал. Ист. Сборникъ, II, р. 86. Ср. Описание рукописей Румянцевскаго Музея, р. 116.

Лит. Метр. IV В. 9, л. 309. Sig. Aug. Sign. etc. Exhibitas esse nobis litteras pargameneas Illris Leonis Ducis Russiae titulo et sigillo eius dentali (?) solito munitas nec corruptas, nec aliqua in parte suspectas, donationem villarum Hordynie et Dorozowo in Districtu Samboriensi sittarum in continen. (?) Rutheno idiomate scriptas, quae quidem litterae polonice redditae sic habent: Ja knyasz Lew wezwali iesmo z Litewskoe zyemly Stephana Lizda, y dali esmo iemu w Samborskoioi volosthy selo Hordunye, a druhoie Dorazowa ze wssymi wsithy y ziemlyeu y syenoziathmu, y z dubrowamu, y z liessamu, z borcmi, s soczem, z rekamu, zo mlynom, zo ziczem, z potoku, z kryniczamu, z wyniamy, y zo wsemu prawy, tak jako iessmi ssamy dzierzely, tak dali esmo yemu na wyeky, y nye nadobie sie w toje nykomu wstupowaty. A kto ssie wstupith, szad budziecz s nym pyered Bogem (въ подтв. 1557 г.).

Лит. Метр. IV В. 9, р. 310. Подтв. 1556 г. грамоты Льва (начало подтвержденія дословно съ предыдущей грамотой). Ja w Bodze Lew хуазе рап (sic) Russkyei ziemye, dalem Kolczicze sludze swemu Melenthyowi Thurkowczowu w Samborskyei wlosczy syelo Kolczicze ze wsithkyemi pozythki iakossmy sami trzimaly, s polmy y z ląkamu y z dąbrowamu, i z lyassi y z zyri y z barcziamy y s siczia, y dalissmy mu na wyeky wyeczne, potomkom iego. A kto by chczał zlamacz nasse listhy, sand bedzie myal s nym przed Bogiem (о подтвержденіи просать nobiles Романъ, Юрко, Чедько Тарасовичъ, Темко, Хома, Илько Колчичіе).

О. Ант. Петрушевичъ (Гал. Ист. Сб. т. II, р. 84) приводитъ 10 подложныхъ грамотъ Льва: 1) Крылоской Успенской церкви, 2) монастырю св. Николая на 2 нивы въ с. Башевѣ, 3) Сеньку Татаривовичу на имѣнія въ Самб. землѣ, 4) львовскимъ доминиканцамъ, 5) болрину Нерунову на с. Страшевчи, 6) монастырю св. Спаса на с. Страшевчи и монастырь Созанскій, 7) ему же на имѣніе при монастырѣ съ освобожденіемъ его отъ всякихъ повинностей, 8) церкви св. Николая на имѣніи, 9) владкѣ Аятовію на Лавровъ монастырь, 10) епископіи Перемышльской на с. Рухевичи. Кромѣ того о. А. Петрушевичъ указываетъ на слѣды грамоты Льва на имѣніе Ритаровичи (эту грамоту мы привели выше) и Холмскому собору на с. Покровку. Приведенныя уважаемымъ ученымъ доказательства подложности этихъ грамотъ вполне убѣдительны.

Однако, кромѣ приведенныхъ нами грамотъ, существуетъ цѣлый рядъ указавій на грамоты Льва и Юрія, начиная съ XIV в.

1361 г. Казимиръ подтверждаетъ Ходку Быбельскому «князя Львови листи и нныхъ старыхъ влязни листи. (Akta gr. I, № 5).

1352. Тотъ же король подтверждаетъ дѣтамъ львовскаго войта Матвѣя пожалованіе ихъ дѣлу Бертольду «per magn. principem felicis recordacionis dictum Leonem Ducem Russiae. (A. gr. II, № 1).

1469. Казимиръ Ягеллончакъ подтверждаетъ Шентицкимъ владѣніе им. Шентини и Онуфриевымъ монастыремъ въ Самборской землѣ «juxta litteram praeclari principis domini Leonis ducis Russiae praedecessoribus eorum datam et concessam». (A. gr. VI, № 92).

королей подтвержденія своихъ владѣльческихъ правъ. Однако, какъ мы высказали выше, весьма многіе владѣльцы не были

1422 г. Староста самборскій разграничиваетъ имѣнія Перемишльскаго епископства отъ Стрѣлковичей. Владѣлка заявляетъ при этомъ: Милни панове! то есть цркваіа земліа стго свса — по Лисичий бродъ и за князіа Юрія и за ивнхъ многнхъ державецъ (А. гт. VII, № 35).

При Сигизмундѣ I перем. владѣлка проситъ короля подтвердить грамоты Льва Перемишльскаго епископа, сгорѣвшія во время пожара (А. гт. VII, р. 52).

1360 г. Казимиръ подтверждаетъ nobili Chodkowi Mathuteiowicz de chlopczycze «literam privilegiałem sibi et successoribus legitimis a inclito principe duce Leone nostro predecessore charissimo super villam chlopczycze dictam et datam, quam literam ipse Chodko aspectui maiestatis nostre obtulit... (Kodeks dyplom. Malop. III, № 737).

1361 г. Казимиръ подтверждаетъ Матвѣю Кальдофовичу «privilegium quod habuit illustrissimi principis Leonis ducis Russiae super emptionem villarum, puta Boratyno et Dobkowycze (ib. № 743)

1403 г. Ягелло подтверждаетъ nobili Нуванко Карпычъ de Nahorcze грамоту Льва на им. Нагорци въ Ждач. землѣ: quomodo nob. H. K. ...jura ducis Leonis felicitis memorie praedecessoris nostri coram nobis demonstravit et produxit... (Prochaska, Mat. archiwalne, № 19).

1415 г. Ягелло утверждаетъ за попомъ Михаиломъ Терлецкимъ владѣніе имѣніями церкви Рождества пресв. Богородицы, «а также оставляемъ его іако за князя Льва бниа, за русскнхъ князятъ, а то не имаетъ николи нарушено быти на веки вѣчными (Головацкій, Пам. диплом. язныи въ др. Гал. волод. кн. р. 65).

Укажемъ еще на 2 несомнѣнно подложныя грамоты Льва: 1) монастырю Петра и Павла (Лит. Метр. IV В. 22 л. 418 об.) и 2) епископству Перемишльскому (Лит. Метр. IV, В. 9, л. 15).

3 грамоты (подложныя) Перемишльскаго епископа находятся въ архивѣ Перемишльскаго греко-уніатскаго Капитула. (Hauser, Monografya. miasta Przemyslu, см. нашу статью, Архивы въ Галиціи, Кіевская Старина 1883 г. № 10).

Подложная грамота Шестицкимъ напечатана въ Annales ecclesiae Ruthen. Гарасъвичча, р. 146.

Грамота Льва церкви св. Николая — въ Львовскомъ Бернардинскомъ архивѣ.

Грамоты — боярину Неронову и монастырю въ Страшовицахъ въ Варшавскомъ Центральномъ архивѣ.

Въ Dod. do Gaz. Lw. 1859 г. напечатанъ актъ мѣны Созанскаго монастыря на им. Яриловци «cum munimentis et privilegiis ducum Russiae praedecessorum nostrorum.

Cod. dipl. Pol. I, р. 209 границы гор. Рѣшова: Secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae exstitit limitatum.

Dod. do Gaz. Lw. 1857 г. разграниченіе Васютина «покола ему (Кондрату) князь Левъ оутѣхаль» (въ указанномъ изданіи грамота (отъ 1401 г.) напечатана латинскими литерами; мы имѣемъ копию съ оригинала, хранящагося въ библиотекѣ Павликовскаго Львовѣ).

См. еще Востоковъ, Опис. рукописей Румянц. музея р. 114—116 и Карамзинъ, вст. Госуд. Росс. IV, пр. 203, Anta gr. I, р. 96.

Изъ перечисленныхъ нами грамотъ Льва ни одна не дошла до насъ въ подлинникѣ, притомъ только первыя три изъ нами перечисленныхъ могутъ быть признанными неподложными; подложность остальныхъ бьетъ ярко въ глаза (въ одной — грамотѣ Шестицкимъ упоминаются даже полковники) и притомъ указываетъ на одну и ту же фабрику (въ большинствѣ грамотъ одни и тѣ же свидѣтели, иногда указавъ одинъ и

въ состояніи документально защищать свои владѣльческія права на томъ основаніи, что владѣли землей безъ всякихъ оправдательныхъ документовъ.

Спрашивается, какова была судьба такихъ необезпеченныхъ юридическими документами владѣній?

Есть основанія предполагать, что и къ такимъ необезпеченнымъ юридически въ своихъ правахъ владѣльцамъ польское правительство отнеслось милостиво на первыхъ порахъ, оставивъ ихъ при владѣніи родовыми и приобрѣтенными участками. Если въ срединѣ XV в. еще существовало не мало русскихъ землевладѣльцевъ, доказывавшихъ и выигрывавшихъ на судѣ свои права на земельное имущество одною только давностью (когда условія землевладѣнія для русской шляхты значительно измѣнились къ худшему), то нужно думать, что въ XIV в. давность владѣнія, подтвержденная свидѣтельствомъ „сусѣдей — околчныхъ“, могла служить достаточнымъ, въ глазахъ правительства,

тотъ же день и годъ, хотя грамоты и помѣчены разными мѣстностями). Повидному большинство подлоговъ было сдѣлано въ срединѣ XVI в. При ревизіи правъ на владѣніе земельными имуществами ревизоры 1565 г. замѣчаютъ относительно подобныхъ документовъ: *confirmatio listhu Leonis Ducis opisania granicz isz ieszcze nigdi byla similis около listow Leonis Ducis y ynnich ksiąząt Ruskich, iesli mają isz, pomie-wasz po nich ziem Ruskich mieczem dostano — do krola I. M.* (Лит. Метр. IV В., 8, л. 98 об.). Дѣло объ утвержденіи старшихъ привилегій Льва и Свиригаля поднималось не разъ на сеймахъ XVI в. (Vol. leg. II, p. 47 — *tez i kognicya около listow Swidrygala, Lwa y innych xiąząt: около которыхъ listow na przeszlym Seymie Warszawskim przy rewizyi nieiaka różnica była, a tu sie na ten Seym odložyla: do drugiego blisko przyszlego Seymu koronnego odkładamy*). На Люблинскомъ сеймі 1569 г. однако рѣшено было утвердить эти спорныя грамоты и оставить владѣвшихъ на основаніи этихъ документовъ земельными имуществами при ихъ владѣніи (ib. p. 65. *A w dalszym teyże konstytucyi przegładaniu o sądzeniu starych listow Lwa, Swidrygala y innych xiąząt, которыхъ kognicya na ten Seym była odložona, tak cum ordinibus Regni nalezłismi: iz któżkolwiek za listy temi iest in possessione bonorum quorumcunque, przy niey ma byдъ zachowan perpetue et in aevum juxta tenorem eagrundem litterarum*).

То же самое мѣсто и въ другихъ областяхъ Руси. Въ актѣ привилегіи земли Волинской (Vol. leg. II, p. 80, а. 1569) король обѣщаетъ подтвердить землянамъ всѣ старыя пожалованія литовскихъ князей и польскихъ королей. (*A iesliby ktorzy z nych na dobra swe ouczyste y dziedziczne listow niemieli, a bez listow onych dobr spokojnie używali, tedi takowe dobra tymze W. X. L. prawem, wedle starego y nowego statutu, iako do tego czasu trzymali, będą dzierżec wiecznem y czasy: ani ku polożeniu y pokazaniu na to listow y przywileiow przed Nami i przed żadnym urzędem naszym żadnym obyczaiem nie mogą, ani mają byдъ przymuszani* (ib. p. 83). Смысла на Лит. стат. относится вѣроятно къ Арт. 19, разд. I, кто posiadał dobra za przodkow króla wiecznem prawem, *choeby nie miał nadań, wiecznie trzymac ma.* (Czacki, o polsk i lit. prawach, ed. Turowskiego 1861, p. 211).

не желавшаго возбуждать противъ себя мѣстное населеніе, оправданіемъ владѣльческихъ правъ на землю.

Притомъ для своихъ финансовыхъ и политическихъ цѣлей правительство и помимо имѣній, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ, располагало еще огромнымъ количествомъ земельной территории, въ составъ которой входили какъ княжескія земли, такъ и имѣнія, конфискованныя у бѣжавшихъ изъ Руси лицъ, не желавшихъ признать новое господство, выморочныя имущества и наконецъ обширные незаселенные участки, пустоши (*loca deserta*).

На недостатокъ людей (*defectus hominum in terra Russiae*) въ Червонной Руси часто жалуются короли въ XIV и XV вв. и усиленно стараются колонизовать эту богатую естественными продуктами область, безъ людей представлявшую мертвый капиталъ. Сюда перезываются колонисты нѣмцы, валахи, щедро раздаются земельные участки польской шляхтѣ. Земли было много, пришельцевъ легко было удовлетворить и не тревожа старыхъ русскихъ землевладѣльцевъ.

Съ 30 годовъ XV в. обстоятельства однако измѣнились. Едлинской привилегіей 1430 г. на Руси вводится польское право, а въ 1434 г. русская шляхта Червонной Руси и Подолии уравнивается въ правахъ съ польской шляхтой.

Въ концѣ XIV в. польская шляхта сложилась уже въ отдѣльное замкнутое сословіе, обладавшее извѣстными привилегіями и правами. Понятіе шляхетства уже совершенно опредѣленное: полный родовитый шляхтичъ (имѣющій — *plenum jus militiae*) есть лицо привилегированное, владѣющее на правахъ безусловной собственности (*jure hereditario*) землею, не несущее никакихъ другихъ повинностей, кромѣ военной службы, и притомъ непременно принадлежащее къ какому-нибудь польскому гербу. Доказывалось шляхетство свидѣтельскимъ показаніемъ опредѣленнаго числа шляхтичей изъ рода отца и рода матери и шляхтичами посторонняго рода. Свидѣтели показывали, что данное лицо принадлежитъ къ извѣстному шляхетскому роду. При родовомъ характерѣ польской шляхты возведеніе въ шляхетское достоинство, нобилитация, означало приѣмъ нобилизируемаго въ одинъ изъ польскихъ шляхетскихъ родовъ (адоптация). Такъ по Городельской уніи 1413 г. 47 польскихъ шляхетскихъ родовъ принимаютъ въ свою среду (*ad fraternitatis et consanguineitatis consortia*) литовскую шляхту¹⁾.

¹⁾ *Dzialynski*, Zbiór praw litewskich, p. 17. *Piekosiński*, O dynastycznym szlachty polskiej pochodzeniu, p. 465.

Отдѣльные боярскіе роды въ Червоной Руси еще въ XIV ст. быть можетъ получили шляхетское достоинство. Общая нобилитация древнерусскихъ боярскихъ родовъ должна была наступить въ эпоху сравненія червонорусской шляхты съ польскою (право нобилитациі до половины XVI в. принадлежало королю).

Спрашивается однако, какого принципа держалось польское правительство при нобилитациі, и кто изъ потомковъ русскихъ бояръ былъ принятъ въ число дворянъ польскихъ, какія условія и данныя требовались для полученія шляхетскаго достоинства? Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на это ни въ актахъ ни въ современныхъ лѣтописяхъ мы не имѣемъ. Однако къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ прийти путемъ нѣкоторыхъ соображеній.

Русскіе бояре, разумѣется, не могли имѣть никакихъ грамотъ на боярство; старое русское боярство не являлось сословіемъ, не было и придворнымъ чиномъ, оно составляло лишь классъ общества, выдававшійся своимъ матеріальнымъ положеніемъ.

Исключительныхъ правъ и привилегій мы у древняго боярства не замѣчаемъ, какъ не замѣчаемъ въ немъ замкнутости, кастическаго устройства. Нобилитациі поэтому въ польскомъ смыслѣ древняя Русь не знала. Каждое свободное лицо, выдѣлившись своимъ матеріальнымъ положеніемъ или занимавшее важное административное мѣсто выступаетъ уже съ именемъ боярина (болярина, бѣльшаго челоувѣка).

Боярство Галицкой Руси, правда, нѣсколько отличается отъ общаго типа древнерусскаго боярства. Примѣръ Польши и Угріи, гдѣ шляхта играла важную роль, мимолетное господство польскихъ и угорскихъ королей въ Червоной Руси, постоянныя тѣсныя сношенія съ польскимъ и угорскимъ правительствами, принимавшими дѣятельное участіе въ галицкихъ смутахъ XIII в., не могли остаться безъ вліянія на тенденціи галицко-русскаго боярства.

Аристократическія тенденціи послѣдняго не подлежатъ сомнѣнію. О Судьичѣ еще въ третьемъ поколѣніи помнятъ, что онъ *поповъ внукъ*. Бояре стремятся удержать въ своихъ рукахъ управленіе городами и волостями, возстаютъ противъ отдачи въ держаніе или даже откупъ болѣе крупныхъ волостей лицамъ не боярскаго происхожденія. Лѣтописецъ рассказываетъ, что послѣ похода татаръ, когда въ Галицкой землѣ наступили большія нестроенія, галицкіе бояре называли Данила княземъ, но самовольно распоряжались всей землей, Данилъ послалъ къ вокняжившемуся боярину Доброславу своего стольника Якова съ укоромъ, что бояре

не исполняютъ его приказаній, и велѣлъ ему раздавать волости галицкимъ, а не черниговскимъ боярамъ, а соляныя копи въ Коломыѣ оставить въ его собственное распоряженіе. Въ то время, когда Яковъ передавалъ Доброславу приказаніе князя, къ „вогняжившемуся“ боярину подошли два беззаконника отъ племени смердя, Лазарь Домажиречь и Иворъ Молибожичъ и поклонились ему до земли. На вопросъ Якова, что значать эти поклоны, Доброславъ отвѣтилъ: „я отдалъ имъ (вѣроятно на откупъ) Коломыю“. „Какъ осмѣлился ты безъ княжескаго повелѣнія отдать Коломыю, которую князья оставляютъ себѣ на содержаніе оруженниковъ? Вѣдь эти люди *не достойны держать даже Вотънина*“ (небольшое село). На это Доброславъ усмѣхнулся, сказалъ: „то что могу же глаголати“¹⁾.

Приведенные факты, равно какъ многіе другіе, доказываютъ если не стремленіе галицкаго боярства замкнуться въ отдѣльное сословіе (и польская шляхта до конца XIV в. еще не составляла вполне замкнутаго сословія), то во всякомъ случаѣ указываютъ на его несомнѣнную тенденцію провести грань между классомъ боярства и другими свободными классами²⁾.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что понятіе боярства, знатности, было въ Галицкой Руси болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ Руси. Если юридически привилегіи галицкаго боярства и не были оформлены, то фактически галицкое боярство несомнѣнно рѣзко выдѣлялось отъ остального населенія. Въ XIII и XIV в., повидимому, не столько тотъ или другой важный урядъ давалъ право на званіе боярина, сколько боярское происхожденіе,

¹⁾ Ил. 525. Замѣтимъ, что притяжательни Домажиречь, Молибожичъ, указываютъ, по нашему мнѣнію, что упомянутые смерды были людьми бояръ Домажира и Молибога — фамилія Молибожичей, очень многолюдная, играла одно время немаловажную роль въ средѣ галицкаго боярства, см. Ил. 508, 509, 515. Печера Домажира, вѣроятно, село боярина Домажира, упоминается Ил. 527 (Ростиславъ... пришедь къ Печерѣ Домажири и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу, — понимаю это мѣсто въ томъ смыслѣ, что Домажиричи перешли на сторону Ростислава). Если это такъ, то быть можетъ отдача Коломыи двумъ указаннымъ смердамъ на откупъ представляетъ извѣстнаго рода фактивную операцію — за этими смердами скрывались нѣкѣ бояре, которымъ самимъ неловко было явиться въ роли откупщиковъ.

²⁾ Характеристику галицкаго боярства см. особенно въ соч. *Н. П. Дашкевича*, Княженіе Давида Галицкаго р. 20 зр. И этотъ почтенный исследователь замѣчаетъ: указаніе на незнатность происхожденія... свидѣтельствуетъ объ исключительности подобныхъ явленій (р. 31)... въ Галичинѣ смѣтрѣли на то, възъ какого званія входилъ человекъ (ib.).

въ силу фактическаго преобладанія боярства въ странѣ, давало право на высшіе уряды. Бояре de facto управляли страной и сосредоточили въ рукахъ своего класса всѣ высшія должности. Въ XIV в. они уже составляютъ высшій совѣтъ, сенатъ при особѣ князя, издающаго важнѣйшіе акты съ ихъ согласія „ex consilio baronum postrogum“¹⁾). Въ совѣтъ князя участвуютъ воеводы важнѣйшихъ городовъ: Белза, Перемышля, Львова, Луцка, надворный судья (judex curiae postrae), княжескій дядька, епископъ.

Количество бояръ галицкихъ было весьма значительно еще въ XIII в. Лѣтопись говоритъ, что Игоревичи перебили 500 бояръ (Кадлубекъ говоритъ о Романѣ, что онъ еще раньше извелъ массу бояръ), а между тѣмъ разсказъ лѣтописи о послѣдующихъ событіяхъ кишитъ боярскими именами. Въ лѣтописи выступаютъ цѣлые боярскіе роды, состоящіе изъ нѣскольکو десятковъ членовъ (въ родѣ Арбузовичей упоминается 28 членовъ). Однако уже въ XIII в. мы замѣчаемъ въ галицкомъ боярствѣ два слоя — верхній; бояре великии, въ сущности и бывшіе единственными заправилами въ странѣ и т. с. рядовое боярство. Разумѣется, юридической разницы между обоими слоями не существовало. Отдѣльные лица выдѣлялись въ боярствѣ своимъ матеріальнымъ положеніемъ и личной энергіей. Къ этимъ великимъ боярамъ (ихъ-то польскіе лѣтописцы называютъ barones) примыкали остальные бояре, далеко уступавшіе имъ въ богатствѣ и значеніи.

Фактическая разница въ положеніи отдѣльныхъ представителей боярскаго сословія не могла не отразиться на судьбѣ всего боярскаго класса въ эпоху перехода Червоной Руси къ Польшѣ.

Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень мало данныхъ для исторіи галицкаго боярства первой половины XIV в. Одно можно утверждать съ значительной вѣроятностью, что приглашенный на галицко-волинскій столъ силезскій князь Болеславъ-Юрій Тройденевичъ пытался въ концѣ своего правленія вступить въ борьбу съ всесильнымъ галицкимъ боярствомъ. Имена членовъ его совѣта и высшихъ должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ Юрія, доказываютъ его несомнѣнное стремленіе отстранить отъ участія

¹⁾ Supplem. ad hist. Russ. Monum. № 38, грамота Андрея 1320 г. Торунскому магистрату, грамота 1334 г. Юрія Болеслава магистру Людеру: quam unione[m] cum nostris baronibus nec non commilitaribus (approbamus). Его же грамота вѣм. ордену 1336 г. — nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque (А. В. Лохининъ, Грамоты малорускаго князя Юрія II, 1887. Москва).

въ дѣлахъ мѣстное сильное и сплоченное въ преслѣдованіи собственныхъ интересовъ боярство людьми пришлыми, новыми. Воеводы беласкій, львовскій, луцкій при Юріи иностранцы (Михаилъ Елизаровичъ, Борисъ Кракуля, вѣроятно валахи; Ходоръ Отекъ, судя по фамилии, чехъ; валашское происхождение одного изъ членовъ его совѣта ясно изъ сопоставленія — Александръ *Молдаовичъ*; не русскій вѣроятно и Хотко Яромировичъ). Несомнѣнно русскій въ числѣ членовъ его совѣта, кажется, одинъ только Димитрій Детко, по смерти Юрія ставшій старостой Руси (*capitaneus terrae Russiae*).

Эта борьба съ старымъ русскимъ боярствомъ оказалась однако не подъ силу Юрію-Болеславу: онъ погибъ насильственной смертью; большинство его приверженцевъ было перебито. Печальная судьба силезскаго князя должна была ясно показать Казимиру, что сила русскаго боярства далеко не умерла и что съ боярствомъ еще приходится считаться въ Червоной Руси.

Каковы были взаимныя отношенія Казимира и галицкаго боярства, мы можемъ опредѣлить до нѣкоторой степени по намекамъ въ актахъ и лѣтописяхъ. Часть русскаго боярства, недозволенная новымъ правительствомъ, переселилась въ Литву и Валахію¹⁾. Большинство однако, повидимому, осталось въ странѣ.

Нѣкоторые изъ представителей болѣе крупныхъ боярскихъ родовъ играютъ немаловажную роль при Казимирѣ и его преемникахъ, таковы: Быбельскіе, Дворсковичи, Лойевичи, Васько Кузьмичъ и др.²⁾. Хотя польскіе короли и остерегаются давать русскимъ боярамъ высшіе административныя уряды, но тѣмъ не мѣнѣе мы ихъ постоянно встрѣчаемъ при королѣ во время его объѣздовъ по Червоной Руси и при русскихъ старостахъ. Короли ласкаютъ этихъ бояръ, подтверждаютъ имъ владѣнія земельнымъ имуществомъ, утверждая грамоты русскихъ князей, придаютъ новыя земли.

Значеніе польской шляхты въ государствѣ, выгоды полного шляхетства (*plenum jus militarie*) были хорошо извѣстны галицко-русскому боярству, и вотъ мы замѣчаемъ у послѣдняго со второй половины XIV в. несомнѣнное стремленіе сравняться съ польской шляхтой въ правахъ — получить польское шляхетство. Еще

¹⁾ Упомянуты еще: Грицько Коссаковичъ, Васько Кудриновичъ, Юрій Лысый, Хотко *judex curiae* (можетъ быть одно лицо съ Хоткомъ Яромировичемъ).

²⁾ Генеалогическую связь этихъ родовъ съ извѣстными намъ представителями боярства XIII в. нѣтъ возможности установить.

въ третьей четверти XIV в. галицко-русское высшее сословіе именуеть себя боярами, но къ концу XIV в. видимо избѣгаетъ этого названія: прежніе бояре встрѣчаются въ актахъ конца XIV в. только съ раемонеш пань (*dominus*), и только по отчествамъ и фамиліямъ возможно опредѣлить ихъ происхождение. Далѣе они усваиваютъ и обычай польской шляхты называться по своимъ родовымъ имѣніямъ (Ходоръ *Быбельскій* — отъ с. Быбло¹).

Хотя еще Казимиръ даетъ крупнѣйшимъ представителямъ русскаго боярства землю *jure hereditario*, однако юридически русская шляхта сравнялась съ польской только въ тридцатыхъ годахъ XV в. Едлинская привилегія 1430 г. распространяеть и на Русь польскіе порядки въ администраціи и вводитъ здѣсь польское право. Послѣднее впрочемъ, распространяется здѣсь только на тѣхъ, кто ему подлежалъ, кто былъ *in jure polonico*. Впрочемъ, несмотря на это, русская шляхта, въ Червоной Руси еще значительно отличается въ правахъ отъ шляхты польской; въ то время какъ единственное обязательство послѣдней по отношенію къ государству состояло въ личномъ отбываніи военной службы, и то лишь въ границахъ государства на его защиту, шляхта русскихъ земель обязана военной службой и за границами государства безъ всякаго вознагражденія со стороны короля, должна была своими людьми поправлять королевскіе замки въ Червоной Руси, платить съ каждаго лана земли 2 мѣры овса, двѣ мѣры пшеницы и 4 гроша.

Только въ 1434 г. всѣ эти *опега et gravamina* были сняты, къ большому, по словамъ Длугоша, неудовольствію польской шляхты, съ червоно-русскаго дворянства, и оно было окончательно сравнено въ правахъ со шляхтой польской²).

Возвращаясь къ постановленному выше вопросу о судьбѣ русскаго боярства подъ новымъ владычествомъ, приходимъ къ слѣдующему заключенію.

Привилегія 1434 г. распространила полное шляхетское право, повидному, не на все древнее русское боярство. Только болѣе крупные его представители, бывшіе въ данную эпоху *на виду*, были приняты въ число польской шляхты. Принятіе это, кажется,

¹) См., напр., актъ конфедераціи шляхты Львовскаго и Жидачевскаго повѣта 1464 (Akta gr. VII, № 55). Только по печатамъ съ русскими надписями можно видѣть, что значительная часть упомянутыхъ въ актѣ шляхтичей русскаго происхожденія. См. также актъ конфедераціи Спытка Мелштинскаго 1439 г. у Прохаски. *Konfederacya Sпытka z Melsztyna, Lwow 1887, p. 84.*

²) Длугошъ *ad. an. 1434.*

произошло на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и принятіе литовско-русской шляхты, т.-е. путемъ *адопціи* польскими шляхетскими родами¹⁾. Благодаря этому немалое число русскаго боярства должно было остаться за бортомъ шляхетскихъ привилегій. Части мелкаго боярства, однако, явилась возможность приобрѣтенія полнаго шляхетства, благодаря характерной сторонѣ польской шляхты — ея родовому строю. Съ введеніемъ полнаго шляхетства для древне-русскаго боярства, съ уравниемъ его правъ съ польской шляхтой, и на первую должны были распространиться польскіе способы доказательства принадлежности къ шляхетскому званію — показаніями шляхетскихъ свидѣтелей о принадлежности ищущаго шляхетства къ извѣстному шляхетскому роду. Представитель русскаго боярства могъ доказывать свое шляхетство, установивъ свидѣтельскими показаніями свое родство съ признанными шляхтичами²⁾.

Вышеприведенныя соображенія подтверждаются однимъ весьма любопытнымъ судебнымъ процессомъ, сохранившимся въ львовскихъ судебныхъ книгахъ³⁾.

Въ 1444 г. шляхтичъ Янъ Далановскій выпросилъ себѣ у короля имѣніе Чеперовъ, но имѣніе это находилось во владѣніи братьевъ Станислава и Супруна, не желавшихъ имъ поступиться. Далановскій вызываетъ отвѣтчиковъ на судъ старосты. На вопросъ суда, какія права имѣютъ отвѣтчики на свое владѣніе, послѣдніе отвѣтили, что это ихъ отчина отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и просили судъ оставить ихъ при владѣніи имѣніемъ на основаніи общихъ для всѣхъ дѣдичей доказательствъ правъ на владѣніе (*petentes se circa eadem bona remanere eo jure, quo alii heredes alias *oczczigzowye* sua bona docent et reclinantur alias *dokazują et odpadają**). Староста спросилъ ихъ, къ какому они гербу принадлежатъ и, вообще, кто они такіе (*de quibus armis essent, et quid fuerint in terra Russie*). Они отвѣтили: мы отчичи и древніе

¹⁾ Доказательствомъ этому служатъ весьма любопытный актъ конфедераціи Львовской и Жидачевской шляхты 1454 (Akta gr., т. VII, № 55). При актѣ сохранилось 44 печати, подписавшихъ его шляхтичей. Нѣкоторыя изъ печатей съ русскими надписями, очевидно принадлежали русскимъ шляхтичамъ (а се печать Юрьева), но и при этихъ надписяхъ находятся гербовые знаки, соответствующіе извѣстнымъ польскимъ гербамъ — Sas, Salawa и пр.

²⁾ Въ литовской Руси случалось мелкому боярству доказывать свое шляхетство ссылкой на какой-либо судебный актъ, въ которомъ данное лицо было названо *po-bilis* (шляхетный уроженецъ). (Сообщено намъ С. А. Бершадскимъ).

³⁾ Akta gr. XIV, p. 197.

русскіе земляне. А относительно герба отвѣтили, что ихъ относятъ къ гербу шляхтича Викентія Шамотульскаго. Кромѣ того сказали, что находятся въ родствѣ съ шляхтичами Ременевскими и Лопатичами. Староста отложилъ дѣло до ближайшаго вѣча, на которомъ долженъ былъ быть рѣшенъ общій вопросъ, какимъ образомъ отчичи должны доказывать свои права на владѣніе.

Постановленія вѣча мы не знаемъ, но въ актахъ, къ счастью, сохранилось окончаніе этого любопытнаго дѣла.

Дѣло нѣсколько разъ отлагалось, то за неявкой свидѣтелей, то за нежеланіемъ ихъ приносить присягу по русскому обычаю, пока, наконецъ, не было рѣшено въ 1446 г. Отвѣтчики представили въ качествѣ свидѣтелей четырехъ польскихъ шляхтичей и восемь шляхтичей русскихъ. Свидѣтели показали подъ присягой, что спорное имѣніе никогда не было королевскимъ, а принадлежало отвѣтчикамъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Судъ въ послѣднемъ рѣшеніи разсматривалъ только вопросъ о правѣ владѣнія, не касаясь другого вопроса о правѣ отвѣтчиковъ на шляхетство. Что послѣдній вообще рѣшенъ также въ благоприятномъ для отвѣтчиковъ смыслѣ (б. м. на colloquio generali) доказывается наименованіемъ ихъ *nobiles*.

Подобныхъ процессовъ изъ-за владѣнія земельнымъ имуществомъ, не защищеннымъ ничѣмъ, кромѣ давности (*ab avis et proavis, z dziada i pradziada*) сохранилось нѣсколько въ судебныхъ книгахъ Червоной Руси¹⁾. Отвѣтчиками являются по боль-

¹⁾ Начинаются эти процессы въ сороковыхъ годахъ XV в., что между прочимъ объясняется слѣд. причиной: именно въ эту эпоху Владиславъ Ягеллончикъ, нуждаясь въ содѣйствіи шляхты для предпринятыхъ имъ военныхъ походовъ, раздастъ щедрой рукой земли въ Червоной Руси польской шляхтѣ. Источникъ, безпристрастіе котораго въ данномъ случаѣ трудно заподозрить (Другошъ ad. а. 1442), рассказываетъ, что Владиславъ, нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ и записалъ шляхтѣ едва ли не всѣ города, замки, имѣнія и разные источники доходовъ. Польская шляхта, выпросивъ себѣ города и имѣнія въ Руси и Подоліи, изгнала изъ нихъ старыхъ владѣльцевъ, которые въ отчаяніи убѣгали къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними опустошали Русь (*ed Przewdzieski, т. XIII, р. 683*). Въ приведенномъ въ текстѣ процесса Далавовскій выпрашиваетъ себѣ имѣніе *sub nobilibus Stanislaw et Suprun*. Современная бунина шляхта вводила сама себя во владѣніе путемъ наѣзда, вооруженнымъ нападеніемъ; не всѣмъ, конечно удалось такъ счастливо отстоять судебнымъ порядкомъ свои права, какъ братьямъ Чеперовскимъ.

Подъ 1453 г. въ судебныя книги Львовской земли занесено слѣд. дѣло: Львовскій подсудокъ судится съ шляхтичами Неслуховскими изъ-за двухъ обывателей Федора и Чирнина; Неслуховскіе утверждаютъ, что эти люди кметы и отбиваютъ въ ихъ пользу крестьянскія повинности (*daciones, tributa, census*), Федоръ и Чирнинъ утверждаютъ, что они *nobiles*. Дѣло отлагается на восемь недѣль, и судъ долженъ

шей части мелкіе землевладѣльцы, сидящіе на мелкихъ участкахъ (*sortes, dzielnicy*). Они не имѣютъ никакихъ документальныхъ доказательствъ на свои владѣнія: „мы владѣемъ здѣсь отъ дѣда и прадѣда, вотъ въ чемъ наши права“, отвѣчаютъ они обыкновенно на требованіе суда оправдать свое владѣніе. Въ большинствѣ случаевъ показаніемъ свидѣтелей о дѣйствительной давности владѣній дѣло рѣшается въ пользу этихъ отвѣтчиковъ.

Такимъ образомъ, и части мелкаго русскаго боярства удалось отстоять свои земельныя владѣнія и добиться признанія за ними шляхетства.

Какова же была судьба тѣхъ потомковъ мелкаго русскаго боярства, которымъ не удалось доказать своего шляхетства?

Польское право XV в. знаетъ только три сословія: шляхту,

поставить, которой изъ спорныхъ сторонъ предоставить право доказывать свои претензіи (Неслуховскимъ — что Ѳеодоръ и Чирникъ крестьяне, или Ѳеодору и Чирнику свое шляхетство). *Acta gr. XIV, p. 387.* Дѣло, повидимому, возникло изъ того, что Ѳеодоръ и Чирникъ (названные *nobiles*) продали львовскому подсудку свою материнскую часть въ Неслуховѣ за 30 гр. съ правомъ жить на этомъ участкѣ до вылаты имъ покупной суммы. Владѣльцы села Неслухова (шляхтичи) опротестовали эту продажу — вѣроятно потому, что земля Ѳеодора и Чирника, которыхъ они считали за своихъ крестьянъ, объялась, переходя къ шляхтичу. Крайне любопытно окончаніе этого дѣла: одинъ изъ спорящихъ, Ѳеодоръ, призналъ, что онъ крестьянинъ Неслуховскихъ и отбывалъ имъ съ своей земли такія же повинности (*census, proventus, labores*), какъ и остальные крестьяне (*Acta gr. XIV p., 356 и 455*). Что заставило Ѳеодора дать такое показаніе — не извѣстно. См. еще *Acta gr. XIV, p. 71.* *Suspendimus terminum mfo Hriczkoni Pal. Pod. actori et nobili Jacobo de Gnyewoschyna pro villa Konyuchi, usque ad regressum nuncii de Ungaria a dom. Rege, secundum quo aliis suspensi sunt termini, qui habent agerum (sic) pro ipsorum bonis, que habent ab ewo, ab awis et prothavis, et privilegia super ipsa non habent.* Въ 1443 г. *Nob. Nykel cum patruo suo* представляютъ въ львовскій гродскій судъ грамоту на имѣніе Погорцы, но *Nob. Хотко* съ братомъ Андреемъ заявляютъ свои права на два дворща въ этомъ имѣніи, которыми они владѣютъ какъ отчинами (*in quibus nunc sedemus, et pater noster felicis memorie tenuit et possedit tamquam verus heres legitimus*). Съ своей стороны *Nob. Филь Нашчешичъ* съ племянникомъ Ядкомъ заявляютъ о своихъ правахъ на одно дворще въ томъ же имѣніи, которымъ какъ отчиною владѣютъ сообща (*habeo unam curiam meam patrimoniale hereditatem al. oszczysna, quam nunc teneo cum ipso*). Подобныя же претензіи представляютъ Стецко Бреховичъ, *Nob. Олешко de Pohorcze*, котораго и оставили при владѣніи дворщомъ Бастіевымъ, его отчиною (*Acta gr. XIV, p. 81—3*). Подобнаго же рода дѣло между *Nob. Христофоромъ*, львовскимъ мытникомъ и *Nob. Иванкомъ* и Петромъ, сыновьями Бѣляка, владѣвшими небольшими участками (*sedentibus in sortibus, al. dzielnyczech*) въ с. *Major Lubyne*, державцемъ котораго былъ Христофоръ. На требованіе суда представить оправдательные документы на свои владѣнія они отвѣчаютъ: *ista sunt nostra jura, quod hoc est nostrum patrimonium a patre et ab awis et proavis, et hoc volumus probare...* (*ibidem. p. 290*).

мѣщанъ и кметовъ. Каждая единица въ государствѣ должна была необходимо принадлежать къ одной изъ этихъ трехъ категорій. Переходныхъ ступеней отъ одного сословія къ другому не было въ польскомъ правѣ. Между шляхтичемъ, пользовавшимся всѣми правами и привилегіями, и безправнымъ кметомъ лежала непроходимая пропасть. Мѣщанское сословіе не представляло собою переходной ступени отъ кмета къ шляхтичу. Въ глазахъ шляхты мѣщанинъ мало чѣмъ отличался отъ кмета, отъ мѣщанства до шляхетства было такъ же далеко, какъ и отъ кметства до званія полнаго шляхтича. Нобилитація мѣщанъ такъ же рѣдка, какъ и нобилитація кмета, хотя въ фактическомъ положеніи мѣщанства, конечно, была не малая разница сравнительно съ положеніемъ кмета.

Правда, въ самомъ шляхетствѣ польскомъ было два слоя — полныхъ шляхтичей, владѣвшихъ полнымъ *jus militare*, и *владыкъ*, имѣвшихъ только *simplicem militiam, mediam nobilitatem* (о положеніи послѣднихъ мы знаемъ, впрочемъ, очень мало). Хотя положеніе владыкъ было гораздо ниже положенія шляхтича, но тѣмъ не менѣе свободный человѣкъ, кметъ или мѣщанинъ, не могъ самъ собою, путемъ одного матеріальнаго возвышенія, стать въ разрядъ владыкъ. Кметъ или мѣщанинъ попадалъ въ число шляхты исключительно только путемъ нобилитаціи, право которой первоначально принадлежало только королю а затѣмъ сейму (съ 1578 г.).

Полная нобилитація, какъ кажется, наступала только въ случаяхъ *индигената* — утвержденія въ шляхетствѣ чужеземнаго шляхтича — и *адопціи* — принятія нобилитованнаго въ одинъ изъ польскихъ шляхетскихъ родовъ. Поэтому кметъ, возведенный въ шляхетство (*сгеоуанпу*), не получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же всѣхъ шляхетскихъ привилегій.

На Руси въ XV в. съ введеніемъ польскаго права образуется поэтому классъ населенія, не входящій въ рамки польскаго общественнаго права — это потомки мелкаго русскаго боярства, не попавшіе въ завѣтную область шляхетства. Ихъ нельзя причислять къ шляхтѣ, но они сами не хотятъ считать себя кметами. Въ виду такой неопредѣленности положенія, судьба этого класса очень разнообразна. Владѣя незначительными земельными участками, эти лица попадаютъ въ экономическую зависимость старость или даже сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Послѣдніе смотрятъ на нихъ, какъ на крестьянъ, требуютъ отъ нихъ крестьянскихъ повинностей; первые считаютъ себя не только свободными, но и *nobiles*. Судебные процессы изъ-за такихъ коллизій имѣютъ

разный исходъ, оканчиваясь то признаніемъ за отвѣтчиками шляхетскаго достоинства, то обращеніемъ ихъ въ кметовъ¹⁾. Часть этихъ потомковъ мелкаго русскаго боярства мы застаемъ въ XV в. на службѣ у замковаго начальства, въ качествѣ замковыхъ слугъ; положеніе ихъ вполне соотвѣтствуетъ положенію литовскихъ путныхъ и панцырныхъ бояръ. Эти слуги (*servitores*, служки, служебные), жившіе на небольшихъ участкахъ, вблизи замковъ, исполняли разныя полицейскія, административныя и военныя обязанности въ пользу замка, развозили письма зам-

¹⁾ Какимъ образомъ старости старались закрѣпить замковыхъ слугъ, видно изъ слѣд. примѣра, приведеннаго въ люстраціи Холмскаго староста (Лит. Метр. IV, В, 7, р. 293). W ziemi Chelmskiej sliachta w Lipiu Lipszy pod starostwem Krasnostawskim za ranow z Teczina przinuczeni są na poslugi zamku Krasnostawskiego. Placza golego plathu starosczie dzisieiszemu 10 grziwien, owsza 40 kor., caplunow 20, y k temu poslugami nieznosnemi obciążają ye. A iest wiadomosc szwieza wsiatkiej sliachci, ysz staradawna bili volnemi ziemiani, yeno ze iem listhi w Crasnim nawie pogorzali, iako uniej sliachczie.

М. Ф. Владимирскій-Будановъ (Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Лубл. уѣдн 1569, Кіевъ 1891, р. 98—9) повидимому дѣлаетъ нѣкоторое различіе между *слугами* и *служками* (отмѣчал послѣднее названіе въ трехъ повѣткахъ польскаго Подолья), считая первыхъ высшимъ разрядомъ служебныхъ людей. Съ такимъ разграниченіемъ слугъ отъ служекъ не согласенъ рецензентъ труда М. Ф., г. В. М. (Кіевская Старина 1892, октябрь), утверждающій, что это два наименованія для того же разряда служебныхъ людей. Съ своей стороны мы присоединяемся скорѣе къ мнѣнію М. Ф. Изъ многихъ фактовъ можно убѣдиться, что *слуга* — названіе болѣе почетное, чѣмъ *служба* (и филологически это имѣетъ оправданіе — *служба* уменьшительное отъ *слуга*). Казимиръ называетъ *слугою* Ходка Вибельскаго, одного изъ крупнѣйшихъ представителей галицко-русскаго боярства XIV в. Въ люстраціяхъ XVI в., какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *служками* дѣйствительно называется лишь низшій разрядъ служебныхъ людей, исполняющихъ разныя замковыя послуги. Разрядъ служебныхъ людей, обязанныхъ главнымъ образомъ военной службой на замокъ, встрѣчается вѣдчаще подъ наименованіемъ слугъ, *servitores*, бояръ, мановъ землянъ. *Бояре* — въ Сокальскомъ староствѣ въ с. Цыганы: Tamze Bojarow iest dwoch, który zadnego szwazu nie daią, bo *miasto sluzkow* (powinni) są koniem iechac, gdzie starosta kaze. Любомирскій (Rolnicza ludnosc w Polsce) указываетъ на бояръ въ одномъ селѣ Львовской земли XVI в. Въ Львов. землѣ въ XVI в. было нѣсколько wzi manow albo ziemianow zamkowi Lwowskiemu sluzącich (Л. Метр. IV, В, 19, л. 186): такъ село Ямница zupełnie здавна iest nadana *slugom*, которые должны ѣздить на сторону къ Татарской, Валахской и Угорской границамъ szasu trwogi, или когда велеть львов. староста, ѣздить со старостой въ ловы, какъ видно изъ ихъ привилегій и старихъ инвентарей. Люстратору жаловался замковнй урядъ на ихъ непослушаніе. Въ с. Лозина живутъ земляне или манн (manowie), осажены на одномъ дворцѣ. Повинности ихъ тѣ же, что и мановъ с. Ямницы; далѣе въ актѣ они именуется *служками*. Мы думаемъ, что разница между *слугами* и *служками* затерялась отъ многихъ причинъ, а главное отъ стремленій старостъ, нами уже указанныхъ, закрѣпить слугъ или по крайней мѣрѣ заставить ихъ отбывать возможно больше разнообразныхъ повинностей въ пользу замка.

коваго начальства, выбирали вмѣстѣ со старостой подати и пошлины, давали военную сторожу въ замокъ, оберегали границы повѣта и пр.

Иллюстрацію положенія такихъ слугъ даетъ намъ исторія рода Добрянскихъ, судьбу которыхъ мы можемъ прослѣдить съ самаго начала XV в. Въ 1402 г. Ягелло жалуетъ уличскимъ слугамъ (*servitores de Ulicz*), Юрію, Зану и Дмитрію, за ихъ вѣрную службу поле Добра въ Саноцкой землѣ. За это пожалованье братья обязаны были отправлять военную службу тремя стрѣльцами и служить тремя конями Саноцкому замку (*ad castrum nostrum Sanocense in eisdem tribus equis servire quociens fuerit oportunum et fuerint requisiti*). Эта жалованная грамота сослужила Добрянскимъ великую службу; изъ нея они выводили всевозможныя для себя привилегіи, опирались на нее въ своихъ постоянныхъ пререканіяхъ со старостами; считали себя шляхтичами, неподсудными старостинскому суду, утверждали, что находятся подъ особымъ покровительствомъ короля и ему только хотѣли давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ мы постоянно встрѣчаемся въ саноцкихъ судебныхъ книгахъ съ Добрянскими. Это, повидимому, былъ элементъ очень буйный, задорный и завзятый. Старосты жалуются, что Добрянскіе не заботятся о выполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, не хотятъ служить замку, развозить пишемь, выступать со старостой въ походъ. Сосѣди постоянно обвиняютъ Добрянскихъ въ насиліяхъ, воровствѣ, поджогахъ, убійствахъ — это настоящіе *enfants terribles* всей окрестности.

Добрянскіе владѣютъ землею на правахъ собственности, продаютъ ее, мѣняютъ, передаютъ по наслѣдству. Они имѣютъ своихъ крестьянъ, обрабатывающихъ ихъ землю.

Благодаря настойчивости Добрянскихъ въ защитѣ своихъ дѣйствительныхъ или презумптивныхъ правъ, неопредѣленности выраженій въ ихъ уставной грамотѣ, законъ совершенно безсиленъ въ отношеніи Добрянскихъ; онъ не знаетъ къ какой категоріи ихъ отнести. Добрянскіе фигурируютъ въ актахъ то какъ *homines kmethones*, то какъ *heredes, terrigenae, domini*. Они настаиваютъ на своемъ шляхетствѣ, но неохотно показываютъ свои привилегіи, да кажется, кромѣ уставной грамоты Ягелла, никакихъ привилегій и не имѣли, а грамоту эту дѣйствительно можно было толковать на разные лады.

Въ концѣ концовъ однако Добрянскіе вышли побѣдителями въ борьбѣ со старостами. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось до-

битися признанія свого шляхетства. Въ 1621 г. въ галицкія книги вносятся упомянутая грамота Ягелла Добрянцамъ по требованію „*nobilis Andree Dobrzanski de Dobre districtus Sanocensis*“. Часть рода Добрянскихъ однако и по сіе время осталась въ крестьянствѣ, тогда какъ владѣтели Добры въ настоящее время шляхтичи.

Добрянскіе сохранили свое православное вѣроисповѣданіе и повинѣ¹⁾.

¹⁾ Привилегію Ягелла Добрянскимъ см. Акта гр. VII, № 22. Жалоба старосты сводкаго на Добрянскихъ Акта гр. XI, р. 282. О нихъ вообще Акта гр. XI раз-
вим, а также Акта гр., т. X. Подлинная сульба въ примѣчаніи къ изданію грамоты 1402 г. (Акта гр. VII, № 22). Исторія рода Добрянскихъ до средины XVI в. пре-
красно разсказана люстраторомъ XVI в. (Лит. Метр. IV, В. 19, р. 58 об.). Если
другіе приводимые нами примѣры указываютъ исторію умаленія слугъ, то исторія
Добрянскихъ содержитъ интересныя указанія на способы, какими настойчивые слуги
пользовались для эмансипаціи отъ старостинской власти. Приводимъ цѣликомъ этотъ
любопытный актъ:

Dobra, wyes przy rzecze Szanie, w ktorej wszithko ziemianie miesskaią, mającz
gruntu doszcz y oszaidloszcz nyemala, pol y lyassow y ląk bardzo wyelle. Polie
wielkie na którym ta wyesz zdawna zassiadla było dane przez krolia Wladislawa
niejakim slugom (съ боку приписка: anno Dni 1402) in ea conditione, aby s tej wsi
ustawicznie trzemi konmy byla sluzba do zamku Sanoczkiego, ku wsseliakiej po-
trzebie panu staroszczie Sanoczkiemu pro tempore existenti (надъ строкой: iako o tem
dekretъ seymowy obmawia), y na woyni przy panu staroszczie Sanoczkiem takze byli
powinni yachacz zwiczaiem swoyem. Iakoz tak sie zachowywalo przez lyath wyele,
po them successu temporis odkupuiącz z sluzbe potoczna y ustawiczna, którą byli
(ut praemissum est) zamkowi powynni, okrom woyni (bo yako sie niektorzi ziemiane
stamtądze do tego znali, ze nie tilko na woyni, alie ku wszelakiej potrzebie tak
s panem starostą, yako s podstaroszcziem yezdali na graniczi węgierskie (съ боку:
dawaiącz czynsz). Alie the ustawiczna sluzbe, tho iest ze onich trzech sluskow,
ktorzi muszieli mieskacz przy zamku ustawicznie, possilano z listi barani wibieracz
y wieprze, nad lyudziemi przy zacięgu stawaly, etc., tho oni odkupuiącz postąpili
byli dawacz na zamek Szanozoki na kazdi rok grziwien dziesiecz, a czasu trwogi
wszelyakiej, gdy ym z zamku dano znacz, yachali przędsie y dawali ten czynsz do
zamku Sanoczkiego az po nynyeiszi rok. Alie na seymie blisko przeslem Piotrokow-
skym a. D. 1565 otrzymali ssobie przywilyej libertacyej od takowego czynssu, ad re-
lationem R—di D. Petri Miskowski, R. P. Vicecanc. in ea conditione, abi czassu
ruszenia pospolitego s tei wsi wsiszczi ziemianie wyprawily na woynie thilko czterech
jezdnych. A oni przed thym na kazda woynę nyetilko czterich jezdnych wissilali,
alie kazdi s swego gospodarstwa zwiczaiem ziemian y sliachcziczow polskich yezd-
zali. A iak czo lepiej, tho niechai J. K. M. uzna. O слугахъ замковыхъ или путныхъ
въ Латовской Руси, см. предисловіе В. Б. Автоновича къ архиву юго зап. Россіи,
т. IV, т. I. (Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи).
Кіевъ. 1887. „Слуги замковыя или путныя, владѣя небольшими участками земли, обя-
заны были за нее отправлять послугу замковую; изъ этой службы замковой важнѣй-
шю обязанность составляла „сторожа“, т.-е. обязанность поочередно содержать

Замѣтимъ, что названіе слугъ, служекъ, служебныхъ, *servitoges*, *serviles* общее для всѣхъ лицъ, отбывающихъ извѣстныя повинности въ пользу замка. Повинности эти весьма разнообразны. Кромѣ указанныхъ уже повинностей, служками назывались ре-

караулъ у воротъ замка; къ послугѣ замковой относятся еще „погонъ“, т.-е. исполненіе административныхъ распоряженій державца или старости и оповѣданіе вѣстей, т.-е. развозка писемъ, пакетовъ и оповѣданій по приказанію старости или державца; вслѣдствіе послѣдней обязанности болре замковые и получили вслѣдствіи названіе *мутныхъ*. Кромѣ того, они платили въ пользу замка полаты и пошлины. Въ административномъ отношеніи путные слуги были подчинены „зверхности замковой“, т.-е. власти старости или державца, управляющаго тѣмъ замкомъ, къ которому они были приписаны, р. 6. Послѣ Люблинской уніи замковые слуги были привааны людьми посполитыми, подвластными королевскому старостѣ, къ которому они стали почти въ такія же юридическія отношенія, въ какихъ находились крестьяне къ владѣвшимъ ими шляхтичамъ, и отличались отъ послѣднихъ только по отношенію къ землевладѣнію, *ib.*, р. 7.

Для XV в. болѣе всего болѣе данныхъ о служебныхъ людяхъ находимъ въ судебныхъ книгахъ Савоцкой земли (Аста гт. XI). Для XVI в. см. Люстраціи русскаго воеводства въ Архивѣ Мин. Юст. Лит. Метр. книги переписей, IV, В. № 12.

Въ с. Ямница Галицкой земли 4 служки, ѣздятъ съ письмами, куда прикажутъ, стерегутъ и выбираютъ мыто, собираютъ съ писаремъ пчельную и баранью десятины. Однѣ изъ нихъ возный. Въ пользу замка ничего не платятъ.

Въ с. Калуса ландвойтъ, возный, слуга мѣйскій *liberi* (отъ повинностей) *ratione roslug*; кушнеръ служитъ своимъ ремесломъ.

Въ Теребовльской землѣ с. Зубово. Трое служекъ: десятникъ, лѣсничій и кушнеръ, сидятъ на службѣ, дани не даютъ; с. Каптурн — 2 служекъ, ничего не платятъ *gear. serviciogum*, т. е. стерегутъ лѣса, ѣздятъ съ письмами, и со старостой и подстаростой для разныхъ надобностей, выбираютъ овецъ и свиней. Даютъ только поволощину и пчельную дань.

Борекъ, мѣстечко. Коваль работаетъ на замокъ. 7 человекъ оказываютъ державцѣ услуги, какія прикажетъ. Свободны отъ дани.

Каменка, мѣстечко. Коваль работаетъ ко двору, ничего не платитъ.

Львовская земля, с. Смерековъ. 25 крестьянъ на дворищахъ, которыя больше лана. Ничего не платятъ, т. е. сидятъ на службѣ (*na posludzie*), ѣздятъ подводами на 16 миль. Павщины 7 дней въ году, ходятъ на толоку. Почты по 2 курицы, 10 яицъ. Всѣ вѣстѣ 5 $\frac{1}{2}$ полумѣръ меду.

Самборская земля, с. Березницъ. 3 служекъ исполняютъ всякія послуги, стражу надворную, ѣздятъ съ письмами. Платить только по 2 $\frac{1}{2}$ гроша почты и 2 гр. подмыщины. Каждый на $\frac{3}{4}$ лана.

С. Колчици. — Были прежде *ловчіе*, платившіе по 5 полумѣрохъ меду съ борга, теперь рольныхъ крестьянъ 36.

С. Великая Былина. Крестьяне ѣздятъ съ письмами и работаютъ въ фольваркѣ. Савоцкая земля, с. Беско. 11 служекъ (обязанности не обозначены, 1 возный).

С. Тренча. 3 служекъ лѣсныхъ; стерегутъ лѣса, служатъ, развѣзая, куда прикажутъ. Ничего не платятъ.

С. Новосельцы. 5 служебныхъ, каждый на $\frac{1}{2}$ лана, платятъ только по 48 гр. съ лана. ѣздятъ, куда прикажутъ.

месленники, служившіе замку своимъ ремесломъ, дѣсничіе, оберегавшіе замковые дѣса, ловчіе, атаманы и десятники въ селахъ.

Служебные люди получали извѣстный участокъ земли, иногда съ инвентаремъ и за пользованіе имъ отбывали разныя замковыя повинности. Поступали въ служебные люди крестьяне, мѣщане и потомки древнихъ обѣдѣвшихъ бояръ. Разница въ повинностяхъ вліяла и на положеніе служебныхъ людей: служебные, исполнявшіе административныя, полицейскія и военныя обязанности, стояли, разумѣется, de facto гораздо выше служебныхъ, работавшихъ въ замковыхъ фольваркахъ, хотя юридической разницы въ положеніи разныхъ разрядовъ служебныхъ и не было. Разница въ обязанностяхъ отразилась и на судьбѣ служебныхъ, хотя старосты и старались подвести всѣхъ служекъ подъ одну категорію — крестьянъ. Высшая категорія служекъ, по своимъ обязанностямъ стоявшая однако ближе къ шляхтѣ, чѣмъ къ крестьянству, вступаетъ со старостами въ борьбу и, какъ мы видѣли на примѣрѣ Добрянскихъ, иногда выходитъ побѣдителемъ, добившись завѣтной цѣли всякаго обывателя сословнаго польскаго государства — шляхетства.

ГЛАВА II.

Судьба крестьянскаго населенія Галицкой Руси XIV—XV в.

Исторія крестьянъ Галицко-Русскаго княжества за время русскихъ князей намъ почти не извѣстна. До второй половины XIII в. мы знаемъ о крестьянахъ Гал. Руси немногимъ болѣе того, что они здѣсь существовали. Но каково было ихъ общественное устройство, ихъ экономическій бытъ, на какіе разряды дѣлился низшій слой населенія Галицко-Русскаго княжества, на это мы не находимъ отвѣтовъ въ единственномъ источникѣ для этого періода — нашей древней лѣтописи. Одно только можемъ сказать, что и до XIII в. здѣсь существуютъ рабы и свободное крестьянство.

Классъ рабовъ пополнялся здѣсь главнымъ образомъ путемъ плѣна, но набирался не только изъ однихъ плѣнныхъ непріятелей, а также и изъ мѣстныхъ жителей, — въ смутахъ XIII в. находимъ случаи, когда жители мятежныхъ городовъ раздавались „на подѣлъ“¹⁾.

Низшіе классы населенія Гал. Руси встрѣчаются въ лѣтописи подъ разными наименованіями. Такъ, названіе „челядь“²⁾, „чадь“³⁾,

1) Ип. 556. Данило беретъ гор. Возвыгль: и городъ зажьже, люди же изведе и власть я на подѣлъ ово брату си, ово же Лвови, другихъ Шварнови.

2) Ип. 505: створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемь коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси Лядьской.

Cf. ib. 582. Законъ же баше в Ляхохъ таковъ: челяди нѣ имати, ни бити, но лупяхуть. Впрочемъ какъ соблюдались эти договоры, видно изъ Ип. 586: и вспомню Володимѣръ, оже преже того Лестко, пославъ Люблинѣць, взялъ бяшетъ у него село на Вькраиници, именовъ Вовнь, и напоминался ему Володимарь о томъ много, абы ему воротилъ челядь, онъ же не воротилъ ему челяди его: за се же посла нанъ Литву И воеваша около Люблина и поимаша челяди множество, и оволонавшеса и тако поидоша назадъ с честию.

Ив. 587. Юрьн же... посла рать свою. И тако шедше взяша Сохачевъ городъ и поимаша в немъ товара много и челяди, а прокъ исѣюша.

Ив. 599. Юрій (въ походѣ на Люблину) возвратися восвоися со множествомъ полона, челяди, скота и коней.

3) Кондрать... многи побн отъ полку Лестькова бояръ и простую чадь. Ип. 590. Названіе челядь (szelanth) встрѣчаемъ и въ XV и XVI в. въ значеніи дворовыхъ

употребляется въ галицко-волинской лѣтописи для обозначенія низшаго класса населенія вообще. Что названіемъ челяди обозначалось не одно только несвободное населеніе, а крестьянское сословіе вообще, видно изъ договоровъ русскихъ князей съ польскими — не воевать челяди, и изъ многихъ другихъ мѣстъ лѣтописи.

Другія названія для низшихъ классовъ населенія въ Гал. волод. княжествѣ — смерды, люди.

Смердами, повидимому, называются какъ крестьяне, такъ и низшіе разряды горожанъ¹⁾.

Названіе „люди“, какъ кажется, въ частности примѣнялось къ классу населенія несвободному, прикрѣпленному къ землѣ, отбывавшему натуральныя повинности въ пользу землевладѣльца²⁾.

Къ эпохѣ же княжескаго періода несомнѣнно нужно отнести и *сотныхъ* людей. Названіе *музники*³⁾ обозначаетъ конное войско, а не классъ населенія. Наконецъ еще въ княжескій періодъ мы встрѣчаемся съ свободнымъ классомъ населенія, поселеннымъ

слугъ (Акта гр. XI, р. 273, инвентарь имущества фольварка въ Улицѣ). Въ XVI в. эта челядь была большей частью наемной, получала жалованье. (Лит. Метр. IV B 12 passim (въ описаніи замковыхъ фольварковъ).

1) Ип. 341: ... а смерди скачуть чересь заборола къ Иванови и перебѣже ихъ 300.

Ив. 494: бояринъ боярина плѣнише, смердъ смерла, градъ града...

Ив. 525: придоста Лазарь Домажиречь и Иворъ Молибожвъ два беззаконника отъ племени смерды.

Смерди пѣшцы. Ип. 529.

2) Завѣщаніе Владиміра Васильковича... городъ Кобринъ (женѣ) и с людьми и з лавою, како при мнѣ дали, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моеѣ. Иже даль есмь ей село свое Городезь и с мытою, а людѣе како то на мя страдаю, тако и на княгиню мою по моему животѣ.

Ип. 555. Люди татарскіе.

Ип. 556: люди же изведе я дасть и на подѣл (Данило).

ср. Люди = холопы въ позднѣйшихъ великорусскихъ актахъ; людскіе дворы въ отлечіе отъ крестьянскихъ (Костомаровъ, Стеньга Разинъ. От. Зап. 1858 г., 11).

3) Ип. 517: приде вѣсть Данилу... яко Ростиславъ сошелъ естъ на Литву со всѣми бояры и с музники...

Ип. 538. Наутрѣ же собратася вси Ятвязѣ, пѣшци и музники.

Ип. 549. Ятвеземъ вытекшимъ на въ (на Льва) изо оскѣ, сущи же с нимъ музникии вобѣгоша.

Ип. 556. Свузникомъ же сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратшася.

Словарь церковно-слав. и русск. яз. Акад. Наукъ: *Смузникъ* — всадникъ; «не елена стрѣляти и свузнику быти, но тѣло обуздвати. Сборн. 212 об. Свузній — церк. конный. «И се самъ грядетъ свузны мужъ». Псаин, XXI ст. Остр. пяд.

Бортняковъ находимъ въ Гал. Русь, какъ особый классъ свободнаго населенія.

(Акта гр. II, № 8 въ числѣ свидѣтелей... а се бортници Пашко, бортникъ ись Емелина, Юрко Мошничъ, Михаю Великопольскій и Чолко Залѣсскій). Шаравѣвичъ, Русъ wewn. stos., р. 55 и 70 приравниваетъ бортняковъ къ боярамъ — едвали основательно.

на границахъ государства для защиты отъ набѣга кочевниковъ. Въ XIII ст. на юго-восточныхъ границахъ Галицко-Русскаго княжества мы въ этой роли находимъ Болоховцевъ, по всей вѣроятности, валашскихъ выходцевъ, сидѣвшихъ общинами съ князьями во главѣ.

Низшіе классы населенія занимаются земледѣліемъ и разными промыслами¹⁾.

Изъ позднѣйшихъ актовъ можно заключить, что одна часть населенія жила отдѣльными дворищами²⁾, другая была устроена по сотнямъ³⁾. По нашему мнѣнію, на сотни дѣлилось населеніе, поселенное въ ближайшихъ къ городамъ селахъ. Эти поселенцы получали землю и хозяйственный инвентарь и за это обязаны были *службой*, т.-е. исполнять разныя повинности въ пользу города и содержать сидѣвшую въ городѣ дружину⁴⁾.

Повинности крестьянскаго населенія состояли въ разныхъ даняхъ и поборахъ; съ XIII в. къ нимъ прибавляется и татарщина, татарская дань, собираемая князьями. Населеніе сель, ближайшихъ къ городамъ, обязано было ремонтировать городскія укрѣпленія. Дань и поборы собирались съ крестьянскаго населенія натурой — овсомъ, рожью, льномъ, хлѣбами, медомъ, скотомъ и разной живностью⁵⁾. Несвободное населеніе

1) Рыболовы галицкіе. Ил. 341. Сѣдельники, лучники, тульники, кузнецы — вѣроятво городскіе ремесленники. Ил. 558.

2) О владѣніи дворищами рѣчь будетъ ниже.

3) Ил. 613. Мстиславъ налагаетъ ловчее на Берестьянъ: со ста по двѣ лунки меду... а на горожанахъ 4 гривны кунъ.

4) Доказательства см. въ дальнѣйшемъ изложеніи при характеристикѣ сотанхъ XV в.

5) Изложенное въ текстѣ основано на завѣщаніи Владимира Васильковича и грамотѣ Мстислава Берестьянамъ. Въ первой читаемъ: далъ есмь княгинѣ своей, по своемъ животѣ, городъ свой Кобринъ и с людьми и з дамюю, како при мѣѣ дали, тако и по мѣѣ ать дають княгинѣ моей. Иже далъ есмь ей село свое Городелъ и с мытомъ, а людье, како то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ; аже будетъ князю городъ рубити, и ни к городу, а поборомъ и Татарычиномъ ко князю. Ил. 595.

Въ грамотѣ берестьянамъ: Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внуку Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и в вѣки за нихъ коромолу: со ста по двѣ лунки меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцать десяткѣвъ лу, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякаго ста; а на горожанахъ 4 гривны кунъ... Ил. 613.

cf. Ил. 521. Данилъ же и Василко власта ему (Михангу) ходити по землѣ своей, и даста ему шпеници много и меду и говядъ и овцѣ доволѣ. Упоминаются еще повинности — дамянца, путница (Akta gr. I, № V). Изъ косвенныхъ податей — мыто (завѣщаніе Влад. Васильковича).

обязано было и разными работами въ пользу владѣльца (*страда-
дать*)¹⁾.

Широкое развитіе боярства и боярскаго землевладѣнія въ Гал. Руси объясняетъ намъ то печальное положеніе низшихъ классовъ населенія, намеки на которое мы находимъ въ галицко-волинской лѣтописи²⁾. Бояре притѣсняють и грабятъ населеніе какъ землевладѣльцы и правители — законные и незаконные. Приобрѣвъ разными путями обширныя земельныя имущества, бояре конечно старались привлечь на нихъ возможно большее количество населенія и подчинить его своей власти. Если признать подлинность нѣкоторыхъ грамотъ XIII в., дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ копіяхъ, то уже въ это время князья уступали отдѣльнымъ боярамъ юрисдикцію надъ населеніемъ ихъ земель³⁾.

Злоупотребленія галицко-русскаго боярства привели къ весьма любопытному факту: измученное боярскими вымогательствами населеніе нерѣдко предпочитало закладываться за татаръ, переходить подъ ихъ непосредственную власть, чѣмъ оставаться подъ властью князя, безсильнаго обуздать боярское корыстолюбіе⁴⁾.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя даетъ лѣтопись о положеніи крестьянъ въ княжескій періодъ Гал. Руси⁵⁾.

Древняя исторія сословій въ Польшѣ, а въ частности исторія древне-польскаго крестьянства изучены до настоящаго времени

¹⁾ Заѣзжаніе Влад. Вас. Ип. 595. О холопахъ-страдающихъ см. В. О. Ключевскаго, Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи. Русск. Мысль 1886 г., кн. 5, 7, 9, 10.

²⁾ Ип. 605. Владимирцы въ такихъ выраженіяхъ оплакиваютъ Владимира Васильковича: добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толкнуу свободу, якоже и гдѣ твой Романъ свободилъ бяшетъ отъ всихъ обидъ.

³⁾ Akta gr. I, № 4. Жалованная грамота князя Льва литовскимъ выходцамъ Тугешин и Монтсѣку на село Добавѣвичи Черем. волости: со оусѣми побори ис вилами исъ головничствомъ и серпомъ, ис косою, ис млиномъ, со оусѣми оужитки какъ еси самъ держалъ.

⁴⁾ Относящіеся къ этому явленію факты выбраны изъ лѣтописи г. Сергіенко въ статьѣ «Громадскій рухъ на Украини Руси въ XIII в.», Записки товариства имени Шевченко, ч. I, Львовъ 1892 г. Впрочемъ на значеніе этого движенія указывали Н. П. Дашкевичъ (Княженіе Давида Галицкаго, р. 61), Н. В. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, гл. VI.

⁵⁾ Замѣтимъ еще, что во времени Болеслава-Юрія относятся первыя попытки введенія вѣи. права въ Гал. волод. княжествѣ. См. грамоту у Реппеля, Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts. Грамота эта дана Бартку Сандомирскому на войтовство въ Санокѣ; въ числѣ свидѣтелей находимъ войтовъ de Bahna, de Varsov. Размѣръ чина съ лавы земли опредѣленъ въ грамотѣ въ 16 грошей; воля — 15 лѣтъ.

очень слабо¹⁾. Исслѣдователи не согласны между собою ни относительно числа классовъ, на которые распадалось древнее польское общество, ни относительно происхожденія ихъ, ни относн-

¹⁾ Довольно полную библиографію изученія исторіи крестьянъ польскихъ можно найти въ предисловіи къ соч. Wal. Przybowski, Włościanie u nas i gdzie indziej, Wilno 1881. Само это произведение однако болѣе публицистическій трактатъ, притомъ крайне тенденціозный, чѣмъ научное послѣдованіе (авторъ писалъ исключительно по пособіямъ). Рецензію на этотъ трудъ см. Al. Jelski, Uwagi w kwestyi włościan, a mianowicie: jak było u nas i gdzie indziej, Warszawa 1884 г.

Древнѣйшей исторіи польскаго крестьянства посвящены многія страницы въ волемиическихъ статьяхъ Бобржинскаго, Смольки и Пѣкосинскаго о происхожденіи польскаго общества (Rozprawy i sprawozdania Akad. Um. w Krakowie, wydziału hist. filozof. т. XIV, см. также соч. Smolka, Mieszko Stary i jego wiek, Warsz. 1881, Piekosinski, O dynastycnem szlachty polskiej pochodzeniu, Krakow 1888 г.; его же любопытное примѣчаніе въ изданномъ имъ томѣ Cod. dipl. cath. Krak. I (Monum. medii aevi I, p. 81). Для XIII и XIV в. см. соч. Rom. Hube, Prawo polskie w XIII w. Warsz. 1874. Его же Prawo polskie w wieku XIV (Ustawodawstwo Kazimierza W. Warsz. 1881) и особенно его Prawo polskie w XIV w.: Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi XIV w. Warsz 1886, основанное на массѣ неизданнаго матеріала.

Изъ русскихъ трудовъ укажу на соч. Винавера, Исслѣдованіе памятника обычнаго права XIII в., писаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, Варшава, 1888, и Горемыкина, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб. 1869.

Изъ старыхъ трудовъ: Grevenez, Der Bauer in Polen, Berlin 1818. Edm. Stawiski, Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego, Warsz 1858, и особенно T. Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVIII w. (Bibl. Warsz. 1857—62), трудъ, основанный на первоисточникахъ, хотя содержащій много ошибокъ и неточностей. Перечисленіе другихъ менѣе важныхъ трудовъ (въ томъ числѣ и Maciejowski, Hist. włościan w Polsce, Warsz. 1874) у Приборовскаго. Послѣдній по времени трудъ, посвященный исторіи крестьянъ въ Польшѣ, принадлежитъ г. Бобржинскому (Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce, Rocznik Akademii umiejętności w Krakowie, rok 1891—92, Krakow 1892). Статья г. Бобржинскаго основана исключительно на законодательныхъ постановленіяхъ, собранныхъ въ Volumina Legum и рисуеъ историческую картину закрѣпощенія крестьянъ въ Польшѣ на основаніи однихъ лишь юридическихъ памятниковъ; г. Бобржинскому вѣроятно не извѣстно исслѣдованіе проф. Антоновича, Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII в. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. II), вначе онъ воспользовался бы богатымъ фактическимъ матеріаломъ этого труда, превосходно иллюстрирующимъ теоретическія соображенія г. Бобржинскаго о причинахъ ухудшенія положенія польскихъ крестьянъ съ конца XVII в.

При Краковской академіи существуетъ премія имени ген. Октавіа Августиновича за трудъ, посвященный исторіи польскаго крестьянства. Учредитель преміи предлагаетъ слѣдующую задачу: „Исторія паденія крѣпостного права въ земляхъ, вошедшихъ некогда въ составъ Рѣчи Посполитой, съ предварительнымъ обзоромъ исторіи образованія крестьянскаго сословія въ древней Польшѣ, его развитія и упадка и разсмотрѣнія всѣхъ явленій какъ въ области литературы, такъ и въ общественной жизни, имѣвшихъ цѣль улучшеніе положенія крестьянскаго сословія. Предложенная тема раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ:

тельно характеристики ихъ правъ. Одни изслѣдователи насчитываютъ 7 классовъ (Бобржинскій), другіе — только 3 (Смолька, Пѣкосинскій). Одни принимаютъ туземное происхожденіе всѣхъ общественныхъ классовъ въ древней Польшѣ, другіе — выводятъ только низшіе классы отъ туземцевъ, принимая классы высшіе за потомковъ чужеземныхъ напелъцевъ, родину которыхъ одни ищутъ въ землѣ прибалтійскихъ славянъ, другіе — въ землѣ Норманновъ.

По мнѣнію однихъ, землевладѣльцами въ древнюю эпоху Польши являются только низшіе классы, въ то время какъ классы высшіе землею до XII в. не владѣютъ, составляя безземельную княжескую дружину, жившую частью при дворѣ князя, частью въ качествѣ гарнизона по разнымъ польскимъ городамъ (Пѣкосинскій). По мнѣнію другихъ, только высшіе классы владѣютъ земельной собственностью, въ то время какъ крестьяне собственной землей не владѣютъ, а живутъ на княжескихъ земляхъ въ качествѣ чиншевиковъ (дѣдичи). Изъ низшихъ классовъ только свободные люди, происшедшіе отъ дѣдичей, освобожденныхъ князьями отъ личной зависимости, и чужеземные колонисты имѣютъ право пріобрѣтать землю въ собственность (Бобржинскій). Наконецъ третью считаютъ ядромъ польскаго народа свободное население мелкихъ земельныхъ собственниковъ (владыкъ) (Смолька).

Что касается самой организаціи крестьянскаго сословія, то всѣ изслѣдователи согласны въ признаніи *ополя* (*opole*), соответствующаго нашей верви, одной изъ древнѣйшихъ формъ крестьянской организаціи. Глубокая древность ополя доказывается уже тѣмъ, что мы застаемъ эту форму въ XII в. уже въ состояніи разложенія¹⁾.

1. Исторія крестьянскаго сословія въ древней Пастовской Польшѣ, т.-е. Великой Польшѣ, Малой Польшѣ, Мазовіи, Куявіи и Силезіи.

2. Исторія крестьянства на Руси и Литвѣ.

3. Исторія паденія крѣпостной зависимости въ присоединенныхъ къ Руси областяхъ Рѣчи Посполитой, а также въ Лифляндіи и Курляндіи.

4. Исторія паденія крѣпостнаго права въ областяхъ польскихъ, присоединенныхъ къ Пруссіи.

5) Исторія паденія крѣпостнаго права въ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Австріи (см. Rocznik Akad. umiejętności w Krakowie, rok 1891—92, p. 141).

Нужно надѣяться, что эта премія (срокъ — конецъ декабря 1894) вызоветъ рядъ трудовъ по мало разработанной исторіи польскаго крестьянства.

1) Объ ополяхъ см. Roeppele, Gesch. Polens I, приложение II, Винаверъ, l. c., p. 98, Smolka, Mieszko Stary, p. 124, Piekosiński, Rozprawy i sprawozd. XIV p. 228. Себастьянскій, Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ 1888 г., p. 106, слѣд.

Г. Винаверъ принимаетъ еще административное, болѣе мелкое тѣмъ ополе, дѣловіе крестьянскаго сословія на деревни (p. 99).

Ополе, повидимому, есть древнѣйшій бытовой союзъ отдѣльныхъ сосѣднихъ деревень для нѣкоторыхъ общихъ цѣлей, изъ которыхъ намъ извѣстны лишь немногія. Мы знаемъ, что деревни, входившія въ составъ ополья отвѣчаютъ круговой порукой за преступленіе, совершенное въ его предѣлахъ. Центральное село, вокругъ котораго группировались остальные, называлось *чело*. Опольемъ воспользовались князья для своихъ финансовыхъ цѣлей, налагая подати и повинности на все ополье кругомъ, а оно, вѣроятно, отвѣчало за нихъ, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, виновники которыхъ были неизвѣстны (или не выдавались общиной), круговой порукой. Однако уже въ XII ст. эта форма крестьянской организаціи клонится къ упадку. Въ многочисленныхъ земельныхъ пожалованіяхъ церкви встрѣчаемъ въ числѣ разныхъ привилегій и освобожденіе отъ опольной связи (а *visicia*, s. *opole liberamus*). По всей вѣроятности, это происходило вслѣдствіе того, что церковь нерѣдко получала пожалованье на отдѣльные села, входившія какъ часть въ составъ ополья. Разъ отдѣльныя части ополья находились подъ властью разныхъ лицъ или учреждений, послѣднія и старались оторвать принадлежавшія имъ села отъ связи съ другими опольными селами, въ виду разныхъ неудобствъ, которыя вытекали для владѣльцевъ изъ старыхъ отношеній ихъ крестьянъ къ ополью.

По мнѣнію Пѣкосинскаго, въ эпоху первыхъ польскихъ князей на ряду съ опольемъ существовала и другая форма организаціи крестьянскаго сословія, которую этотъ ученый именуетъ *нарочной* или уставной (*narokowa*). Села, расположенныя вблизи городовъ или военныхъ поселеній, обязаны были исполненіемъ извѣстныхъ специальныхъ повинностей въ пользу военного гарнизона: одни пекутъ для нихъ хлѣбъ (пекари), другіе готовятъ пищу (кухари), доставляютъ разную живность (ловцы, рыбаки), стерегутъ скотъ, коней (конюхи) и т. д. Они находятся въ распоряженіи завѣдывающаго городомъ и отбываютъ повинности по очереди. За исполненіе указанныхъ повинностей нарочники пользуются извѣстными участками земли. Но съ того времени, когда шляхта получаетъ земельный надѣлъ, нарочники становятся излишними, и ихъ вмѣстѣ съ земельными участками, на которыхъ они сидятъ, князья начинаютъ раздавать монастырямъ и костеламъ. Наконецъ, по мнѣнію Пѣкосинскаго, нѣкоторая часть низшаго сословія была еще устроена по *сотнямъ*: военноплѣнныхъ садили въ разныхъ мѣстахъ десятками родовъ, и 10 такихъ поселеній должны были поставлять одного вооруженнаго воина.

Надъ десятью такими десятками стоялъ сотникъ, собиравшій съ нихъ подати и слѣдившій за отбываніемъ повинностей сотныхъ, а надъ всѣми сотниками начальствовалъ *Pstresto*.

Что касается экономическаго положенія древне - польскаго крестьянства, то мы имѣемъ слишкомъ мало фактовъ для сколько-нибудь точной его характеристики¹⁾.

Правовое и экономическое положеніе польскаго крестьянства становится намъ лучше извѣстнымъ съ половины XIV в. Юридическое положеніе ихъ опредѣляется изъ памятниковъ законодательства и судебныхъ книгъ, экономическое изъ многочисленныхъ уставныхъ грамотъ на Нѣмецкое право, имѣвшее такое широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ Польши.

Статутъ Казимира знаетъ только одинъ разрядъ низшаго класса населенія — крестьянъ (*kmethones, villani*). Рабства, какъ отдѣльный институтъ, въ статутахъ Казимира не находимъ. Однако *servi illiberi*, которыхъ *dominus ubi vult, locare potest*, упоминаются въ одномъ изъ статутовъ 15 в.²⁾ Официальной отмены рабства въ польскихъ законодательныхъ актахъ нѣтъ. Закрѣпощеніе крестьянъ и вліяніе церкви — два условія исчезновенія рабства въ Польшѣ. Первое дѣлало рабство излишнимъ, т. е. приблизило положеніе крестьянъ къ рабскому состоянію. Вторая возставала противъ порабощенія католиковъ. Поэтому, если рабство *de facto* еще продолжало существовать въ Польшѣ (въ Литвѣ оно существовало и *de jure* въ XVI в.), то рабами признавались лишь одни нехристиане.

Польскій крестьянинъ XIV в. являлся еще лицомъ, имѣющимъ значительныя юридическія права. Онъ еще лично свободенъ, владѣетъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, на которое имѣетъ право распоряженія, ведетъ самолично судебные процессы; за убійство и пораненіе крестьянина установлена вира³⁾. Свобода его ограничена только въ двухъ отношеніяхъ — въ правѣ выхода и подсудности по нѣкоторымъ дѣламъ. Что касается перваго, то въ этомъ отношеніи мы находимъ въ источникахъ нѣкоторое противорѣчіе. Въ статутъ Казимира находится извѣстное постановленіе о выходѣ крестьянъ: ежегодно изъ cadaго

¹⁾ Перечисленіе крестьянскихъ повинностей см. у Смолья, *Mieszko Stary, do-datek III*.

²⁾ Стат. Ягайла 1420, *Bandtkie, Ius Polon.*, p. 219, § 31. *De servis aut ancillis illiberis, evadentibus aut fugientibus*.

³⁾ *Hube, Prawo polskie, w 14 wieku. Ero же Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku.*

села могутъ выйти безъ согласія пана только одинъ или два крестьянина, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ крестьяне могутъ оставить село (если панъ насилуетъ крестьянскихъ женъ или дочерей, если за вину пана крестьяне терпятъ имущественный убытокъ, если за вину пана крестьяне въ теченіе цѣлаго года подлежатъ экскоммуникаціи)¹⁾. Изъ этого постановленія можно бы вывести заключеніе о существованіи закрѣпощенія крестьянъ въ Польшѣ уже въ XIV в. — если безъ воли пана только одинъ или два крестьянина могли выходить изъ села, то изъ этого можно бы заключить, что остальные крестьяне лишены были права свободного выхода. Между тѣмъ многочисленныя факты въ судебныхъ актахъ не только XIV но и XV в. доказываютъ обратное — существованіе въ это время свободного *reclatio* (перехода) крестьянъ. Противорѣчіе это разрѣшается сравненіемъ указаннаго постановленія Висл. статута съ подобнымъ же параграфомъ статута Великопольскаго²⁾. Здѣсь перечислены условія, которымъ долженъ былъ удовлетворить крестьянинъ при выходѣ: указанъ во-первыхъ срокъ выхода (на Рождество Христово и непременно днемъ), во вторыхъ разъяснены и условія которымъ долженъ былъ удовлетворить крестьянинъ при выходѣ: сидѣвшій на польскомъ правѣ крестьянинъ долженъ былъ оставить въ порядкѣ свой дворъ (*domo relicta bene et decenter serpta*), если сидѣлъ на *воли*, то отслужить пану столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ. Сидѣвшій на нѣмецкомъ правѣ крестьянинъ могъ выйти, уплативъ пану чиншъ за всѣ года *воли*, поставивъ на свое мѣсто другого крестьянина, или обработавъ и засеявъ свое поле. Не исполнившій этихъ условій крестьянинъ считался бѣглымъ, и всякій принявшій его долженъ былъ его вернуть пану, уплативъ кромѣ того пеню. Но если такъ, какъ же объяснить постановленіе Висл. статута о правѣ выхода одного или двухъ крестьянъ изъ каждаго села, помимо воли пана? Значить, одинъ или два крестьянина могутъ во всякое время оставить село, не исполнивъ своихъ обязательствъ по отношенію къ пану?

Намъ кажется, что объясненіе значенія этого постановленія находится въ одномъ вариантѣ его, напечатанномъ у Гельцеля³⁾,

¹⁾ Hube, Prawo polskie w XIV w.

²⁾ Ib. p. 185 в L.

³⁾ Starodawne prawa polskiego pomniki I, p. Summa stat. Kaz. z tłumaczeniem ks. Swietosława.

тамъ мы читаемъ „plures kmethones de una villa ad aliam recedere non possunt nisi a decem unus, praeter domini villae voluntatem“. Если мы вспомнимъ, что одно изъ важныхъ отличій поселеній на правѣ польскомъ отъ селеній на правѣ нѣмецкомъ состояло въ характерѣ раскладки повинностей, т.-е. что крестьяне на правѣ польскомъ платили *огуломъ* извѣстныя дани, между тѣмъ какъ каждый крестьянинъ, сидѣвшій на правѣ нѣмецкомъ, отбывать опредѣленныя повинности и платы *за себя*, то сущность этого постановленія станетъ намъ ясна, — задачи его гарантировать платежную правоспособность общины крестьянъ, сидѣвшихъ на польскомъ правѣ. Съ уменьшеніемъ числа членовъ общинъ было все труднѣе отбывать наложенныя на нее повинности — одинъ и тотъ же размѣръ ихъ съ уходомъ соучастниковъ разлагался на меньшее число членовъ. Аналогію для этого постановленія мы найдемъ ниже и въ поселеніяхъ на русскомъ правѣ, гдѣ точно такъ же право свободнаго выхода имѣлъ только одинъ изъ каждаго десятка.

Другое важное ограниченіе личныхъ правъ крестьянина состояло въ подсудности крестьянина доминіальной власти пана. Съ вѣишной стороны здѣсь еще нѣтъ ограниченія правъ, это только перестановка судебной компетенціи, — государство переуступаетъ частному лицу судебную свою компетенцію надъ крестьяниномъ. Въ дѣйствительности однако, этотъ фактъ имѣлъ огромное и чреватое послѣдствіями значеніе для личнаго положенія крестьянина.

Юрисдикціи пана подлежали дѣла между его собственными крестьянами, а также претензіи другихъ лицъ къ его крестьянамъ. Въ случаѣ отказа пана удовлетворить обиженнаго, послѣдній могъ переносить дѣло въ общіе суды ¹⁾. Такой порядокъ на первое время былъ даже выгоденъ для крестьянъ, такъ какъ защита интересовъ своего крестьянина составляла и прямой интересъ пана. Съ другой стороны, до самаго XVI в. крестьянинъ имѣлъ еще право иска противъ своего пана и судебнымъ порядкомъ могъ искать защиты противъ его злоупотребленій. Такимъ образомъ до конца XV в. польскій крестьянинъ не представлялъ еще такого юридически безправнаго лица, какимъ онъ намъ является въ XVI в. Юридическое закрѣпощеніе крестьянъ начинается лишь съ конца XV в. Отъ времени статутовъ Казимира и до статута 1496 г. въ законодательныхъ памятникахъ нѣтъ какихъ-либо особенно существенныхъ постановленій, стѣсняющихъ свободу крестьянъ. Это не значитъ конечно, чтобы въ фактическомъ

¹⁾ Hube, Sądy etc. p. 39.

положеніи крестьянина не произошло никакихъ измѣненій съ середины XIV до конца XV в. Статуту 1496 г. несомнѣнно должны были предшествовать извѣстныя обычныя нормы, юридически закрѣпленныя въ этомъ статутѣ.

На положеніе польскаго крестьянина въ XIV в. долженъ былъ несомнѣнно отразиться въ хорошемъ смыслѣ фактъ приобрѣтенія Черв. Руси. Необходимость въ рабочихъ рукахъ заставляла шляхту Червонной Руси призывать на очень льготныхъ условіяхъ рабочее населеніе изъ Польши. Въ свою очередь, опасеніе остаться безъ рабочихъ рукъ должно было заставлять и польскую шляхту, особенно ближайшихъ къ Черв. Руси польскихъ земель, умѣрять свои требованія къ крестьянамъ. Въ виду этого повинности польскаго крестьянина XIV в. еще довольно незначительны; они сводятся къ довольно умѣренному чиншу (около 1 гр. въ годъ) и незначительной панщины (4 дня въ годъ)¹⁾.

Новыя условія помѣщичьяго хозяйства въ XV в., явившіяся вслѣдствіе возможности выгоднаго сбыта хлѣбныхъ продуктовъ, успѣшное заселеніе Черв. Руси, сократившее усиленное перезываніе польскаго крестьянина на *волю* — вотъ важнѣйшія причины, создавшія новыя, болѣе тягостныя, условія для положенія польскаго крестьянина. Съ конца XV в. юридическія права крестьянъ польскихъ подвергаются все болѣе и болѣе стѣснительнымъ ограниченіямъ въ трехъ направленіяхъ: 1) прикрѣпленіи ихъ къ землѣ, 2) увеличеніи количества повинностей и особенно барщины, 3) безусловномъ подчиненіи доминальной власти пана. Юридически процессъ закрѣпощенія польскаго крестьянина завершился во второй половинѣ XVI в., хотя фактически онъ завершился лишь къ концу XVII в.²⁾.

Низшіе классы населенія Черв. Руси встрѣчаются въ актахъ подъ самыми разнообразными наименованіями. Одни изъ этихъ наименованій указываютъ на правовое положеніе того или другаго разряда населенія, другія на его экономическое положеніе, третьи на характеръ отбываемыхъ повинностей.

Въ правовомъ отношеніи низшіе классы подраздѣляются существеннымъ образомъ на два разряда — несвободныхъ и свободныхъ (*illiberi, liberi*).

¹⁾ Huba, l. c., p. 39.

²⁾ Bobrzyński, Karta z dziejow lude wiejskiego w Polsce, p. 175. Экономическое положеніе польскаго крестьянина въ древней Польшѣ ждетъ еще своего изслѣдователя.

Къ числу несвободныхъ принадлежатъ какъ полные рабы (*servi*), такъ и цѣлый рядъ лицъ зависимаго состоянія, не имѣвшихъ полного права распоряженія своею личностью. Къ такимъ принадлежатъ *коланные* (*kalanny, kalannik, caleny, calennik*), *ордынцы* и *сотные*.

Свободные классы низшаго разряда населенія встрѣчаются въ актахъ главнымъ образомъ подъ именемъ *homines, kmethones*¹⁾.

Свободные (*liberi*) крестьяне, имѣвшие право выхода (похожіе, *zarochodzący*), по способу отбыванія повинностей дѣлятся на *данниковъ* (*homines tributarii*) и людей служебныхъ, исполнявшихъ въ пользу землевладѣльцевъ тѣ или другія службы (*serviles, servitores, sluzebny*²⁾).

По экономическому положенію крестьяне дѣлятся на *possessio-nati* (*osiadły, obsessi, locati*) и *impossessionati* (*inquilinus, subses, podsadek*). Первые, смотря по количеству земли, находившейся въ ихъ владѣніи (или пользованіи), носятъ названія — *arealis, curialis, curista, dwornik, podworzyszczny, de area, in curia sedens, de media area* (*de quartale agri, kmetho qui habet aratrum*). Люди дворовые встрѣчаются подъ названіемъ *familia, servitores, servi, челядь*³⁾.

Разслѣдованіе правового и экономическаго положенія крестьянскаго населенія Черв. Руси начнемъ съ класса рабовъ и несвободныхъ.

Происхожденіе древняго рабства вездѣ одно и то же: плѣнь, продажа, рожденіе и разнаго рода зависимыя состоянія ведутъ къ рабству. Но тѣмъ не менѣе положеніе раба у разныхъ народовъ и въ разное время далеко не одинаково. Не только въ фактическомъ, но и въ юридическомъ положеніи раба мы найдемъ не мало отличій, сравнивая рабство у разныхъ народовъ. Понятно, что у одного и того же народа въ разные періоды его исторіи институтъ рабства долженъ былъ видоизмѣняться вмѣстѣ

¹⁾ Встрѣчаемъ однажды названіе *смердъ*, но уже въ качествѣ браннаго слова. (A. gr. XIV, p. 15 «*ipsum infamavit, dicens ipsum gauconem, alias smardze; ib. p. 106. N. Nic. de Grzonda inculpavit nob. Petrum Zolthansky, quomodo appellaret eum minimum, alias smard*). Одновременно встрѣчаемъ названіе *рамай* (A. gr. XII, p. 9. *Decem boves violenter una cum aratro et homine circa aratrum esistenti, alias rajem et duobus famulis pellentibus aratrum... in curiam incipavit. Очень часто общее названіе — incola, colonus.*

²⁾ По роду занятій — конюхи (*agazones*), сокольничіе, заградники, *molendinator, ropinator* (корчемникъ), бортникъ.

³⁾ *Sedentes in camera XIV, 209, б. м. aediles и дворянники (domus... in qua sedit aedilis suus, alias dwornyk, A. g. XV p. 123.)*

со всѣмъ строемъ общественной жизни. У современныхъ цивилизованныхъ народовъ юридическое рабство исчезло, законъ уже не знаетъ раба, не признаетъ человѣка вещью, которою можетъ безконтрольно, по личному своему усмотрѣнію, распоряжаться господинъ. Рабство однако и теперь не исчезло, оно только перемѣнило свой обликъ — человѣкъ привязанъ теперь не къ лицу, не къ землѣ, а къ *обязательству*; законъ не спрашиваетъ, кто и что прикрѣпили человѣка къ обязательству, но смотритъ на послѣднее какъ на господина, а на связаннаго имъ какъ на раба. Конечно, *de iure* въ положеніи связаннаго обязательствомъ и раба большая разница — прикрѣпленіе къ обязательству ведетъ въ дурномъ случаѣ лишь къ ограниченію правъ, хотя бы и порою весьма важному, какъ временному лишенію свободы, а рабство — къ полной утратѣ всѣхъ личныхъ правъ. *De facto* положеніе экономически зависимаго однако нерѣдко хуже положенія древняго раба, приводя человѣка въ безвыходное моральное рабство. Но сравненіе стараго рабства съ новымъ не входитъ въ нашу задачу и повело бы насъ слишкомъ далеко.

Однако и въ прошломъ у разныхъ народовъ, стоявшихъ на одинаковыхъ ступеняхъ культурнаго развитія, въ эпоху полнаго господства рабства, признаннаго и охраняемаго закономъ, мы замѣчаемъ не мало интересныхъ отгѣнковъ, а иногда и довольно существенныхъ чертъ отличія въ относительномъ положеніи раба. Національный характеръ, преобладаніе одного какого-либо источника происхожденія рабства, экономическія условія страны, извѣстныя культурныя теченія — все это отражалось и на положеніи раба не только въ фактическомъ, но и въ юридическомъ отношеніи.

„Рабъ — человѣкъ не свободный, онъ принадлежитъ не себѣ, а господину, онъ не субъектъ, а объектъ правъ. Но исходя изъ мысли, что рабъ есть собственность, предки наши не могли же не замѣчать, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякой другой собственностью... Рабъ есть собственность, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого принципа въ частностяхъ“¹⁾.

Другой изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ права, идетъ еще дальше, замѣчая, что состояніе холопства есть только наибольшее ограниченіе правъ, но не окончательное лишеніе ихъ; холопы обладаютъ нѣкоторыми правами, поэтому почтенный авторъ и

1) Сергѣевичъ, Русск. юрид. древн. 97.

отнесъ отдѣль о холопахъ не къ ученію о вещахъ (объектахъ), а къ ученію о субъектахъ¹⁾.

И то и другое мнѣніе имѣютъ за собою одинаково вѣскія основанія — это два протівоположные момента рабства. На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, при господствѣ одного обычнаго права, рабъ является дѣйствительно только собственностію господина, объектомъ еію правъ. Такъ было вездѣ, такъ было конечно и у насъ²⁾.

Съ развитіемъ гражданственности, съ проникновеніемъ въ нашу жизнь разныхъ культурныхъ началъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто слѣдуетъ отвесъ христіанству, и положеніе раба постепенно видоизмѣняется. Онъ все болѣе и болѣе теряетъ характеръ безусловной собственности, объекта, и все болѣе, такъ сказать, субъективируется. Какъ вездѣ, такъ и въ юридическомъ положеніи раба, практика идетъ далеко впереди закона. Въ то время какъ законъ еще долго стоитъ на сторонѣ старыхъ понятій, признаетъ раба вещью и оберегаетъ одни интересы господина-собственника, самъ собственникъ, подъ вліяніемъ разныхъ культурныхъ и нравственныхъ теченій, начинаетъ разбираться въ своихъ правахъ и дѣлать человѣку-вещи разныя уступки, отдавая ему, хотя и очень постепенно, нѣкоторыя права. Житейская практика начинаетъ проникать въ законодательство, узаконяю-

1) Влад. Булавоу, Обз. ист. русск. пр. 329.

2) Главнѣйшіе труды по исторіи рабства на Руси:

Б. Н. Чичеринъ, Несвободныя состоянія въ древней Руси (Опытъ по ист. русск. права); В. О. Ключевскій, Подушная подать и отиѣна холопства въ Россіи (Русск. Мысль 1886, кн. V, VII, IX; его же—Происхожденіе крѣпостного права, ib. 1885, № VIII и X; М. Ф. Владимірскій-Булавоу, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е, Кіевъ 1888 г., р. 329—343; В. И. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, 1890, р. 94—160; И. В. Лучицкій, Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. К. Унив. Изв. 1885 г., № 11—12; его же, Русскіе рабы и рабство въ Руссильонѣ въ XIV и XV в., ib. 1886, № 11.

Мы не мѣлимъ въ виду дѣлать здѣсь изслѣдованія исторіи древнерусскаго рабства; мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, обоснованныхъ выводовъ разныхъ изслѣдователей по данному вопросу. Не можемъ однако не указать на два, по нашему мнѣнію, значительныхъ недостатка въ методѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей древнерусскаго рабства (недостатки эти отражаются очень часто на изслѣдованіи другихъ сторонъ древнерусскаго быта разными учеными):

1) не принимаются во вниманіе мѣстныя особенности отдѣльныхъ древнерусскихъ земель.

2) институтъ не разсматривается достаточно строго въ его историческомъ развитіи и въ связи съ измѣненіями въ общемъ строѣ жизни; а между тѣмъ общій строй мѣстныхъ особенностей, характеръ занятій населенія и т. п. должны были несомнѣнно отразиться и на положеніи раба въ отдѣльныхъ земляхъ; на это сохранились намеки въ разныхъ памятникахъ.

щее нѣкоторыя изъ обычныхъ правъ раба. Еще дальше само государство изъ собственныхъ, чисто впрочемъ фискальныхъ, цѣлей, не сочувствовавшее распространенію полнаго рабства, начинаетъ сокращать разные источники рабства, и послѣднее вымираетъ естественною смертію. Замѣчательнъ фактъ, указанный уже не разъ нашими изслѣдователями русскаго права, что у насъ не было никакого законодательнаго акта отмѣнявшаго институтъ рабства. Культурныя теченія, смягчавшія на практикѣ суровость рабства въ соединеніи съ постепеннымъ закрытіемъ источниковъ самаго института и узаконеніемъ разныхъ правъ нѣкогда вовсе безправнаго челоуѣка-вещи совершенно видоизмѣнили сущность этого института. Въ то же время умаленіе правъ другихъ классовъ общества порвало тѣ рѣзкія грани которыя отдѣляли когда-то раба не только отъ свободнаго, но и отъ временно зависимаго субъекта, и рабство окончательно слилось съ крестьянствомъ, съ своей стороны утеравшимъ большую часть своихъ правъ, — старое холопство, слившись съ крестьянствомъ, отравило его своимъ безправіемъ.

Такова въ короткихъ чертахъ общая схема исторіи нашего рабства.

Въ то время какъ въ Польшѣ рабство перестало уже существовать *de jure*, въ Галицкой Руси, долго еще послѣ введенія польскаго права, оно продолжало жить и, если не признавалось, то терпѣлось закономъ, значительно однако ограничившимъ и смягчившимъ этотъ древній институтъ. Какъ увидимъ изъ примѣровъ судебной практики, правительство стремилось обратить существовавшее еще здѣсь рабское состояніе въ состояніе кабальной зависимости и опредѣляло способы прекращенія этой зависимости.

Въ галицкихъ актахъ мы находимъ нѣсколько терминовъ для обозначенія рабскаго состоянія: *servus*, *illiber* (*familia illibera* = невольная челядь), *kallanny*.

Терминъ *servus* можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе, такъ какъ онъ прилагается къ несвободному и свободному (чаще) населенію — въ послѣднемъ случаѣ въ смыслѣ слуги¹⁾.

Терминъ *familia* точно такъ же относится къ разрядамъ какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ лицъ (*familia libera*, *familia illibera*)²⁾.

¹⁾ А. gr. XIII, p. 398—9. *Nobiles servi*, ib. p. 434. Пролажа *servicii et obedientiae* вадъ *nobiles servi*. *Servitores illiberi*. А. gr. II, № 58.

²⁾ Nob. Georg. de Krosna... *lucratus est* (на D. Th. de Buczacz) *supervencionem*

Kalanny, kаланство есть видъ несвободнаго состоянія, хотя въ разговорномъ языкѣ, повидимому, этотъ терминъ употреблялся и въ общемъ смыслѣ — рабства¹⁾.

Акты XV в. указываютъ намъ нѣсколько еще дѣйствующихъ источниковъ рабства: покупку и отдачу въ рабство за невыполненіе извѣстныхъ обязательствъ. Оба эти источника существовали и въ болѣе древнее время, но съ инымъ характеромъ

Открытая продажа и покупка рабовъ въ предѣлахъ польскаго государства не допускалась, поэтому приобрѣтеніе рабовъ покупкой могло происходить только за предѣлами собственной Польши. Въ Литвѣ однако въ XV в. рабство существовало еще въ значительныхъ размѣрахъ. Тамъ существовали довольно значительные рынки работорговли, и продажа рабовъ происходила открыто съ соблюденіемъ тѣхъ же обычаевъ, что и при всякихъ торговыхъ сдѣлкахъ при свидѣтеляхъ и питіи могорыча. Изъ одного акта мы узнаемъ, что подобный рынокъ находился между прочимъ въ Луцкѣ, и что работорговлей тамъ занимались евреи²⁾.

Упомянутый актъ — любопытное судебное дѣло о паробкѣ Яковцѣ или Иванкѣ, проданномъ и перепроданномъ въ рабство. Дѣло состояло въ слѣд.: нѣкій шляхтичъ Андрей de Sennow продалъ армянину Ивану (provido Iwanis Armeno) паробка Янка (Jan-kowycz iuvenet, въ другихъ мѣстахъ онъ называется Jakowycz, т.-е. Яковъ) за двѣ копы. Однако другой шляхтичъ, Петръ Жолтавскій, задержалъ этого паробка, утверждая, что онъ сынъ его врестьянина Шимка и жены его Ганки (Hancze), захваченный вмѣстѣ съ двумя конями и тридцатью козами татарами во время ихъ набѣга на Русь. Андрей de Sennow утверждаетъ, что купилъ паробка въ *Луцкѣ у еврея* и продалъ его *за русскаго* (et eundem e contra *pro Rutheno* vendidit), въ доказательство чего указываетъ на могорычниковъ (mercipotores) Гринка и Юшка (de districtu Premisliensi), свидѣтелей продажи. Но отецъ и мать паробка заявляютъ, что имя ему Иванъ, а не Яковецъ, и что онъ *христианинъ*, а не *русскій* (et est Christianus, non Ruthenus).

violentem al. *nagyasdu* (наѣздъ) super octo nobilibus, qui eciam *familiam ipsius liberam et illiberam* disperserunt violenter. A. gr. XIV, p. 22.

¹⁾ . . . asserebat esse *illiber et regius*, alius *ordyniec* i *kalanny*, Acta Castr. Leop. 1470, (A. Gr. VX, p. 461) *illiber*, vulg. *kalanny*, *illiberi* al. *kallany* *kalanni* al. *illiberi*, A. gr. XII, № 871, 891, 8028. Приводимой Любомирскимъ цитаты Iurscha — dedit se ad ordam in *kalanstwo*, мы же нашли въ львовскихъ актахъ.

²⁾ A. gr. XIV, p. 257 ad. a. 1448.

Къ сожалѣнію, въ актахъ львовскихъ нѣтъ окончанія этого любопытнаго дѣла; львовскій староста, на судѣ котораго это дѣло разбиралось, отложилъ его на судѣ короля и пановъ будущаго вѣча. Рѣшеніе высшей инстанціи намъ не извѣстно.

Разсказанное дѣло очень важно для исторіи рабства въ Галицкой Руси XV в. Мы видимъ, что въ XV в. христіанинъ, какимъ по понятіямъ поляковъ былъ только католикъ, не могъ быть проданъ въ рабство. Продавецъ оправдывается тѣмъ, что считалъ его за русскаго (за какого и купилъ). Но и самая продажа въ рабство русскаго происходитъ уже въ сурдинку, безъ письменныхъ актовъ, а только въ присутствіи свидѣтелей (могорычниковъ). Мы не знаемъ рѣшенія суда въ этомъ дѣлѣ, но изъ другихъ судебныхъ дѣлъ можемъ опредѣлить взглядъ закона на состояніе рабства: законъ не признаетъ продажи свободнаго человѣка въ вѣчное рабство; законъ признаетъ только временное зависимое состояніе, временную кабалу, которая прекращалась погашеніемъ условія, его вызвавшаго. Въ доказательство такого взгляда закона приведемъ нѣсколько судебныхъ рѣшеній по дѣламъ о проданныхъ въ рабство.

Галицкій еврей Мардохей требуетъ судебнымъ порядкомъ возвращенія бѣжавшей отъ него несвободной женщины, приобрѣтенной покупкой (*et ipse eam emit*). Опрошенная на судѣ женщина заявляетъ, что еще маленькой была куплена за копу; еврей утверждаетъ, что купилъ ее за шесть копъ. Судъ порѣшилъ, что отвѣтчица должна уплатить еврею копу грошей, а если еврей докажетъ свидѣтелями, что заплатилъ за нее больше, то отвѣтчица должна столько же ему уплатить. Судъ не договариваетъ, но смыслъ рѣшенія ясенъ — уплативъ сумму, за которую была продана, отвѣтчица становится свободной.

Къ сожалѣнію, это интересное дѣло изложено въ актахъ слишкомъ кратко и неполно — мы не знаемъ, гдѣ была куплена отвѣтчица и кѣмъ продана въ рабство¹⁾.

Итакъ изъ этого дѣла вытекаетъ, что рабъ освобождался уплативъ покупную сумму своему господину. Можно было бы пред-

¹⁾ Приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный актъ: *Mardocheus Iudeus de Halyc actor proposuit super feminam illiberam, quam coram iure adduxit, quia sibi fugit, et ipse eam emit. Et mulier per iudicium est interrogata, unde esset. Que dixit: parva fui, quando sum empta pro sexagena, Iudeus dixit: domini, ego eam emi pro sex sexagenis et habeo super hoc homines. Domini decreverunt Iudeo sexagenam pro ea, et si quid plus docebi litera de iudicio portata, quod homines ibidem existentes coram iudicio recognoscerent, quia plus daret pro ea, hoc sibi Iudeo mulier solvere debet. A. gr. XIV, p. 280.*

положить, что освобождение происходит здѣсь потому, что евреямъ запрещалось имѣть рабовъ-христіанъ, но мы уже видѣли, что христіанами признавались только католики. Мы не знаемъ вѣроисповѣданія отвѣтчицы, но думаемъ, если бы она была католичка, то судъ освободилъ бы и даже безъ уплаты покупной цѣны. Что евреи владѣли рабами, на это есть много фактовъ. Въ одномъ актѣ грубешовскій еврей за долгъ въ 150 м. закладываетъ львовскому старостѣ все свое имущество, въ томъ числѣ десять купленныхъ рабовъ¹⁾.

Что законъ возставалъ противъ порабощенія свободнаго чело-вѣка, доказываетъ слѣд. дѣло: генеральный староста Руси возбуждаетъ дѣло (повидимому по жалобѣ потерпѣвшей) противъ шляхтича Станислава de Sczerperze, продавшаго свободную женщину въ рабство еврею. Шляхтичъ оправдывается тѣмъ, что не продавалъ истицы въ рабство, а только заложилъ ее (*invadiavit in pecuniis suis, quam sibi mulier predicta tenebitur*) за долгъ²⁾.

Какъ же совмѣстить съ такими стремленіями закона къ ограниченію рабства его *открытое* существованіе?³⁾ Изъ многихъ

¹⁾ А. гр. XIV, р. 245. *Issaczko Sokolowicz ludeus Hrubeschowiensis... in hys debitis... obligavit omnia bona sua... (mobilia) et immolilia in Hrubeschow... domum, agrum et alias possessiones... (quas) ibi habet et etiam decem emptas liberas personas...*

²⁾ А. гр. XIV, р. 34.

³⁾ Торговля рабами происходила и въ самомъ Львовѣ совершенно официально еще въ XV в. 1466 г. Казимиръ далъ купцамъ Каффы грамоту на свободный и безпошлинный провозъ всякихъ товаровъ кромѣ невольниковъ (*homines obnoxii*), за которыхъ они уплачивали во Львовѣ по флорину съ головы (*Wl. Lozinski, Patrucyat i mieszanstwo lwowskie w XVI и XVII w. Lwow 1890, р. 38 А. гр. VI, № 67*). Въ 1472 г. львовскій мѣщанинъ Лука Двиднеръ заноситъ въ львовскія магистратскія книги росписку въ полученіи 100 фл. велг., занятыхъ у него итальянцемъ изъ Бергамо *Russeto* и его товарищемъ Францискомъ *de Paria* на содержаніе невольницъ во Львовѣ. По *Зиморовичу*, котораго цитуетъ *Зубрицкій* (*Kron. miasta Lwowa, р. 220*), этотъ итальянецъ устроилъ во Львовѣ публичный домъ, для чего и доставилъ сюда невольницъ. Но онъ былъ за это преданъ суду и изгнанъ изъ города. По *Зубрицкому*, домъ, гдѣ помѣщалось устроенное итальянцемъ заведеніе, стоялъ долго необитаемымъ, пока городская управа не продала его жиду *Нахману* (*domum ligneam, quondam meretricum lenociniis*), *ib. р. 221*. Изъ привезенныхъ *Руссетомъ* невольницъ двѣ женщины были родомъ изъ *Абхазіи* православнаго исповѣданія, православной была и дѣвушка *мигрельская*; двѣ женщины католички, кромѣ того у одной абхазки была дочь, а у католички *генетъ гетиса* — сынъ. По договору этихъ невольницъ съ *генуэзскимъ* купцомъ *Ломеллино*, (перекупившимъ невольницъ у *Руссета*), сохранявшемуся въ львовскихъ магистратскихъ книгахъ, онѣ получаютъ свободу, отслуживъ владѣльцу 12 лѣтъ въ *Генуѣ* за сумму своей стоимости. Но если бѣгутъ въ дорогѣ, то договоръ теряетъ силу. Дочь абхазки и сынъ католички получаютъ полную свободу. *Lozinski, l. с. р. 38*.

актовъ мы убѣждаемся, что контингентъ рабовъ въ Галицкой Руси XV в. весьма значителенъ. Рабами владѣютъ частныя лица (въ томъ числѣ часто евреи), находимъ цѣлый классъ рабовъ королевскихъ; рабы заносятся въ судебныя акты въ общемъ числѣ имущества разныхъ лицъ, закладываются, продаются вмѣстѣ съ имуществомъ и отдѣльно, въ рабство завѣренными въ судѣ документами отдаютъ разныя свободныя лица не только самихъ себя, но и своихъ женъ и дѣтей. И все это происходитъ десятки лѣтъ спустя послѣ введенія въ Галицкой Руси права польскаго, въ которомъ *de jure* уже нѣтъ класса рабовъ? Дѣло въ томъ, что какъ мы уже указывали, введеніе въ Черв. Руси польскаго права имѣло совершенно иное значеніе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Введеніе польскаго права въ Гал. Руси обозначало только введеніе здѣсь администраціи и судоустройства на польскій ладъ, такъ какъ до того судебное и административное устройство Черв. Руси значительно отличалось отъ устройства собственно польскихъ провинцій. Но польское *право* и послѣ 1435 г. распространялось здѣсь *только на тѣхъ, кто ему подлежалъ, кто былъ in jure Polonico.*

Не только въ Черв. Руси, но даже и въ Польшѣ вовсе не было правиломъ положеніе — *сujus dominium, ejus jus*¹⁾. Въ имѣніяхъ шляхтичей, имѣвшихъ *plenum jus militare polonicum*, находились массы населенія, жившія на нѣмецкомъ правѣ. Въ Черв. Руси разнообразіе *правъ* было еще гораздо больше. На королевскихъ, церковныхъ, частно-владѣльческихъ земляхъ жило населеніе, пользовавшееся самыми разнообразными *правами*: населеніе на правѣ нѣмецкомъ, польскомъ, валашскомъ, русскомъ. Евреи, армяне, татары, даже чуть не ятвяги имѣли свое *jus* и судились по своимъ юридическимъ обычаямъ.

Русское право, какъ мы знаемъ, признавало существованіе рабства, а какъ русское *право* вовсе не было отмѣнено въ Черв. Руси съ введеніемъ здѣсь польскихъ порядковъ въ администраціи и судоустройствѣ, то рабство осталось здѣсь еще на долгое время послѣ 1435 г.²⁾

Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ въ подлинникѣ этого интереснаго договора. По-видимому, и Армяне не брезгали работоторговлей, *ib. p. 38, cf. Записъ въ А. г. XIV, p. 121. Cristoforus italicus solvat n. Stanislaw de Gora decem residuas marcas pro homine quem sibi vendidit.*

1) Употребляемъ здѣсь слово *jus* въ смыслѣ права, по которому судилось населеніе, подлежащее доминантной власти извѣстнаго лица.

2) Замѣтимъ еще, что въ древней Польшѣ можно было вносить въ книги судебныя

Поэтому - то рабство въ Черв. Руси XV в. существуетъ не только въ силу *доживанія* стараго института, не отмѣннаго законодательствомъ, но и при посредствѣ *дѣйствующихъ* еще источниковъ этого института. Контингентъ рабовъ пополняется, здѣсь не только путемъ естественнаго народненія дѣтей отъ рабовъ-родителей, но и другими путями: плѣномъ, покупкой, порабощеніемъ за невыполненіе извѣстныхъ обязательствъ.

Прямыхъ указаній на рабовъ изъ плѣнныхъ въ актахъ мало, но едва ли можно сомнѣваться, что и въ XV в. плѣнниками въ значительной степени пополнялся классъ рабовъ¹⁾. Вслѣдствіе болѣе оживленныхъ сношеній съ сосѣдними странами, обмѣнъ и выкупъ плѣнниковъ долженъ былъ происходить несравненно чаще, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Поэтому однако рабы-плѣнники едва ли составляли въ XV ст. такой значительный процентъ, какъ въ предыдущія столѣтія.

Покупали рабовъ, какъ мы видѣли, за предѣлами Гал. Руси. Но, какъ мы опять видѣли, перепродажа рабовъ совершалась и въ предѣлахъ Черв. Руси; маклачили рабами преимущественно евреи, армяне, итальянцы. Продавались рабы и отдѣльно и вмѣстѣ съ имѣніями, заселенными рабами.

Наиболѣе частыми случаями продажи въ рабство является въ актахъ самопродажа (кабала) или продажа и залогъ жены и дѣтей.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характеренъ случай, занесенный въ галицкія судебныя книги²⁾.

Крестьянинъ Зенъ жалуется на шляхтича Яна Кола, что тотъ силой захватилъ его дочь Катерину, *que non erat illibera* (т.-е. обратилъ ее въ рабу). Кола отвѣчаетъ, что не присвоилъ себѣ насильно дочери Зена, но что Зенъ, его крестьянинъ, навелъ на его домъ воровъ, обокравшихъ домъ. Онъ, какъ *Dominus*, дознавшись о его винѣ, судилъ Зена на своемъ судѣ и присудилъ его къ уплатѣ 60 м. Осужденный Зенъ явился на его судъ съ своею дочерью Катериною и *просилъ принять въ уплату этой вины свою дочь, при чемъ урпзалъ ей носъ* (*et ipse veniens ad jus cum filia dicta Katherina, perpetivit me in premissis penis sexa-*

всевозможныя записи. Юридическая состоятельность записей разсматривалась судомъ лишь тогда, когда кто-нибудь поднималъ противъ нея протестъ.

¹⁾ Татаръ, вѣроятно изъ плѣнныхъ, встрѣчаемъ въ Черв. Руси въ XV в. А. гр. XII, р. 284—5.

Татаринъ nob. Strzeczow.

²⁾ А. гр. XII, р. 174.

ginta marcarum dicta filia, et isti ancille nasum cisit). Кога просить судъ положить на истца штрафъ, такъ какъ онъ ищетъ его рабы (*quia ipse proponit pro serva mea*) и куда-то упряталъ дѣвку (*et istam ancillam non habet penes se*). Судъ однако не рѣшилъ постановить какого-либо рѣшенія и отложилъ дѣло до общаго собранія шляхтичей (*colloquium generale*). Такимъ образомъ въ данномъ актѣ отецъ отдастъ въ рабство за долгъ свою дочь. Но въ этомъ актѣ есть еще подробность единственная въ своемъ родѣ: самъ отецъ налагаетъ на свою дочь клеймо рабства, урѣзываетъ (или насѣкаетъ) ей носъ. Мы знаемъ, что на европейскихъ рынкахъ рабовъ клеймили, надрѣзывали щеки и носы¹⁾, но клейменіе рабовъ, да еще родителемъ раба — фактъ, насколько мнѣ извѣстно, на Руси единственный въ своемъ родѣ.

Въ другомъ случаѣ должникъ самъ заноситъ въ судебныя книги запись, по которой предоставляетъ кредитору въ случаѣ невыполненія своего обязательства не только свой домъ, но жену и дочерей, которыхъ заимодавецъ можетъ продать и заложить *tanquam jure adquisitas*²⁾.

Въ одномъ случаѣ *слуга* обязался отправить шляхтичу воинскую повинность; въ случаѣ невыполненія этого обязательства шляхтичъ можетъ держать его въ рабствѣ *по русскому праву* (*et Czuzan ipsum tenebit in jure Ruthenico, velut servum*³⁾).

Къ числу несвободныхъ принадлежитъ классъ *коланныхъ, коланниковъ*⁴⁾. Встрѣчаются коланные какъ въ Червонной Руси, такъ и въ разныхъ областяхъ Литовскаго государства⁵⁾. Что ко-

¹⁾ 1366 г. вѣкто Никола де Баньоли представилъ нотаріусу рабыню, родомъ изъ Константинополя «*medie stature, pelle bianca cum neo super naso et aliis duobus parvis super mela gote dextrae et alio super cilio sinistro, et alio prope oculum sinistrum*... другая рабыня Маргарита была, *pellis ulivigne, cum margine magno in testa apud ciliium sinistrum, margine in gena sinistra prope nasum, nasum rincagnato, aurichulis olim foratis, hodie reclusis, resaldatis*... Лучицкій, Рабство в русскихъ рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. Киевск. Унив. Изв. 1885 г., № 11, р. 387.

²⁾ А. гр. XIV, р. 459.

³⁾ А. гр. XIV, р. 118.

⁴⁾ Такъ въ русскихъ актахъ; въ латвскихъ — *kalanny, kalannik, salanny, kalennik*.

⁵⁾ Въ Черв. Руси въ земляхъ Галицкой и Львовской. Въ Литовской Руси въ земляхъ Киевской, Волынской, Барскомъ староствѣ. Такъ въ люстраціи Киевской земли XV в. находимъ ихъ въ селахъ на Рси (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII, т. II, р. 1: село Цветковъ, а въ томъ селѣ отамонъ, а два человѣка, одинъ *слуга*, а другой коланный). Акты Зап. Россіи I, № 98, жалованная грамота княгини Слуцкой Анны Слуцкому Троицкому монастырю на даннаго человѣка: подъ монастыремъ бити ему, какъ и вни живутъ подъ монастыремъ, а прочъ ему не пойти отъ монастыря, а коли прочъ пойдетъ, тогда маєтъ его искати, какъ *котораго коланного, хто будетъ*

янные классъ несвободный ясно изъ предиката *illiber*, всегда сопровождающій названіе *kalanny*¹⁾. Однако состояніе коланства не есть рабское состояніе. Коланный только лицо ограниченное въ правахъ, но не лишенное ихъ вовсе. Главное ограниченіе личныхъ правъ коланнаго — отсутствіе права на выходъ.

Коланный прикрѣпленъ къ землѣ и не имѣеть *jus reclinacionis*. Въ большинствѣ актовъ, въ которыхъ упоминаются коланные, дѣло идетъ обыкновенно о спорахъ по поводу ихъ *reclinacio*. Въ случаѣ доказательства принадлежности вышедшаго изъ какого-либо села крестьянина къ разряду коланныхъ, онъ непременно возвращается на свое прежнее мѣсто, какъ не имѣющій права выхода²⁾. Что состояніе коланства не есть рабское состояніе, доказывается тѣмъ, что свидѣтельскія показанія коланныхъ принимались на судъ: въ случаяхъ споровъ о принадлежности извѣстнаго лица къ разряду коланныхъ, дѣло рѣшается показаніемъ самихъ коланныхъ подъ присягой, *quod dictus homo est calanny*³⁾.

завастыр тотъ держати“... Лит. Метр. кн. Зап. V, л. 111 (выписка любезно сооб-
щенная намъ М. К. Любавскимъ), вырокъ короля Александра паву Войтѣху Яновичу
на дворъ Костевскій, названный Межырѣчъ (12 іюня 1502), коимъ за Войтѣхомъ
утверждается этотъ дворъ „зъ боярскими землями и зъ селы, и зъ служебными
людми и съ коланными, то есть тланными, и зъ иль землями и зъ данники, и зъ
данныи грошовыми и медовыми“..

Арх. Юго-Зап. Рос. VII, т. II, p. 222. *Sluskowie kolanni, als zubozone liudzi
obraczaja na posluzgi potoczne, ktorzi polachowscizni, ani inszych prerogatiw nie
dawali, tilko podimnego po gr. dwa, puskarowscizni po gr. dwa.*

¹⁾ *Illiber*, vulg. *calanny*, A. gr. XII. p. 88, *kalanny*, al. *illiber*, 16, p. 91. Любо-
мирскій (Roln. ludnosć w Polsce) приводитъ мѣсто изъ львовскихъ судебныхъ книгъ:
Iuryscha dedit se ad ordam in kalanstwo — но мѣста этого мы въ львовскихъ кни-
гахъ не нашли.

²⁾ A. gr. XII, p. 276. *Iudex cum dominis in iudicio sedentibus habet interrogare
mf. d. Andream Pal. Leop. pro hominibus calanne, quia una pars, vct. gs. P. de
Czezibyesy edocuit homine extraneo, al. opczim, quia ibi nulla culpa est hominibus
data circa reclinacionem dictis Nyestor Calannyk, Chodor et Hryn, et alia pars
adversa dixit: N. Paulus Petrilowsky procurator n. Petri officialis Halic. volo edocere
vathamano et homine extraneo et eciam hominibus vicinis al. opczimi, quia predicti
homines sunt illiberi, al. calanny, ib. p. 88. N. P. Sfstelniczky remansit penes Mar-
garetham viduam una cum ancillis tribus contra rev. in Christo patrem dom Archiep.
Leop., qui idem rev-us debet mittere excepto filio racione quod Henricus, procurator
eiusdem rev-i dixit, quod est illiber, vulg. calanny, et idem vidua debet dare me-
diam sexagenam reclinacionem, et super hiis dedit Petrus memoriale racione quod
ibi vadit post virum, cf. примѣч. 5-е на предъидущей страницѣ*

³⁾ A. gr. XII, p. 152. *Ds. Joh. Cap. Trebowliensis in quatuor septimanis hic in
Halicz vathamano et duos homines calanich statuere habet adversus dom Jaconem,*

Коланные, какъ кажется, могли имѣть имущество, заключать нѣкоторыя гражданскія сдѣлки и вести процессы по дѣламъ имущественнымъ черезъ уполномоченныхъ¹⁾. Въ XV ст., какъ кажется, классъ коланныхъ пополнялся не только путемъ нарожденія отъ коланныхъ родителей, но и путемъ поступленія въ рядъ коланныхъ людей свободныхъ²⁾. По крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ факты, что въ одной и той же семьѣ только одинъ членъ коланный, а остальные свободны и имѣютъ право выхода³⁾. Мы встрѣчаемъ даже случаи, когда свободные люди признаютъ себя добровольно коланными, несмотря на обратное показаніе другихъ коланныхъ⁴⁾. Быть можетъ, нѣкоторыя особенности въ положеніи коланныхъ дѣлало состояніе коланства не только не противнымъ свободному крестьянству, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже завиднымъ: коланные, повидимому, отбывали только извѣстныя повинности, не платя никакихъ другихъ податей⁵⁾.

qui iurare habent adversus ipsum ita, quod Olesko est homo *calanni*, et si et (въ-рольто — non) haberet duos *Calannich*, extunc duos bonos viros, cf. ib. p. 205. Такое же свидѣтельство 6 коланныхъ. А. гр. XV, p. 461. Подобное же свидѣтельство ординецъ и коланныхъ селъ Соловки и Журавки (ib).

1) Заключаемъ это изъ слѣдующихъ актовъ. А. гр. XV, p. 125: pendet terminus inter labor. Nyelepko hominem Regium illiberum actorem et nob. dom. Elizabeth Zmygroczska ad quatuor sept.

Ib. p. 127. Gsa dom. Elizabeth de Zmygrod recognovit, quia homini Regio illibero... Myklaschow debet... sibi tenebatur in valore dimidie alterius marce in duabus septimanis. Si non solveret, extunc ds. vicesap. potens erit ipsam Elizabeth pignore in bonis suis in Zmygrod, recepto monisteriali in dimidia altera marca. (ачъ испорченъ) Въ данныхъ актахъ прямо не говорится о коланныхъ, а только о несвободныхъ, рѣшаемъ примѣнять приведенныя здѣсь данныя къ коланнымъ на томъ основаніи, что *illiberi* и коланные, какъ мы видѣли, часто употребляются въ актахъ, какъ терминъ равнозначущіе. Кроме того другой разрядъ несвободныхъ людей, ординцы (о которыхъ ниже), положеніе которыхъ весьма близко къ положенію коланныхъ, имѣтъ, какъ увидимъ, право распоряженія имуществомъ (движимымъ).

2) Что такимъ образомъ пополнялся и классъ ординцевъ, увидимъ ниже.

3) См. на предвд. страницѣ пр. 2.

4) А. гр. XV, p. 460. Gs. Paschko de Jur... citatas per regiam Majestatem ad statuendum hominem nomine Michalo piscatorem de... qui Michalo ex suggestione quorundam hominum asserebat esse illiber et regius, alias *ordyniec* i *kalanny*, homines vero *ordyneczowie* et *calanny* de Slonka cum Thywno de ibidem coram iudicio comparentes recognoverunt, quia prefatus Michalko non est *ordiniec* nec *calanny*, neque de genere ipsorum est, sed est homo liber cum genere suo ab eterno ero; racione quorum quidem hominum recognicionis ipsum Michalo cum suis posteris liberum fore decrevimus et adjudicavimus temporibus perpetuis.

5) А. гр. XII, p. 91. Quemadmodum Mathias cum procuratorio Johannis Cole adinterrogatus est contra Petrum Godowsky pro Ihnath de Bolschow, qui Petrus stans peciit sibi dari ad magn. dom. Palal. Leop. deducendo, quia ista villa *cuique solvit*

Коланныхъ мы находимъ исключительно въ королевскихъ и церковныхъ земляхъ Гал. Руси (церковные коланные — вѣроятно пожалованные церкви вмѣстѣ съ землею)¹⁾.

На основаніи приведенныхъ фактовъ можемъ сдѣлать слѣдующее опредѣленіе состоянія коланныхъ: это несвободный классъ служебныхъ людей; за службу свою они, повидимому, пользуются участкомъ земли, съ котораго кромѣ службы не несутъ никакихъ другихъ повинностей²⁾. Главное ограниченіе ихъ свободы — отсутствіе право выхода; коланные прикрѣплены къ землѣ (службѣ).

Каково происхожденіе названія коланныхъ и самаго этого класса несвободныхъ людей? Едва ли возможно привести названіе коланные въ связь со словомъ *colonus*. Хотя положеніе коланныхъ и соотвѣтствуетъ зависимому положенію римскихъ колонновъ, но принять названіе коланный за испорченное *colonus* я не считаю возможнымъ въ виду того, что въ Польшѣ XIV — XV в. (а въ намъ названіе *colonus* могло попасть только черезъ Польшу) очень частое въ актахъ названіе *colonus* не имѣетъ никакого отношенія къ специальному значенію римскаго колоната, — названіе *coloni* въ латинскихъ актахъ Польши употребляется всегда въ самомъ общемъ значеніи поселенцевъ.

Путь къ рѣшенію вопроса о происхожденіи слова коланный указанъ намъ двумя изъ нашихъ уважаемыхъ лингвистовъ, Э. Е. Коршемъ и Н. И. Веселовскимъ. Проф. Коршъ полагаетъ, что за объясненіемъ слова коланный слѣдуетъ обратиться къ тюркскимъ нарѣчіямъ и указалъ намъ на возможность производства термина коланный отъ слова *коланз*, которымъ въ книгахъ за-

soluciones aliquas nec contribuciones, et sunt homines vulgariter Kalanny alias illiberos (sis) et hoc est notum domino Johanni Capitano Trebowliensi, quod dedimus.

¹⁾ Cf. Akta gr. II, № 58. Король жалуетъ львовскому капитулу село Верблжъ (Wirzbianz) Льв. земля *cum servitoribus nostris illiberis ibidem morantibus*.

²⁾ На служебный характеръ повинностей указываетъ слѣд. мѣсто А. г. XII, р. 90. *Mathias cum procuratoris Cole proposuit contra nobilem Petrum de Godow pro Damsuan et Holeschko homines de Bolschow. Stans idem Godow dixit: dum isti sunt homines regales vulgariter szokolniczy perpetuales, et ideo ipsos mittere non presumo.*

Здѣсь люди, о которыхъ идетъ рѣчь, не названы коланными, но изъ другихъ актовъ мы знаемъ, что село Bolschow королевское имѣніе, принадлежащее къ Галлицкому староству (ib. p. 160) и заселено коланными (ib. p. 91, см. выше, пр 5). Коланныхъ находимъ и въ другихъ служебныхъ селахъ королевскихъ, напр. Солонкѣ и Журавкѣ (А. г. XV, 460—61). Въ Червонорусскихъ актахъ коланные встрѣчаются въ слѣд. селахъ: въ Гал. землѣ въ с. Большовѣ, Калужа (XII, р. 205), Хростковъ (Хростовицы? ib. p. 156 и 236), Львовской — въ Солонкѣ и Журавкѣ. Всѣ эти села — королевскія.

ковныхъ, изданныхъ А. С. Павловымъ, переводится греческое *μαστιξ* — ремень, кнутъ (или ударъ кнута), (въ турецко-татарскомъ коланъ значить поясъ, подпруга)¹⁾.

Проф. Н. И. Веселовскій, весьма любезно отозвавшись на нашу просьбу сообщить свое мнѣніе о происхожденіи названія коланный, сообщаетъ слѣд. конъектуры: „не проще ли будетъ слово коланный, если уже искать ему объясненіе въ татарскомъ языкѣ, производить прямо отъ слова *кулъ* = рабъ? Съ татарскими словами европейцы не церемонились, передѣлывали ихъ по-своему. Тутъ могло бы встрѣтиться однако такое затрудненіе: прилагательнаго отъ *кулъ* у татаръ и турукъ нѣтъ. „Рабское дѣло“ передается — „дѣло раба“, т.-е. существительнымъ въ родительномъ падежѣ, а это будетъ *кулмынъ*. Не могло ли это сбиться съ толку?“

„Кромѣ слова *кулъ* у европейскихъ турукъ употребляется еще другое слово, пожалуй еще болѣе подходящее къ настоящему случаю — *колъ*. Такъ назывались тѣ рабы, которые пользовались нѣкоторыми привилегіями и правами. Такъ они, по истеченіи извѣстнаго срока, *обязательно* обращались въ свободныхъ и сами могли имѣть рабовъ“.

Относительно возможности производства названія коланныхъ отъ *коланъ* тотъ же уважаемый ученый пишетъ намъ слѣд.: „можетъ быть такое сближеніе и возможно, только надо имѣть въ виду, что *коланъ* имѣетъ спеціальное значеніе *подпруги* и *ремня* у *стдла*, едва ли удобнаго для связыванія плѣнныхъ, для этого

¹⁾ § 63, р. 56. Аще вѣцѣи в житницѣ обрѣтоутся крадоуще жито, бѣни боудутъ сто *калановъ*, а жито заплатятъ, ib. § 75, р. 60. Аще кто пожнетъ свою долю, ближнихъ же его доль не пожатыхъ соущихъ и вженетъ свою животноу и часть вѣкоу оучивитъ ближнимъ, бѣетъ боудетъ *калановъ* тритцать и потеряное заплатитъ...

На слово коланъ обратилъ вниманіе и академикъ Ягичъ въ рецензіи на изданнѣ А. С. Павловымъ книга законовна (Archiv für slav. Philol. IX Bd, р. 154): и im § 63, 75, говорить онъ kommt ein beachtenswerter Ausdruck *каланъ* in der Bedeutung Hieb, Peitschenhieb (*μαστιξ*) vor. Prof. Wesselofsky meint, man müsste darunter das türkische wort *golân* (Sattelriemen) verstehen, welches im serbischen als *kolan* wohl bekannt ist; er vergleicht das franz. sangle (cingula) mit der Bedeutung des verbum *sangler* = *appliquer avec force un coup*. Ist die Zusammenstellung richtig, *добавляетъ* почтенный ученый, so würde die Form *каланъ* (gegenüber dem serbischen und türkischen *kolan*) für die südgrossrussische Aussprache des unbetonten o = a sprechen, aber auch das Vorkommen des Ausdruckes in dem Texte auf seine Provenienz ein neues Licht werfen.

За возможность производства наименованія коланный отъ коланъ (замѣтимъ, что въ русскихъ актахъ читаемъ всегда коланный, въ латинскихъ *calanny*) говорила бы и аналогія съ названіемъ колодничи = олѣнники (забитые въ колодки).

нуженъ *арканъ* (волосяная веревка), ремень же, употребляющійся въ общежитіи какъ у османскихъ турокъ, такъ и у среднеазиатцевъ, называется *кайшъ*⁴.

Въ послѣднемъ письмѣ къ намъ тотъ же почтенный ученый даетъ еще болѣе вѣроятное объясненіе названія коланнй: „У татаръ существовала подать *коланъ*. Коланомъ называлась подушная подать, оброкъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ податной системѣ татаръ. Къ сожалѣнію, подробностей о ней не сохранилось (кто обязанъ былъ ее платить, какъ она взималась). Въ такомъ случаѣ коланнй значило бы просто оброчный, податной, тяглый, а отсюда *illiber*, хотя бы въ смыслѣ несвободный отъ податей¹⁾ (по крайней мѣрѣ первоначально, а впоследствии въ болѣе тѣсномъ смѣслѣ). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что существовалъ у насъ другой терминъ — *тарханъ* — свободный отъ податей, а грамоты на такую льготу назывались тарханскими“.

Какимъ образомъ перешло къ намъ это татарское названіе?

Обращаясь къ лѣтописи, находимъ въ ней слѣд. факты: Татары, подчинивъ себѣ Русь, какъ извѣстно, ограничивались собираніемъ съ нея дани. Но вблизи своихъ кочевьевъ они селили плѣнныхъ или оставляли мѣстное населеніе, обязанное обрабатывать на нихъ землю. Къ такимъ „людямъ татарскимъ“ принадлежали Болоховцы, которыхъ татары оставили, „да имъ орютъ пшевицю и просо“²⁾, принадлежалъ и цѣлый рядъ городковъ по Тетереву и Ю. Бугу — Городескъ, Сѣмочь³⁾. Эти-то люди татарскіе и могли называться коланними, а названіе это удержалось за ними и послѣ захвата Черв. Руси Польшей⁴⁾.

¹⁾ cf. выше, р. 92 пр. 5-ое, гдѣ коланнй объясняется словомъ тяглый.

²⁾ Ил. 526. Какъ извѣстно, до сихъ поръ не удалось точно констатировать мѣстоположеніе Болоховскихъ городковъ, см. Н. П. Дашкевича, Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи (Труды III Археол. Съѣзда. Кіевъ 1878 г.). Н. В. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Кіевъ 1885 г. Отвѣтъ Н. П. Дашкевича Н. В. Молчановскому (Новѣйшіе домысли о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, Унив. Изв. 1884 г. IV). М. Сергіенко, Громадскій рух на Украини-Руси въ XIII в. Зал. тов. им. Шевченка, ч. I. Львовъ 1892 г.

³⁾ Ил. 555. (О болѣе раннихъ поселеніяхъ по Тетереву, см. Ил. 236—7)... Давидъ воздвиге рать противу Татаромъ. Сгадавъ с братомъ и со сномъ, посла Деонисла Павловича, взя Межибожье, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Васильови Волоховъ, а Львови Побожье и люди Татарьскыя. Весяъ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмочь, и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмочь и всѣ городы, сѣдлцзя за Татари, Городескъ и по Тетереви до Жедечева.

⁴⁾ Въ исторической литературѣ мы встрѣтили только два мнѣнія о коланннихъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Любл. униі. Кіев. 1891, р. 156) даетъ слѣд. характеристику коланннихъ:

Къ числу несвободныхъ принадлежитъ и классъ *ордынцевъ*.

Ордынцевъ мы находимъ только въ Галицкой и Львовской земляхъ. Въ Львовской землѣ мы ихъ встрѣчаемъ въ сел. Со-

„къ разряду *свободныхъ* могутъ быть приравнены т.-н. *убогіе*, или *коланне*, разрядъ, фигурирующій во множествѣ селъ, преимущественно Борскаго старства. По отправленію повинностей и уплатѣ податей они совершенно равняются льготнымъ, т.-е. платятъ только подимное и мушкарощину на замокъ; разница только въ томъ, что ихъ положеніе опредѣляется состояніемъ, а не срочными годами льготы. Изъ этихъ убогихъ рекрутировался и классъ служекъ ремесленныхъ, а иногда и не ремесленныхъ для замковъ“. Характеристика М. Ф. построена на актахъ преимущественно XVI в. (въ изданныхъ уважаемымъ ученымъ актахъ, Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. II только въ одномъ актѣ, люстраціи Кіевской земли, встрѣчаются коланне въ XV в.), когда значеніе названія коланне уже утратилось. Мы видимъ, что еще въ XV ст. терминъ коланний равносильно термину *illiber*, несвободному, крѣпкому землѣ. Но въ XVI ст. все населеніе Черв. Руси уже прикрѣлено къ землѣ, потеряло право выхода, почему специальное названіе для крѣпкихъ земли XV в. въ XVI в. потеряло свое *raison d'être*. Отмѣтимъ и некоторую неточность въ словахъ М. Ф. — терминъ коланний въ изданныхъ имъ актахъ встрѣчается сравнительно рѣдко, и въ люстраціи Борскаго старства коланне упоминаются всего разъ (*sluszkowie kolanni, als zubozałe liudz*, р. 222), во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой люстраціи къ убогимъ не прилагается терминъ коланне. Не можемъ поэтому согласиться съ уважаемымъ ученымъ въ равнозначности терминовъ коланне и убогіе. *Убогими* назывались крестьяне, не бывшіе въ состояніи отправлять, вслѣдствіе ихъ печальнаго имущественнаго положенія, старости, или иныхъ причинъ, одинаковыхъ съ другими повинностей, см. напр., р. 254. *Ubodzi, ktorzi mali pozitek czynia bo thilko puskarowsczizni placza po gr. 2, a podimnego po gr. 2, Danczicha, popadia, Ohrinka wdowa, Marczin, Jacobiecz sthari, или ib. р. 243 Subozeli. Czi nizej napissani, iz zubozezi, tedi na then czas wieczej podatku nie dawaia, tilko podimne, puskarowsczizne dawaia* (одинъ служить ковамъ, одинъ токаръ, одинъ пастухъ), cf. ib. р. 223.

Другое мнѣніе принадлежитъ проф. Бальзеру (*Kwart. Hist.* 1888, № 1, р. 112); онъ дѣлаетъ слѣд. не вполне удачное предположеніе. «Z organizacją wsi na prawie ruskim zostaje w związku stan kmieci niewolnych czyli *kalannych* . . . a może nawet wolnoby się posunąć dalej i powiedzieć że ci *colanni*, to są właśnie mieszkańcy tych wsi na prawie ruskim (?). Za tem przypuszczeniem zdaje się przemawiać sama nazwa tych kmieci, która podobność jest pochodzenia ruskiego (?), a tem samem wskazuje na związek z instytucjami ruskimi». Изъ текста нашего видно, въ чемъ мы расходимся съ почтеннымъ знатокомъ древне-польскаго права.

Къ положенію коланныхъ болѣе всего приближается классъ, извѣстный въ Литвѣ подъ именемъ *койминцевъ*. Названіе *койминцы* возможно производятъ отъ лат. *kaimas*, деревня, дворъ, *kaimynas* — сосѣдъ — возможность такого производства любезно указываетъ намъ проф. Ф. Ф. Фортунатовымъ; правильность такого производства подтверждаетъ изъ акта, напечатаннаго въ Акт. Южн. и Зап. Росс. I, № 22; здѣсь упоминаются *люди сусьды* которыхъ Витовтъ подавалъ Крушоу. Изъ слѣдующаго акта (№ 22 III) мы видимъ, что эти сусьды, пожалованные Витовтомъ Крушоу у *дворъ*, называемые въ актѣ *искуини*, покупались, и владѣлецъ посадилъ ихъ за дворомъ. «а тме будучи въ нихъ и порожаился»; сусьдъ выдаетъ Крушовичамъ этихъ *искушевъ*, «бо они ихъ *извѣчные не отложіе*».) *Койминцы* люди отчизненныя живущіе въ своихъ

люгѣ и Журавкѣ (которые, повидимому, и заселены ими исключительно), въ с. Германовѣ и нѣкоторыхъ другихъ селахъ. Въ Гал. въ с. Хохоневѣ.

Насъ особенно заинтересовало население упомянутыхъ сель потому, что устройство его, повидимому, должно было отличаться любопытными особенностями; на это указываетъ уже весьма характерное обозначеніе этихъ сель — население ихъ образуетъ *Орду*.

Ниже мы соберемъ сохранившіяся данныя объ устройствѣ этихъ сель, — данныя эти проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи загадочнаго класса — ордынцевъ. Пока сведень немногочисленные свидѣтельства о юридическомъ положеніи ордынцевъ.

Къ эпитету „ордынецъ“ часто присоединяютъ другой — *homo regius, servus regalis, servitor regalis*¹⁾. Ордынцы являются намъ всегда субъектами, зависящими отъ короля и поселенными въ королевскихъ имѣніяхъ. Въ случаѣ какихъ-либо споровъ по поводу ордынцевъ истцами или отвѣтчиками всегда являются королевскіе чиновники, доказывающіе принадлежность ордынцевъ королю.

Если иногда мы и встрѣчаемъ ордынцевъ въ имѣніяхъ не королевскихъ, то всегда выразительно утверждается, что ордынцы пожалованы владѣльцу королемъ²⁾.

домахъ, отбывающіе тяглую службу, не платившіе никакихъ другихъ повинностей. (Акты Виленскаго арх. ком. т. 17, р. 100—1, Археограф. Сборн. I, № 23; М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Крестьянское землевладѣніе въ зап. Россіи до половины XVI в. Кіевъ 1892 г., р. 22—3). Коймишцы продаются, какъ люди невольные, но невольники получали свободу (вырблялись), отработавъ уплаченныя за нихъ деньги; коймишцы продаются на вѣчность. Любопытно, что члены одной и той же семьи (Акты Виленскаго арх. ком. т. 17, р. 101) продаются — одни какъ невольники, другіе какъ коймишцы. (Статья статута о рабствѣ въ Лит. государствѣ, см. у О. И. Леонтовича, Крестьяне юго-зап. Россіи по Литовскому праву XV—XVI ст., Кіевск. Унив. Изв. 1863, № 10, р. 12, И. П. Новицкій, Арх. юго-зап. Россіи ч. VI, т. I, р. 47.)

¹⁾ *Meleschko homo de Brathkowicz recognovit coram d. P. Odroy. Pal. et Cap. Leop. quia ex avis et prothavis est ordyniecz regalis et e contra dat se sub D. Regem ad Vyelikye Polye. A. gr. XIV, p. 256.*

Атаманъ Хросговицкій долженъ присягнуть, что люди Кундея, Кузьма и Павелъ, *sunt servi regales ex eviternis temporibus et ordynicy*. Но тутъ же видимъ, что *servi regales* и ордынцы не одно и то же — атаманъ присягнулъ, что указанные люди *servi regales*, но не присягнулъ, что они ордынцы. А. gr. XII, р. 156. Терминъ *servus* очевидно шире эпитета ордынецъ.

²⁾ Гал. архіепископъ не выискиваетъ Ивана и Кузьму de Chochoniow in tempore reclinatos, утверждая, что они *ordynicy per d. Regem dati ad ecclesiam* et super hoc D. Arch. habet literam R. Maj. A. gr. XII, p. 188.

Званіе ордынца наслѣдственное и передается отъ отца къ сыну¹⁾; но, повидимому, крестьяне могли приписываться къ ордынцамъ, *dare se ad ordam* и стать *veri ordinczi*, принимая на себя всѣ обязанности послѣднихъ²⁾. Состояніе ордынца зависимое и ограниченное въ правахъ. Главное ограниченіе состоитъ, повидимому, въ крѣпости мѣсту. Ордынецъ прикрѣпленъ къ Ордѣ и долженъ въ ней вѣчно жить.

Ордынцы не имѣютъ права выхода (*jus reclinacionis*). Поэтому въ частыхъ спорахъ о выходахъ крестьянъ доказательство принадлежности къ ордынцамъ равносильно доказательству отсутствія права на выходъ³⁾.

Что ордынцы принадлежать къ несвободному классу населенія, видно изъ нѣсколькихъ фактовъ, гдѣ онѣ называются *illiberi*, иногда *каланые*⁴⁾.

1) См. пр. I. Nob. Vinc. al. Chotlowski approbavit sufficienti testimonio super labor. Michaelem et super filium ipsius Chonyecz de Podworcze quia sunt *ordynczy ex radice* et Ds. Pal. cum dominis protunc in iudicio existentibus ipsum domino Chotlowsky adiudicavit et *ipsos remanendo in Orda* secundum ipsius approbationem. A. gr. XIV, p. 508.

2) Dom. Stan. reclinavit (hominem Luczka) in *Ordam* ad Szlunkam juxta consuetudinem. A. gr. XIV, p. 371. Arthym et Nyester... sunt acclinati sub regem in *Ordam* ib. p. 146. Deschko kmetho,... qui se dedit ad *ordam* de Hermanow; ib p. 352.

3) A. gr. XII, p. 108. Архiep. гал. прггавилъ листу Ивана de Hohonow Митовича, утверждая, что листъ подложень. Свидѣтели присягаютъ, что — а ни Иваловъ дѣдъ, а ни отецъ не былъ *каланый*, а ни *ордынецъ*, и *справедливо* вышелъ. См. выше пр. 3.

4) Gnsus Paschko de Jor... citatus per regiam Majestatem ad statuendum hominem Michalo pescatorem de... qui Michalo ex suggestione quorundam hominum assererat esse *illiber et regius, alias ordyncz i kalanny* (кажется правильнѣе было бы обратно — *kalanny* и *ordyncz*, ибо терминъ *kalanny* часто употребляется въ значеніи *illiber*), homines vero *ordynczowie et calanny* de Slonka cum Thywno de ibidem coram iudicio comparentes recognoverunt, quia prefatus Michalko non est *ordyncz* nec *calanny* neque de genere ipsorum est, sed est homo liber cum genere suo ad eterno evo; racione quorumquidem hominum recognitionis ipsum Michalo cum suis posteris liberum fore decrevimus et adiudicavimus temporibus perpetuis. Арх. Бернарда. Acta Castr. Leop. 1470 2/4. (Akta gr. XV, p. 460).

Gnsus Gunczerz Synawski evasit duos homines videlicet Paschko et Volsch de Dobrany ad Slonkam et Zyrawka villas regias, in quibus *manent homines illiberi*, et ibi homines de dictis villis recognoverunt, quia jam ibi in Dobrany homines plures *illiberi* alias *callanny* non sunt. Ibidem 1470 2/4. (A. gr. XV, p. 461). Кажется, къ ордынцамъ относится одно постановленіе въ Корчанской привиллегіи русскимъ землямъ 1456 г. (Bandtkie, Ius Pol. p. 293): *Insuper statuimus, quod kmethones terrigenarum per capitancos ac alios officiales ipsorum violenter non recipiantur in servitutem, vulgariter mordinicæ* (въ вариантѣ — *in ordinice*) hoc expresso, nisi prius villicus, alias *cywan* seu *watman* cum omnibus kmethonibus possessionatis snper eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute et quod ignoraverint eum per tantum tempus, per quod defuit.

Но состояніе ордынства далеко не есть состояніе рабства. Ордынцы владѣютъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, свидѣтельствуютъ въ судѣ, имѣютъ самоуправленіе, подчинены главному вѣдѣнію старосты. Не имѣя права выхода изъ *Орды* въ частныя имѣнія, они кажется могли переходить въ другія королевскія владѣнія¹⁾.

Повидимому состояніе ордынства есть состояніе зависимости, крѣпости землѣ и ряда обязательныхъ повинностей.

Изъ приведенныхъ въ примѣчаніяхъ свидѣтельствъ объ ордынцахъ большинство относится къ ордынцамъ, поселенныхъ въ двухъ селахъ близъ Львова, Солонки и Журавки. Къ счастью, мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ для исторіи этихъ селъ съ XV по XVIII в. Въ числѣ этихъ документовъ самый важный актъ — привилегія 1501 г., опредѣляющая повинности населенія Солонки и Журавки. Актъ этотъ имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, такъ какъ привилегія 1501 г. есть только подтвержденіе прежней, сгорѣвшей во время нашествія татаръ²⁾.

Привилегія населенія Солонки и Журавки возобновлена королемъ Яномъ Альбрехтомъ по свидѣтельству Спытка de Jaroslaw, краковскаго воеводы, бывшаго долго львовскимъ и всея Руси старостой и знавшимъ хорошо лежавшія на населеніи этихъ селъ повинности³⁾.

Повинности населенія по данному акту слѣдующія: люди селъ Солонки и Журавки должны давать, по требованію короля (*pro necessitate nostra*), подводы на города Щиречь, Гродекъ, Смерковъ, Бобрку и Глиняны.

Въ вознагражденіе за отправленіе этой подводной повинности населеніе Солонки и Журавки имѣетъ право безпошлинной покупки и продажи въ этихъ городахъ.

Далѣе села должны постоянно держать въ Львовскомъ замкѣ двухъ человекъ (*duos homines vicinos*) для аккуратнаго отправленія подводъ (*propter celerem expeditionem podvodarum, ut nostra negotia in aliquo non negligantur*); дежурные въ замкѣ получаютъ содержаніе отъ старосты (*in coquina capitanei victum habere et servire tenebuntur*).

¹⁾ См. выше р. 99 пр. 1.

²⁾ 1498 г. Львовъ осаждалъ господарь молдавскій Стефанъ; по уходѣ его явились татары, забравшіе не мало полона, а осенью Турки лобирались опять до самыхъ стѣнъ Львова. Zubrzycki, Kronika Miasta Lwowa, p. 128.

³⁾ А. гр. IX, № 140. Смытко былъ львовскимъ старостой съ 1469 г. (M. Dziejuszki, starostowie ruscy i lwowscy, Przew. naukowy 1875, № 5, p. 438).

Далѣ на селеніи лежить отправленіе почтовой повинности — они обязаны возить королевскую корреспонденцію на разстояніи десяти миль на своихъ издержкахъ; на болѣе далекія разстоянія издержки имъ оплачиваются старостой львовскимъ.

Въ случаѣ выступленія короля къ походъ или пріѣзда его съ земьями въ территорію львовскаго старосты, населеніе Солонки и Журавки обязано для королевскихъ потребъ поставить четыре лошади.

Кромѣ этихъ повинностей населеніе не обязано никакими другими, и не повинно пасти скота (*eunuchos aut boves*) старосты, а только скотъ королевскій, когда это понадобится¹⁾.

Таковы несложныя повинности населенія Солонки и Журавки. По этой привиллегіи населеніе жило нѣсколько столѣтій.

Нерѣдко населенію этихъ селъ приходилось вступать въ пререканія со старостами, стремившимися наложить на него болѣе тяжелыя повинности. Населеніе ссылалось на свою основную привиллегію, жаловалось королю и получало не только подтвержденіе старыхъ привиллегій, но порой и новыя льготы²⁾.

За отправленіе этихъ повинностей населеніе пользуется землею, не платя съ нея никакихъ даней³⁾.

¹⁾ Akta gr. IX, № 140.

²⁾ Въ 1522 и 1553 г. король становится на сторону населенія Солонки и Журавки противъ чрезмѣрныхъ требованій подвода со стороны городовъ Гродка и Бобрки. (А gr. т. X, р. 21 и 65) 1549 и 1577 подтверждается привиллегія 1501 г. (А. gr. IX, р. 189 и X, р. 123). 1641 и 1671 король защищаетъ населеніе противъ домогательствъ старостъ. (А gr. X, р. 250—1, 289). 1679 населеніе получаетъ освобожденіе отъ военной службѣ и, р. 341.

Перечисленныя въ текстѣ повинности указаны, хотя и съ небольшими отличіями, въ люстраціи этихъ селъ 1565 г. (Лит. Метр. IV. В. кн. 19, л. 165 об.), — люстраторы пишутъ, что населеніе двухъ Солонокъ (селъ этого названія два — Большая Солонка и Малая) и Журавки имѣетъ привиллегію 1501 г., по которой 3 (?) человека не даютъ дани, а только подводы въ пять городовъ: Щирецъ, Бобрку, Глишани, Гродекъ и Смерекъ; обязаны ѣздить по призыванію старосты на разстояніи 9 (?) миль на своихъ лошадяхъ и своихъ издержкахъ, а на дальнѣйшія разстоянія староста снабжаетъ ихъ кормомъ. Два человека должны находиться въ Львовскомъ замкѣ для всякихъ услугъ. На всякое военное руженіе обязаны давать старостѣ четырехъ человекъ и кромѣ того стеречь королевскіе лѣса.

³⁾ *ibidem* въ люстр. 1565. *Солонка большая*, обширная дѣдяна, людей 44, каждый имѣетъ довольно роли, дани не платятъ, а служатъ лошадьми и вѣшо, куда прикажутъ.

Солонка малая — кметовъ 23 (условія какъ и въ Б. С.), между ними 8 бортиковъ, которые даютъ три полумѣры меду.

Въ Журавкѣ кметовъ 40, ролей и настбнщъ довольно (условія какъ и въ С.).

Населеніе имѣеть своего тиуна, который утверждается королемъ¹⁾).

Населеніе Солонки и Журавки православное; здѣсь два попа, избираемые населеніемъ и утверждаемые королемъ²⁾).

Итакъ положеніе населенія Солонки и Журавки скорѣе привилегированное, чѣмъ рабски-зависимое. Населеніе находится подъ особой охраной самого короля, стоящаго всегда на стражѣ его интересовъ противъ вымогательствъ разныхъ чиновниковъ³⁾). Повинности незначительны и вполнѣ сходны съ повинностями *слугъ или литовскихъ путныхъ бояръ*.

Между тѣмъ несомнѣнно, что *по происхожденію* ордынцы классъ несвободный, *illiberi, kalanny*. Это ясно изъ многихъ приведенныхъ актовъ и попытокъ старость еще въ началѣ XVI ст. распорядиться ихъ одумарщиной⁴⁾).

Каково же происхожденіе ордынцевъ и ихъ названія (*ордынцы, орда*)?

Ордынцевъ мы находимъ и въ сѣверо-восточной Руси, но о происхожденіи ихъ и повинностяхъ почти нѣтъ данныхъ. Мы знаемъ лишь, что на ордынцахъ лежала какая-то служба, что они имѣли земли, которыя не могли отчуждать⁵⁾).

Сергѣевичъ⁶⁾ думаетъ, что служба ордынцевъ состояла въ содержаніи ордынскихъ пословъ, доставленіи имъ подводъ, проводниковъ, и приравниваетъ ихъ къ кладенымъ или тяглымъ людямъ Рязанскаго княжества, „кои пословъ кормятъ“.

О происхожденіи ордынцевъ Сергѣевичъ не высказываетъ никакого мнѣнія, ограничиваясь указаніемъ на мнѣнія Карамзина и Соловьева. Первый считалъ ордынцевъ татарами, поселившимися на Руси, второй — русскими плѣнниками, выкупленными въ Орду и поселенными на княжескихъ земляхъ.

Ордынскихъ слугъ мы находимъ и въ Литовской Руси. Положеніе ихъ характеризуется В. Б. Антоновичемъ въ слѣд. сло-

¹⁾ *Thywun Regalis de Slonka*. А. гр. XIV, р. 245. Въ 1596 г. король дозволяетъ тиуну Солонки и Журавки передать тиунство сыну. А. гр. X, р. 176.

²⁾ Листр. 1565; А. гр. X, р. 131 ad a 1578 г.

³⁾ 1501 г. король запрещаетъ львовскимъ старостамъ забирать въ свою пользу наследство жителей Солонки и Журавки (*derelicta post mortem*), предоставляя ихъ родственникамъ умершихъ.

⁴⁾ См. предид. прим.

⁵⁾ «А что ваши ордынцы и дѣлюя, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земля ихъ не купяти».

Ордынскія деревни упоминаются въ XVI ст. Сергѣевичъ, *Русск. Юридич. Древн.*, р. 268.

⁶⁾ *l. c.*, р. 268.

вахъ¹⁾: „слуги ордынскіе владѣли участками земли и за то обязаны были отправлять „есачную повинность“, т.-е. они должны были по очереди являться на „полную (полевою) сторожу“ или на „недѣлю чернобыльскую“ въ сторожевыя стоянки, устроенныя на границахъ Полѣсья и степной украины на „татарскихъ шляхахъ“, т.-е. на дорогахъ, которыми обыкновенно врывались татары въ области великаго княжества Литовскаго, для того, чтобы предупредить жителей Полѣсья и державцевъ королевскихъ замковъ о татарскомъ набѣгѣ... кромѣ того ордынскіе слуги обязаны были „при послахъ и гонцахъ господарскихъ ѣздити до Орды“, т.-е. составляли вооруженный конвой въ случаѣ отправленія великокняжескаго посольства или гонца въ Крымъ. Также во время войны они должны были „при старостѣ на службу господарскую конно и збройно ехать“; сверхъ того ордынскіе слуги должны были „подводы и стаціи посламъ и гонцамъ давати, также воеводѣ кievскому, коли черезъ Овручій ѣдетъ, также подводы и стаціи винны давати вси урочисто, т.-е. яловицу, вепри, а з дыму по курицы; овса, сѣна, въ потребу“.

Характеристика В. Б. основана главнымъ образомъ на данныхъ описи Овруцкаго замка 1545 г.²⁾ По мнѣнію уважаемаго ученаго, ордынскіе слуги выдѣлились изъ среды древняго боярства.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ уважаемаго ученаго мы позволимъ себѣ не согласиться.

Разрядъ *слугъ*, очень разнообразный по характеру отбыванія повинностей (службы), рекрутировался изъ всевозможныхъ классовъ населенія, не только свободныхъ, но и несвободныхъ. На это мы находимъ совершенно опредѣленные данныя въ документахъ. Такъ, въ люстраціи Кременецкаго замка 1552 г.³⁾ читаемъ:

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I. (Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-зап. Россіи, р. 5).

²⁾ Непечатанной тамъ же, р. 35, слѣд. Въ люстраціи Овруцкаго староства 1629 г. (Арх. Юго-Зап. Росс., ч. VII, т. II, р. 419) есть любопытное описаніе ордынскихъ слугъ. «Sioło Moszki, albo Moszkowe. Jan Duchowski z inazemi tejże wsi possessorami pokładali przed nami list z ekstraktem z metryki kancelariej większej W. K. Lit. krola sw. p. Augusta a. 1544, ktorym possessorom tej wsi na służbę ordynskiej przy zamku Owruckim zostawuie, to iest na służbę woienna, konia powinni po ordynsku, albo po petyhorsku w pancerzu z misurką osadzac (мисюрка — шлемъ египетскаго фасона, какъ намъ сообщилъ Ф. Е. Коршъ). Очевидно ордынскимъ слугамъ, выѣзжавшимъ на сторожу татарскую, предписывалось одѣваться въ татарское вооруженіе, чтобы болѣе удобно дѣлать развѣдки на татарскихъ шляхахъ.

³⁾ Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, р. 29.

„з росказанья королевое ея милости обобрано *мужиковъ тяглыхъ 24 и вчинено ихъ слугами* для посыланья и доведанья вестей и для пошенья листовъ гдежь кольвекъ; а земли потомужь подними, якъ и под иными мужиками волостными; а иными земля придано...“ Или въ люстраціи Мозырскаго замка 1552 г.: „слуги путные, которыхъ *вчинилъ слугами* панъ Михайло Гагинъ, державца первый Мозырскій, *а передъ тымъ были тяглы*, — винны ездити на доведение въ месте о неприятеля а з листомъ старостиннымъ, где розкажетъ... тыхъ слугъ дымами и службами 5, а шестый Левонъ лучникъ, котораго панъ Кгаштольтъ съ тяглы местское вынемши и на путной службѣ посадилъ“¹⁾.

Что служба ордынская считалась одной изъ наиболѣе тяжелыхъ и неприятныхъ, и что разрядъ ордынскихъ слугъ считался ниже нѣкоторыхъ другихъ служебныхъ людей видно изъ слѣд. мѣста люстраціи Овручскаго замка: „боаре и слуги ордынскіе, которые передъ тымъ были слугами ордынскими, повѣдаютъ себе вызволенными отъ господарей ихъ милости с тое службы ордынское, и мѣнячи себе быти шляхтичами“²⁾.

Что въ числѣ ордынскихъ слугъ были потомки древняго боярства, этого мы не можемъ не признать; но приведенные нами факты убѣдительно доказываютъ, что этотъ разрядъ служебныхъ людей рекрутировался изъ¹⁾ всевозможныхъ классовъ населенія: крестьянъ, мѣщанъ, бояръ. Какъ мы видимъ изъ многихъ фактовъ, службу (путную, ордынскую и т. п.) могли не только добровольно принимать на себя лица разныхъ общественныхъ классовъ, но и само правительство нерѣдко, нуждаясь въ нѣкоторыхъ послугахъ, переводило население съ одной службы (тяглой) въ другую (путную, ордынскую). Разница въ повинностяхъ бояръ и другихъ служебныхъ людей была очень незначительна,

¹⁾ *ib.* ч. VII, т. I, р. 625. *cf. ib.*, р. 608: въ люстраціи Вианницкаго замка село Мемково: человекъ 4; повинни люди тые въ погоню за людьми неприятельскими ходити въ дню каждого по человекъ, а доведыватися о войску татарскомъ и шляху ихъ стережи у верхъ Десницы рѣчки, а въ Острици, гдѣ шляхъ идетъ на Базарабовъ бродъ... а гдѣ посоль до Волохъ идетъ, тогда они со всего села выправуютъ человека одного на кони при послѣ ономъ“. Но кромѣ того, они отправляютъ еще разные работы въ пользу замка — косать и скошенное собирать, поправляютъ замковы строенія, даютъ подводы и т. д.

²⁾ Арх. Юго-Зап. Росс., ч. IV, т. I, р. 41. Обратный случай — обращеніе путныхъ въ тяглыхъ см. напр.: Арх. Юго-Зап. Рос. VII, II, р. 361. Nowosiolki, wjeaz... kmieczy... byli na posłudzie, yako у Komorowianie (въ с. Komorow — thilko sluskowye albo boyarowie myeskaуz, ktorzi powynni yachacz konny gdzie ym каза) yz yezdzali bi na nadalszą drogę; а therasz obroczeni są na zaszciąg, yako ynszi kmieskie... См. также конецъ первой главы.

иногда она и совершенно стиралась, такъ какъ съ одной стороны слуги и бояре часто кромѣ службы не несутъ никакихъ другихъ повинностей (не платятъ чиншей, не отбываютъ барщины), а съ другой — старосты стремятся привлечь и бояръ къ тяглою повинности.

Такъ было въ XVI в.; но, какъ видно изъ приведенныхъ нами данныхъ, ордынцы XV в. еще люди несвободные, *illiberi*.

Въ виду этого мы и считаемъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію Соловьева о происхожденіи класса ордынцевъ.

При постоянныхъ сношеніяхъ съ татарами, частыхъ къ нимъ посольствахъ съ грамотами и данью, нужны были люди, знавшіе дорогу въ Орду, знакомые съ татарскими нравами и языкомъ. Сомнительно, чтобы въ такую роль были поставлены плѣнные изъ татаръ — для подобныхъ порученій это былъ элементъ слишкомъ сомнительный; притомъ сохранившіеся въ актахъ имена и прозвища ордынцевъ XV в. чисто русскія¹⁾. Будь въ числѣ ордынцевъ крещеные татары, слѣды такого происхожденія сохранились бы въ ихъ прозвищахъ.

Несравненно болѣе удобный элементъ для такой роли представляли плѣнники татарскіе изъ числа мѣстнаго населенія. Имъ была знакома дорога къ татарамъ, которую они прошли по крайней мѣрѣ два раза, они на своей спинѣ познали татарскіе нравы, волей-неволей изучили и татарскій языкъ по „батожной“ грамматикѣ.

Мы думаемъ поэтому, что ордынцы произошли отъ выкупленныхъ или отбитыхъ плѣнниковъ татарскихъ, поселенныхъ правительствомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ для отбыванія ордынской службы. На такое происхожденіе ордынцевъ указываетъ и разнородность состава населенія ордынскихъ селъ — такъ мы кромѣ преобладающей (судя по именамъ) массы русскаго населенія, встрѣчаемъ здѣсь и представителей другихъ національностей, напр. ятвяговъ²⁾. Татары вѣдь заходили въ своихъ набѣгахъ и въ глубь Литвы³⁾.

¹⁾ А. гр. XIV, р. 159. Providi Ходоръ, Нефедъ, Савка, Игнатъ Семеновичъ, Иванъ Короткій, Михно, Василь Филипповичъ, *servitores Regales de Slunka* (село Соломка главный очагъ ордынцевъ Львовской земли).

²⁾ А. гр. XIV, р. 183. *Datus terminus... Syemyon de Dubowlani actori, qui se gerit hominem Regalem alias Jathwyeszinem de Slunka et Dimitr de Dubrowanu.*

cf. испорченный актъ *ib.* р. 297 *homo solus recognoscit se coram... quia est Jathwyeszanum et si hoc... esset, paratus sum docere super eum... ipsius sicut pertinet na Jathwyeszanuma.*

³⁾ Еще въ XIII в. мы находимъ въ Галицкой Руси не мало литовцевъ изъ плѣн-

Выкупленные плѣнники поступали въ кабальную зависимость выкупившаго, чѣмъ и объясняется эпитетъ *illiber*, постоянно прилагаемый къ ордынцамъ.

Однако, какъ мы видѣли, въ XV ст. классъ ордынцевъ пополняется не однимъ нарожденіемъ отъ ордынцевъ извѣчныхъ, а притокомъ свободныхъ крестьянъ, принимавшихъ на себя ордынскую службу; несложныя повинности ордынцевъ XV в. привлекали въ *Орду* и весьма зажиточныхъ крестьянъ, соблазненныхъ легкой службой ордынцевъ¹⁾.

Любопытно однако, что въ привиллегіи 1501 г. и люстраціи 1565 г. населеніе селъ Солонки и Журавки не именуется ордынцами, и въ повинностяхъ этого населенія нѣтъ никакихъ ордынскихъ послугъ. Повинности эти обыкновенныя для многочисленнаго разряда путныхъ слугъ.

Мы думаемъ, что измѣненіе повинностей старыхъ ордынцевъ могло произойти вслѣдствіе передвиженія границъ государства дагѣ на юго-востокъ. Вслѣдствіе этого ордынскую повинность стало болѣе удобнымъ налагать на населеніе, ближайшее къ украиннымъ замкамъ; повинности же старыхъ ордынцевъ Львовской и Галицкой земель были обращены на услуги замкамъ, одинаковыя съ услугами путныхъ слугъ.

Къ числу несвободныхъ принадлежали еще *люди сотные*. Данныя о сотныхъ сохранились только въ судебныхъ книгахъ Саноцкой земли; но по нѣкоторымъ указаніямъ другихъ судебныхъ книгъ можно утверждать существованіе этого класса и въ другихъ областяхъ Черв. Руси.

Сотню и *сотныхъ* мы находимъ въ слѣд. поселеніяхъ Саноцкой земли: Костировичи, Уличъ, Пловцы, Саночекъ и Тырава сольная.

Всѣ эти села принадлежали къ Саноцкому замку, по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ изъ нихъ — Костировичахъ, Уличѣ и Тыравѣ мы можемъ это утверждать категорически на основаніи актовъ

нихъ или добровольныхъ переселенцевъ. Такъ въ дружнѣ Владимира Васильковича находимъ Прусина, Ип. 584 — 5. Въ Львовской землѣ было селеніе *Прусмы*, Лит. Метр. IV. В, 19, л. 165.

¹⁾ Имущество крестьянина Лучки, переходившаго въ орду села Солонки (*quem hominem Ds. Stanislaus reclinavit in Ordam ad Szlunkam iuxta consuetudinem*) оцѣнивается въ 60 гривенъ, сумму по тому времени весьма значительную (А. гр. XIV, р. 420). Имущество крестьянина Денка, *qui se dedit ad Ordam de Hertmanow*, оцѣнивается въ 26 гривенъ (*ib.* р. 852).

XV в.¹⁾ Что Пловцы и Саночекъ также замковыя села, видно ихъ люстраці Саночкаго замка и принадлежащихъ ему имѣній XVI в.²⁾.

Сотные люди прикрѣплены къ землѣ, или скорѣе къ своей службѣ. Они отправляютъ извѣстныя повинности, службы въ пользу замка и не имѣютъ права оставить своего мѣстожителства — это человѣкъ сотный, и гдѣ бы онъ ни былъ, его должны выдать, говорить одинъ актъ³⁾.

Сотный получаетъ отъ старосты *службу*, т.-е. поле и инвентарь (скотъ, сѣмена и пр.); принявъ службу, сотный обязывается съ нея служить вѣчно. По смерти сотнаго поле и инвентарь возвращались опять къ старостѣ, который однако на тѣхъ же условіяхъ могъ передавать службу наследникамъ умершаго, заключая съ ними новый договоръ⁴⁾.

Сотный можетъ продать или уступить свою службу человѣку, способному отправлять всѣ лежащія на службѣ повинности, и тогда онъ повидимому свободенъ — можетъ выйти изъ сотни⁵⁾. Встрѣчаемъ однако и отдѣльные договоры, по ко-

¹⁾ Подъ 1446 г. (А. гр. XI, р. 272) въ Саночкія книги занесенъ актъ сдачи староства и держанія Саночкаго бывшимъ старостою D. Кигоратва новому — Альберту Миховскому. Въ актѣ перечисляются инвентари замковыхъ фольварковъ (*allogia*) въ Беско, *Костировичахъ*, Улицъ и фольваркѣ подъ замкомъ. Что Тырава Сольная (Тыравъ въ Сан. землѣ было двѣ — Сольная и Валашская) также принадлежала къ Саночкому замку видно изъ акта *ib.* р. 299, гдѣ Сан. староста распоряжается имуществомъ умершаго тыравскаго крестьянина (см. ниже). Въ *Костировичахъ* въ числѣ живого инвентаря находилъ 8 человѣкъ челяди (*ib.* р. 273).

²⁾ Лит. Метр. IV В. 19, л. 15. Саночекъ въ XVI в. находился уже въ держаніи какого-то шляхтича.

³⁾ *Veniens Holan de Płowecz fideiussit, quod Oleschco non debet recedere de Płowecz nec de bonis Regalibus. Si recederet, tunc absque strepitu iuris domino Capitaneo triginta marcas pene vallate subintrabit et Wojewode specialiter tres marcas succumbet, quia idem homo est sothny, et ubique fuerit, ipsum exdare debent, ad se subdidit al. podawaszce benivole.* А. гр. XI, р. 275.

⁴⁾ *Maschiam viduam, Phil et Iwan filios suos remansit ds. Capitaneus in agro in Thirawa Salis et dedit ipsos Bydlo sothne duos boves et scrophas et seminaciones, que iam post obitum mariti eiusdem Maschia ad dm. Capitaneum pertinebant ita, quod debent labores postpowacz iuxta posse, prout ceteri kmethones ibidem faciunt et debent residenciam facere in eodem agro non recedendo,* А. гр. XI, р. 299. *cf. ib.* р. 300 *Panko de Ulicz resignavit servicium al. sluzba in qua residebat Hinato, deditque eidem quatuor pecora, IIII mensuras siliginis, tres scrophas et equum et alia ad servicium pertinencia.*

⁵⁾ А. гр. XI, р. 287. *Adiudicaverunt, quod Phyl concivis Sanocensis agrum suum in Costirowicze servilem quem vendiderat Laurencio iure Theutonico non potens sibi eundem agrum libertare... viceversa recipere debet... et de ipso servire more*

торымъ продающіе или передающіе свою службу сотные об-
зываются однако не выходить изъ сотни¹⁾. Иногда вступающій
въ сотню даетъ подписку оставаться въ сотнѣ вѣчно съ дѣтьми²⁾.

Въ числѣ сотныхъ мы встрѣчаемъ не однихъ только крестьянъ,
но и мѣщанъ, принявшихъ службу и отбывавшихъ съ нея оди-
наковыя съ остальными сотными повинности³⁾.

Сотня составляетъ общину, представителемъ которой является
десятникъ⁴⁾.

Сотня отвѣчаетъ круговой порукой за каждого своего сочлена.
Сотня обязывается представить бѣглаго сотнаго или уплатить
стоимость сотнаго по весьма крупной оцѣнкѣ⁵⁾.

Не имѣя права собственности на свою службу, сотный имѣетъ
однако свое личное имущество и наследуетъ имущество род-
ственниковъ⁶⁾.

Каково происхожденіе сотныхъ?

Названіе сотныхъ очень древнее. Съ сотными мы встрѣчаемся
на первыхъ страницахъ лѣтописи. На пиры Владиміра сходятся
бояре, гриди, *сотники* и *десяткие*⁷⁾. Сотниковъ находимъ въ Кіевѣ
въ XII в.⁸⁾. Если были сотники, то были и сотные люди подъ
началомъ сотниковъ.

Ruthenico, vel saltem sessionare, vulg. ossadzicz agrum premissum homine tali, qui
posset labores et servicia congrue Regalia exhibere more consueto.

¹⁾ Panko de Ulicz resignavit servicium al. sluzba Hinato... Hynath recepit illud
servicium al. sluzebnym bycz non solum sibimet sed et suis pueris temporibus perpe-
tuis emitique eundem Pankonem et suos pueros ab eisdem serviciis. Denique idem
Panko fideiussit perpetue quod idem Hynath non debet exire de servicio Regali sive
de villa Ulicz. Si autem exiret vel moreretur, vel si suus filius non esset aptus
servire propter annos iuveniles tunc Panko debet illud totum servicium reassumere
et servire prout antea serviebat. Et quamvis ipsum Panconem de servicio emittimus,
tamen ipse et sus pueri non debent exire perpetue de hereditate Regali, sed semper
debent fieri *sothny*, prout ceteri sunt *sothny*.

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ См. пр. 5 на предыдущей стр.

⁴⁾ Сотники въ судебныхъ книгахъ Галицкой Руси XV в. уже не встрѣчаются;
послѣднія упоминанія о сотникахъ относятся къ началу XV в. (см. выше р. 14,
пр. 1). Сотскіе находились подъ начальствомъ тысяцкаго. Въ XV в. ими повидному
завѣдуютъ воеводы (А. г. XI, р. 275. 288).

⁵⁾ Въ то время, какъ средняя оцѣнка крестьянина была въ 10 гр., сотный оцѣ-
няется въ 15 и даже 30 гр. А. г. XI, р. 273, 275. ib. 301 оцѣнка въ 20 гр.

⁶⁾ А. г. XI, р. 209. Семень уличскій (въ Уличѣ была сотня) съ братомъ долженъ
продать или устроить (ordinare) поле ихъ умершаго брата въ с. Волошѣ (Woloz), и
тогда владѣтель села Волошѣ долженъ вернуть братьямъ захваченное у нихъ имущество.

⁷⁾ Ил. 86.

⁸⁾ ib. р. 198, то ты не Путатявъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиди грабяти». Соцькіе
въ Псковѣ» ib. р. 412.

Сотниковъ и сотныхъ людей находимъ въ Червоной Руси въ XIII в. Сотскій Микула упоминается въ числѣ вѣрныхъ сторонниковъ Данила¹⁾). Населеніе, тянувшее къ Бресту, дѣлится на сотни. Мстиславъ за крамолу Берестьянъ налагаетъ на нихъ подать ловчее „со ста по двѣ лунки меду, а по двѣ овцы, а по пятнадцать десятковъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ, а потому со всякаго ста²⁾). Что эта подать была наложена Мстиславомъ на сельское населеніе, доказываютъ слѣдующія за тѣмъ слова грамоты: „а на горожанехъ 4 гривны кунъ“. Сотскіе и десятскіе удержались въ Черв. Руси еще въ XV в.³⁾

Сотниковъ, десятниковъ и сотню находимъ и въ Литовской Руси еще въ XVI в.⁴⁾. Такъ въ Городенскомъ староствѣ находимъ сотниковъ конюшскихъ, рыболовскихъ, колесницкихъ, санницкихъ, ковальскихъ. Люди каждаго отдѣльнаго ремесла, какъ вѣрно указываетъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ⁵⁾, составляли сотню, которая управлялась сотникомъ.

Сотня въ свою очередь, какъ кажется, дѣлилась на сороки подъ управленіемъ своего сорочника; надъ сорочниками всѣхъ сороковъ, входившихъ въ составъ сотни, стоитъ сотникъ⁶⁾. Та-

¹⁾ Ип. 509.

²⁾ ib. p. 618.

³⁾ О сотняхъ см. выше р. 14. Десятки находимъ въ XV—XVI в. въ разныхъ селахъ Черв. Руси, сидящихъ на русскомъ и валашскомъ правахъ, А. гр. XII, р. 83 и 85 — десятскіе въ селѣ Раковцы, р. 146 — въ селѣ Подгайци. Для XVI в. см. иллюстраціи 16 в. Лит. Метр. IV В. 19, 12.

⁴⁾ Акты Вил. Ком. т. 17. Архивъ Юго-Зап. Россіи VII, т. II, р. 43—53 (Опись Кременца 1563 г.).

⁵⁾ Крестьянское землевладѣніе въ зап. Россіи, р. 15.

⁶⁾ Акты Вил. Ком. 17, № 920. Сотникъ Новой *недѣли* (Недѣлей называлась группа селеній, отбывавшихъ «чергой», т.-е. по очереди, по недѣлямъ, повинности замковня, см. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I, р. 588, 602, 626) и всѣ его сорочники должны выслать на сѣвовать господарскихъ людей. ib. p. 143 бобренскіе сорочники съ сотскимъ изслѣдуютъ дѣло о раздѣлѣ землѣ. Сорока носила названіе во своему сорочнику — Белчичъ сорокъ (сорочникъ Мартинъ Бѣлка), Пльшавскій сорокъ (сорочникъ Максимъ Пльшавскій), Максимовъ сорокъ, Мелешковъ, Демидскій, и т. д. При сѣвѣ сорочниковъ однако часто за сорокомъ оставалось прежнее названіе — Демидскій сорокъ — Белчичъ сорочникъ, и т. д. (Точно такъ же и сотня въ Новгородѣ носила названіе по имени своихъ сотниковъ — Кондратова ста, Романова ста, Сидорова ста, см. О городскихъ мостехъ осмемени полаты. «Хрестоматія по ист. русск. права», М. Ф. Владимірскаго-Буданова, в. I, изд. 4, стр. 81). Что сорочникъ не былъ только членомъ сорока, а его управителемъ, видно изъ слѣд. мѣста, стр. 181. Сорочникъ надъ тыми людьми; стр. 389 Санецъ Зарубичъ заявляетъ, что брать его

кое же дѣленіе подзамкового населенія на сотни встрѣчаемъ и въ древней Польшѣ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, а надъ сотниками, кажется, *Pstresto*¹⁾.

Слѣды дѣленія на сотни и десятки, десятниковъ, сотскихъ, тысяцкихъ находимъ и у другихъ славянъ²⁾, хотя количество данныхъ по этому вопросу весьма незначительно. Нѣкоторые ученые³⁾ принимаютъ десятинное устройство за первоначальную военную организацію народа. Едва ли однако можно безусловно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Наоборотъ, мы имѣемъ такіе факты, какъ напр., относительно Польши, гдѣ организація на сотни существуетъ на ряду съ другими организаціями, напр. древнепольскимъ *опольемъ*. Мы думаемъ поэтому, что организація населенія на сотни не есть древнѣйшая *общая* организація

«былъ первой сего сорочникомъ 30 годъ, а потомъ деи я сорочникомъ былъ 6 годъ. О сотникахъ и сорочникахъ городенскихъ см. еще Акты Зап. Рос. II, № 87.

Десятки, десятниковъ, сотниковъ встрѣчаемъ повсемѣстно въ Литовской Руси XV—XVI в. Такъ 1499 г. в. кн. Александръ жалуетъ князю Василію Глинскому «люди наши борти (бортниковъ) *Клевичий десятокъ весь*». (Акты Зап. Рос. I, № 164). 1505 г. князю Михалю Глинскому пожалованы «десять человекъ на имя Тереровчанъ *Кремницкаю десятка*» (ib. № 216). Флиппъ Армянивъ получаетъ селеніе пустовское въ Кіевскомъ повѣтѣ Бѣлогородскаго десятку (Акты Ю. и Зап. Рос. II, № 124).

1466 г. король отставляетъ полоцкихъ *десятниковъ* «а што были десятники вставлены въ мѣстѣ Полоцкомъ, то есмо отставили, десятниковъ не надобѣ мѣти, надѣ быти два подвойскія, по давнему» (А. Зап. Рос. I, № 60). Въ Могилевѣ упоминается въ одномъ актѣ сотня Перехрищивская (Археогр. Сборн. II, р. 95).

Въ Острѣ по ревизіи 1552 г. (въ изданіи акта ошибкой стоитъ 1652 г.) находимъ *сотника* боярина (бояре, которые въ островѣ сидятъ... *островскій сотникъ*». Арх. Юго-Зап. Рос. VII, I, р. 597).

Въ 1500 г. въ Путывльскомъ намѣстничествѣ упоминаются «*сотникъ* Хотѣвской волости, *сотникъ* Меленскій, *сотникъ* Немирскій». (А. Зап. Рос. I, № 178).

Между тѣмъ на ряду съ десятниками и сотниками встрѣчаемъ въ качествѣ представителей волостей тиуновъ, старцевъ (Акты Зап. Рос. I, № 73 и 146 — волость избираетъ старца, который собираетъ дань и имѣетъ суебную власть).

¹⁾ *Piekosiński*, *Kodeks dyplom. katedry Krakowskiej*, I, р. 81. Его же о powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich, *Rozprawy Akad. umiej. wudz. histor. filozof.* т. XIV, р. 235. Пѣкосинскій считаетъ население сотни классомъ несвободныхъ, происшедшимъ отъ военнопленныхъ, и время образованія этого класса относитъ къ Пястовскому періоду, эпохѣ частныхъ войнъ, вѣданныхъ первыми польскими князьями.

²⁾ Нѣкоторые факты см. у Первольфа, *Славяне и ихъ взаимныя отношенія*, I, р. 115. Относительно балтійскихъ славянъ у Пѣкосинскаго, *Kod. dyplom. kat. Krak.* I, р. 83.

³⁾ Въ томъ числѣ и Пѣкосинскій, *Kod. dypl. kat. Krak.*, I, р. 83; въ другомъ указанномъ трудѣ онъ, повидимому, отступаетъ отъ этого мнѣнія.

всего населенія, а лишь спеціальная организація части населенія. Мы думаемъ, что на сотни дѣлилось населеніе ближайшихъ къ городамъ сельскихъ поселеній — мы видѣли, что и въ Гал. Русь XV в. по сотнямъ были устроены лишь ближайшія подзамковыя села. Назначеніе населенія такихъ селъ — служить замку. Возможно, что первоначально для такой цѣли назначалось по преимуществу несвободное населеніе (военнопленныя). Нужда въ *спеціальныхъ* услугахъ замку однако очень рано должна была заставить замковое начальство призывать въ такія поселенія и свободное населеніе. Такое населеніе получаетъ отъ замковаго уряда землю, инвентарь, запомогу и за все это обязывается отправленіемъ извѣстныхъ повинностей въ пользу замка. Повинностный характеръ службы такого населенія вмѣстѣ съ обязательствами, вытекающими изъ условія полученія *службы*, дѣлаетъ такое населеніе несвободнымъ — оно прикрѣпляется къ службѣ. Нуждаясь въ услугахъ подобнаго населенія, замковое начальство употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы оно не выходило изъ службы. Поступая въ сотню, свободное населеніе могло изъ нея выйти, исполнивъ всѣ обязательства по отношенію къ замку, замѣнивъ себя людьми, способными отправлять связанныя со службой обязанности, вернуть въ цѣлости полученный отъ замковаго уряда инвентарь и запомогу. Но помимо трудностей погасить длинный и сложный рядъ подобныхъ обязательствъ, свободный чело-вѣкъ нерѣдко отдѣльнымъ договоромъ закрѣпощался въ сотнѣ: мы видѣли факты, когда по условію крестьянинъ давалъ замку обязательство не выходить изъ сотни даже при условіяхъ погашенія всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ.

Мы имѣемъ данныя о положеніи въ XVI в. населенія селъ, составлявшихъ въ XV в. сотни. Населеніе этихъ селъ находится въ крайне тяжелыхъ условіяхъ зависимости отъ замка — хотя чинши съ земельныхъ надѣловъ этихъ крестьянъ не велики, но зато они должны отбывать ежедневную барщину въ пользу замка¹⁾.

¹⁾ По ревизіи 1565 г. въ с. *Площала* находимъ только 6 кметовъ. Четверо изъ нихъ сидятъ каждый на $\frac{1}{2}$ лана, 2 — каждый на лавѣ. Денежные чинши съ нихъ — по 12 грошей съ лана, 1 куряцѣ (цѣною въ 1 гр.) и 1 гр. ахтеловаго (всего 14 гр. съ лана). Но зато кметы работаютъ въ замкѣ *ежедневно* и пригоняютъ съ плавней свиней и овецъ въ замокъ.

Еще тяжелѣе повинности населенія *Костировичей*. Кметы платятъ съ лана 51 гр. и 6 fert., по $\frac{1}{2}$ корца *въчезаю* овса каждый и по $\frac{1}{2}$ корцу почти и 1 мацѣ *Wielkopospnego* овса, всего по 2 корца и 1 мацѣ (корецъ по 8 гр.), по 2 куръ за потту, 12 лядъ, 1 хлѣбу. Но тѣмъ не менѣе кметы эти работаютъ въ замкѣ *ежедневно*,

Мы имѣемъ въ актахъ намеки на существованіе сотныхъ людей и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ уже нами указанныхъ.

Въ селахъ Гал. земли — Мартыновѣ, Подгайцахъ, Рожновѣ, Рожневѣ, Пуковѣ, Бѣлокрчанахъ и, кажется, еще въ Олешевѣ, Саранчукахъ и Канкольникахъ крестьяне пользовались ограниченнымъ правомъ выхода; крестьянинъ состоявшій въ числѣ (*in numero*) не имѣетъ права выхода; счетъ идетъ на десятки: выходить могли только лишніе противъ каждаго десятка. Поэтому-то въ случаѣ выхода крестьянина изъ такого села и возникшихъ споровъ по поводу правильности его *rescriptio*, въ село посылался судебный приставъ, который долженъ былъ *доличиться*, т.е. пересчитать населеніе (иногда считались не люди, а дворища); если окажется, что десятокъ, изъ котораго выходилъ крестьянинъ, былъ, помимо него, полный, то спорный кметъ получалъ право выхода, если же онъ во время выхода былъ *in numero*, то возвращался въ свой десятокъ. При исчисленіи въ счетъ не шли попь, десятники, корчемники и крестьяне, сидѣвшіе на другомъ (не русскомъ) правѣ. Что населеніе этихъ селъ сидѣло на русскомъ, а не на валашскомъ правѣ, ясно изъ одного акта¹⁾, гдѣ при исчисленіи не принимаются въ расчетъ крестьяне, сидѣвшіе на правѣ валашскомъ. Если же это не были поселенцы на правѣ валашскомъ, то могли быть только поселенцы на правѣ русскомъ, такъ какъ въ селахъ этихъ упоминаются русскіе попы, десятники, участки крестьянъ именуется дворищами (*area*)¹⁾, наконецъ (что впрочемъ не такъ существенно) имена спорныхъ крестьянъ чисто русскіе (Данило, Онисимъ)²⁾.

что имъ принадлежатъ (Лит. Метр. IV. В. 19). Другія, обязанныя панщиною, села, принадлежавшія Саноцкому замку, даже прилежавшія къ фольваркамъ, несутъ несравненно менѣе отяготительную барщину.

Названія сотныхъ, сотня, мы въ червонорусскихъ люстраціяхъ XVI в. ни разу не встрѣтили.

¹⁾ А. гр. XII, р. 205.

²⁾ Такъ какъ нѣм. право было введено въ огромную массу русскихъ поселеній въ XIV—XV в.

Вотъ относящіеся къ *enumeratio* мѣста изъ актовъ:

А. гр. XII, р. 215. *Item in villa gener. d. Nic. Holesze si erunt plures kmethones quam viginti, demtis hominibus in Valachico iure, popone, tabernatoribus et podzadconibus, eciam duobus hominibus exmissis iuris Ruthenicis* (т.е. раньше исчисленія вышедшихъ), *extunc habet mittere duos homines nobili Phyetcony pro quibus citavit de una area, et ibi ministerialis computabit homines de iure sub amissione cause et lucris.*

ib. p. 146. Item cause vertebantur inter gs. dom. Elizabeth de Podhayeze partem adversam et Jaconem de Sphistelnyky pro hominibus, qui homines remisit recl-

Мы думаемъ, что вышеприведенныя данныя относятся къ *сотнымъ* людямъ. Села, нами перечисленныя, находятся уже во владѣнннхъ шляхтичей, но живутъ онѣ еще по старымъ обычаямъ

natos ad Maszur, pro quibus dederunt computandum in Podhajeze, quos ds. Zauslowsky computare habet, et si erunt plures quam viginti, extunc emittere sibi homines habet, et si non erunt plures nisi viginti, tunc non (?) exceptis ibidem in numero pop, dzesanthnik, et aliis tribus hominibus, qui serviunt ad curiam et non laborant terram nec habent areas (актъ вѣроятно не оконченъ).

ib. p. 146. Dna Hedwigis... hominem Iwan de Roszyeow reclinaverat apud dm. Joh. de Buczacz Capit. Trebowl., quem hominem ds. Johannes locavit, alias oszadzyl, quem dicit fore in numerum tamquam exierat.

ib. p. 59. Sydko de Pukow procurator veluti per Andrejko de Zolczow pro pluribus hominibus quam decem in numero fuerat inculpatus, idem Sydko iuramentum fecit, quod tantum sunt decem aree in numero in Pukow et non plures.

ib. p. 153. Item mfa dom. Elizabeth... una cum d. Jaccone de Sphistelniky de iure dederunt ad futuros terminos ad innumerandum homines in Byalokrczani, quos ministerialis debet innumerare. Et si ibi erunt plures homines quam decim, extunc hominem sibi emittere habet dicta domina dicto Jacconi dictum Danilo.

ib. Item ad futuros terminos ministerialis de iure equitare habet in Cancolniky ex parte d. Joh. voiev. Halic. et ibi areas innumerare habet integras et medias areas ipsis numeratis coram iudicio ad futuros terminos narrare habet, qui tenet homo aream, et qui mediam aream.

ib. p. 188. Nic. ministerialis de iure datus est Stanislawo de Zaualow ad numerandum alias *сн obliczeniu* areas possessionatas in Saranczuky, qui Stanislaus asserit, quod plures aree sunt in Saranczuky quam triginta, et procurator Skarbek dictus Voczensky dixit, quia non sunt triginta aree plenaliter.

ib. p. 205. Nic. ministerialis equitare habet in Roschnow de partibus dom. Joh. de Lythwinow et Petri de Roschnow Vexf. Halic. et ibi numerare habet et conspiciere, utrum transire habet homo Onissin arealis et eundem mittere habet vexillifer, si de iure haberet.

ib. p. 185. Item Stanislaus cum ministeriali habet innumerare al. *doliczysa* inter homines in Martinow et si *doliczysa*, extunc mittere, habet hominem ipsius, dictum Minyecy, pro quo est citatus d. Cola et pro ipso capere mediam sexagenam habebit.

ib. p. 215. nob. Joh. Wojewoda Halic. alloquebatur super dom. Colam Martinowsky pro homine Danilo secundum cittata ipsius, extunc Judex et Subjudex dederunt ministerialem ad computandum homines secundum consuetudinem terrestrem in Martinow, utrum esset mittendus, an non.

Замѣтимъ, что jus terrestre, jus in terra curens въ актахъ вѣрѣдко обозначаетъ право обычное, обычай, а не писанный законъ. cf. A. gr. XII, p. 20 дѣло о выходѣ крестьянъ въ с. Кромидова въ с. Глувачъ. Судъ опредѣляетъ, что, такъ какъ крестьяне cum marcis reclinabantur, то рѣшать это дѣло слѣдуетъ не по уставамъ права вѣм., а на основанннхъ обычныхъ нормъ права русскаго, при чемъ этому праву дается наименованне terrae ritus et jus (et nos videntes, quod cum marcis reclinabantur, tales eosdem homines non iudicamus iuxta ius Theutunicale, sed *Rutinicum*, eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis *iuxta terre ritum et ius*).

русского права (мы увидимъ ниже, что въ XV в. въ Черв. Руси оставалось еще не мало сель на правѣ русскомъ).

Что же указываетъ приведенный нами фактъ ограниченія права выхода этихъ крестьянъ? Изъ нѣкоторыхъ фактовъ XIII в. мы можемъ прийти къ заключенію, что повинности накладывались правительствомъ на всю крестьянскую общину, составлявшую сотню, огуломъ, а не на каждого сотнаго отдѣльно¹⁾. Общее количество повинностей распредѣлялось, по всей вѣроятности, уже самой общиной между отдѣльными частями, составлявшими сотню.

Сотня, болѣе крупная административная единица, дѣлилась на нѣсколько болѣе мелкихъ единицъ, *десятковъ*, съ десятниками во главѣ²⁾.

Разъ повинности налагались не на каждого крестьянина отдѣльно, а огуломъ на сотни и десятки, то естественно въ интересахъ какъ самого правительства, заботившагося о точномъ исполненіи повинностей сотныхъ, такъ и самой сотни, было ограниченіе выхода входившихъ въ сотню крестьянъ. Правительство заботится, чтобы *служба* не пустовала, сотня, въ свою очередь, заботится о болѣе равномерномъ распредѣленіи наложенныхъ на нее огуломъ повинностей — съ уменьшеніемъ числа сотныхъ количество повинностей каждого сотнаго естественно увеличивалось. Интересы правительства и общины совпали въ вопросъ объ ограниченіи выхода изъ сотни. Мы видимъ, что сотные люди отвѣчаютъ другъ за друга круговой порукой, что на ихъ обязанности лежитъ розыскъ бѣглаго сотнаго и — въ случаѣ невозможности его разыскать или вернуть — уплата значительнаго штрафа въ пользу замка³⁾.

1) Ив. 613.

2) Подобно тому какъ въ Литовской Руси, сотня дѣлилась на сороки.

3) А. гр. 273. *Venientes Andrei dzesanthnich cum tota comunitate de Costirowicze fideiusserunt, quod Jacob, Wassil et Mikitha debent statuere Danilonem et Stepanum, qui effugierunt super festum Paschce proxime venturum. Si non statuerent ipsos, tunc triginta marcas domino Capitaneo sbintrabunt fideiussores vel debent terminum alteriorem sibi impetrare apud dominum Capitaneum prefatum, quia homines, qui effugierunt de Costirowicze sunt sothny.*

ib. p. 275. *Veniens Holan de Plowecz fideiussit quod Oleschco non debet recedere de Plouecz nec de bonis Regalibus. Si recederet, tunc absque strepitu iuris domino Capitaneo, triginta marcas pene vallate sbintrabit et Wojewode specialiter tres marcas succumbet, quia idem homo est sethny, et ubique fuerit, ipsum debent exdare, ad hoc se subidit, alias podawasse benivole.*

Изъ многихъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ, что сотные принадлежатъ къ довольно многочисленному въ Черв. Руси разряду людей служебныхъ (*serviles*). Какъ мы уже указывали выше (р. 71), служебные люди, служки, — население, обязанное извѣстными повинностями въ пользу замка; одни изъ служебныхъ назначаются для разныхъ работъ въ замкѣ, другіе исполняютъ разныя полицейскія и административныя обязанности, третьи оберегаютъ замковое имущество (стерегутъ лѣса), развозятъ замковую почту, играютъ роль вооруженной стражи и т. д. Большая или меньшая нужда въ услугахъ служебныхъ, бѣльшая или меньшая близость ихъ мѣстожителства къ замку, наконецъ родъ отбываемыхъ служебными людьми повинностей, всѣ эти факторы имѣли большое вліяніе на судьбу этого разряда населенія. Большая близость однихъ служебныхъ къ замку въ связи съ болѣе низкими, по тогдашнимъ понятіямъ, ихъ услугами замковому уряду поставили часть его въ наиболѣе зависимое положеніе. Съ увеличеніемъ числа фольварковъ часть этого населенія приписывается къ нимъ и переходитъ въ разрядъ тяглыхъ крестьянъ, обязанныхъ очень тяжелой (иногда ежедневной) барщиной. Въ лучшее положеніе стали тѣ служебные, которые отбывали болѣе почетныя, по тогдашнимъ возрѣніямъ, послуги замку. Въ разрядъ такихъ служебныхъ вступаютъ и свободные люди, мѣщане, представители мелкаго боярства. Большая отдаленность отъ замка, большая матеріальная обеспеченность дѣлаетъ ихъ и болѣе независимыми въ отношеніи замковаго начальства. Нѣкоторые изъ такихъ служебныхъ по роду своихъ обязанностей стоятъ на границѣ между крестьянствомъ и низшимъ слоемъ шляхты и порою смѣло переступаютъ эту границу и входятъ въ привилегированную область дворянства.

Данныя о сотныхъ людяхъ и сотняхъ въ XV в. для насъ тѣмъ важнѣе, что онѣ указываютъ намъ на обломки старинной русской организациі крестьянскаго населенія въ княжескій періодъ Руси. На основаніи какъ этихъ данныхъ, такъ и аналогіи съ подобной же организацией крестьянскаго населенія у другихъ славянскихъ народовъ, мы рѣшаемся утверждать, что сотенная организациа древней княжеской Руси не была *общей организацией всего ея низшаго населенія, а лишь специальной организацией под-замковаго населенія и ближайшихъ къ замку поселеній*. Вся совокупность такихъ ближайшихъ къ замку служебныхъ поселеній, несущихъ рядъ опредѣленныхъ въ пользу замка повинностей, по нашему мнѣнію, и составляла *тысячу*, которой завѣдывалъ

находившийся въ замкѣ тысяцкій. Тысяча дѣлится на сотни и десятки подъ завѣдываніемъ сотскихъ и десятскихъ¹⁾.

¹⁾ Тысяцкихъ мы находимъ почти во всѣхъ главныхъ городахъ древней Руси — Киевъ (Ип. 198, 281—2, 245—7, 249, 365—6), Новгородъ (Ип. 220 — и безчисленныя указанія въ новг. лѣтописяхъ), Владиміръ (Ип. 211 Воротиславъ Андреевъ тысяцкій), Туроу (Иванко, тысяцкій Вячеслава Туровскаго), Черниговъ (Ип. 357 — Гюрги), Новгородъ Сѣверскій (Ип. 437 съ Игоремъ въ плѣну у половцевъ сынъ тысяцкаго), Смоленскъ (Ип. 464 тысяцкій со Смоленскимъ полкомъ), Владиміръ на Кл. Лавр. 450. Бѣгородъ, Переяславъ (вжномъ), Правда Русская, смис. Карамз. § 66. Въ Гал. Влад. землѣ — въ Галичѣ, Переяславъ (см. выше р. 13, пр. 5). Тысяцкій начальствуетъ своимъ полкомъ (Ип. 232, 464, 511). Онъ завѣдываетъ тысячей (слова Игоря Ульбу: держи ты тысячу, како еси у брата моего держалъ, Ип. 281. То же выраженіе держать тысячу — Ип. 490, 499, 527 (упря тысячу). Любопытно выраженіе — *воеводствомъ* держашо князьскыя тысящи, Ип. 146, Лавр. 434.

По мнѣнію В. И. Сергѣевича (Вѣче и князь, 400) «тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мовода — такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ, или тысячъ, откуда возникло самое ихъ имя. Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначается непосредственно за тѣмъ, какъ извѣстный князь добывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо отъ того, предстояла война, или нѣтъ... Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и его увольненіе... Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось во опредѣленіи вѣча».

Мы видимъ, что уважаемый ученый уклоняется отъ рѣшенія вопроса, былъ ли тысяцкій княжескимъ или земскимъ чиновникомъ. Другіе историки русскаго права считаютъ тысяцкаго земскимъ чиновникомъ. „Происхожденіе должности тысяцкаго“, говорить М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ист. р. пр. изд. 2, р. 72, «донсторическаго; можно принять гипотезу о томъ, что тысяцкіе замѣнили прежнихъ племенныхъ князей; иногда тысяцкіе именовутся князьями... Первоначально тысяцкіе народные совершенно противопоставлялись тысяцкимъ и посадникамъ княжескимъ... затѣмъ тысяцкихъ стали называть князь изъ мѣстныхъ бояръ... Каковъ бы ни былъ способъ усвоенія должности тысяцкаго, этотъ сановникъ всегда оставался представителемъ интересовъ народныхъ... тысяцкій является какъ бы трибуномъ, уравновѣшивающимъ власть княжескую, онъ прежде всего есть предводитель народного ополченія».

Относительно сотеннаго устройства тотъ же уважаемый ученый говоритъ слѣд.:

„Система земскаго управленія (болѣе древняя тѣмъ княжеская) построена по численному (математическому) дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу, а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ тысяцкій, а подчиненные ему — сотские и десятские“ (ib. р. 72). То же еще раньше высказывается г. Дювернуа (Источники права и судъ въ древней Россіи, р. 23). «Начало *военнаго строя земскаго* должно быть отнесено ко временамъ еще до прибытія князей»; авторъ приводитъ м. пр. мнѣніе Ровенкамифа, сближающаго вервь съ сотней (ib.), и утверждаетъ, что почти всѣ органы первоначальнаго судоустройства дошли изъ военной, а не патріархальной организаціи (ib.). cf. ib. р. 163—5 о судѣ тысяцкихъ и сотскихъ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго (Боярская дума древней Руси, 2-е изд., стр. 29), десятичная организація содана на Руси правительственнымъ классомъ (докняжескимъ), взявшимъ въ свои руки военныя дѣла главныхъ областныхъ городовъ. «Все вооруженное населеніе города раздѣлялось на десять ротъ или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на десятки. Такимъ образомъ весь

Населеніе Галицкой Руси въ XIV и XV в. жило по самымъ разнообразнымъ правамъ. Главная масса населенія была разу-

городъ составлялъ полкъ или тысячу. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи, сотскіе, десятскіе; только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи, младшіе города или пригороды не были такими цѣльными полками, или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ». Тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ докняжеской Руси В. О. считаетъ должностями выборными (ib. p. 30). По его же мнѣнію, города и при князяхъ сохранили свое старое устройство, при чемъ сотники и десятники городовъ въ X в. еще выбирались, повидимому, своими горожанами. Что касается тысяцкаго, то эта должность въ XI—XII в. не была уже выборной: тысяцкаго назначалъ самъ князь изъ членовъ своей дружины, изъ своихъ мужей (ib. p. 38—9)

Наше развогласіе съ упомянутыми учеными ясно изъ текста. Мы не считаемъ сотенную организацію земской, докняжеской и притомъ организаціей всего народа. Это, по нашему мнѣнію, организація искусственная, *военно-финансовая организація княжескаго періода и притомъ организація одного лишь подзамковаго населенія.*

Мы думаемъ, что тысяцкій не былъ первоначально земскимъ чиновникомъ, лишь впоследствии ставшимъ княжескимъ, наоборотъ, по нашему мнѣнію, это первоначально княжескій чиновникъ, приобрѣвшій значеніе земскаго лишь впоследствии и то не вездѣ, а только тамъ, гдѣ вѣче приобрѣло особенно важное значеніе. Представленіе о роли тысяцкаго, какъ народнаго трибуна, составилось главнымъ образомъ на основаніи фактовъ изъ новгородской жизни, гдѣ земщина болѣе всего обособилась отъ князя и его дружины. Мы знаемъ однако, что въ Новгор. землѣ на сотни дѣлился только одно городское населеніе, сельское же на потуги и погосты. (Акты Арх. Эксп. I. № 57 — а купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потаветь въ свой потугъ; см. В. И. Сергѣевича. Вѣче и князь, стр. 348.) По мнѣнію одного изъ глубочайшихъ знатоковъ новгородской исторіи, А. И. Никитскаго, «подобно тому, какъ представитель Новгорода, посадникъ, выработался изъ княжескаго органа управленія, такъ точно можно думать, что и званіе тысяцкаго организовано по примѣру той же среды. Между княжескими людьми въ Новгородѣ встрѣчается званіе не только посадника, но и тысяцкаго: послѣднее-то, по всей вѣроятности, и послужило для новгородцевъ образцомъ для созданія сана тысяцкаго... Тысяцкій былъ ничѣмъ инымъ, какъ представителемъ тыючи, а такъ какъ въ тысячѣ, т.-е. собраніи сотенъ, на которыя дѣлился Великій Новгородъ какъ городъ, записаны были купцы, то естественно, что правитель сотенъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ лицомъ въ Иवानовскомъ учрежденіи. Также вѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ торговой общинѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей. Если мы вспомнимъ, что подраздѣленіе города было двоякаго рода: на купеческія сотни или ряды и сотни просто, заключавшія въ себѣ остальное низшее или черное городское населеніе, то мы легко поймемъ тогда, въ какомъ смыслѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей въ Иवानовскомъ учрежденіи» (посмертный трудъ «Очерки экономической жизни Вели. Новгорода», Читенія въ Императ. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1893, кн. I, стр. 20).

Въ Русск. Правдѣ вѣтъ ни сотни, ни сотниковъ — низшая административно-бытовая единица организаціи сельскаго населенія въ этомъ памятникѣ — вервь. Представители сельскихъ общинъ носятъ названія старостъ (сельскій староста княжій, ратайскій староста), тиуновъ (тиувъ сельскій княжій, тиувъ ратайскій). Сотскихъ мы встрѣчаемъ только въ городахъ. Въ Гал. землѣ XV в. десятниковъ находимъ только въ валацкихъ общинахъ и у подзамковыхъ сотныхъ. Въ остальныхъ общинахъ на русскомъ

иется русская и въ эпоху завоеванія Черв. Руси Польшею шла по своимъ старымъ обычаямъ, по *праву* русскому.

Но еще въ княжескій періодъ въ Гал. Русь начинаютъ проникать и другія права частью путемъ добровольной, (свободная иммиграція или вызовъ правительства) частью невольной (пѣвна) иностранной колонизаціи.

Слѣды нѣмецкаго права мы находимъ въ Гал. Руси еще въ первой половинѣ XIV в. ¹⁾, но слѣды весьма незначительные; притомъ

грабѣ только тиуновъ и атамановъ (последнее названіе перешло къ намъ отъ татаръ). На основаніи приведенныхъ фактовъ мы и рѣшаемся утверждать, что тысячу составляло городское и подзамковое населеніе, обязанное послугами на замокъ и содержаніемъ княжеской дружины.

Что же касается столь широкаго распространенія сотенной организаціи въ сѣв.-восточной Руси Московскаго періода, то мы для объясненія его приведемъ всего одинъ, но весьма убѣдительный, фактъ: Въ 1257 г. „приехаша численіці, исцетоша всю землю Суждальскую и Рязанскую и Муромскую, и *станица* *десятники* и *сотники*, и *тысячники* и *темники*, и идоша в орду, толкико не чтоша игуменовъ, чернцовъ, поповъ, крикоманъ, кто зреть на святую Богородицу и на владыку. Лавр. 451. сѣ. давши о раздѣленіи Подоліи на «тми». (Акты Зап. Рос. т. II № 6, хвастилась грамота Менги Гарей, гдѣ тьмами именуется и другія русскія земли. Вѣроатность раздѣленія Подоліи на тьмы признаеть Н. В. Молчановскій, Очеркъ лѣтописи изв. о Подольской землѣ, р. 156). О сотныхъ въ Моск. государствѣ см. А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Моск. государствѣ, стр. 288 слѣд., П. Н. Милюкова, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства стр. 20 (странно, что оба автора, приводя извѣстіе о переписи населенія сѣв.-вост. Руси татарами и устанавленіи сотниковъ и десятниковъ, цитируютъ Никон. лѣтопись, а не Лавр.). П. Н. Милюковъ думаетъ, что «едва ли не отъ этой татарской организаціи придется вести «сотскаго» или «сотника», древнѣшаго представителя тяглои общины сѣверо-восточной Руси»; авторъ считаеть вѣроятнымъ, что «волостная сотня (до-татарская?) имѣла финансовое происхожденіе, именно была группою семеней, тлаушившихъ въ дань къ одному сотскому» (р. 20—21).

Замѣтимъ еще слѣдъ: распространеніе сотеннаго устройства по всѣмъ русскимъ землямъ княжескаго періода говоритъ скорѣе за официальное, княжеское происхожденіе этой организаціи, чѣмъ противъ такого мнѣнія — въ устройствѣ каждой отдѣльной земли до княжескаго періода было несомнѣнно много отличительныхъ особенностей, слѣды которыхъ остались и въ извѣстное намъ по лѣтописямъ время.

Въ сѣв. вост. Руси, а также во многихъ частяхъ Литовской Руси сотенное устройство продолжало развиваться подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и привало характеръ совершенно отличный отъ стараго; поэтому-то для насъ и имѣють такое значеніе данныя о сотныхъ людяхъ въ Гал. Руси — здѣсь это остатокъ *перезиванія*, какъ и всѣ другіе слѣды русскаго права, обломки котораго удѣлились еще въ XV в. ари совершенно новыхъ условіяхъ жизни.

¹⁾ Грамота 1339 г. Юрія-Болеслава Савоку на нѣм. право у Реппеля, Ueber die Verbreitung des Magdeb.-Stadtrechts.

Нѣмцы во Львовѣ еще въ началѣ XIV ст. составляли общину съ своимъ войтомъ — въ 1352 г. Казимиръ подтверждаетъ синовьямъ Матвѣя *olym advocati Lemburgensis*.

нѣмецкое право, какъ кажется, давалось первоначально лишь настоящимъ нѣмецкимъ колонистамъ, прибывшимъ ли по собственному желанію въ Гал. Русь, или вызваннымъ княземъ. Правительства того времени мало вмѣшивались во внутренній строй общинъ, оставляя ихъ жить по собственнымъ правамъ, требуя лишь условленныхъ повинностей въ свою пользу.

Еще въ княжескій періодъ мы находимъ въ Гал. Руси валашскихъ колонистовъ, жившихъ здѣсь точно такъ же по своему валашскому праву общинами съ князьями и крайниками во главѣ. Къ такимъ валашскимъ поселеніямъ, по всей вѣроятности, принадлежали загадочные Болоховскіе князья, извѣстные во время Данила Романовича.

Помимо того мы находимъ въ Галицкой Руси еще княжескаго періода слѣды самой разнообразной колонизаціи, о чемъ свидѣтельствуютъ названія разныхъ мѣстностей. Часть такихъ разнокалиберныхъ колонистовъ появилась здѣсь путемъ плѣна, — взятые во время походовъ въ плѣнъ колодники селились въ качествѣ рабовъ или зависимыхъ людей на княжескихъ земляхъ. Часть могла явиться сюда добровольно вслѣдствіе какихъ-либо неблагоприятныхъ условій на родинѣ¹⁾.

Колонизація послѣдняго рода должна была особенно усилиться послѣ татарскаго нашествія, давашаго значительный толчокъ передвиженію населенія какъ Руси, такъ и сосѣднихъ народовъ. Галицкая Русь, какъ болѣе безопасная отъ татаръ, явилась во второй половинѣ XIII и XIV ст. убѣжищемъ для массы колонистовъ изъ сосѣднихъ земель. Извѣстно лѣтописное мѣсто о созданіи Даниломъ Холма; князь сзываетъ сюда колонистовъ нѣмцевъ, русь, иноязычниковъ и ляховъ, изъ татаръ бѣгутъ

владѣніе имѣніями, пожалованными ихъ дѣду Бертольду, львовскому войту, княземъ Львомъ (Akta gr. II, № 1).

Въ грамотѣ Юрія 1339 г. упоминаются *advocati de Bahna, de Varsov, de Sywicz*, но гдѣ находились эти поселенія, сказать трудно. Мѣстичи нѣмцы упоминаются еще въ XIII в. во Владимірѣ (Ип. 596). Смерть Владиміра Васильковича оплакиваютъ „все множество Володимерцевъ, мужи и жена и дѣти, нѣмцы и Сурожьцѣ, и Новгородци, и Жидове плакахуся, аки и во взятѣ Иерусалиму... (Ип. 605).

¹⁾ Подъ 1276 г. въ лѣтописи занесено извѣстіе о приходѣ къ Тройдену Пруссовъ, бѣжавшихъ изъ своей земли отъ насилія крестоносцевъ: Придоша Прусси ко Тройдену въ своей земли неволею передъ нѣмци; оны же приѣхъ къ собѣ и посади часть ихъ въ Городнѣ, а часть ихъ посади во Въ слованнѣ. (Ип. 577). Быть можетъ, около того же времени основано и поселеніе Прусмъ Львовской земли. Прусина находимъ на службѣ у князя Владиміра Васильковича (Ип. 584).

сюда всякіе ремесленники „...и бѣ жизнь и наполниша дворы, окрестъ града поле и села“¹⁾).

Поэтому-то, просматривая топографическія названія мѣстностей въ Гал. Руси, мы находимъ здѣсь: Печенѣги, Берендѣевичи, Торчевъ, Половецъ, Козара, Козартовцы, Дулѣбы, Древяне, Ятвяги, Прусы, Литвиновъ, Угровскъ, Угриновъ, Угерцы, Болохово, Волошовъ, Волошинъ, Волошъ, Чеховъ, Чешки, Ляшки, Моравцы, Моравско, Татариновъ и много другихъ мѣстностей, названіемъ своимъ ясно говорящихъ о значительной и разнообразной иностранной колонизаціи въ этой западной окраинѣ Руси.

Хотя мы и не имѣемъ точныхъ данныхъ для опредѣленія времени возникновенія перечисленныхъ поселеній, но большая древность нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Козары, Дулѣбы, Древяне, ясна уже изъ самыхъ названій, происходящихъ отъ имени племенъ, исчезнувшихъ уже въ эпоху лѣтописца. Не позже двѣнадцатаго или начала тринадцатаго вѣка поселенія Берендѣевичи, Торчево, послѣднее какъ и Болохово, Угровскъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XIII в. Въ разное время съ половины XIII в. могли возникнуть остальные изъ указанныхъ поселеній.

Многіе изъ перечисленныхъ выше колонистовъ жили въ Гал. Руси, какъ мы уже указывали выше, по своимъ роднымъ правамъ и пользовались болѣе или менѣе значительной долей самоуправленія.

Польское завоеваніе сразу внесло въ судьбу крестьянскаго населенія Гал. Руси существенныя измѣненія.

Значительная часть земель уже съ первыхъ лѣтъ польскаго господства раздается здѣсь польской и иноземной шляхтѣ на условіяхъ отбыванія за пожалованный участокъ военной службы. Мы уже указывали выше, что большинство устремившейся въ Черв. Русь польской шляхты принадлежало къ разряду безземельной или малоземельной, захудалой и убогой, „голоты“. Такое обѣдѣвшее дворянство не имѣло конечно средствъ для заведенія въ полученномъ участкѣ правильнаго хозяйства. Нужно поэтому думать, что большинство древнѣйшихъ пожалованій да-

¹⁾ Ил. 558. По мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Булавова (Населеніе юго-западной Руси отъ половины XIII в. до половины XV в., предисловіе къ Архиву Юго-Зап. Россіи. ч. VII, т. I, р. 27). „Мастера, бѣжавшіе изъ Татаръ не Татары, а ихъ плѣнники, русскіе и иноземные, а равно и жители городовъ, непосредственно подчиненныхъ Татарамъ“.

ваюсь въ мѣстностяхъ заселенныхъ, при чемъ значительная часть повинностей уступалась правительствомъ въ пользу шляхтича.

Получая пустыя участки, шляхтичъ получалъ право ихъ заселить и на извѣстное число лѣтъ освободить новоселенцевъ отъ всякихъ повинностей; по истеченіи льготныхъ лѣтъ большинство повинностей точно такъ же шло въ пользу шляхтичей. Количество этихъ повинностей и способъ ихъ отбыванія, какъ увидимъ ниже, съ теченіемъ времени измѣнялись не въ пользу крестьянъ.

Съ другой стороны, получая заселенный или пустой участокъ, пожалованный вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ, или впоследствии себѣ испрашивалъ право устроить его на нѣмецкомъ (чаще всего) или на какомъ угодно правѣ. Ниже мы увидимъ, какія удобства давало нѣмецкое право владѣльцу; теперь ограничимся только указаніемъ, что выгоды эти казались весьма значительными, и устройство поселеній на нѣмецкомъ правѣ начинается съ первыхъ же лѣтъ польскаго господства какъ въ королевскихъ, такъ и частныхъ земляхъ. Къ половинѣ XV ст. едва ли не половина всѣхъ поселеній Гал. Руси находилась уже на нѣмецкомъ правѣ.

Въ Польшѣ къ срединѣ XIV в. большинство крестьянъ было уже въ юридическомъ отношеніи изъято изъ подъ власти государства и передано вѣдѣнію землевладѣльца-шляхтича, имѣвшаго *jus domini* надъ населеніемъ своей земли, т.-е. судившаго его лично или черезъ своего солтыса. Тотъ же доминіальный судъ надъ населеніемъ появляется и въ Черв. Руси съ польскимъ владычествомъ.

Въ поселеніяхъ на нѣмецкомъ и польскомъ правахъ население изъымается изъ вѣдѣнія государства и подчиняется власти *domini*.

Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, крестьянское населеніе имѣло еще право выхода въ продолженіе всего XV в.¹⁾

Въ Черв. Руси княжескаго періода крестьянское населеніе имѣло право выхода, ограниченное только (какъ увидимъ ниже) извѣстными условіями, вытекавшими изъ принадлежности крестьянина къ своей общинѣ и отношеніями къ владѣльцу.

¹⁾ Еще въ статутѣ 1493 г. (Bandtkie, *Jus Polonicum*, p. 327) читаемъ: *quia kmethones de loco ad locum se anno quolibet moventes ipsi et domini eorum ad damna perveniebant plurima — статутъ устанавливаетъ: ut a modo kmethones a dominis suis status utriusque in partibus terrae Cracoviensis quoquo modo de agris suis recedere non audeant, nisi prius kmetho quilibet aedificaverit aream suam et debita solverit domino juxta consuetudinem* (т.-е. только повторяются старыя постановленія), *exceptis terris Russiae et terris Majoris Poloniae, ubi antiqua consuetudo servetur.*

Ограничение права выхода первоначально вовсе не было въ интересахъ землевладѣльцевъ-шляхтичей. Пустые участки нужно было заселить, чтобы съ нихъ получить доходъ; заселить участки можно было или вызвавъ иностранныхъ колонистовъ, или перезавъ къ себѣ обѣщаніями значительныхъ льготъ населеніе королевскихъ или частныхъ земель. Въ XIV и первой половинѣ XV в. происходитъ еще значительный приливъ шляхты въ Черв. Русь. Многие шляхтичи появляются здѣсь только временно; покупка, продажа, мѣна земли происходитъ въ теченіе этого періода съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Поэтому-то шляхта первое время не только не возстаётъ противъ передвиженія населенія, но, наоборотъ покровительствуетъ ему и даже издаётъ постановленія противъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не выпускали изъ своихъ мѣнъ правильно (*rite*) вызванныхъ крестьянъ.

Такъ въ 1435 г. (годъ введенія польскаго права, т.-е. администрація и суда на польскій ладъ) галицкіе шляхтичи (*domini terrae*) издають постановленіе, регулирующее выходъ крестьянъ на польскій ладъ: крестьянинъ за право выхода (въ періодъ рождественскихъ праздниковъ) долженъ уплатить землевладѣльцу копу грошей, джберъ пшеницы, двѣ колоды овса, четыре русскихъ сыра, четыре курицы, возъ сѣна и возъ дровъ¹⁾.

¹⁾ A. gr. т. XII р. 425. Cum aliquis incolarum de domo in villa a festo Nativitatis Christi a domino suo recesserit, extunc domino ville sexagenam, viccum tritici, alias *dsber*, duos truncos avene, IIII tortas Rutinicales, IIII genera gallorum alias cur, currum feni, currum lignorum dare debet.

Какъ видно изъ начала акта, это есть новое постановленіе, переносящее въ Галицкую землю условія выхода крестьянъ, практиковавшіяся въ Польшѣ (*jus, quod fit in terris Cracoviensi et Sandomiriensi et terra Polonie laudaverunt et laudabiliter appellaverunt*). Но и въ самой Польшѣ XV в. условія выхода крестьянъ были разнообразны въ разныхъ земляхъ. Такъ въ землѣ Ланчавской крестьяне, сидѣвшіе на польскомъ и нѣмецкомъ правахъ, могли выходить только въ Рождество, получивъ за двѣ недѣли до этого срока *licenciam* отъ владѣльца; выходившій крестьянинъ долженъ былъ или поставить на свое мѣсто другого крестьянина, или уплатить владѣльцу 1 гривну и 1 ферто и при этомъ привести свой дворъ въ порядокъ по оцѣнкѣ четырехъ лицъ, двухъ со стороны владѣльца, двухъ со стороны крестьянина. Могли крестьяне выходить и въ теченіе всего года, но тогда платили владѣльцу 3 гривны и приводили дворъ въ порядокъ. Всѣ расчеты съ крестьяниномъ должны были происходить за двѣ недѣли до выхода, — послѣ выхода (т.-е. послѣ полученія отъ владѣльца разрѣшенія на выходъ) владѣлецъ не имѣлъ права предъявлять претензій къ крестьянину.

Зародники сидѣвшіе на польскомъ правѣ, выходившіе *non in tempore*, т.-е. не въ Рождество, платили 1 гривну, а если *in tempore*, то только чиншъ и гостинное и приводили свои дворы въ порядокъ. Корчменники, сидѣвшіе на нѣмецкомъ правѣ, должны были осадить свою корчму и оправить дворъ, иначе платили 1 гривну при выходѣ.

Но на бурномъ засѣданіи шляхетскаго вѣча въ Галичѣ 1444 г. было постановлено, что если владѣлецъ не захочетъ выпустить своего крестьянина *post reclinacionem* (т.-е. послѣ официального заявленія владѣльцу о желаніи выйти и исполненія всѣхъ формальностей отказа), то послѣдній можетъ позвать его въ судъ на третій день, и владѣлецъ обязанъ (будучи раньше оповѣщенъ объ этомъ *alio homine*) отпустить его въ первый судебный срокъ, уплативъ три гривны штрафа въ пользу суда и три гривны въ пользу истца¹⁾.

Въ этомъ же собраніи для огражденія интересовъ владѣльца сдѣлано еще постановленіе о бѣглыхъ людяхъ, т.-е. очевидно о бѣжавшихъ *sine reclinacione*, безъ вѣдома владѣльца и исполненія всѣхъ формальностей отказа. Принявшій такого бѣглаго обязанъ, будучи оповѣщенъ господиномъ бѣжавшаго, отпустить его съ тремя гривнами штрафа; если же крестьянинъ не будетъ отпущенъ, то господинъ его зоветъ на третій день въ судъ принявшаго его крестьянина, и перенявшій платитъ три гривны судебной виры и столько же истцу. Тутъ же прибавлено важное замѣчаніе, что дѣти бѣглыхъ не считаются бѣглыми²⁾. Послѣднее постановленіе можно понимать двояко: или оно значитъ только то, что за дѣтей бѣглаго не платятъ штрафа, или же болѣе важное — что дѣти бѣглаго не отвѣчаютъ за тѣ послѣдствія, которыя падаютъ на бѣжавшихъ родителей. А это можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда бѣжавшій крестьянинъ закрѣпощался, теряя право выхода. Мы склоняемся именно къ послѣднему объясненію,

Въ статутѣ есть противорѣчіе — въ § 34 условія выхода одни и тѣ же для крестьянъ на правѣ нѣмецкомъ и польскомъ, въ § 36 — крестьяне на польскомъ правѣ платятъ при выходѣ лишь половину того, что платили крестьяне на правѣ нѣмецкомъ.

Объ условіяхъ выхода крестьянъ въ Мазовіи см. Дунина, о Мазовецкомъ правѣ, р. 54. Въ землѣ Холмской крестьяне могли выходить, осадивъ свое поле *kmethone tam valenti ut solus fuit*, или продать поле съ согласія владѣльца (статутъ 1477 г. у Мацѣйовскаго, *Historia prawodawstw stowjańskich*, t. VI, p. 414).

1) А. гр. XII, р. 129. *Item eciam domini invenerunt, quod cum aliquis homo reclinabit se a suo domino ad alium dominum et idem ejus dominus ipsum detinebit et locabit post reclinacionem, extunc ipsum debet citare ad tercium diem, qui habet ipsum restituere in primo termino cum tribus marcis, castro tres et actori tres. Item eciam debent ipsum predestinare alio homine. Sin autem non vellet restituere, extunc ipsum citare habet, ut supra.*

2) *Item eciam invenerunt, quod habent inter se hos fugittivos homines (cum tribus restituere) tradere de... et idem cui profugit, debet predestinare ipsum ut cum tribus traderet hominem. Sin autem non traderet cum tribus, extunc debet eum citare ad diem tercium, cum ipsum hominem debet ipsum mittere cum tribus marcis, castro tres et actori tres et hominibus fugittivis pueri non sunt fugittivi.*

такъ какъ оно соотвѣтствуетъ постановленію Русской Правды, по которому бѣглый закупъ становился холопомъ. На другомъ мѣстѣ того же 1444 г. между прочимъ постановлено, что крестьяне могутъ выходить (*abdicare se*) въ теченіе двухъ недѣль, считая отъ второго дня по Рождествѣ Христовѣ. Разслѣдованіе дѣлъ по выходу крестьянъ должно происходить на слѣдующій за тѣмъ (третьей) недѣлѣ.

Наконецъ запрещался насильственный уводъ вышедшаго человека и грабежъ его имущества — послѣднее должно до рѣшенія суда быть передано въ третія руки¹⁾.

Однако съ половины XV в. въ Галицкой Руси повидимому образуются двѣ партіи, интересы которыхъ въ отношеніи крестьянскаго выхода были діаметрально противоположны. Элементъ недавно пришедшей шляхты стоялъ за свободу выхода, такъ какъ нуждался въ заселеніи своихъ участковъ. Наоборотъ, прочно въ Черв. Руси осѣвшіе шляхтичи, устроившіе свои земли и колонизовавшіе ихъ, были противъ свободы выхода, весьма для нихъ невыгодной. Отсидѣвшіе льготные годы крестьяне бросали свои участки и переходили на новыя льготы въ другія имѣнія, а участки землевладѣльца пустѣли и не давали никакого дохода²⁾.

Оттого-то акты XV в. переполнены дѣлами о выходѣ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ въ Галицкой, передвиженіе крестьянъ происходило въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, жалобъ о неправильномъ вызовѣ населенія, бѣгствѣ его, насильственномъ уводѣ чужихъ и своихъ, вышедшихъ въ другія имѣнія, крестьянъ накоплялась такая масса, что въ судѣ были назначаемы спеціальныя засѣданія для такихъ дѣлъ. Дѣла о крестьянахъ рѣшались въ Галицкой землѣ первоначально въ судахъ земскихъ,

¹⁾ Item etiam sub pena iudicii nullum hominem rectinatum recipere habent necz alias *grabusa* usque ad *rospravu* etiam actoris. ib. p. 188.

Это, кухонною латынью изложенное, мѣсто относится, по нашему мнѣнію, къ личности крестьянина, такъ какъ равнѣе идетъ дѣло объ его имуществѣ — господинъ не имѣетъ права *нять* или *грабить*, т.-е. силой уводить своего крестьянина съ того мѣста, куда онъ ушелъ. Постановленіе это станетъ понятнымъ тому, кто заглянетъ въ галицко-русскія судебныя книги XV в., особенно въ книги Галицкой земли — послѣднія переполнены дѣлами о наѣздахъ на чужія имѣнія и уводѣ вышедшихъ крестьянъ.

²⁾ Такое же явленіе повторялось и позже въ украинскихъ староствахъ. Такъ по листр. 1665 въ селахъ Летичевского повіта „*ludzie nigdi swobodi nie wiedziedza, zwlaszcza uz szestho odchodza, ktorem ma swoboda wichodzicz, a na iech mieszcza zazie drudzi na swobode do lat kielkanasczie wstepuią*“. (Арх. Юго-Зап. Россія, ч. VII, т. II, р. 207).

позже, въ судѣ коморниковъ (*judicium camerariorum*), въ землѣ Перемышльской они находились въ вѣдѣніи суда городскаго¹⁾. Въ Львовской землѣ крестьянскія дѣла точно такъ же разбирались въ городскомъ судѣ, хотя нерѣдко возникали споры о подсудности такихъ дѣлъ городскому суду²⁾.

Свободный выходъ крестьяне имѣли въ Гал. Руси до начала XVI в.: въ 1507 г. по просьбѣ червонорусской шляхты король распространяетъ и на Черв. Русь польскія постановленія о выходѣ крестьянъ³⁾.

Посмотримъ теперь на тѣ условія, при которыхъ въ XV в. происходилъ выходъ крестьянъ.

Въ XV в. масса крестьянскаго населенія Черв. Руси была еще свободна и имѣла право выхода. Кромѣ рабовъ и кабалныхъ, привязанныхъ къ личности владѣльца, коланныхъ, ордынцевъ и данниковъ (*homines tributarii*), прикрѣпленныхъ къ землѣ, всѣ

¹⁾ А. г. т. XII, предисловіе, р. XI.

²⁾ А. г. т. XIV, р. 72 и предисловіе.

³⁾ Vol. leg. I, p. 166 „ad supplicationem terrarum Russiae: volumus et decernimus ut de omnibus fugitivis statutum Regni observetur“. Мы видѣли выше, что еще статутъ 1493 г. оставилъ въ Черв. Руси обычные порядки выхода крестьянъ. Но и статутъ 1496 подтверждаетъ „*consuetudines super mittendis (kmethonibus) observatas non esse immutandas, sed observandas ubique*“ (Jus Pol. p. 343). Но въ статутѣ 1496 находится чрезвычайно важное постановленіе, ограничивающее выходъ крестьянъ: изъ сѣновой крестьянина только одинъ можетъ выходить въ наемную службу или для изученія ремесла, остальные должны оставаться въ селѣ; если у кмета одинъ только сынъ, то онъ долженъ оставаться въ селѣ; при этомъ и имѣющій право выхода крестьянскій сынъ долженъ получить увольнительное свидѣтельство отъ своего пана (*licentiam et litteras testimoniales a dominis locorum*), иначе онъ считается бѣглымъ, и панъ имѣетъ право вернуть его (Jus Pol. p. 343). Этими постановленіемъ, какъ замѣчаетъ Бобржинскій, подданство крестьянъ изъ личнаго стало наследственнымъ.

По Радомской конституціи 1505 г. безусловно требуется согласіе пана на выходъ крестьянина: *statutum quod nulli kmethonum liberum erit de cetero recedere a domino suo et de bonis residencie sue domino invito aut inscio, qui vero contra hoc statutum recedere sive fugere presumerit, dominus apud quem inventus fuerit, kmethonem restituere teneatur nullius temporis prescriptionem evadendo... Si vero domino placuerit kmethonem e bona voluntate dimittere, extunc kmetho tenebitur solvere hospitale alias gosczyinne nec non domini septa et alia juxta antiquum reformare et fidejubere.* (Арх. Бернара, Acta Castr. Premisl. t. IV, p. 69).

По всей вѣроятности, червонорусская шляхта просила короля о распространеніи и на Черв. Русь вышеизложенныхъ постановленій. Такимъ образомъ юридическое закрѣпленіе крестьянъ наступило въ Черв. Русь вѣскольکو позже закрѣпощенія польскихъ крестьянъ.

остальные крестьяне какъ королевскихъ, такъ и частныхъ имѣній могли покидать свои собственные или владѣльческія земли, на которыхъ осыли, и переходить куда имъ угодно.

Однако свобода перехода не была вполнѣ неограниченной. На дорогѣ ей стояли, съ одной стороны, интересы самихъ крестьянскихъ общинъ, съ другой — интересы землевладѣльцевъ: безусловный выходъ крестьянъ наносилъ вредъ и тѣмъ и другимъ. Выходящій изъ общины крестьянинъ уменьшалъ ея платежную силу; повинности, лежавшія на всей общинѣ, съ уменьшеніемъ числа членовъ общины становились тяжелѣе для каждаго отдѣльнаго члена. Тамъ, гдѣ повинности были точно обозначены для каждаго отдѣльнаго лица, уходъ крестьянина лишалъ землевладѣльца части доходовъ со своей земли.

По этимъ-то причинамъ и общины и землевладѣльцы старались ограничить и упорядочить выходъ крестьянъ. Съ обѣихъ сторонъ были выработаны извѣстные условія, удовлетворивъ которымъ, крестьянинъ имѣлъ право выхода. Не много, но зато характерныхъ, данныхъ сохранили намъ акты относительно выхода крестьянъ изъ поселеній на *русскомъ правѣ*. Данныя эти тѣмъ болѣе важны для насъ, что они по всей вѣроятности рисуютъ намъ обычай древній, сохранившійся отъ періода еще полнаго господства права русскаго эпохи княжеской и даютъ нѣсколько драгоценныхъ чертъ изъ исторіи древнерусской крестьянской общины.

Ко всѣмъ выходящимъ крестьянамъ, на какомъ бы правѣ они не сидѣли, примѣнялось одно общее правило: выходить можно было только съ опредѣленнаго права въ такое же (съ русскаго въ русское, нѣмецкаго въ нѣмецкое); выходъ съ одного права въ другое воспрещался. Если крестьянинъ вызывался напр. съ русскаго права въ русское, а окажется, что онъ осылъ на нѣмецкомъ, то прежній *dominus* имѣлъ право вытребовать его назадъ, при чемъ перезавшій крестьянина платилъ штрафъ первому владѣльцу въ 3 гр. и столько же судебной виры, теряя притомъ данный за крестьянина выходъ. Впрочемъ правило это имѣло повидимому силу только въ теченіе извѣстнаго времени, одного года со времени вызова.

Трудно объяснить причину подобнаго запрещенія: для землевладѣльца было повидимому рѣшительно безразлично, въ какое право выходилъ его крестьянинъ, разъ онъ исполнилъ всѣ формальности выхода (*reclinacio*) и вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ лежавшимъ на немъ по отношенію къ своему *dominus* у обяза-

тельствамъ. Быть можетъ, запрещеніе это вызвано желаніемъ ограничить нѣсколько необыкновенно частый переходъ крестьянъ: переходъ съ одного права въ другое могъ представлять крестьянину больше заманчивости, чѣмъ переходъ въ то же право; въ послѣднемъ случаѣ способъ отбыванія повинностей, а иногда и размѣръ ихъ, оставались неизмѣнными. Но, съ другой стороны, массу крестьянъ увлекали въ новыя поселенія *воля*, освобожденіе отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, а такая воля могла имъ даваться на всякомъ правѣ.

Выходъ крестьянъ въ латинскихъ актахъ именуется *reclinatio*¹⁾, по-русски — *отказъ, выходъ*. Презванный крестьянинъ назывался *homo, kmetho reclinatus, acclinatus*.

Правильно совершонный выходъ требовалъ исполненія разныхъ формальностей. Вызывавшіе крестьянина (*отказчики*) должны были формально заявить владѣльцу въ его домѣ²⁾, въ присутствіи посторонняго (*обчаго, hominis extranei nobilis*)³⁾ шляхтича, или, за неимѣніемъ его, при двухъ свидѣтеляхъ изъ мѣстныхъ обывателей (*tertigene*) и самаго вызываемаго крестьянина, о его вызовѣ; владѣльцу тутъ же представлялась отказчикомъ плата за выходъ (*pecunia recessionalis, recessionales, exitus, выходъ*); тогда же производился точный расчетъ владѣльца съ своимъ крестьяниномъ, опредѣлялись всѣ обязательства, на немъ лежавшія и, повидимому, требовалось свидѣтельство владѣльца о погашеніи всѣхъ этихъ обязательствъ⁴⁾. Выходная плата по русскому и валашскому праву соответствовала экономическимъ отношеніямъ крестьянина къ своему *dominus*'у⁵⁾.

Выходъ крестьянина долженъ былъ происходить въ урочное время и непремѣнно днемъ (*in tempore et hora*); выходъ ночью считался неправильнымъ, приравнивался къ бѣгству⁶⁾.

1) *Reclinatio, acclinatio, exclinatio, exceptio exitus*; *exceptio*, выходъ, употребляется и въ смыслѣ платы за выходъ (А. гр. XV, р. 530). *Post reclinacionem al. по отказу* (А. гр. XV, р. 484).

2) или въ домѣ тиуна, А. гр. XII, р. 369.

3) *przed obczizna*. А. гр. XV, р. 530, 534.

4) Всѣ претензіи къ крестьянину владѣлецъ долженъ былъ объявить при *reclinatio*; объявленныя послѣ *reclinatio* претензіи не имѣли силы, см. А. гр. XIV, р. 293 и 339. При неправильномъ презываніи улаченный владѣльцу выходъ оставался въ его пользу, А. гр. XIV, р. 305.

5) Экономическое положеніе крестьянина доказывалось показаніемъ атамана и двухъ крестьянъ. (А. гр. XII, р. 409, *istcsyenko sedet circa me in media area et paratus sum hoc adducere iuxta consuetudinem terrestrem dnobus kmethonibus et vathamano*).

6) А. гр. XII, р. 75. *Mgf. Muzilo in lucello alias przed swyachem (sic) alias (sic) homines reclinavit... tunc nos iudices videntes quod indecenter ds. Muzilo homines*

Крестьяне, сидѣвшіе на *русскомъ правѣ*, какъ уже сказано, имѣли право выходить только въ русское же право. Выходъ ихъ

reclinavit... tunc nos iudices videntes quod indecenter Vs. Muzilo homines reclinavit, premissos homines Ihnatonі adiudicavimus... cf. ib. p. 146. idem homo non est in tempore reclinatus, quia in nocte sunt reclinati (sic).

Выходъ влялся не только крестьянами, имѣвшими собственное хозяйство, сидѣвшими на опредѣленныхъ участкахъ земли (kmethones bene possessionati, areales, de media agra, de quartale agri) но и подсѣдами, дворовыми (sedentes in camera). A. gr. XVI, p. 209 ...terminus positus inter mfm. Pal. Leop. actorem et nob. Ioh. Dawidowsky reum ad interrogandum dominos pro homine Ostasch reclinato de Dawidow sub civitatem Leopolim pro eo, *quid Ostasch recessionalis dare deberet, ex quo in camera residebat et sub domino nil tenebat.*

Очень любопытенъ фактъ существованія еще въ XV ст. разряда людей *вольныхъ*, *похожихъ* (zarochodzący), не платившихъ выхода. Данныхъ относительно такихъ *вольныхъ* однако очень мало. Укажу на дѣло A. gr. XII, p. 6 (a. 1486)... Item Onoszym de Kurosz est iustificatus prout pro recessionalibus alias *za poklon* per ducem Mithko inculpatus fuit. Unde domini superius descripti dederunt Onoszym *na ludstwo* ad propones de Kurosz ad quos ministerialis equitaverat. Qui dixerunt: *est frater noster liber, qui recedere habet et recessit ut aliquis nostrum alias wolmi.* „cf. ib. p. 149 dedimus ad futuros terminos ad interrogandum ad plures homines inter dominam Elizabeth de Podhaycze et Jacconem de Sphistelnyky pro homine, utrum homo est *zarochodsacy*, qui jam obsedit alias *oszadl*“.

Классъ *похожихъ* или *вольныхъ* людей (люди *захожіе*, *прихожіе*, *слободичи*, *похожіе*, *вольники*) существовалъ и въ Литовской Руси. По характеристикѣ В. Б. Антоновича. (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VI, т. II, p. 17) *слободичи* были люди *вольные*, не имѣвшіе поземельной собственности; они снимали по контракту участки земли у дворянъ, при чемъ давали владѣльцу земли листъ или запись добровольный; въ силу этого контракта они обязывались взаимѣн за получаемую землю давать владѣльцу известное условное количество получаемыхъ ими съ земли произведеній, или исполнять известныя службы, или давать платы; такъ какъ при поселеніи своемъ *похожіе* человѣкъ получалъ по большей части еще пособіе отъ землевладѣльца, то въ такомъ случаѣ онъ обязывался до известнаго срока не сходить съ земли (*засѣдальный*), въ противномъ случаѣ (*незасѣдальный*) онъ могъ оставить *слободу* по своему усмотрѣнію, но долженъ былъ заплатить выходъ, какъ въ земли *обычай* есть, и, отдавши его, могъ пойти, гдѣ захочетъ.

Такие *вольные* люди, какъ кажется, не были связаны сроками выхода, общими для *осѣдлыхъ* крестьянъ, а могли выходить во всякое время, исполнивъ условія договора. Между ними были и такіе, которые переходили съ мѣста на мѣсто, (*quaerens victum al. rozuwienia*), нанимались для разныхъ услугъ только на короткое время. Какъ кажется, однако правительство старалось ограничить шатаніе такихъ *homines vagabandi*, установивъ и для нихъ срокъ выхода на Рождество Христово. Такъ изъ некоторыхъ актовъ видно, что *servus cum reclinacione* могъ выходить только на Р. X. (A. gr. XII, p. 349, XIV, p. 443).

Хотя сроки для выхода крестьянъ были установлены въ первой половинѣ XV в., но мы и позже встрѣчаемъ частные договоры владѣльцевъ *mittere homines sine tempore reclinacionis*. (A. gr. XV, p. 442), но съ другой стороны встрѣчаемъ и обратные договоры частныхъ владѣльцевъ не перенывать крестьянъ *однакъ* у другаго (A. gr. XII, p. 352).

могъ происходить только разъ въ годъ — на Рождество Христово. Плата за выходъ (*поклоуъ*) была непременно денежной¹⁾ и опредѣлялась въ 1 гривну за крестьянина, сидѣвшаго на цѣломъ дворницѣ, и полгривны за владѣвшаго половиной дворница. Однако не каждый крестьянинъ, сидѣвшій на русскомъ правѣ, имѣлъ безусловное право выхода. Изъ cadastra селенія на русскомъ правѣ могли выходить только одинъ, два или три крестьянина. соответственно числу населенія: расчетъ шелъ по десяткамъ. и выходить могъ лишь каждый одиннадцатый, т.-е. при десяти крестьянахъ ни одинъ не имѣлъ права выхода, если ихъ было больше десяти, то остальные могли выйти, при двухъ десяткахъ слишкомъ выходили превышавшіе 20 и т. п. При такомъ исчисленіи въ счетъ не принимались сидѣвшіе на другомъ правѣ, попы, корчмари, подсѣдки, десятники.

Мы уже раньше (см. р. 113) говорили о только что изложенныхъ фактахъ. Мы думаемъ, что факты эти указываютъ на обломки древняго устройства частирусскаго населенія по сотнямъ. Указанное ограниченіе выхода мы старались привести въ связь съ общиннымъ строемъ сотни.

Однако, по нашему мнѣнію, по сотнямъ была устроена только часть русскаго населенія княжескаго періода Галицкой Руси. Другая, болѣе значительная его часть, жила, повидимому, общинно-родовыми дворницами, и дворничное землевладѣніе сохранилось въ большинствѣ поселеній на русскомъ правѣ еще въ XV и даже XVI в. (о дворничномъ земледѣліи рѣчь будетъ ниже). Однако и отдѣльныя дворница cadastra поселенія, какъ кажется, соединялись общинною связью и отбывали нѣкоторыя повинности сообща. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ рядъ фактовъ, когда при спорахъ о правильности выхода исчислялись не крестьяне, а дворница²⁾ — владѣльцу лишняго противъ полнаго десятка дворницъ разрѣшался свободный выходъ. Можно думать, что въ такомъ случаѣ homo arealis не обязанъ былъ осадить дворница alio homine, а долженъ былъ только уплатить recessionalia.

Тѣ же формальности, какія были въ обычаѣ при выходѣ съ русскаго права, примѣнялись при выходѣ съ права валашскаго. Reclinatio должно было происходить in hora et tempore въ при-

1) A. gr. XII, p. 20 nos videntes, quod cum marcis reclinabantur, tales eosdem homines non iudicamus iuxta ius Theutunicale, sed Rutinicum, eapropter adiudicamus ipsos demorari ad festa Nativitatis iuxta terre ritum et ius. cf. XIV, p. 59.

2) Данная актовъ см. выше, р. 114 ир.

существовані общаго человѣка (*hominis extranei*), при которомъ за вызываемаго крестьянина платился выходъ¹⁾. Какъ уже сказано, выходъ съ валашскаго права дозволялся только въ право валашское. Плата за выходъ Валаха опредѣлялась, кажется, въ 12 грошей²⁾; экономическое положеніе крестьянина сидѣвшаго на валашскомъ правѣ опредѣлялось показаніемъ князя и общины. Выходъ съ валашскаго права могъ, кажется, происходить во всякое время, а не въ опредѣленный срокъ, какъ выходъ съ права русскаго³⁾.

Общія формальности соблюдались и при выходѣ съ *нѣмецкаго права*. Но условія выхода крестьянъ на правѣ нѣмецкомъ значительно отличались отъ условій перехода крестьянъ на правѣ русскомъ и валашскомъ.

Условія поселенія крестьянъ на нѣмецкомъ правѣ отличались особенной опредѣленностью и точностью. Солтысы заключалъ отдѣльное условіе съ каждымъ крестьяниномъ, при чемъ количество взятой крестьянами земли и размѣръ повинностей были точно обозначены. Крестьянинъ на нѣмецкомъ правѣ отвѣчалъ только за себя.

Желавшій оставить свое селеніе крестьянинъ, сидѣвшій на правѣ нѣмецкомъ, могъ, кажется, сдѣлать это, когда угодно, но онъ долженъ былъ передъ этимъ обязательно *locare suum agrum* т.-е. продать его или осадить его надежнымъ человѣкомъ (*kmethone bene valenti*), имѣвшимъ достаточныя средства и хозяйственный инвентаръ для управленія земли, на которой сидѣлъ уходящій крестьянинъ. Крестьянину давался извѣстный срокъ (отъ 8—18 недѣль) на *locatio* своего поля, послѣ чего онъ могъ уйти, пере-

¹⁾ А. гр. XII, р. 413 жалоба гал. подсудка на шляхтича Матвѣя Гольдача: *quia ei hominem dictum Michaylo in hora et tempore coram homine extraneo reclinatum mittere non vult de villa ipsius Zalynyowyc de integra area de iure Valachico in villam ipsius Lyuczca in ius Valachicum, neque pro ipso reclinacionem recipere vult, cum ei dabatur coram eodem homine extraneo, cui homini nulla culpa est data penes reclinacionem et tenet ipsum ultra laudum et consuetudinem terrestrem iudicialiter responsurus. См. ib. p. 402, 403.*

²⁾ Суду предложень вопросъ: *si walachi ad presens ambulant, unde sic decernimus, quod walachi iuxta morem antiquum ambulare debent duodecem grossos recessionalium dando et dacionum iuxta morem antiquum videlicet XII grossos vel iuxta quod knyadz manifestabit, quomodo eundem walachum tenuit. А. гр. XII, р. 21.*

³⁾ См. напр. А. гр. XII, р. 413 — жалоба на невшуускъ крестьянина съ валашскаго права занесена въ судъ 4 іюля 1474 г. Въ одномъ актѣ мы узнаемъ, что крестьянинъ кивванъ *отказчикомъ* съ валашскаго права *fer. 6 prox. ante Reminiscege, А. гр. XVI, р. 127.*

давъ всѣ свои обязанности другому крестьянину. Если въ теченіи указаннаго срока крестьянинъ не могъ осадить своего поля, или его продать, то долженъ былъ дать владѣльцу залогъ¹⁾.

Для привлеченія крестьянъ въ свои имѣнія помѣщики въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовались такъ-наз. *волей*: каждое новое поселеніе получало обыкновенно освобожденіе отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ. Эта воля, столь заманчивая для крестьянъ, была для нихъ однако источникомъ неволи, на первое время впрочемъ временной. Давая волю, помѣщикъ разумѣется рассчитывалъ по истеченіи ея получать чистый доходъ съ своихъ крестьянъ. Изъ актовъ не совсѣмъ ясно, могъ ли сидѣвшій на волѣ крестьянинъ оставить свое поле. Изъ одного впрочемъ акта можно заключить о существованіи общаго правила: сидѣвшій на волѣ крестьянинъ обязанъ былъ отработать владѣльцу столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ, или осадить его другимъ крестьяниномъ, принимавшимъ на себя его обязательства²⁾.

XIV и XV вѣка представляютъ въ Гал. Руси эпоху необычайно широкаго обмѣна земельной собственности, основанія громадной массы новыхъ поселеній и поэтому необычайно частаго передвиженія крестьянъ. Нѣкоторые изъ судебныхъ книгъ XV в. заняты болѣе чѣмъ на половину крестьянскими дѣлами: жалобами на неправильное *reclinatio*, невыпускъ крестьянъ правильно вызванныхъ и грабежъ имущества вышедшихъ, принятіе бѣглыхъ, вышедшихъ безъ *reclinatio* и пр. Появляется цѣлая новая профессія *отказчиковъ*, агентовъ, переѣзжавшихъ изъ села въ село и сманивавшихъ населеніе заманчивыми описаніями выгодъ новыхъ поселеній. Отказчиками бывали обыкновенно атаманы, солтысы и князья (въ валашскихъ поселеніяхъ), купившіе или получившіе отъ землевладѣльца солтыство, т.-е. право устроить извѣстное поселеніе и пользоваться частью его доходовъ. Отказчики обыкновенно вносили сами выходъ за крестьянъ ихъ пану

1) A. gr. XIV, p. 262, 497, 389.

2) Inter nob. Joh. Vysoczeki actorem et gsam Jachnam de Malechow taliter est sentenciatum pro homine Demkone de Zidathicze, qui se (sic) reclinat sub Regem, quia idem homo quantum sedebat super libertate, tantum tempus debet sedere in illibertati in Zyathicze. A. gr. XIV, p. 332. cf. p. 350.

...kmetones eorundem agrorum *laszy* debent Dobeslao Kmite solvere census et labores laborare, dum libertas eorum expirabit. Sin autem illud facere non vellent, extunc debent agros suos vendere et collocare alias oschadzicz eosdem agros Dobeslao. A. gr. XI, p. 433.

и погашали разныя претензіи землевладѣльца къ крестьянамъ, чѣмъ уже сразу вводили вызываемыхъ крестьянъ въ экономическую зависимость отъ новаго владѣльца.

Между помѣщиками идутъ нескончаемые процессы изъ-за крестьянъ. Процессы эти идутъ какъ на почвѣ легальной въ судахъ гродскихъ, земскихъ, коморническихъ, вѣчевыхъ, восходятъ и въ надворный судъ самого короля, такъ и путемъ вовсе не легальнымъ — путемъ набздовъ и грабежей. Отказчики не всегда вызывали крестьянъ закономъ установленнымъ путемъ, подбивая нерѣдко ихъ къ бѣгству¹⁾). Владѣльцы, въ свою очередь, не ожидая долгихъ судебныхъ мытарствъ, прибѣгали къ вооруженной силѣ для возвращенія своихъ крестьянъ: происходили формальныя сраженія, поле битвы нерѣдко бывало усѣяно ранеными и убитыми съ обѣихъ сторонъ; побѣдители уводятъ уцѣлѣвшихъ крестьянъ съ ихъ имуществомъ.

Просматривая судебныя книги Черв. Руси, легко увидать, что передвиженіе крестьянъ происходитъ не въ одинаковыхъ размѣрахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Менѣе всего дѣль о выходѣ крестьянъ въ землѣ Саноцкой, болѣе всего въ Галицкой. Объясняется это географическими и экономическими условіями данныхъ мѣстностей: земля Саноцкая по условіямъ земельной культуры представляла для польской шляхты менѣе заманчивости, чѣмъ другія части Черв. Руси. Эта подгорная область была менѣе удобна для земледѣлія, преобладающимъ промысломъ здѣсь являлось скотоводство, которымъ занимались особенно валахи, въ значительныхъ размѣрахъ колонизовавшіе Саноцкую землю. Перемышльская, Львовская и Галицкая земли представляли наибольшія удобства для земледѣлія, и сюда направляется преимущественно шляхетская колонизація. Земля Галицкая и Теробовльская, какъ болѣе восточныя, украинныя, колонизируются позже другихъ. Эти земли представляли наибольшую опасность въ военномъ отношеніи, поэтому участки и раздавались въ нихъ на обязательствахъ отправленія разныхъ военныхъ послугъ въ то уже время, когда въ прочихъ частяхъ Черв. Руси шляхтичи владѣли землею *jure hereditario*. Желая колонизовать свои участки въ этихъ богатыхъ, но мало спокойныхъ, земляхъ, шляхтичи давали здѣсь крестьянамъ особенно значительное число льготныхъ лѣтъ и наперерывъ перебиваютъ ихъ сюда, и крестьяне Львовской и Пере-

¹⁾ Тайный вызовъ крестьянъ носилъ техническое названіе *выкачиванія* (А. гр. XV, р. 543).

мышльской земель массами уходятъ въ восточную часть Черв. Руси и Подолію. Возникали даже вопросы, слѣдуетъ ли допускать выходъ крестьянъ изъ Львовской и Жидачевской земли въ Галицкую и обратно; кажется, однако вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ¹⁾.

Процессы по дѣламъ о выходѣ крестьянъ происходили въ разныхъ судахъ: въ землѣ Галицкой сначала въ судѣ земскомъ, потомъ въ судѣ коморниковъ, въ Перемышльской — въ городскомъ судѣ; изъ судебныхъ книгъ Львовской земли сохранились главнымъ образомъ городскія книги. Въ нихъ довольно много крестьянскихъ дѣлъ, хотя значительно меньше, чѣмъ въ книгахъ галицкихъ; но, вѣроятно, большая часть процессовъ о крестьянахъ и въ Львовской землѣ, какъ въ Галицкой, заключалась въ книгахъ земскихъ судовъ, отъ которыхъ для первой половины XV в. сохранились только обломки.

Такъ какъ дѣла о крестьянахъ составляли громадный процентъ въ числѣ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ судамъ городскимъ и земскимъ, то въ нѣкоторыхъ судахъ были даже назначаемы спеціальныя засѣданія исключительно для рѣшенія дѣлъ крестьянскихъ (*judicium pro hominibus, judicium recessionalium, pro hominibus reclinatis*).

По постановленію 1444 г., если *dominus* задерживалъ и не отпускалъ крестьянина, исполнившаго всѣ установленныя формальности выхода, то вызывавшій долженъ былъ его *обослатъ* обчямъ челоувѣкомъ, т.-е. потребовать отпуска крестьянина. Если послѣ обыски крестьянинъ не выпускался, то истецъ имѣлъ право позвать его въ судъ, въ который тотъ долженъ былъ явиться на третій день послѣ вызова и отпустить крестьянина въ первый же судебный срокъ, уплативъ три гривны судебной виры и три гривны истцу²⁾.

Принявшій бѣглаго крестьянина долженъ былъ вернуть его послѣ такой же обыски съ тремя гривнами истцу, если же не возвращалъ то точно такъ же долженъ былъ явиться въ судъ на третій день вызова и, выплативъ три гривны судебной пошлины и три гривны истцу, возратить бѣглаго. Задержанное имущество

¹⁾ А. гр. XII, р. 90. In presenti termino (2 января 1441 г.) domini supradicti dedimus et distulimus ad proximos terminos a data presencium ad interrogandum, utrum habent homines reclinatos debent mittere de districtu Halicensi in districtum Leopoliensem vel Zudacensem et e converso. Вопросъ возникъ по поводу дѣла кн. Михаила Гольшанскаго съ Михаиломъ de Konjuschky о вызванныхъ крестьянахъ изъ Галицкой въ Львовскую землю. Изъ р. 94 видно, что Гольшанскій дѣло выигралъ.

²⁾ А. гр. XII, р. 128.

крестьянина должно было быть отдано въ третьи руки до окончательнаго судебного рѣшенія¹⁾.

Выигравшій въ судъ крестьянина получалъ отъ суда пристава (*ministerialis*) на *выметаніе* (*ad eiciendum*) его. Впрочемъ судебный процессъ рѣдко на этомъ кончался: весьма часто проигравшій дѣло все же не выдавалъ крестьянина и не позволялъ передать въ третьи руки его имущества (*ripnoga herpercussit*). Судебному приставу нерѣдко при этомъ доставалось весьма плохо: избитый и окровавленный, онъ возвращался въ судъ, гдѣ заводилось новое дѣло о *herpercussio ripnogi* и оскорбленіи пристава. Между тѣмъ истецъ, отчаявшійся въ возможности получить удовлетвореніе законнымъ путемъ, собиралъ своихъ домашнихъ, сосѣдей, пріятелей, крестьянъ и отправлялся въ военный походъ для добыванія *objecti litis*. Истецъ не дремалъ и, въ свою очередь, готовился къ битвѣ, собравъ такое же войско. Открывалось сраженіе, въ которомъ обыкновенно, по извѣстному выраженію, паны дрались, а у мужиковъ чубы трепали. Побѣдитель уходилъ съ трофеями, но побѣжденный, собравшись съ силами, дѣлалъ отвѣтный наѣздъ, отнималъ добычу, и кстати прихватывалъ кое-что изъ имущества врага. Въ результатъ новые процессы о наѣздахъ и грабежахъ, новое судебное рѣшеніе, новая посылка пристава, новое его оскорбленіе и опять новый процессъ и т. д. до безконечности. И такія войны, если не крестьянскія, то изъ-за крестьянъ, вели, съ переменнымъ успѣхомъ, не только одни шляхтичи, но и духовные землевладѣльцы, епископы и архіепископы, если не лично, то своими войсками подъ начальствомъ сельскихъ атамановъ и управителей. При помощи судебныхъ крючковъ и смазки суда, дѣла подобныя можно было тянуть до безконечности, перевода ихъ изъ одной инстанціи въ другую, откладывая подъ всевозможными предлогами (болѣзнь простая, болѣзнь *ложная*, т.-е. серьезная, приковывавшая якобы отвѣтника къ ложу, приготовления къ военному походу, извѣстія о готовившемся нападении татаръ или другихъ враговъ, королевское порученіе, необходимость явиться въ судъ другого повѣта по болѣе важному дѣлу — *pro majori*, и т. д.). Въ результатъ выигрывалъ разумѣется

¹⁾ Бѣзпаго нужно было *arestare cum nobili* XII, p. 413. Шляхта отдѣльныхъ русскихъ земель часто занималась на вѣчахъ разработкою вопроса о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ. См. напр. *statuta ex utraque parte Bug tenenda*, напечатанныя Ф. Бостелемъ въ *Jahresbericht des k. k. zweiten Obergymnasiums in Lemberg für das Schuljahr 1890*. Lemberg 1890, а также холмскій статутъ 1477 г., напечатанный у Мацѣевскаго, *Historya prawodawstw stowiańskich*, изд. 2-е, т. VI, p. 413.

наиболѣе богатый и сильный, рѣшившій самъ свое дѣло на основаніи кулачнаго права.

Существовала ли давность для отысканія бѣглаго крестьянина? Изъ одного акта можно бы заключить, что такая давность существовала и опредѣлялась періодомъ въ десять лѣтъ¹⁾. Трудно сказать, относилась ли давность ко всѣмъ бѣжавшимъ крестьянамъ или только бѣглымъ, на которыхъ не было никакой вины, хотя бѣглый крестьянинъ былъ уже въ глазахъ пана виновень самымъ фактомъ бѣгства: притомъ на немъ всегда бывали вины — во всякомъ случаѣ уже та, что онъ ушелъ безъ *rescriptio*, слѣдовательно былъ уже долженъ пану по крайней мѣрѣ въ размѣрахъ платы за *rescriptio*, если не бѣжалъ *sum censibus et dacionibus*.

Мотивы бѣгства крестьянъ не ясны изъ актовъ: судебный актъ въ большинствѣ случаевъ не разсматривалъ мотивовъ бѣгства, судъ судилъ лишь самый фактъ побѣга. Но, разумѣется, мотивы эти были и здѣсь тѣ же, что и вездѣ на свѣтѣ: недовольство настоящимъ, стремленіе туда, „гдѣ лучше“. Каково было „настоящее“ крестьянъ, ихъ экономическое положеніе въ XV в., мы увидимъ дальше, когда попытаемся собрать данныя о крестьянскомъ бытѣ, объ ихъ повинностяхъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ.

Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ актовъ можно заключить, что уже тогда крестьяне разбѣгались вслѣдствіе насилій помѣщиковъ. Законъ, правда, давалъ имъ право оставить землю помѣщика безъ *rescriptio* вслѣдствіе насилій его, не опредѣляя впрочемъ требовалось ли для законности такого бѣгства исполненіе какихъ-либо формальностей²⁾.

1) A. gr. XII, p. 395. Gen. Inmath Judex Halic. proposuit super nob. Sandiuogium pro homine profugo dicto Laver... Sandiuogius dixit: domine Judex, iste homo jam est a decem annis sub meo dominio in bonis et dominus Judex nunquam me amonebat pro eodem homine. Et domini in judicio sedentes decreverunt Sandiuogio jurare post f. Pasce in duabus septimanis tali modo, quod iste homo est a decem annis in bonis ipsius et quod nunquam amonitus est per Judicem pro eodem homine profugo Laver. R. Hube (Sady, etc. p. 232) утверждаетъ, что въ Польшѣ давность для возвращенія бѣглаго крестьянина опредѣлялась срокомъ въ три года, но въ доказательство приводитъ только обрывокъ судебного акта изъ брестскихъ книгъ: jako Wichna trzymala tego kmecza spokogym trzi lata.

2) Мы нашли въ актахъ только одинъ случай выхода *всѣмъ* крестьянъ вслѣдствіе насилій владѣльца. Подъ 1471 г. въ львовскія судебныя книги занесена слѣдующая жалоба «Labor. homines omnes de Janczyn et de Mathejow conquesti sunt super

Случалось впрочем, что крестьяне бѣжали по распоряженію самихъ владѣльцевъ, освѣдомленныхъ о приближеніи татаръ¹⁾.

Въ Польшѣ случалось, что не только крестьяне по своей волѣ бѣжали отъ владѣльцевъ, но сами владѣльцы ихъ изгоняли²⁾. Подобныхъ случаевъ въ червонорусскихъ актахъ мы не нашли.

Кромѣ права выхода, червонорусскій крестьянинъ XIV—XV в. имѣлъ и другія весьма существенныя права: право судебной защиты въ общихъ судахъ по всевозможнымъ дѣламъ (гражданскимъ и уголовнымъ), право собственности на движимое и недвижимое имущество и, до извѣстной степени, право самоуправленія.

Личность польскаго крестьянина XIV—XV в. пользовалась еще охраной закона. За убійство кмета платили головничество³⁾;

nob. Johannem Budzwy tenutarium ipsorum, quomodo ipsis injurias tum in receptione ipsorum honorum, tum in violacione unius mulieris infert et facit, propter quam violenciam omnino recedunt de eisdem bonis et manere nolunt sub ipso, videntes sub dom. Palto. Russie; super quo ds. Jacobus Clonowski cum procuratorio ab ipso dom. Palto memoriale posuit, quod iudicium recepit (Akta gr. XV, p. 111). Въ данномъ актѣ причины выхода указаны совершенно согласно съ постановленіемъ Вислицкаго статута, разрешавшаго выходъ крестьянъ si dominus villae opprimat filiam aut uxorem sui kmethonis aut si pro excessu seu culpa haeredis ibidem villani bonis ipsorum depraedantur (J. Pol. p. 75). Но, какъ видно изъ этого акта, крестьяне должны были заявить о своемъ выходѣ и мотивахъ его замковому уряду и, повиному, выходъ крестьянъ могъ произойти послѣ этого заявленія до окончанія судебного процесса.

При продажѣ имѣній встрѣчаемъ иногда частныя договоры не доводить путемъ насилья крестьянъ до бѣгства: см. напр. A. gr. XII, p. 401 (ad. a. 1470) ...et de kmethonibus non debet recipere (продавщица) boves alias powoloscyszny. Si aliquis homo de Thenyathnyki fugeret propter aggravacionem Katherine, tunc ipsius Katherine hoc dampnum esse debet. Смыслъ такихъ договоровъ понятенъ — продавецъ имѣнія наослѣдокъ старался выжать изъ крестьянъ елико можно больше, отчего крестьяне иногда и разбѣгались, а имѣніе безъ рабочихъ рукъ обезцѣнивалось.

¹⁾ A. gr. XII, p. 137. Prout convencio generalis in Halicz est celebrata ad f. s. Nicolai (6 дек. 1444 г.?)... quarta feria Visitacionis vero novitates venerunt ad premissos dominos in Halicz de ingressu emulorum videlicet Tatarorum in has terras, prout consueverunt, qui domini hominibus ipsorum fecerunt profuere cum ipsorum bonis.

²⁾ Hube, Sądy etc., p. 46.

³⁾ Въ статутахъ XIV в. говорится впрочемъ только объ убійствѣ кмета кметомъ, Hube, Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, p. XIV (§ 19) и p. XLIV, § 20. По Вислицкому статуту кметъ, убившій кмета, платилъ *pro pena homicidii* (т.-е. ввры) 4 грини каштеляву или еі, cui jus persuaserit, а родственникамъ убитаго — 6 гр. По Великопольскому статуту кметъ, убившій кмета, платилъ 6 гр. — 3 родственникамъ убитаго, 3 — пану, если убійца и убитый находились подъ вѣдѣніемъ одного и того же пана; если же они были разныхъ пановъ, то ввра дѣлилась между обовми панамн.

размѣръ его былъ приблизительно одинаковъ въ разныхъ польскихъ земляхъ: такъ въ земляхъ Краковской и Сандомирской за голову кмета платили 10 гр., изъ которыхъ 6 шло въ пользу ближайшихъ родственниковъ убитаго, 4 — въ пользу его пана; въ Сѣрадзской землѣ изъ 10 гр. головщины пану шло 6 гр., а родственникамъ убитаго — 4. Если убитый не имѣлъ дѣтей, и истцомъ являлся панъ, то онъ и получалъ цѣликомъ 10 гр.¹⁾ За убійство шляхтича кромѣ головщины платилась и судебная вира. Но Губе замѣчаетъ, что не можетъ рѣшить, платилась ли судебная вира за убійство кмета²⁾. Однако *pena ducalis* за убійство кмета упоминается въ статутахъ Мазовіи³⁾.

Головщина, какъ частное вознагражденіе родственникамъ убитаго, допускала соглашеніе между убійцей и наследниками убитаго — послѣдніе имѣли въ данномъ случаѣ право требовать кромѣ условленной головщины (или въ замѣнъ ея) еще *покору* отъ убійцы⁴⁾.

Головщину получали дѣти, братья, отецъ убитаго; жена получала половину, а иногда и всю головщину⁵⁾.

По Висл. статуту за пораненіе кмета безъ пролитія крови платилось въ его пользу 6 гривенъ⁶⁾. За раны съ пролитіемъ крови $\frac{2}{3}$ пени идутъ въ пользу кмета, $\frac{1}{3}$ — суду⁷⁾ (размѣръ пени не опредѣленъ).

Изъ данныхъ судебныхъ книгъ XIV в. Губе дѣлаетъ слѣд. заключенія относительно вознагражденія за раны и калѣченіе: 1) вознагражденіе за каждое покалѣченіе назначалось въ раз-

¹⁾ Hube, Sądy Stc. p. 245. Въ Мазовіи за убійство кмета головщина была 8 гр. (J. Pol. p. 433). Въ статутѣ Ланчидской земли 1418—19 (Bandtkie. J. P. p. 145) за убійство кмета платится 10 гр. — женѣ и дѣтямъ 3, пану 7.

²⁾ ib. p. 249.

³⁾ Bandtkie, Jus Pol. p. 433 (ст. 1421 г.). Si vero nobilis sive terrigena ipsum kmethonem interfecerit, similiter octo sexagenas, praeter *poenam ducalem et dignitativum* persolvat, vct. quatuor sexagenas pueris et domino tres, et castellano, in cujus districtu est idem kmetho interfectus, unam sexagenam solvere et pagare teneatur. Однако въ послѣдующихъ статутахъ находимъ важное постановленіе, что шляхтичъ, убившій кмета, не платитъ ни виры судебной, ни головщины родственникамъ убитаго, если ссору началъ самъ крестьянинъ; въ такомъ случаѣ убійца шляхтичъ платитъ только возмездіе пану за убійство его кмета (ст. 1453, J. Pol. p. 444).

⁴⁾ Hube, l. c. 246, его же Wrażda, Wróżba i Pokora, W. 1884.

⁵⁾ ib. p. 248.

⁶⁾ § 56 у Hube Ustawod. Kaz. Wielkiego, у Bandtkie—alias *poena sex scotorum* (p. 86).

⁷⁾ ib. § 57.

мѣръ санкціонованномъ обычаемъ, въ формѣ денежной платы, 2) размѣръ вознагражденія зависѣлъ отъ того, какому сословію принадлежалъ ранившій, 3) синія (багровыя) раны цѣнились ниже ранъ кровавыхъ, 4) если кому было нанесено нѣсколько ранъ, то за каждую платили отдѣльно, развѣ это число ранъ было такъ велико, что общая плата за всѣ превышала обычную норму взысканій, 5) въ случаяхъ, отягчающихъ вину, кромѣ вознагражденія за раны, платилась еще вира суду или королю, а иногда и пеня въ пользу пана, выступившаго въ судѣ за своего кмета¹⁾.

Въ статутѣ Ланчицкой 3.1418—19²⁾ шляхтичъ, ранившій кмета, платитъ ему за багровую рану 5 грошей, за кровавую 1 ferta, пану — 1 гривну (unam sexagenam). За отнятіе пальца — 1 гр. Отнятіе руки приравнивается къ убійству.

По Мазовецкому статуту 1377 г.³⁾ кметъ получалъ за раны, нанесенныя ему шляхтичемъ, по 6 грошей (scotos) за каждую; кромѣ того, поранившій кмета шляхтичъ платилъ еще 3 гр. пану кмета и судебную виру. Вознагражденіе за поврежденіе членовъ крестьянина опредѣлялось по извѣстной таксѣ (отнятіе какого-либо члена оцѣнивалось въ половину платы за убійство).

Такой же охранѣ закона подлежала и личность крестьянина въ Черв. Руси.

Изъ многочисленныхъ данныхъ процессовъ уголовныхъ, сохранившихся въ судебныхъ книгахъ XV в. мы можемъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ какъ относительно судебного процесса въ уголовныхъ искахъ, такъ и относительно началъ, которыхъ держался судъ въ постановленіяхъ рѣшенія и опредѣленіи размѣра вознагражденія за насиліе надъ личностью крестьянина.

Замѣтимъ прежде всего, что въ вопросѣ о вознагражденіи за насиліе крестьянину было три заинтересованныхъ стороны — самъ крестьянинъ, его панъ и судъ. Крестьянинъ ищетъ удовлетворенія за обиду, панъ вознагражденія за ослабленіе своей рабочей силы, судъ преслѣдуетъ интересы полицейскіе и финансовыя.

Иски о насиліи распадутся существеннымъ образомъ на два разряда — иски крестьянина къ крестьянину и иски крестьянина къ шляхтичу. Въ первомъ случаѣ искъ предъявлялся на судѣ пана обидчика, во второмъ — въ общіе суды. Искъ ведетъ или самъ

¹⁾ Sady, etc. p. 260.

²⁾ J. Pol. p. 195.

³⁾ ib. p. 419. Дунинъ, о Мазовецкомъ правѣ.

крестьянинъ, или черезъ своего прокуратора, какимъ въ большинствѣ случаевъ являлся его панъ (et dominus stat penes suum hominem pro pena sua — обычное выраженіе въ актахъ). Въ случаѣ отказа пана *justitiam ministrare*, истецъ переноситъ дѣло въ общіе суды, куда привлекается и отвѣтчикъ крестьянинъ и его панъ¹⁾.

Уголовная кара всякаго рода слагалась изъ трехъ составныхъ частей — вознагражденія обиженному, вознагражденія пану и судебной виры въ томъ случаѣ, когда дѣло разсматривалось въ общемъ судѣ.

Преобладающая форма уголовной кары — денежный штрафъ, хотя встрѣчаемъ и случаи присужденія тѣлесныхъ наказаній, отъ которыхъ однако можно было откупиться²⁾.

Замѣчательно, что еще въ XV в. и даже въ XVI в. публичная сторона наказанія еще очень слаба. И въ уголовныхъ дѣлахъ стороны имѣютъ право входить въ соглашеніе относительно вознагражденія за насилія всякаго рода, не исключая и убійства (въ послѣднемъ случаѣ разумѣется соглашеніе происходитъ между родственниками убитаго и отвѣтчикомъ)³⁾.

1) Истецъ обсылаетъ пана отвѣтника *cum nobili terrigena* съ требованіемъ *ius ministrare* надъ своимъ крестьяниномъ и въ случаѣ *iuris non administratione* зоветъ его въ судъ (A. gr. XIII, p. 492). Что крестьянинъ могъ кому угодно поручить свое дѣло въ судѣ видно изъ A. gr. XIII, p. 76: *Minist. Nic. de iudicio datus ad kmethonem Syska in Milatin missus est et interrogavit, cui daret causam suam agere pro causis coram iudicio. Qui kmetho coram predicto ministeriali domino sua causam agendi, defendendi dedit plenam potestatem.*

2) A. gr. XI, p. 66. *terrigene adiudicavimus ipsis manum unam amputare vel in quinque marcis manum apud d. Capitaneum exemere.* XIV, p. 336 и 342. Убійца, арестованный въ замкѣ, долженъ въ теченіе 6 недѣль уплатить головщину, затѣмъ судъ рѣшитъ, держать ли его подъ арестомъ дольше или *collo private si caput non exsolvat*. Плата, которой откупалось отъ тѣлеснаго наказанія, называлась *покупъ*. И Вясл. статуть говорятъ: *qui homicida non fuerit in solvendo, captus pena capitali puniatur; Hube, Ustawod. K. W. p. XIV, § 19.*

3) Такъ какъ при полюбовномъ соглашеніи безъ суда правительство, или панъ, лишались бы дохода, который долженъ былъ имъ идти отъ сторонъ за разборъ дѣла, то мы встрѣчаемъ и въ правительственныхъ уставахъ и въ частныхъ постановленіяхъ о вознагражденіи суду и при полюбовныхъ сдѣлкахъ. Такъ въ уставной грамотѣ 1447 г. с. Мальчиды (A. gr. II, p. 931) солтышъ получаетъ въ числѣ другихъ доходовъ „*de concordacione alias smyrnego*“ третій грошъ. Въ XVI в. мы встрѣчаемъ во многихъ люстраціяхъ южно-русскихъ старостъ это вознагражденіе суду подъ названіемъ „*куница виурская*“, „*змирское*“ (Арх. Юго-Зап. Росс. VII, 1, p. 603 „*куница виурская старосте 12 грошей; ib. p. 623... „змирское кунцы, што побиесть, а у праве не стоить, то 12 грошей... ib. p. 84. 96.*

Истецъ или самъ оцѣниваетъ голову убитаго, или предоста-
вляетъ суду опредѣлить размѣръ головщины.

Судъ обыкновенно оцѣниваетъ голову кмета въ 10 гр.

Оцѣнка истца въ большинствѣ случаевъ выше — 12, 15, 17
и даже 20 гр.¹⁾

Размѣръ вознагражденія пану изъ головщины трудно опре-
дѣлить. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ актовъ можно бы заключить,
что пану приходилось отъ 3—4 гривень изъ головщины²⁾. Въ
случаѣ отсутствія родственниковъ у убитаго крестьянина, вся
головщина вѣроятно шла въ пользу пана.

Кромѣ головщины отвѣтчикъ платитъ обыкновенно и виру —
pena regalis.

Виновный въ насиліи шляхтичъ, искъ къ которому предъ-
являлся конечно только въ общій судъ, платилъ, кромѣ возна-
гражденія истцу, еще судебную виру (*pena regalis*) — за насиліе
шляхтичу 14 гр., насиліе кмету — 3 гр.

Головщину получаютъ ближайшіе родственники убитаго — дѣти,
жена, братья, родители³⁾.

Не есть ли поэтому „сильное заставанье“ церковнаго устава Владимира „полю-
бовное соглашеніе“? (*Zastaw* по-польски значитъ иногда договоръ) замѣтимъ, что
свѣтскій судъ постоянно стремился ограничить компетенцію суда духовнаго и рѣшалъ
даже такіа дѣла какъ искъ о разводахъ (см. нашу статью, Брачные разводы въ древ-
ней Польшѣ и Юго-Зап. Руси, Юрид. Вѣстн. 1890 г., № 12).

Что касается вопроса о частномъ соглашеніи, то особенно любопытенъ случай
A. gr. XII, p. 165, гдѣ „голова“ идетъ за „голову“. „*Phyethka et Danilo de Gra-
bowecz ab una et Kristina vidua de Grabowecz partibus ab altera perpetuis tempori-
bus concordiam inter se intraverunt per dominos arbitros amicabiliter inter ipsos
factam videlicet pro interempcione capitum videlicet Ardeow fratre Phethka et Iwaszko
filius Kristine hoc est caput pro capite, quam concordiam perpetuis temporibus inter
se tenere habent illese sub vadio centum marcarum, eciam citaciones que inter ipsos
erant, easdem preter se miserunt et cassarunt, et omnia dampna pretermiserunt
ante se.*

¹⁾ A. gr. XII, p. 205 — 12 копъ (убійца шляхтичъ) ib. p. 162—17 гр. (убійца fa-
miliaris Яцка Свистельницкаго), ib. 230—20 (убійца шляхтичъ); XIII, p. 19—15 гр. и
камень воска. ib. p. 268 и 343 — 10 гр. (въ первомъ случаѣ убійца шляхтичъ) XV,
p. 87 — 12 копъ (кметъ кмету); ib. p. 243 вдова получаетъ 10 венг. флоринновъ за
голову мужа, убитаго *per stipendiarios*, но cf. ib. p. 304, гдѣ та же вдова получаетъ
6 гр. безъ 1 *ferto*.

XI, p. 81—5 гр. *homicidii et tot dampni* и 3 f. ib. p. 172—10 м. и камень воска
и *юкора* (кметъ кмету).

XIII, p. 85 *Ussakowczanye villani* платятъ 5 м. за убитаго кмета.

XIV, p. 459 — кметъ платитъ за голову пастуха 2½ копн.

²⁾ A. gr. XIII, p. 343.

³⁾ A. gr. XIII, 373 головщину получаютъ братья, но должны отдать ее дочери по
достиженіи ею совершеннолѣтія.

Если убійць нѣсколько, то всѣ вмѣстѣ платили головщину (а не каждый отдѣльно)¹⁾.

Кромѣ головщины, убійца присуждался иногда еще къ *покорѣ*²⁾. Обрядъ покоры описанъ подробно только одинъ разъ въ дѣлѣ о неправильномъ обвиненіи корчемникомъ шляхтича въ нанесеніи первому и его женѣ ранъ; корчемникъ долженъ съ двумя другими лицами (вѣроятно, родственниками) умолять на колѣняхъ шляхтича о прощеніи, а послѣдній, вынувъ ножъ или мечъ, поднять его надъ головою корчемника, но не рая его³⁾.

ib. p. 411 истцами являются братъ и сыновья убитаго.

XIV, p. 189. Мать убитаго *emisit liberum* обвиняемая въ убійствѣ ея сына.

ib. p. 386 и 342 истица жена убитаго корчемника.

XV, 243. Вдова убитаго корчемника получаетъ 10 венг. флориновъ головщины, которые должна хранить до совершеннолѣтія дѣтей.

ib. p. 350 истецъ *frater amitalis*.

¹⁾ A. gr. XIII, p. 35. *Ussakowczanye villani reposuerunt quinque marcas coram iudicio pro capite interfecti, vct. pro Buechun de villa Boraticz.*

XIV, p. 438.

²⁾ A. gr. XI, p. 172 убійца платитъ 10 гр., камень воска и долженъ *facere humiliacionem als pokoru* (въ данномъ случаѣ къ покорѣ присуждаются поручители за убійцу).

XIII, p. 53, XIV, p. 3.

XVI, p. 130. *Et Symko (истецъ) debet omnes suos consanguineos locare et hic in Sanok suscipere homilitatem als pokora sub vadio L marcarum* (помимо 10 гр. головщины)

ib. p. 153 10 гр. камень воска и покора cf. 161 и 175.

A. gr. VI, № 40 соглашеніе по поводу убійства: *Solummodo quod per probos homines eis humiliacionem alias pokore facere debet* (убійца).

A. gr. IX, p. 28 *decernimus, quod dum et quando prefatus Laurentius in civitate predictam Leopoliensem descendet, Bartholomeus pincerna, invasor suus, in dicta civitate inhabitans, assumptis sibi quatuor personis idoneis in loco publico, notorio ac honesto coram consulibus civitatis Leopoliensis predicte veniam faciet iuxta modum et formam circa talia fieri consuetum.*

³⁾ A. gr. XVI, p. 354. *Debet ipse tabernator contra eum cum duobus hominibus humilitatem exhibere, flexis genibus eum petendo, ut sibi culpam dimitteret, idse vero Stanislaus evaginato cultro vel gladio debet solum signo ostendere supra eum sed non ledere eum tanquam sit vindicaturus sanguinem suum et culpam sibi dimittere; quod debent facere tunc, quando ibi prefati domini intererunt.*

Обрядъ покоры нѣсколько иначе описанъ въ Мазовецкомъ статутѣ 1421 г. (Helcel, *Starod. prawo polskiego pomniki*, I, p. 287). Si vero miles interfecerit nobilem, debet solvere pro ipso *quinquaginta sexagenas minus duabus*, et veniam facere, scilicet *vestimenta sua usque ad cingulum dimittens et sic denudatus cum nudo gladio mettredecimus*, ut premissum est, debet petere propter Deum, ut sibi indulgeret et tunc ille dolens offensam dimittere debet. Si vero nihil habuerit, quo huiusmodi caput solvat, extunc collo persolvat proprio. Si vero amici ipsius de percemptione sua dolerent, extunc ipsum redimere possunt.

За раны и увѣчья кметъ получалъ вознагражденіе какъ отъ кмета, такъ и отъ шляхтича. При этомъ однако допускалось частное соглашеніе обиженнаго съ обидчикомъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло переходило въ судъ¹⁾. Судъ давалъ сторонамъ время для соглашенія и рѣшалъ дѣло объ обидѣ только тогда, когда такого соглашенія между сторонами не послѣдовало въ теченіи назначенаго срока.

Плата за раны и увѣчья слагалась изъ трехъ частей — вознагражденія потерпѣвшему, судебной виры и вознагражденія пану обиженнаго.

Что касается перваго, то истецъ или самъ опредѣлялъ цыфру вознагражденія, или предоставлялъ суду опредѣленіе его размѣра. Замѣчательно однако, что судъ часто не знаетъ, сколько присудить за раны и увѣчья и отлагаетъ дѣло *ad plures dominos*. Это доказываетъ, что судъ руководился въ опредѣленіи вознагражденія не правомъ писаннымъ (польскими статутами), а правомъ обычнымъ, и именно тѣмъ правомъ, по которому жилъ истецъ. Къ сожалѣнію, въ актахъ въ большинствѣ случаевъ не говорится, по обычаю какого права присуждено вознагражденіе, хотя мы имѣемъ несомнѣнныя данныя рѣшенія дѣлъ въ польскихъ судахъ XV в. на основаніи обычнаго *права русскаго*²⁾.

Обрядъ чешской покоры см. у Собѣстіанскаго, Круговая порука у славянъ, р. 7 и Миклошича, Die Blutrache bei den Slaven.

¹⁾ A. gr. XI, p. 79. *Ad illud iudicium citaverat Wassil de Dobra Sayn cum duobus filiis Josip et Paschco pop de Dobra prout ipsum Wassil impedire nitebantur pro agro et area, que sibi ratione vulnerum illatorum per arbitrationem factam dederant.*

ib. XIII, p. 229. *Mathias Dobeschowski recognovit, quia sibi Iuchno de Stankowo Nagwasdonovi pro omnibus causis satisfecit, quem libere emisit de vulneribus, quas sibi intulerat.*

XIV, p. 158. *Datus est terminus ad concordandum... pro decem vulneribus cruentis et decem lividis... et datur sibi ad IV sept. ad concordandum infra hoc tempus, si non concordaverint, doms. Pol. diffiniat.*

ib. p. 466. *N. dom. Wlodek de Byelka ab homine suo Zayn de Podbresze cum nob. Iwaschkone de Czyszykow, a quo stetit Johannes famil. eius, receperunt ad concordandum pro vulneribus hominis et pro pena domini, qui stat penes suum hominem infra hinc et festum Circumc. Domini. Si non poterint concordari, extunc partes habent inter se term. precept. ad. f. prox. Circumc. Dm.*

²⁾ За неявку въ судъ отвѣтчикъ платилъ *bovem secundum jus Ruthenicum*, A. gr. XI, p. 258. За ту же неявку (*niestanne*) пень по Валацкому праву была мута.

A. gr. XII, p. 44. *Mykossius de Chlyebuczcin выигрываетъ на Ходорѣ Вершвакѣ 15 ковъ iure Ruthenico.*

Населеніе предѣстья гор. Львова жило *in iure Ruthenico*, что видно изъ запрошенной грамоты, которой львовскій бавчикъ Манько съ братомъ Юріемъ продали

Въ системѣ вознагражденія за раны мы замѣчаемъ въ судебныхныхъ рѣшеніяхъ смѣшеніе разныхъ началъ. Вознагражденіе

армянскому баящику Лазарю два дома ante portam Cracoviensem... ipsas domus in iure castri Ruthenico existentes, съ обязательствомъ защищать покупателя отъ всѣхъ претензій родственниковъ iuxta consuetudinem iuris Ruthenici. (A. gr. XIV, p. 123).

1448 г. два шляхтича поручились за перемышльскаго декана въ уплатѣ 100 гривенъ gso Fridroni de Pleschowicze. Если въ назначенный терминъ денга не будутъ уплачены, то Fridro имѣеть право позвать поручителей in omni iure tam spirituati, quam seculari, papali, Regali, terrestri, castrensi, civili, *Ruthenico*, Theutonico. A. gr. XIII, p. 263).

1462 г. Gsa Anna Czurilowa должна присягнуть, quod homines et incolas in Wlosthkow non tenet in iure Theutonico, sed *Ruthenico*, et iudicantur eodem iure (ib. p. 394).

A. gr. XIV, p. 54 (1442 г.) Ministerialis Nicolaus veniens a cruce synogoga Ruthenicali recognovit, quomodo Chodor procurator nob. Perti de Stratin super sua vulnera iuravit secundum formam iuris Ruthenici super nob. Iwankonem Korzyenouycz de Stratin, quas (sic) sibi intulit. Sed nos Iudex nescimus hoc discernere, quid eidem procuratori Iwanko debet dare, propter hoc distulium per duas septimanas ad interrogandum.

Любопытно мѣсто A. gr. XVI, p. 241 Nos Stan. Pienyazek de Vythouicze Capt. Sapoc. recognoscimus, quomodo Stankonem *baythkonem* (т.-е. пона, батьку) de Szczawne *de omnibus bonis post mortem cedentibus in iure Ruthenicali, alias od umorkow* liberum dimittimus et relinquimus eum circa ius Valachiense prout et villam nostram Szczawne relinquimus (ad. an. 1492).

Изъ этого акта слѣдуетъ, что валашское право въ вопросѣ о наследованіи было выгодно для крестьянина, чѣмъ право русское (поны по селамъ обыкновенно принадлежали къ крестьянскому сословію и отбывали общія съ крестьянами повинности). Постановленіе Русской Правды „о смердьен задница“ намъ извѣстно. „Оже смердь оумреть безъ дѣти, то задница князю; оже боудуть оу него дшери дома, то даяти часть на ня; аже ли боудуть за мужьями, то не дати части“ (Хрестоматія по ист. русск. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова, р. 70, изд. 4-е).

Въ актахъ мы очень часто встрѣчаемъ въ числѣ доходовъ съ имѣній *одумарцизму* (morticinium, mortalicium, obmortalia, emortua, expeditio mortalis, см. A. gr. V, p. 200, XII, p. 269, 279, 280, 293, 310, 319, 345, 354, 363, 364, 376; XIV, p. 443, XV, p. 40, 168, 284, 510) но, къ сожалѣнію, безъ всякихъ подробностей о значеніи этого обычая. Въ одномъ случаѣ владѣлецъ села въ уставной грамотѣ на нѣмецкое право своимъ крестьянамъ отказывается отъ своего права на одумарцизму. (Et dom. Andreas nobilis non habet capere, quis morietur ipsorum alias umarczizni. A. gr. IX, p. 131).

У словаковъ Угорскихъ братья наследовали другъ другу не только въ родовомъ имуществѣ, но и въ благоприобрѣтенномъ (Ios. Lad. Pič, Rodový byt na Slavensku a v uherské Rusi, Časopis Musea Král. českého, 1878 sv. II, p. 352: Бывало, же нѣктеры з недилныхъ братři odešel z domova, i vstoupil do služeb králových, začez dostalo se mu pak konečné náhrady obyčejně v pozemcích. Ale ačkoliv pouze on získal tyto nové statky, stávalo se přece v době dělení, že i tyto země se rozdělily podobně ostatnímu rodovému majetku mezi všechny bratry stejným dilem. Nechtěl-li se však s ostatními bratry děliti o tento vysloužený statek, mohl jej podržeti, musil se však

потерпѣвшему то соразмѣряется съ его общественнымъ положеніемъ, то съ положеніемъ обидчика. Шляхтичъ, разумѣется, получаетъ за раны больше кмета, но и кметъ, занимавшій общественную должность (напр. тіунъ) получаетъ вознагражденіе въ усиленномъ размѣрѣ, — эта прибавка впрочемъ, какъ кажется, имѣла значеніе полицейское — штрафа за оскорбленіе должностного лица¹⁾.

odřici svého podílu na rodovém jmění, t. j. neodevzdal-li někdo vysloužený statek svého rodu, přestal býti členem jeho).

Въ числѣ селъ, въ которыхъ упоминается одумарщина въ пользу пана, мы не имамъ ни одного села на правѣ валашскомъ, между тѣмъ какъ русское право во многихъ изъ нихъ несомнѣнно (въ с. Ковюшки, Величневѣ, Бервикахъ, Лукѣ, Гал. земли, — атаманъ, Зухоржицахъ львовск. — тіунъ).

Поэтому то мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) одумарщина шла въ пользу владѣльца только съ населенія, жившаго на русскомъ правѣ 2) въ крестьянской средѣ населенія, жившаго по русскому праву, боковые родственники (даже братья) не наследовали имущества умершихъ своихъ родственниковъ. Противъ такого утвержденія могъ бы говорить одинъ фактъ въ А. гр. XI, р. 209, гдѣ два крестьянина с. Улича (тамъ были *сотыме*) наследуютъ имущество своего брата, умершаго въ с. Волошѣ. Но с. Волошѣ, какъ показываетъ его названіе, вѣроятно сидѣло на правѣ валашскомъ. Любопытно, что въ то время, какъ крестьяне с. Улича наследуютъ имущество брата, умершаго въ с. Волошѣ, мы встрѣчаемъ случай, когда наоборотъ, крестьянинъ с. Волоша предается суду „*prout reserit in Ulicz odomerstuschno violenter*“, dominus долженъ „*ius ministrare domino Castellano Sanocensi Polonicum vel terrestre* (подъ этимъ названіемъ часто понимается право обычное) ex quo non affectavit ius apud dominum Castellanicum (къ которому переходило имущество умершаго крестьянина, такъ какъ село Уличъ принадлежало къ Саночному замку (ib. р. 191).

См. еще А. г. IX, р. 191, гдѣ король запрещаетъ Львовскимъ старостамъ „*de relictis post mortem cuiusque in villis (Солонокъ и Журавкѣ) pro se et suo usu recipere in praesudicium consanguineorum et propinquorum taliter decedentis*“.

Замѣтимъ однако, что иногда истецъ просилъ судъ рѣшать дѣло по праву польскому, а не по тому праву, по которому онъ жилъ. — Въ актахъ часто встрѣчаемъ выраженія — *recedit a iure suo thetunico et dedit se benivole in ius Polonicum*.

¹⁾ А. гр. XI, р. 3, кметъ кмету за раны 1 *ferto*.

ib. р. 46, шляхтичъ кмету за раны — 25 грошей.

ib. р. 66, за *percussio* тіуна кметъ или теряетъ руку, или откупается 5 гривнами; въ другомъ случаѣ тіунъ за раны получаетъ съ кметовъ 10 гр. за кровавую рану и 1 гр. за рану багровую (*pro renis*), кромѣ того суду 3 гр. и тіуну же 3 гр. (ib. р. 200). ib. р. 356 кметъ получаетъ съ кмета 18 гр. за 18 ранъ.

XII, 133. Лазарь получаетъ 10 гр. *super domino Sororio pro vulnere tecto*.

XIII, р. 157, кметъ требуетъ съ кмета 10 гр. за 2 кровавыя раны и 1 багровую.

XIV, р. 33 кметъ за *mutillatio* руки требуетъ отъ шляхтича 10 гр.

ib. р. 149 судъ присуждаетъ кмету на *familiari* 3 *fertones* за 3 багровыя раны и 1 кровавую.

ib. р. 171 кмету за 2 кровавыя раны 2 копы за кмета.

ib. р. 200 кмету 1 копа за раны (со шляхтича?).

Въ другихъ случаяхъ, напр. при столь частыхъ тогда на-
ѣздахъ, вознагражденіе потерпѣвшему соразмѣрялось съ обще-
ственнымъ положеніемъ виновныхъ, при чемъ виновные шлях-
тичи платили болѣе значительную пеню, чѣмъ *inferiores*¹⁾).

Судебная вира со шляхтича, ранившаго кмета, обыкновенно
равнялась 3 гривнамъ. Столько же получалъ и панъ „рго репа“²⁾).

Изъ всего сказаннаго можемъ сдѣлать слѣд. выводы:

1) Въ уголовныхъ дѣлахъ еще въ XV ст. допускается частное
соглашеніе обиженнаго съ обидчикомъ.

2) Головщина за убійство и размѣръ вознагражденія за раны
не были таксированы опредѣленной нормой.

3) При опредѣленіи размѣра головщины и вознагражденія за
раны судъ держался часто не права писаннаго (польскихъ ста-
тутовъ), а права обычнаго (право, по которому жилъ истецъ).

4) Размѣръ вознагражденія за раны и увѣчья опредѣлялся
иногда общественнымъ положеніемъ истца, иногда обществен-
нымъ положеніемъ отвѣтчика³⁾).

¹⁾ А. гр. XIII, р. 509, за наѣздъ шляхтича получаетъ съ главнаго виновника-
шляхтича по 10 гр. за каждую рану, а *quolibet nobili coadiutore per tres marcas et
a decem inferioribus a quolibet per fertonem*.

XIV, р. 148. Судъ присуждаетъ шляхтича, виновнаго въ наѣздѣ на крестьянъ,
къ XIV гр. *reue Regalis* и столько же *partii*, т.-е. потерпѣвшимъ крестьянамъ, кромѣ
того имъ же за раны по 1 колѣ, а суду по 3. Кромѣ того съ каждаго *simili nobili*
по 8 гр. et a *quolibet inferiore per marcas* обиженнымъ. Любопытно добавленіе:
*item domini non potentes concordare in eo, quia ds. Palat. prrsipralsye, quod a
quolibet homine, cui facta est violencia, (?) item quod cuilibet adiudicarent a quoli-
bet vulnere illato, item an a quolibet nobili superequitante Judicio tres marcas
adiudicande*.

²⁾ XIV, р. 220 кмету копу за раны, пени въ пользу замка 3 гр., въ пользу пана
3 гр.

ib. 317.

³⁾ Въ известномъ сочиненіи Н. Д. Иваншева „О платѣ за убійство въ древнемъ
русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскомъ
виру“ (собр. соч. Киевъ, 1876) проводится, какъ известно, та мысль, что неопредѣ-
ленныя наказанія составляютъ существенную черту древнѣйшихъ уголовныхъ зако-
новъ славянъ, между тѣмъ какъ въ древнихъ германскихъ законодательствахъ замѣтно
стремленіе создать систему абсолютно - опредѣленныхъ наказаній.

Въ частности относительно русскаго права авторъ приходитъ къ слѣдующимъ
выводамъ:

1. Головщина въ русскомъ законодательствѣ, не заключая въ себѣ уголовного
элемента, вся принадлежала истцу, какъ слѣдствіе выиграннаго гражданскаго про-
цесса, и никогда не принадлежитъ государству никакой своей частью.

2. Количество ея не опредѣляется закономъ. сообразно съ поломъ, возрастомъ
и состояніемъ убитаго, но всякій разъ назначается истцомъ и представляется на

Кромѣ головщины и вознагражденія за раны и увѣчья кметъ получалъ и вознагражденіе за оскорбленіе чести (*infamia, honoris dehonestatio, inculpatio, infamatio, detractio, vituperatio*) не только отъ кмета, но и отъ шляхтича. Какъ кажется, таксы вознагражденія за оскорбленіе чести не было, истецъ самъ опредѣлялъ размѣръ вознагражденіе съ обидчика¹⁾.

Такимъ образомъ въ XV в. личность и честь крестьянина въ Галицкой Руси еще пользуются защитой закона. Крестьянинъ является намъ еще лицомъ юридически правоспособнымъ, имѣющимъ законное право отстаивать свои интересы противъ лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія, не только такихъ же, какъ и онъ, крестьянъ, но и мѣщанъ, шляхтичей и духовенства.

Однако, какъ мы уже говорили выше, крестьяне появляются въ общихъ судахъ XV в. лишь въ тѣхъ случаяхъ когда имѣютъ дѣло со шляхтичами, мѣщанами или крестьянами другого вла-

дѣла. Слѣдовательно, въ русскихъ законахъ не встрѣтимъ головщины свободнаго чловѣка, какъ сравнительную единицу для опредѣленія жизни лицъ другого состоянія.

3. Для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій въ Русской Правдѣ употреблена германская мера; но она скоро исчезаетъ предъ началомъ славянскимъ, по которому самъ истецъ, или судья, въ каждомъ особенномъ случаѣ, опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ.

4. Мстать и получать головщину только ближайшіе родственники убитаго, по правамъ наследства. Ближайшій беретъ все количество головщины и устраняетъ отдаленнѣйшихъ отъ всякаго участія.

5. Выдерживаетъ мечь и платитъ головщину одинъ только убійца, безъ всякаго участія другихъ родственниковъ.

6. Общество, составляющее округъ, ручается за каждого изъ своихъ членовъ и вноситъ плату за голову, если допустить убійцѣ скрыться (Соч. р. 77—78).

Ярмы противникомъ положенія Н. Д. Иваншева является г. Собѣстіанскій (Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ, 1888), безусловно отвергающій всѣ выводы покойнаго кievскаго профессора. Но г. Собѣстіанскій и не заглядывалъ въ древнія судебныя книги разныхъ славянскихъ народовъ, между тѣмъ какъ судебныя книги дадутъ намъ всегда болѣе вѣрное представленіе о правѣ обычномъ, чѣмъ памятники законодательства.

Какъ видно изъ текста, выводы вашего изслѣдованія подтверждаютъ большую часть положеній Н. Д. Иваншева.

¹⁾ А. ст. XI, р. 377. Корчемникъ корчемнику 25 грошей за *срамоту* и 3 гривны пени старостѣ.

XII, р. 386. Кметъ со шляхтича pro diffamacione 50 grossiculos.

XIV, р. 135. Vasa *porodnya* (попадья) proposuit super Dimitr reum (шляхтича), quia stando secum in litis questione alias *veprzi* appellavit eam furem et dehonestando eam, quod sibi subtraheret libros et alia existimando iniuriam ad triginta sexagenas.

дѣльца, — въ послѣднемъ случаѣ только тогда, когда панъ, *in cujus ditioe* былъ отвѣтчикъ, отказывался дать истцу удовлетворение на своемъ доминіальномъ судѣ.

Дѣла между крестьянами одного владѣльца, а также претензіи третьихъ лицъ къ владѣльческому крестьянамъ рѣшались въ доминіальныхъ судахъ (въ послѣднемъ случаѣ доминіальный судъ былъ первой необходимой инстанціей; въ случаѣ отказа владѣльца *justitiam ministrare*, или недовольства отвѣтчика рѣшениемъ въ этой инстанціи, дѣло переносилось истцомъ въ общій судъ).

Каковы бы ни были причины происхожденія доминіального суда въ Польшѣ¹⁾, можно утверждать съ достовѣрностью, что переходъ судебной власти надъ населеніемъ вотчинныхъ, или находившихся въ держаніи шляхтичей, участковъ совершался постепенно, рядомъ отдѣльныхъ привилегій. Что еще во второй половинѣ XIV ст. право доминіального суда не было общей привилегіей всей польской шляхты, а только привилегіей отдѣльныхъ лицъ, доказывается, между прочимъ, внесеніемъ такихъ отдѣльныхъ привилегій въ судебныя книги. Такъ еще въ 1446 г. сыновья Петра Плаза (*fratres germani de Zagpowyecz, filii strenui Petri dicti Plaza*) вносятъ въ земскія книги Перемышльскаго суда привилегію Казимира 1366, утверждающую слѣд. права рода *Antiqui equi* и *Bypennii quod omnes Bypennii et Antiqui equi... haberent ab antiquo omnes unum ius, ita quod nullus hominum haberet iudicare eorum kmethones et servitores. nec ipse dom. Rex, nec iudex, nec Subiudex, nec nullus Judicum, nec dom. Pallatinus, nec aliquis dominus, nec aliquis Justiciarius. nisi ipsi soli domini predicti, vct. Bypennii et Antiqui equi et eorum legitimi successores habent iudicare in suis bonis omnia iura et omnes ulciones, vct. decollare, suspendere, cremare et omnia iudicia cum ipsis facere et exercere*²⁾.

¹⁾ Исторія доминіальной власти въ Польшѣ еще ждетъ своего историка, но изученіе ея представляетъ большія трудности, такъ какъ выводы приходится дѣлать по разнымъ намекамъ въ судебныхъ книгахъ общихъ судовъ и уставныхъ грамотахъ. Не знаемъ, на сколько достовѣрно извѣстіе, прочитанное нами въ одномъ польскомъ изданіи, о нахожденіи нѣсколькихъ книгъ доминіального суда. Думаемъ, что это книги лавничаго суда какого-нибудь мѣстечка.

Единственная намъ извѣстная попытка изученія исторіи доминіального суда по древнѣйшимъ польскимъ актовымъ книгамъ принадлежитъ Любомирскому (*Rolnicza ludność w Polsce, Bibl. Warsz. 1861, № 7*).

²⁾ А. гр. XIII, р. 193. Cod. diplom. Min. Pol. т. I, р. 343.

Такимъ образомъ еще въ срединѣ XV в. шляхтичи находятъ нужнымъ отстаивать свою привилегію на судебный иммунитетъ.

Для характеристики доминіальнаго суда важны отвѣты на слѣд. вопросы: 1) Былъ ли доминіальный судъ судомъ единоличнымъ (одного лишь пана или его представителя). 2) Какихъ правовыхъ нормъ держался доминіальный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ. 3) Былъ ли этотъ судъ послѣдней инстанціей для судившагося въ немъ крестьянина, или онъ допускалъ апелляцію въ какой-либо изъ общихъ судовъ?

Мы уже не разъ говорили, что въ XIV и XV вв. крестьяне въ Галицкой Руси жили на самыхъ разнообразныхъ правахъ — общинами на правѣ русскомъ, валашскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ¹⁾.

Представителями такихъ общинъ были — въ поселеніяхъ на правѣ русскомъ — тиуны и атаманы, въ валашскихъ общинахъ — крайники и князья, въ нѣмецкихъ — солтысы²⁾.

Первой судебной инстанціей для крестьянъ той или другой общины былъ судъ такого представителя³⁾.

¹⁾ Къ концу XIV в. относится королевская грамота, освобождающая населеніе мѣстной Перемишльской епископіи отъ присуда королевскихъ чиновниковъ. А. гр. VIII, р. 40. Частіе иммунитетъ см. еще А. гр. II, р. 2: volumus et quod nullus iudicum prefati regni Russie habeat iudicare kmethones et incolas supradicte ville Malu Wunyk, nisi heredes veri et possessores iam dicte ville (грамота 1352 дѣтамъ бывшаго львовскаго войта, Матѣя). Въ жалованной грамотѣ Вячеславу Голуковскому (на правѣ феодальномъ): *Damus eciam antedicto Venceslao cum veris successoribus eius ex utraque parte tam masculino, quam feminino descenditibus, ita quod coram nullo respondebit, nisi coram nobis aut nostro Capitaneo, qui pro tunc fuerit loco nostri. Kmethones vero ipsius coram nullo, nisi coram suo domino et herede. Cui damus causas criminales audiendi, iudicandi et pro ipsius criminibus culpabiles et demeritos sinuandi, condemnandi et puniendi* (1364, А. гр. II, р. 4). Въ пожалованіяхъ Опольскаго на ленномъ правѣ вѣтъ § о патримоніальной власти пожалованнаго.

¹⁾ Подробности о компетенціи этихъ общинъ см. ниже.

²⁾ Въ польскихъ, кажется, *procurator, rządca, włodarz*.

³⁾ Судъ тиуна. А. гр. XV, р. 522. *Kaz. rex vobis Andree et Cristino al. Czyszeiey de Pyepeyelnyky mandamus, quatenus in terminis proximis compareatis ad instanciam labor. Czernawa de Noszcze hominis gen. P. Oleszky Succam. Leop., quia vos nolistis ius eidem Czernawa ministrare per officialem vestrum Deszko de Pyepeyelnyky, dum Czernawa apud eundem Thibon vestrum in domo eius coram Ministeriali habere affectavit super hominem vestrum Ivanyecz de Pyepeyelnyky, qui eidem Czernawa equam valoris unius marce est furatus.*

ib. р. 147. *N. Клементъ de Wyrzbow королевской грамотой вызывается въ судъ, quia filius tuus Nic. veniens cum viginti personis sibi similibus et totidem inferioribus Coadiutoribus sua in bona (laboriosi Dymunycz de Narajow)... repercussit duas portas*

Однако роль тиуновъ, атамановъ и князей въ селахъ была главнымъ образомъ ролью административно-полицейской. Изъ многочисленныхъ намековъ въ актахъ видно, что судъ этихъ представителей общинъ крестьянскихъ не былъ судомъ единоличнымъ — на судѣ такомъ обыкновенно присутствуютъ *iudices homines obszcy*. Вѣрнѣ всего предположить, что дѣла крестьянъ одной и той же общины чаще всего рѣшались общиннымъ судомъ¹⁾.

Въ случаѣ претензій третьихъ лицъ, на такомъ судѣ требовалось обязательно присутствіе лицъ постороннихъ (*homines obszcy, ignoti*), не принадлежавшихъ къ данной общинѣ.

Болѣе всего мы знаемъ о судѣ солтыса, благодаря массѣ уставныхъ грамотъ на нѣмецкое право²⁾.

Солтысу принадлежитъ обыкновенно какъ низшая, такъ и высшая юрисдикція надъ населеніемъ солтыства³⁾.

et tria hostia apud Tywn, ubi habet castigacionem al. kassn tota villa et ipse Dymunyecz, et ibidem repercussit. truncum et tres seras violenter fregit ipsius Dymunyecz ubi fur ipsius captivus sedebat et eundem furem ipsius violenter cum facie al. zlyczem sicut viginti marc. et totidem dampni excepit.

О роли князя, см. ниже, по cf. А. gr. XIV, р. 218: N. Korwaj de Szcklo reputavit in suo lucro procuratorem *kssadza* Iwana de Jesow, quia cum ipsis hominibus ius ministrare noluit.

О судебной компетенціи солтыса, см. ниже.

1) Сами тиуны были избираемы общиной. А. gr. XIV, р. 479.

Въ одномъ дѣлѣ, рѣшенномъ въ с. Лукѣ на судѣ засѣдаютъ *iudices*: Michael de Luka, Павелъ его атаманъ, Barsam de Corschoph, Павелъ eius thabernator, А. gr. XII, р. 172. Въ другомъ случаѣ упоминаются десять *iudices* (ib. р. 56, судьи люди *dominae Goszowe* — ей принадлежало с. Остризъ, какъ видно изъ р. 404, слѣдвшее на русскомъ правѣ).

2) О солтысахъ въ Великой Польшѣ см. Rummler. Die Schulzen der deutsch-rechtlichen Dörfer Grosspolens im 13 und 14 Jahrh. (Programm de Königl. Friedrich. Wilhelms Gymnasium in Posen, Ostern, 1891 и 1892 г. Ero же, Ueber den Gerichtsstand und die rechtlichen Befugnisse der grosspolnischen Schulzen im 13 und 14 Jahrh. въ Zeitschr. d. histor. Gesellschaft für die Provinz Posen, Jahrh. VI. 1891.

3) Обычныя выраженія уставныхъ грамотъ: *Eximimus, absolvimus et perpetuo liberamus scultetum necnon omnes et singulos kmethones, tabernatores et quosvis earundem villarum incolas ab omni iurisdiccione et potestate omnium Regni nostri Palatinorum, Castellanorum, Capitaneorum, Iudicum, Subjudicum, Wojewodarum et quorumvis officialium et ministerialium eorundem, ut coram ipsis aut ipsorum aliquo pro causis tam magnis quam parvis, puta furti, incendi, sangwinis, homicidy, membrorum muthilacionis et quibusvis enormibus excessibus citati minime respondebunt nec aliquas penas solvere teneantur, sed tantum dictarum villarum kmethones et quivis incole, coram suo sculteto, qui pro tempore fuerit, scultetus vero coram domino sive successoribus suis legitimis aut coram nobis vel Iudicio nostro generali, dum tamen per nostram litteram nostro sigillo sigillatam idem dominus vel scultetus evocati fuerint et citati, et hoc si in reddenda iusticia negligentes forent et remissi, tunc non aliter*

Иногда впрочемъ (въ случаяхъ сравнительно рѣдкихъ) солтысу предоставляется только низшая юрисдикція, высшую (дѣла наиболѣе важныя, преимущественно уголовныя) dominus оставляетъ себѣ¹⁾.

Но судъ солтыса не есть судъ единоличный, на немъ, кромѣ солтыса, должны засѣдать, выборные лавники (scabini, iurati), число которыхъ какъ кажется, было не вездѣ одинаково²⁾.

quam suo Iure Tewtonico Iudicio predicto de se querulantibus respondere sint astricti. In causis autem criminalibus et capitalibus superius expressio memoratae villae sculteto in metis et granicys indicandi, sentenciandi, puniendi, decollandi, rotandi corrigendi, plectendi et condemnandi plenam damus et omnimodam tenore presencium concedimus facultatem, prout hoc dictum Ius Thewtunicum predictum in omnibus suis punctis, sentencys, condicionibus, articulis et clausulis postulat et requirit, iuribus tamen nostris Regalibus in omnibus semper salvis. См. наур. А. гр. III, p. 176.

¹⁾ Item addicimus, si quis, quod absit, aliquem in predicte ville gadibus in campis occiderit, vel si quis aliquam virginem violenter oppresserit vel defloraverit, seu si quis domum alterius noctis tempore sub silencio furtive et violenter intraverit et per vim quid rapuerit aut hospitem domus aut aliquem de eius familia occiderit, ista nobis specialiter ad iudicandum reservamus. Однако тутъ же прибавлено: Ceterum apponimus, quod si aliquis in furtu vel homicidio aut eciam alio pessimo crimine raptus fuerit vel deprehensus, prefatus scultetus suspendi, caput plectendi, manus, pedes amputandi, oculos eruendi liberam habebit potestatem. А. гр. III, p. 24.

А. гр. VII, p. 6. Nec alibi incole ville dicte respondere teneantur, nisi coram suis scoltetis iure suo Theutunico, exceptis causis difficilibus et enormibus, que ad iudicium nostre curie spectabunt, suo tamen iure Theutunico iudicande.

А. гр. VIII, p. 28. Nec ego presidens in Iaselska vel meus procurator debet pro parvis causis in eadem villa iudicando solummodo infra libertatem recipere aliquam penam preter scultetum predictum et suos successores, sed pro incendio et vulneribus mortalibus, pro homicidio, pro furto, pro stupro et obsidio, pro irruencia domicelli et pro qualibet alia violencia solus debeo vel meus procurator, vel quem ad hoc specialiter deputavero, iudicio preesse.

Замѣчательно, что дѣла, которыя навѣ оставляетъ своей юрисдикціи — такъ наз. articuli castrenses (Hube, Sady, p. 337, дѣла о грабежѣ на большой дорогѣ, наслѣиіи землицѣ, поджогѣ, наѣздѣ). cf. А. гр. XII, p. 243, гдѣ галицкій каштелянъ ругается за Мех. Буцацкого, галицкого старосту, что officiales eius Snyathinenses non debent iudicare officiales nec servos Andree in villis nec in castro Snyatinensi, nisi pro quatuor articulis secundum statuta Regis Kazimiri.

²⁾ Въ Польшѣ обыкновенно 3, иногда 5, 7, Lubomirski, Roln. ludn. Bibl. Warsz. 1861, № 7, p. 18. Въ галицко-русскихъ актахъ встрѣчаются разъ 2 лавника (А. гр. XV, p. 487. Kaz. etc. nob. N-o Coszej iuniori de Laszky ...ad instanciam N. Nic. Coszej senioris de Laszky, quia tu per tuum viceadvocatum ...ucho super tuos duos scabinos vct. Andream et Dmythr noluisti ius ministrare, qui te ipsum ac locum suum scabinalem non honorando de sede iudicaria surrexerunt, ipsique N. Nic-o Coszej seniori iusticiam noluisti administrare, quam iusticiam ipse mediante suo solido scabinali postulavit.

Хотя лавничій судъ и долженъ былъ вообще судить по праву нѣмецкому, но такъ какъ это право судьямъ было мало знакомо¹⁾, то лавникамъ разрѣшалось судить и по праву польскому²⁾.

Однако, такъ какъ нѣм. право первоначально рассматривалось какъ привиллегія, то въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ (преимущественно за время Ягайла) находимъ любопытное постановленіе, что правомъ этимъ будутъ пользоваться только католики³⁾.

Отъ суда тиуновъ, князей, солтысовъ апелліція шла къ суду пана. Но судъ пана опять-таки не былъ судомъ единоличнымъ. Панъ долженъ пригласить посторонняго шляхтича, который съ другими iudices судить представленное въ доминиальный судъ дѣло⁴⁾.

Въ с. Врочовъ Санодкой земли — 7 лавниковъ: A. gr. XVI, p. 348 N. Luca, tenentarius de Wroczańka' vocatis ad se viceadvocatum et septem iuratos in eadem Wroczańka, interrogavit prefatos, a quot annis kmetho Nicolaus Balar, est in possessione mea.

¹⁾ Сами короли нерѣдко прямо выражаются въ актахъ „prout iura Majdeburgensia nobis sunt prorsus incognita“.

²⁾ A. gr. XII, p. 538. Advocatus potens erit iudicare iure Theutunico Mejdbo-riensi. Et articuli, qui non concernunt super ius Theutonicum, scultetus potens erit locare ius Polonicum et eodem iudicare.

³⁾ A. gr. II, p. 54, 70, 78. IV, p. 72, 102. IX, p. 19.

⁴⁾ A. gr. XII, p. 148. Si aliquis kmeto sibi esset reus, erga eundem habet bonum terrigenam locare eundem iudicandum.

ib. p. 96. Cola respondit... ego jus feci iuxta diem domino Archiepiscopo datum et volo hiis, qui in eodem iudicio presidebant, probare, unde nos domini et memoriale receperamus, sibi Cole adiudicavimus testes eosdem ducere ad pr. term. vct. Michaelem de Luka advocatum Colomiensem, Petrus crispus Albertus procurator de Czenyathniku, Iwanek de Zalusza.

ib. p. 391. Et domini Camerarii decreverunt eidem Jacobo in IV sept. producere testes et iudices, protunc qui hanc causam iudicabant, vct. dominum Skarbek et dominum Slupski.

По Любомирскому (I. с. p. 16) судъ дѣдича былъ организованъ по образку земскаго суда, изъ судьи, подсудка и писаря, при чемъ всѣ эти лица, приглашенныя паномъ, должны были быть осѣдлыми шляхтичами. Въ сомнительныхъ случаяхъ такой судъ обращался за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ къ суду земскому.

Въ галицкихъ городскихъ книгахъ сохранилось весьма любопытное постановленіе галицкаго вѣча о преслѣдованіи преступниковъ и доминиальномъ судѣ. Важность его усугубляется тѣмъ, что оно писано по-русски. Приводимъ его цѣлкомъ:

Мы, Михалъ Боучацкый, панъ и староста галицкый, и Кола, соудья галицкый, дѣдичъ зъ Далсіова, визнаваме то и земляны, ижъ такъ есмо то оуложили: колико сіа пригодитъ, ижъ пойдеть кто за своѣмъ злодѣемъ горачимъ пытомъ, а где придетъ занит(и) до кото-

Рѣшеніе такого суда постановлялось на основаніи нормъ права, въ которомъ жилъ отвѣтчикъ¹⁾.

рого села, а котораго чоловѣка обвинит(и) злодѣя своего, оу(же) тогда право емоу маetzъ быти в той д(е)нз по его оуѣхани в село бе(з) шволоку.

(А если) бы пан того села реклаз, (ажз) того чоловѣка нѣтъ, а рчетз своей чти, ажз того чоловѣка в селѣ нѣтъ, тогда маetzъ истецъ ждати того чоловѣка друугыѣ три дни, а пакли бы еще его не было, тогда коли чоловѣкз тот швиненый домовз приѣде, тогда по его оуѣхани въ третій д(е)нз право маetzъ быти. А пакли бы ватаманз albo ргациа рѣклаз, авы его оу селѣ не было, а вон маetzъ пригати, ажз того чоловѣка оу селѣ нѣтъ, але так ѣжз право (маetzъ) быти; а пакли бы зѣглаз чоловѣкз, а николи его не было бы, тогда томуу истцевни маetzъ панз того села заплатити имѣньемз того зѣглого чоловѣка, а пакли бы который земланин противилса томду, а не хотѣлаз права помочи, тогда маetzъ покоупити три гривны, а покоупивши оужады права помочи маetzъ. (A. gr. XII, p. 425, ad. a. 1485).

cf. постановленій Честяловско-Ивачевскаго вѣча (Bostel, Ein polnisches Rechtsdenkmal aus dem XV. Jahrh., Jahresbericht des zweiten Obergymn. in Lemberg, 1890): Apud quem aliquis fur aliquid subtraxerit, aut furatus esset, ex una parte Bug et eciam ex alia parte Bug et cum furticinis fugam dederit, et ille hospes cui furatus fuerit equum aut alias res ipsum furem suum fugaverit per suum vestigium, al. *za gego sladem*, et dictum vestigium ita remansimus sicut prius, ita, ubi quis fugavit, aut restabit, in qua terra, civitate, opido aut villa cuiusvis domini hereditarii, aut tenentarii, debet eum ducere ad eundem dominum, cujus hereditas est et ibi sibi debet debitum ius ministrare, ubi ipsum detinuit, et ibi fur debet suspendi, si fuerit iure victus iudicialiter.

cf. постановленіе Галицкаго вѣча 1444 (A. gr. XII, p. 128). Primo memoraverunt invencionem felicitis recordy Mf. Michaelis Palat. Podolie et domini Odrowansch Pal. et Cap. terre Russie generalis, quod cum aliquem dominum vel terrigenam vel eius officialem predestinabit pro fure de castro ut ipsum mitteret cum fertone ad castrum, Sin autem non mitteret et quereret aliquas excusationes dicens quod nescio de ipso quidquid vel profugit, qui habet iurare, quod nescio, ubi est, neque ipsum arestavit. Sin autem non iuraret, extunc succumbet tribus marcis castro *posupicis* pena furtiva.

cf. ухвалу Саноцкаго вѣча (A. gr. XI, p. 55, a. 1430). Nos suprascripti invenimus, et laudavimus, si aliquis homo fuerit pro furto per castrum vel ipsius nuncium inculpatus et stare ipsum facient, et non comparebit, et si tunc profugus homo ille fuerit, tunc media pars bonorum omnium, que profugus post se dereliquit, debet dari pro castro et media pars bonorum domino hereditatis, in qua hereditate talis homo fuerit.

¹⁾ A. gr. XIII, p. 408. Et Lopusky a Hedwigi dixit: tale ius domina administrabit, *quali iure ab ewo utuntur inibi homines*.

ib. p. 394. Анна Чурилова должна присягнуть, quod homines et incolas in Wlostkow non tenet in iure Theutonico, sed Ruthenico, *et iudicantur eodem iure*.

Солтысу принадлежала треть судебных пошлинъ съ населенія солтыства. Двѣ трети этихъ пошлинъ шли въ пользу пана. Нужно поэтому думать, что въ судѣ солтыса были какія-либо записи рѣшеній, иначе какъ бы панъ контролировалъ судебные сборы солтыса? А что такой контроль существовалъ, видно изъ частыхъ упоминаній въ уставныхъ грамотахъ о трехъ iudicia magna, на которыя пріѣзжалъ самъ панъ или его puncius (substitutus, procurator). На такихъ iudicia magna, по всей вѣроятности, производился какъ учетъ сборовъ пана съ солтыства, такъ и разборъ претензій населенія къ своимъ солтысамъ¹⁾.

Солтысъ по претензіямъ третьихъ лицъ отвѣчаетъ на судѣ пана, но судить его панъ не одинъ, а вмѣстѣ съ другими солтысами — семью или восемью, — на основаніи нѣм. права²⁾.

Но и судъ пана не есть еще послѣдняя инстанція для обиженнаго.

Въ уставныхъ грамотахъ, подтверждаемыхъ королемъ, постоянно находимъ постановленіе объ отвѣтственности солтысовъ передъ судомъ королевскимъ. Солтысъ отвѣчаетъ „coram domino aut coram Nobis... dum tamen per nostram litteram sigillo nostro sigillatam evocatus fuerit“. Судъ, въ который вызывается королевской грамотой солтысъ, „si in reddenda iusticia negligens foret“, именуется въ уставныхъ грамотахъ разное: то iudicium Theutonicum, то судомъ старосты (iudicium castrense), то iudicium generale, то colloquium generale.

Но передъ королемъ отвѣчаетъ не только солтысъ „in reddenda

¹⁾ На каждый такой пріѣздъ пана или его представителя община и солтысъ должны были устроить prandium пану, или его puncio (два prandia крестьяне, одно солтысъ), или въ замѣвъ его уплатить известную сумму.

²⁾ A. gr. III, p. 181. Scultetus vero nobis et alijs quibuscumque personis, tam proprijs inhabitatoribus, quam extraneis, vulg. *opcsym*, dum per ipsos fuerit citatus littera ciuitatoria sigillata nostra, non coram alio respondere debet, nisi coram, residencia septem scultetorum iuratorum in dicta hereditate Malczycze iure suo Theutonicali Majdburgensi ad omnia sibi objecta. Et scultetus debet congregare dictos scultetos septem contra se. Dum vero nos heredes cum ipso sculteto postulaverimus ius, extunc nos heredes eosdem scultetos septem iuratos congregare debemus et ipsum scultetum pro nostris causis prefati septem sculteti iurati iudicare debent iuxta formam iuris theuthunicalis Majdburgensis.

A. gr. VIII, p. 94 ...advocatus vero coram nobis aut successoribus nostris atque septem advocatis, viris ydoneis et honestis (respondebit).

XII, p. 868. Et si contigerit aliquando Advocatum iudicare, tunc non debent ipsum iudicare nisi iure Theutonico Mejdbor. cum octo scultetis hereditariis alias *dzydzuznycty*. cf. IX, p. 4.

iustitia negligens“, отвѣчаетъ и самъ панъ въ такихъ же случаяхъ¹⁾.

¹⁾ См. выше р. 150 пр. 8.

A. gr. IV, p. 102 ...sculteti vero coram predicto Andrea eorum herede et ipsius successoribus legitimis vel coram quocunque domino, villarum predictarum, sed coram nobis vel nostro iudicio, si idem Andreas eiusque heredes et successores legitimi vel quicumque domini villarum predictarum in reddenda ipsis (населенію солтысѣю) iusticia fierent negligentes et remissi, dum tamen per nos aut per nostram litteram sigillo nostro sigillatam citati fuerint, tunc non aliter quam suo iure theutonico Srzedense respondere sint astricti.

A. gr. II, p. 41 ...cmetones et Incole villarum et thaberne predictarum coram suo sculteto, seu eorum scultetis, sculteti vero coram ipsis fratribus (львовскими доминіанцами) vel eorum Priore vel seniore, qui pro tempore fuerit Monast. Corporis Christi in Lemburga predicti aut coram nobis vel Iudicio nostro generali, dum per litteram nostram nostro sigillo sigillatam evocati fuerint, si ydem fratres in reddenda iusticia negligentes vel remissi fuerint extunc non aliter quam suo Jure Theutonico Majdemburgense predicto cuilibet ad objecto respondere sint astricti.

ib. p. 54. Supradictus Jacobus vel ipsius successores seu quicumque dominus dictarum villarum... (si) in reddenda iusticia negligentes fuerint et remissi... какъ выше.

Въ судебныхъ книгахъ встрѣчается нѣсколько случаевъ разбора въ общихъ судахъ претензій крестьянъ къ своему пану; такъ напр. въ 1457 въ Львовскомъ городскомъ судѣ разбирается какое-то, неизвѣстное намъ, дѣло между шляхтичами Юрковскими и ихъ крестьянами (A. g. XV, p. 25. Terminum, quem hodie nob. Kstan et Paulus Iurkowszci de Kuhajow cum hominibus ipsorum de Kuhajow coram mfo. dom. Andrea Odrowanz de Sprowa Plto. et Cap. terre Russie gli. habuerunt, iuxta contenta citationis mandati Magnificencie Sue, domini iudicio presidentes distulerunt quarta die post dom. Pal. in Leopolim ingressum).

Сами старосты, имѣвшіе право доминіального суда надъ населеніемъ королевщинъ, передаютъ на рѣшеніе городского суда свои претензій къ крестьянамъ „eorum subditis“; A. g. XV, p. 388: quemadmodum doms. Capt. per procuratorem suum atentavit terminum cum hominibus subditis suis de Koczonow pro inobediencia et primo principaliter, quod noluerunt suscipere venatorem quilibet suum diem, prout tenentur, et etiam noluerunt equitare cum eodem sagitario sagitare dorcas, et quod ipsi sine scitu Cap-i equitaverunt et sagitaverunt dorcas et unam tantum domino dederunt, et duas pro se usurpaverunt quasi furtive, ceterum quod ipsi custodire debuerunt silvas, ubi sunt venaciones, et non custodierunt et admiserunt impellerre scophas in silvas, et sic omnes ferinas expulerunt; dum vero procurator Cap-i voluit super ipsos proponere, ipsi stantes omnes una voce dixerunt: nos nolumus nullo iure procedere cum domino nostro, nam ipse est ius, ipse beneficator, ipse dominus et rex noster, idcirco subicimus se gracie Sue Dominicionis. Et sic Capts. dedit ad duas septimanas, quod debet doms. Iudex castr. inter partes se interponere, quod debent dominum prevenire Koczonowczy.

cf. борьбу со старостами населенія селъ Соловки и Журавки (выше, р. 102).

Однако уголовныя преступленія крестьянъ противъ своего пана наказывались строже, чѣмъ преступленія крестьянъ противъ постороннихъ шляхтичей. Крестьянинъ, убившій своего пана, присуждается къ смерти. A. g. XV, p. 10: Nob. Ioh. Tharzymanski proposuit super labor. Iacobum kmethonem gsi. Stiborii de Wysznya Iudi-

Рядъ приведенныхъ фактовъ даетъ намъ право на слѣдующіе выводы:

- 1) Доминіальный судъ XV в. не былъ судомъ единоличнымъ.
- 2) Въ своихъ рѣшеніяхъ доминіальный судъ руководился обычаями того права, по которому жило подвѣдомственное ему населеніе.
- 3) Доминіальный судъ не былъ послѣдней инстанціей какъ для третьихъ лицъ, такъ и для подлежавшаго его юрисдикціи населенія. Отъ него возможна была апелляція въ общіе суды.

Кромѣ права судебной защиты крестьяне Червоной Руси XIV—XV вв. обладали еще въ извѣстныхъ предѣлахъ правомъ самоуправленія. Это право въ томъ или иномъ размѣрѣ сохраняли общины на правѣ русскомъ и валашскомъ и получали путемъ уставныхъ грамотъ общины на правѣ нѣмецкомъ.

Однако изслѣдованіе сферы дѣятельности общинъ на всѣхъ указанныхъ правахъ представляетъ значительныя затрудненія. Съ одной стороны, компетенціи общинъ были въ эту эпоху значительно сокращены, благодаря огромному значенію шляхты, получившей надъ населеніемъ своихъ участковъ обширныя права; съ другой стороны, если въ актахъ и выступаютъ иногда крестьянскія общины въ той или иной роли, то не всегда возможно опредѣленно указать, на какомъ *правѣ* сидитъ та или иная община, выступающая въ актѣ.

Терминъ *communitas* общій въ латинскихъ актахъ для общинъ на всякомъ правѣ, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится рѣшать, идетъ ли дѣло объ общинѣ русской, валашской, или нѣмецкой, что, благодаря отрывочности актовъ, не всегда возможно. Терминъ *громада* общій для общинъ на правѣ русскомъ и валашскомъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ иногда рядомъ находимъ два какихъ-нибудь *права* (русское и валашское, валашское и нѣмецкое, русское и нѣмецкое)¹⁾. Общины переводятся часто

cis ter. Leop. de villa ipsius Drohowicz, quomodo is Iacobus cum fratribus suis interfecit nob. Thomam fratrem suum germanum, dominum suum (вѣроятно Яковъ перешелъ отъ него къ Вишневскому) fraudulenter al. zdracliwye et hoc paratus sum convincere, al. pokonasz ita, uti ius inveniet. Qui Iacobus audita proposicione, negavit. Qui dum negavit, ius decrevit Iohanni Iacobum convincere. Qui Iohannes Iacobum hic coram iure convicit. al. poprziszangl. Quem dum convicit, ius sibi ipsum extradidit ad mortem, tamquam frandulentum, al. jako zdrazczga.

Только въ XVI в. крестьяне потеряли право иска противъ своего пава.

О патримоніальной власти съ XVI в. см. Lubomirski, *Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku*, Warszawa, 1862.

¹⁾ Такъ упоминаются: *Lalina Ruthenicalis* и *Lalina Theutonicalis*, Болеховъ русское и Болеховъ валашское, въ с. Rozhadow (Льв. в., XV, р. 266) pars Valachica.

съ одного права на другое — чаще всего, конечно, на нѣмецкое, но встрѣчаемъ и обратное — переводъ съ нѣмецкаго на русское, в т. д.

Важнымъ показаніемъ въ пользу принадлежности извѣстной общины къ тому или иному праву служить названіе представителя общины — такъ *тиуны* и *атаманы* — представители только русскихъ общинъ, *князья* и *крайники* — валашскихъ, *солтысы* и *войты* — нѣмецкихъ. Но не всегда въ актѣ вмѣстѣ съ общиною фигурируетъ ея представитель; иногда представитель общины носить общее названіе — *procurator*; князья валашскихъ поселеній именуются иногда въ актахъ солтысами. *Десятниковъ* встрѣчаемъ въ общинахъ русскихъ и валашскихъ.

Поэтому при изслѣдованіи сферы компетенціи той или иной общины мы брали во вниманіе только такія данныя, гдѣ мы, на основаніи прямыхъ, или косвенныхъ, доказательствъ могли опредѣленно утверждать принадлежность извѣстной общины къ тому или иному праву.

Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Сельская община въ юго-западной Руси“¹⁾ проф. Н. Д. Иванишевъ выразилъ надежду, что данныя о дѣятельности южнорусской общины могутъ быть въ будущемъ пополнены изъ галицкорусскихъ судебныхъ актовъ. Къ сожалѣнію, надежды эти очень мало оправдались. До сихъ поръ, правда, издано не много судебныхъ книгъ Гал. Руси, но зато изданы древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ²⁾, гдѣ, слѣдовательно,

¹⁾ Сочиненія, Киевъ, 1876 г. Статья Н. Д. была напечатана первоначально въ «Русской Бесѣдѣ» 1857, № 3. Авторъ касается въ этой статьѣ главнымъ образомъ копныхъ (общинныхъ) судовъ и строитъ свои заключенія на матеріалѣ, извлеченномъ имъ изъ Киевскаго Центральнаго Архива. Со времени выхода въ свѣтъ труда г. Иванишева количество данныхъ о копныхъ судахъ значительно увеличилось; такъ Виленская Археографич. Комиссія издала огромный томъ («Акты, издаваемые Виленскою Археогр. Ком.» т. 18, Вильна, 1891), посвященный исключительно копнымъ судамъ. Кромѣ того отдѣльные копыны приговоры напечатаны еще въ другихъ томахъ изданій Виленскаго Арх. Комиссіи (т. VI, XIII, Археогр. Сборн. I, III, VI, Актахъ Витебскаго Центр. Архива, т. II, «Кіевской Старинѣ» (Копныя суды въ лѣвобережной Украинѣ, Александръ Е. 1886 г. № 10). Не мало такихъ актовъ находится еще въ Литовской Метрицѣ; но большинство доселѣ изданныхъ актовъ не восходитъ во времени болѣе раннему, чѣмъ половина XVI ст.

Новѣйшее изслѣдованіе о копныхъ судахъ принадлежитъ А. Я. Ефименко (Народный судъ въ Западной Руси, «Русская Мысль», 1893, № 8—9). Авторъ основалъ свое изслѣдованіе главнымъ образомъ на 18-мъ томѣ Актовъ Виленскаго Арх. Комиссіи.

²⁾ Изданы пока книги санодція (Akta gr. t. XI и XVI — съ 1423 по 1506), галицкія (т. XII, съ 1435—1475 г.), перемышльскія — т. XIII съ 1436—1468, львовскія — т. XIV—XV, съ 1440—1504. Изъ судебныхъ книгъ XV в. юго-запад-

можно бы было ожидать наиболѣе обильныхъ указаній на жившую еще тогда русскую сельскую общину.

Однако и въ изданныхъ и еще неизданныхъ галицорусскихъ судебныхъ книгахъ XV—XVI вв. мы нашли крайне мало указаній на дѣятельность древнерусской сельской общины и даже на ту ея функцію, которая въ другихъ частяхъ юго-западной Руси задержалась дольше всего (до 18 в.) — *судебную* компетенцію общины (вѣчевой или копный судъ). Валашская и нѣмецкая община выступаютъ въ актахъ несравненно чаще общины русской.

Помимо указанныхъ уже причинъ рѣдкаго появленія крестьянской общины въ судебныхъ актахъ, незначительное количество свѣдѣній о русской общинѣ XV в. зависитъ, по нашему мнѣнiю, отъ слѣдующаго: польское право относилось весьма неблагоприятно къ крестьянской общинѣ. Въ самой Польшѣ къ XIV ст. исчезли уже многіе слѣды дѣятельности древнепольской сельской общины. Уже въ актахъ XII в. мы находимъ въ числѣ иммунитетовъ шляхетскихъ и духовныхъ имѣній освобожденіе отъ *ополья*, древней связи польской сельской общины. Съ развитіемъ доминальной власти сократилась и одна изъ главнѣйшихъ функцій сельской общины — функція судебная.

Нѣмецкая община, имѣвшая такое громадное распространеніе въ земляхъ польской короны, существенно отличалась отъ общины славянской и въ отношеніи способа владѣнія землей членами общины и въ отношеніи участія каждаго члена общины въ общественныхъ дѣлахъ. Распорядителемъ нѣмецкой общины былъ солтысъ, устроитель поселенія — имъ былъ или самъ *dominus*, или лицо, имъ назначенное безъ участія общины. Какъ довѣренное лицо своего пана, солтысъ отвѣчаетъ только передъ нимъ. Внутри общины солтысъ имѣетъ власть полицейскую, административную и судебную. Въ послѣдней функціи община еще участвуетъ посредствомъ выборныхъ присяжныхъ (*iurati, scabini*), но такой судъ существенно отличенъ отъ суда вѣчеваго, не знавшаго представительства, суда всей общины. При томъ рѣшеніе *iudicii teutunici* происходило не на основаніи права обычнаго, какимъ всегда руководился вѣчевой судъ, а на основаніи права нѣмецкаго, совершенно чуждаго населенію. Валашская община, какъ увидимъ, въ XV и XVI вв. занимаетъ среднее мѣсто между общиной нѣмецкой и русской.

вой Руси не изданы еще книги Белвскія (съ 1439 г.). Бужскія (съ 1499 — тѣ и другія хранятся въ Львовскомъ Бернардинскомъ архивѣ) и книги холмскія (съ 1428 — находятся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ).

Съ первыхъ лѣтъ польскаго владычества въ Черв. Руси нѣмецкое и валашское право получаютъ здѣсь огромное распространеніе. Польская шляхта такъ усердно переводитъ населеніе своихъ имѣній съ права русскаго на болѣе для нея удобное право валашское, и особенно нѣмецкое, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Черв. Руси мы уже въ XV в. едва находимъ слѣды поселеній на русскомъ правѣ. Такъ, напр., въ актахъ Саноцкой земли XV в. мы могли найти указанія на существованіе русскаго права лишь въ 10 поселеніяхъ, и притомъ главнымъ образомъ въ королевскихъ имѣніяхъ¹⁾. Болѣе слѣдовъ поселеній на русскомъ правѣ мы нашли въ земляхъ Львовской и особенно Галицкой. Тіуны и атаманы весьма часто фигурируютъ въ львовскихъ и галицкихъ судебныхъ книгахъ²⁾. Помимо этихъ косвенныхъ уликъ, въ актахъ послѣднихъ двухъ земель не рѣдки и прямыя указанія на существованіе здѣсь русскаго права во многихъ поселеніяхъ³⁾. Населеніе было здѣсь настолько привязано къ роднымъ порядкамъ, что мы встрѣчаемъ случаи ухода крестьянъ при первой попыткѣ владѣльца замѣнить въ своемъ поселеніи право русское правомъ немецкимъ, или возвращеніе къ праву русскому поселеній, сидѣвшихъ на чуждомъ населенію правѣ⁴⁾.

¹⁾ *Lalina Ruthenicalis*, А. гр. XI, р. 211. *Dobra* (Добране платять за неавку въ судъ лено *boves secundum ius Ruthenicum*, *ib.* р. 258). Въ селахъ Костировичи, Улицъ, Пловци, Савочекъ и Травва Сольная находимъ *сотнѣмъ* (см. выше). Тіуновъ встрѣчаемъ въ селахъ Ольховци, Терпичевъ, Глумпча, *ib.* р. 66, 222, 200.

²⁾ Замѣтимъ, что тіуновъ наиболѣе встрѣчаемъ въ Львовской землѣ, атамановъ — въ Галицкой (въ Львовской землѣ атаманы упоминаются лишь въ с. Кошова, Якшмова, Дрогошова и Калье), А. гр. XIV, р. 96, 827, 363, 271. XV, р. 24—26.

³⁾ Прямия указанія для Галицкой земли (*villa in jure Ruthenico*) для поселеній: Полайци, Чремховъ, Жуково, Жукотино, Далековъ, Марково, Пассѣчное, Остривъ, Волчионецъ, Волчковъ (А. гр. XII, р. 17, 50, 380, 880—1, 404, 408, 409). Косвенныя (*computatio* — см. выше): въ с. Пучково, Раковци, Подгайци, Мартинново, Рожейовъ, Блюгртани, Кавколянки, Саранчуки, Рожновъ, Чегровъ (*ib.* р. 59, 88, 146, 215, 153, 188, 205, 210). Въ с. Хростковъ и Калуша — *коланне*, *ib.* р. 236, 205. На русскомъ же правѣ, кажется, сидѣли с. Кромидово, Олешье и Хростовици, *ib.* р. 20, 205, 156. Въ поселеніяхъ Перемишльскаго земли русское право упоминается въ с. Влостково, Ласки, Кролина, Прильбидца, Радници, Подчаша (*Pozdezasczesa*), А. гр. т. XIII, р. 394, 401, 425, 437). Въ Львовской — въ с. Стратинъ, Липовцахъ, Лошицъ, Машковъ, Глинявахъ, Жолтанцахъ, Подлужанахъ. А. гр. т. XIV, р. 58—9, 136, 276, 806, 321, 305—6. и *Akta Castr. Leop. ad. a. 1467*, Неслуховъ, Зелеховъ, Бацовъ, Душановъ, Чарнушовцахъ, Германовъ, Девирикахъ, Бранцахъ. А. гр. XV, р. 86, 442, 499, 530.

⁴⁾ Такъ въ 1444 г. львовскій архіепископъ подаетъ въ судъ жалобу на крестьянъ Тама и Василія, бѣжавшихъ изъ его имѣнія Ставчани и подговорившихъ къ бѣгству

Каковы же однако были особенности права русскаго, какими особенно характерными чертами отличалось устройство поселений на правѣ русскомъ?

Замѣтимъ прежде всего, что русская сельская община въ XV в. потеряла уже не мало своихъ характерныхъ особенностей, понесла не мало уронъ въ своихъ стародавнихъ — „отъ дѣда и прадѣда“ — правахъ. Отдѣльныя черты дѣятельности русской общины имѣютъ въ XV в. уже характеръ переживания, случайно уцѣлѣвшихъ обломковъ древнихъ порядковъ: онѣ драгоценны главнымъ образомъ потому, что совокупность ихъ даетъ нѣкоторое понятіе о функціяхъ древнерусской общины болѣе ранняго, русскаго, періода.

И въ Галицкой Руси отдѣльныя смежныя села (какъ и въ остальныхъ частяхъ юго-западной Руси) находились въ извѣстной связи, составляя одно цѣлое, рѣшая сообща извѣстнаго рода дѣла. Названія для такого союза въ актахъ мы не нашли, но на существованіе его указываетъ слѣд. актъ: въ 1422 г. перемышльскій владыка жалуется королю на стрѣлковцевъ „аже оубивлють сѣа оу землю оу црковноюю стѣо спѣа“. По распоряженію короля, самборскій староста выѣхалъ съ самборскими старцами и землянами для опредѣленія границъ владѣній епископа. Епископъ утверждалъ, что церковная земля идетъ по Лисичій бродъ издавна „и за князя Юрька и за нныхъ многихъ державецъ, а то свидомо земманомъ самборскимъ и старцемъ самборскимъ и всемъ обаяполнымъ. Староста „пѣстналъ на земаны и старцы“. Подтверждая заявленіе владыки „и то нѣщн вызналъ, аже владѣнн люде свѣдѣ гонѣать по лисичини бродъ и оуздають тополннуаномъ, занеже тополннуане нмѣють соу владыкою границу, а стрѣлковци не нмѣють“¹⁾.

и другихъ крестьянъ. Обвиняемые оправдываются тѣмъ, что архіепископъ, получивъ въ свое владѣніе нѣкіе Ставчаны, сталъ здѣсь вводить нѣм. право (*fecisti allodia de nostris curiis et agris*, т.-е. вѣролатно отобралъ лучшія крестьянскія земли подъ фольваркъ, *et locasti obprosalessz nos ad jus Theutunicum*), а они извѣстны королевскіе охотники и не хотятъ сидѣть на нѣм. правѣ, такъ какъ привыкли къ своему родному русскому праву (*sumus venatores Regales stara dawna et nolumus sedere in iure Theutunico, quia consuevimus sedere in iure Ruthenico... et sumus locati ad ius Ruthenicum na syrowcem korzeniu*. А. гр. XIV р. 136 и 138).

1454. Ядвига, владѣтельница им. Ставно, присягаетъ, что населеніе этого нѣкіа добровольно и съ ея согласія перешло съ права валацкаго на право русское (*eram presens et scio, quia isti homines, pro quibus iuro, quia ab anno sedent in iure Ruthenico, et eciam scio, quia se subdiderunt libere de bona voluntate ad ius Ruthenicum de iure Walachico*. XVI, р. 413).

¹⁾ Akta gr. t. VII, № 32.

Намъ кажется, что въ приведенномъ актѣ можно видѣть указаніе на кое-гдѣ еще сохранившіеся въ Галицкой Руси XV в. общинные союзы. Владычные люди гонятъ слѣдъ, т.-е. преслѣдуютъ преступника, или розыскиваютъ знаки, слѣды имъ оставленные, и передаютъ слѣдъ Топольничанамъ. По изслѣдованію проф. Иванишева, преслѣдованіе преступника копою (общиннымъ союзомъ нѣсколькихъ сель) происходило въ юго-западной Руси слѣд. образомъ: „если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *ималъ слѣдъ*. Копя, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвести слѣдъ отъ своихъ земель¹⁾. Мы думаемъ поэтому, что въ указанномъ актѣ можно видѣть свидѣтельство о существованіи общиннаго союза (копы) въ земляхъ перемышльскаго владыки (къ союзу, повидимому, принадлежали поселенія на землѣ св. Спаса и с. Топольничаны). Къ сожалѣнію, рассмотрѣнный нами актъ единственный въ своемъ родѣ.

Впрочемъ, намекъ на существованіе другаго общиннаго союза можно видѣть въ слѣд. актѣ. Подъ 1440 г. львовскій городскій судъ требуетъ отъ шляхтича Николая доказательства свидѣтелями, что онъ *не отбилъ* вора у крестьянъ трехъ королевскихъ имѣній Сокольники, Солонки и Журавки и не выпустилъ вора изъ-подъ ареста.

Въ этомъ актѣ можно видѣть указаніе на общинную связь этихъ трехъ селеній — они совместно преслѣдуютъ вора, гонятъ его слѣдъ и доводятъ его до владѣльческаго села Острожаны, но *dominus* села отбиваетъ у нихъ вора (т.-е. вѣроятно своего крестьянина)²⁾.

¹⁾ Собр. соч. р. 247.

²⁾ Nob. Nicolaus testes sex producere debet ...hominibus de villis regalibus de Sokolnyky, Szyrawka et Slonka ...qui testimonium perhibebunt pro eodem, quod non defendit furem in villa Ostrozany hominibus de tribus villis regalibus iam expressis nec ipsum de stuba de eadem villa emisit. ...Akta gr. XIV, р. I.

Въ 1445 г. шляхтичъ Ввучко де Кутя жалуется суду, что крестьяне *трехъ* владѣльческихъ сель Лешники, Брежаны и Лашино отбили у его *familiages* семь *блгихъ* крестьянъ; *ib.* р. 175.

Ср. еще грамоту 1413 г. (на русск. языхъ), разграниченіе сель Покоссовци и Блудяны (Dodatek tygodniowy do Gaz. Lwowskiej 1852 г.) «а поколѣ ты то границы, по толѣ имет панъ Мирославъ и слѣдъ *примати и одлонити, поколѣ ему тотъ войчычъ смилъ з старыми людьми...*

Замѣтимъ, что села Солонка и Журавка сидѣли на русскомъ правѣ и, какъ мы видѣли выше, были заселены *ордынцами*.

Приведенные факты единственные¹⁾ изъ нами найденныхъ свидѣтельствъ о сохранившихся въ XV в. общинныхъ союзахъ въ Гал. Руси. Замѣчательно то, что эти свидѣтельства относятся только къ населенію земель королевскихъ и церковныхъ (православной церкви). Мы уже неоднократно видѣли, что старые русскіе порядки сохранились въ гораздо большей степени въ этихъ земляхъ, чѣмъ въ шляхетскихъ владѣніяхъ. Обстоятельство это не трудно объяснить: королевскія и церковныя земли были несравненно обширнѣе шляхетскихъ (въ Гал. Руси преобладало мелкое шляхетское землевладѣніе) и менѣе разбросаны. Общинные союзы поѣтому состояли здѣсь изъ селъ одного владѣльца, между тѣмъ какъ при мелкомъ шляхетскомъ землевладѣніи въ союзъ входили села разныхъ владѣльцевъ, что должно было нарушать интересы послѣднихъ. Съ другой стороны, русское право точно такъ же сохранилось въ большей степени въ земляхъ королевскихъ и церковныхъ, между тѣмъ какъ владѣльцы усердно переводили свои имѣнія на болѣе для нихъ выгодное право нѣмецкое или валашское.

Общинные союзы и копный судъ, какъ извѣстно, просуществовали въ юго-западной Руси до самого 18 в. и даже получили санкцію въ законодательствѣ (Литовскомъ Статутѣ всѣхъ трехъ редакцій). Но уже въ XVI ст. главной функціей копы было изслѣдованіе преступленій противъ чужой собственности и жизни въ предѣлахъ союза. Вообще, по замѣчанію проф. Иванишева, установленіе это въ XVI и XVII в. уже отжило свой вѣкъ, оно, какъ остатокъ древности, противорѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было исчезнуть отъ расширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами²⁾.

Эти же причины разрушили уже въ XV ст. общинные союзы въ Галицкой Руси; такъ какъ введеніе администраціи и суда на польскій ладъ и доминіальная власть помѣщиковъ появились

1) Cf. еще слѣд. актъ: pro parte providi Szenkonis Royk de Pszarce pro equo sibi Senkoni recepto furtive super Blonye *communitates quatuor* testificate sunt, videlicet de Post, Szan viceadvocatus cum communitate testificatus est, quod ipse equus est Szenkonis; similiter communitas de Blonye et eciam communitas de Subcastro ac eciam commnitas de Pszarce sunt testificate, ipsum equum fuisse et esse Senkonis ipsius coloris sziwi, quem equum arestavit apud dyak de Lubaczew. A. gr. XIII, p. 570.

2) Собр. соч. п. 260.

здѣсь двумя столѣтіями раньше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ юго-западной Руси, то и паденіе общинныхъ союзовъ должно было произойти здѣсь гораздо раньше. Уже въ XV в. общинные союзы отжили здѣсь свой вѣкъ и кое-гдѣ только сохранились какъ жалкіе обломки давнопрошедшаго.

Кромѣ незначительныхъ намековъ на судебныя функціи древнихъ общинныхъ союзовъ, указанія на существованіе послѣднихъ можно видѣть въ частомъ появленіи *старцевъ*¹⁾ исключительно только по вопросамъ объ опредѣленіи спорныхъ границъ земельного владѣнія, и людей *обчихъ*, сосѣднихъ (*obcsi, ignoti, vicini, alieni, homines extranei*)²⁾.

Названіе *старцевъ*, какъ представителей общинъ, очень древнее: старцы выступаютъ на первыхъ страницахъ лѣтописи³⁾. Въ смыслѣ наиболѣе почетныхъ членовъ общины это названіе задержалось въ юго-западной Руси еще въ XVI и XVII вв. Съ другой стороны члены копы называются въ актахъ XVI—XVII вв. нерѣдко сосѣди околичные, сосѣди суграничники, мужи обчіе⁴⁾.

Въ случаяхъ спора изъ-за нарушенія границъ чужаго земельного владѣнія, на мѣсто вызывалъ король, староста, *judices deputati* или посланные королемъ или старостой чиновники съ полатыми землями и вызывали съ обѣихъ сторонъ старцевъ. Число послѣднихъ не всегда опредѣлялось, но иногда указывалось — 2, 3, 4 съ каждой стороны⁵⁾. Какъ кажется, приглашенные сторонами старцы принадлежали къ ближайшимъ окрестнымъ селамъ — такъ въ 1445 г. шляхтичъ Смолицкій жалуется на Мала Кочуница de Hlumrcza, запахавшаго его поле. Малъ предлагаетъ доказать старцамъ сель Межиброды, Тыравы, Глумпча и Улича, что поле принадлежитъ ему⁶⁾.

1) Въ латинскихъ актахъ они называются *starcze, seniores, antiqui homines, sevio provecsti*, въ русскихъ иногда «свѣдомые старцы» (А. гр. II, № 8, 78, 114). VI, № 12.

2) Встрѣчаемъ еще *boni homines*, добрые люди, А. гр. XII, р. 213, III, № 84. Въ латинскихъ актахъ въ большинствѣ случаевъ *obcsi* (обчій) переводится *homo extraneus, alienus*, но иногда вѣрнѣе — *vicinus*, напр. *volo edocere vathamano et homine extraneo et etiam hominibus vicinis, alias opcsimi*, А. гр. XII, р. 276.

3) О старцахъ лѣтописныхъ см. наше изслѣдованіе «Вѣче въ Киевской области».

4) Иванншевъ, I. с. р. 288.

5) Два *amici* и два старца съ каждой стороны. А. гр. XI, р. 446. 3 *nobiles amici* *prosecutionati* и 3 *senes* al. *starcze* съ каждой стороны, *ib.* XII р. 251. По 4 старца съ каждой стороны, *ib.* VIII, № 80.

6) А. гр. XI р. 260. Тырава, Глумпча и Уличъ, какъ мы видѣли выше, жили на русскомъ правѣ и были заселены *сотными*.

Или въ другомъ случаѣ, при опредѣленіи границъ имѣнія Сколошево, принадлежавшаго Перемышльской капитулѣ¹⁾, и имѣнія Замостье шляхтичей Замойскихъ выступаютъ старцы изъ двухъ селъ (Дуниковцы, Ляшки) предмѣстья Радимна и четвертый старецъ, мѣсто жительства котораго не указано²⁾. Не есть ли это отголосокъ болѣе древняго времени, когда эти околичныя села составляли одно цѣлое, и поэтому члены общинъ и могли точно знать границы каждаго отдѣльнаго села? Опредѣленіе границъ при участіи старцевъ происходило съ извѣстными обрядами: старцы приводились судебнымъ приставомъ (*ministerialis*) къ присягѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлались межевые знаки: рвы, насыпи, нарѣзки на деревьяхъ („начосы“ — обыкновенно въ формѣ креста). Приставъ четыре раза приглашалъ высказаться всѣхъ, имѣющихъ что-либо противъ указанныхъ границъ (*ut si quis ad ea loqui deberet, loquatur*). Если старцы не сходились въ своихъ показаніяхъ, то бросался жребій, и границы опредѣляла сторона, на которую падалъ жребій³⁾.

Во многихъ другихъ случаяхъ требовалось непременно свидѣтельство посторонняго, не принадлежавшаго къ общинѣ, челоуѣка. Самое названіе *обчій* (*vicinus*), какъ намъ кажется, даетъ намѣкъ на эпоху болѣе древнюю, когда околичныя села были *обчими*, составляли одно цѣлое. Въ XV в., когда общинная связь селъ околичныхъ уже рушилась, и самое слово перемѣнило свое значеніе — въ актахъ XV в. *обчій* переводится обыкновенно *alienus, ignotus, extraneus* — съ распаденіемъ общинной связи селъ *свой*, сообщинникъ, сталъ теперь чужимъ.

Присутствіе *hominis obsei* непременно требовалось при вызовѣ крестьянъ изъ одного села въ другое. Выходъ за крестьянина

1) Какъ видно изъ акта, Сколошево тянуло къ Радимну: *bona Scoloschow ad Radimna pertinentia*. А. гр. VII № 80.

2) А. гр. VIII № 80.

3) *Si autem senes non concordaverint, extunc ibidem in loco Zavissius et Stanislaus (стороны) sortes alias losy mittere debent, et cui prima sors cesserit, ille prestito iuramento vere et audaciter transsire poterit granicies faciendo*. А. гр. XII, р. 390. Кромѣ уже указанныхъ случаевъ старцы упоминаются еще въ слѣд. актахъ: А. гр. II № 8, № 78, № 114. III № 84, IV № 91, VI № 12, VII № 35 и 34. XI р. 260, 446, XII р. 251, 312, 429. XIII 353 etc. XIV р. 66, 442, 477. О приѣмахъ разграниченія см. особенно VII, № 63. См. еще *Dodatek do Gaz. Lwowakiej, 1852 г.* разграниченіе селъ Блудники и Пакоссовцы: бурграбій львовскій съ землянами и старыми людьми (въ другомъ мѣстѣ они названы «старожитными людьми») вводитъ границы.

Выводъ границъ по указанію старцевъ производится «*secundum consuetudinem iuris communis*» (т.-е. права обычнаго. А. гр. VII, № 35).

уплачивался всегда въ присутствіи *общаго* человѣка, который и являлся важнѣйшимъ свидѣтелемъ въ случаѣ судебного спора по вопросу о правильности выхода крестьянина.

Люди общіе, сосѣди (*vicini*) свидѣтельствовали также по спорамъ объ имущественномъ положеніи крестьянъ, или ихъ принадлежности къ тому или другому разряду¹⁾.

По всей вѣроятности, въ болѣе раннее время, при существованіи общинныхъ союзовъ, всѣ члены союза отвѣчали другъ за друга круговой порукой. Въ XV ст. круговая порука еще сохранялась, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одной и той же общины²⁾. Отъ старыхъ порядковъ осталось только названіе *общихъ* людей, настолько непонятное редакторамъ судебныхъ актовъ, что общій переводится въ нихъ безразлично то *extraneus*, *alienus*, *alicuius*, то *vicinus*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ роли *hominis extranei* обязательно фигурировалъ *nobilis*³⁾.

Если такимъ образомъ мы застаемъ древніе общинные союзы въ Гал. Руси XV в. уже въ періодъ полнаго разложенія, то и самыя общины крестьянскія въ XV в. потерпѣли уже не мало уроновъ въ своихъ старинныхъ правахъ. Доминіальная власть владѣльца въ значительной степени сократила самоопредѣленіе общины.

¹⁾ А. гр. XII, р. 187. Habeo homines extraneos al. obcze, quia prius reclinaverunt ad Rosusch.

Іб. р. 402. Reclinatio in hora et tempore coram homine extraneo al. *przed orszut*; іб., р. 276..... volo edocere vathamano et homine extraneo et esciam hominibus vicinis al. *orszuti* quia predicti homines sunt illiberi al. *calanny*.

Въ другомъ актѣ шесть свидѣтелей равныхъ селъ подъ присягой показываютъ, что спорные люди не коланне и не ординцы, іб. р. 108—9 и 112. Въ Русской Правдѣ ст. 88 (Влад.-Будановъ, Хрест. р. 65) слѣдъ гонать «съ чужими людьми и съ послухи».

²⁾ Встрѣчаемъ однако и въ XV в. круговую поруку нѣсколькихъ селъ по тѣмъ же или инымъ дѣламъ. Такъ князь с. Szustwolkowye со семью крестьянами, тиунъ де Тегрісзов со семью крестьянами, крестьяне с. Оскова, вицевоить с. Brzoska Wola даютъ круговую поруку старостѣ представить на его судъ крестьянина Коста de Wolkowya (А. гр. XVI, р. 4).

³⁾ Jus affectare coram nobili extraneo, XII, р. 404. Reclinatio также происходило coram nobili et homine extraneo, іб. р. 403. При слутанности и неопредѣленности терминовъ въ актахъ, трудно часто бываетъ опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ обозначеній въ актахъ — такъ напр. часто не ясно, понятіе *vicinus*, относится ли оно къ членамъ той же общины, или обозначаетъ сосѣдей околечныхъ, членовъ сошедшихъ (вѣкогда б. м. находившихся въ общинномъ союзѣ) селъ? Cf. XII, р. 78, гдѣ *vicini*, одинъ или два, должны показать количество повинностей, уплачиваемыхъ вышедшимъ крестьяниномъ; или *homines domi* должны опредѣлять, на чемъ сидѣлъ крестьянинъ, іб. 213.

Сохранившіяся еще въ XV в. общины на русскомъ правѣ находились подъ управленіемъ атамановъ и тиуновъ. Тиуны въ качествѣ управителей общинъ принадлежать еще княжескому періоду, атаманы появляются, кажется, только со времени татарскаго владычества на Руси¹⁾.

По разбросаннымъ въ разныхъ актахъ XV в. даннымъ можно составить себѣ слѣдующую картину компетенціи древнерусской сельской общины княжескаго періода: община имѣла значительную степень самоуправленія, сама выбирала своего представителя (атамана, тиуна) и, кажется, сельского священника, отвѣчала за своихъ сочленовъ круговой порукой, распредѣляла между своими сочленами общинныя земли, производила разверстку повинностей, судила взаимныя прерѣканія своихъ сочленовъ, выступала въ качествѣ отвѣтчика по дѣламъ, возникавшимъ между ея сочленами и третьими лицами, къ общинѣ не принадлежавшими.

Обломки этихъ довольно обширныхъ преимуществъ еще коегдѣ по мѣстамъ сохранились въ галицко-русскихъ общинахъ XV в. Такъ, напр., изъ одного акта видно, что галицко-русскія крестьянскія общины выбирали еще сами своихъ тиуновъ: подъ 1456 г. въ львовскія судебныя книги занесенъ актъ ввода во владѣніе им. Зухоржицы, заложенаго Грицкомъ Кердейовичемъ Юрію Фридериковичу de Leopoli — крестьяне „ялися“ по Юрію и выбрали себѣ въ тиуны Пашка, сына Загайки²⁾.

¹⁾ Слово атаманъ — турецкое; у татаръ *адманомъ* назывался начальникъ пастьховъ, см. Хартахай, Ист. крымскихъ татаръ. «В. Есп.» 1866 г. Въ лѣт. лѣтописи читаемъ: ...а тѣ три брата (князья татарскіе Хачебей, Кутлоубугъ и Дмитрій) отчичи и дедичи Подольской земли, а от нихъ заведали *атаманы* и бонскаки, преедаючи отъ тѣхъ атамановъ имовали с Подольской земли данъ. Уч. Зап. II отд. Ак. Н. I, p. 44.

Въ актахъ XV в. представители крестьянскихъ общинъ часто называются *procuratores, officiales*, но названіе атамановъ и тиуновъ сохранилось и въ XVI в., какъ видно изъ современныхъ люстрацій.

²⁾ А. гр. XIV, p. 479 ...*et kmethones ipsum Georgium susceperunt alias talis sive, et iam Georgius prefatus est in tenuta et possessione ville Zuchorzicze, et Pashkonet filium Zahajkonis pro Thyuno kmethones eis elegerunt*. Cf. лѣтописное «Възъяглине же солъгаше Шварномъ, во емше тивуна, не вдаша ему тивунити». Ис. 555.

Обязанности тиуна такъ описаны въ одномъ актѣ: шляхтичъ Будзвой жалуетса на шл. Чурала, принявшаго его бѣлаго кмета «qui homo sedebat apud ipsum (у истца) in una curia, als. *diworzicze*, et erat apud ipsum *thyunus* et habebat claves a curia, a bonis suis, et census suos exigebat et alios proventus a kmethonibus...» А. гр. XIII, p. 365.

Прямых указаний на выборъ попа самою общиною мы въ актахъ XV в. не нашли, но обычай выбора священника прихожанами былъ настолько распространенъ во всей юго западной Руси, что мы, не колеблясь, относимъ его и къ Гал. Руси XV в. Сохранилось впрочемъ въ судебныхъ актахъ Львовской земли интересное дѣло, ясно указывающее, что община считала себя въ правѣ распоряжаться церковной собственностью и не допускать къ отпращиванію священнической обязанности лицъ, ей не угодныхъ.

Подъ 1456 г. (30 апр.) въ львовскія городскія книги заносится жалоба попа Врочевскаго на всю Врочевскую общину, кромѣ грехъ крестьянъ, оставшихся при попѣ, что крестьяне упомянутой общины отняли у него ключи отъ церкви, безъ вѣдома благочиннаго, тиуна и замковаго начальства (*non requisito nec Osszeja superiore poroue nec Thywno, nisi sua importunitate nec dolozynoschy sye iz (sic!) urzando*). Замковый чиновникъ вмѣстѣ съ судьей подвергли по этому дѣлу допросу всѣхъ обвиняемыхъ крестьянъ. На вопросъ судьи и чиновника, почему крестьяне не даютъ попу ключей отъ церкви, крестьяне отвѣчали: „потому, что не хотимъ“, не давая, несмотря на неоднократныя требованія суда, другого объясненія своему поступку¹⁾.

Причина прерѣканій крестьянъ съ попомъ по акту не извѣстна, ясно одно, что община считала себя въ правѣ контролировать дѣйствія попа и удалять его отъ *своей* церкви.

Что община сама распредѣляла между своими сочленами общинныя повинности, доказательство этому, мы видимъ въ слѣд.: мы уже указывали на сохранившіеся въ Гал. Руси XV в. *сотни*. Изъ приведенной грамоты Мстислава Берестьянамъ видно, что сотня составляла одно цѣлое, платившее огуломъ извѣстную сумму повинностей (Мстиславъ налагаетъ на каждую сотню ловчее, состоявшее въ извѣстномъ количествѣ натуральныхъ повинностей). Далѣе мы указывали, что выходъ крестьянина изъ сотни могъ происходить при условіяхъ, если выходящій не былъ въ *числѣ*, т.-е. былъ лишнимъ противъ полного десятка. Мы думаемъ, что такое ограниченіе выхода принадлежитъ самой общинѣ — если повинности налагались на всю общину разомъ, то выходъ каждаго члена общины долженъ былъ нарушать существенно ея интересы, ибо одно и то же количество повинностей приходилось бы теперь раскладывать на меньшее число лицъ.

¹⁾ Akta gr. XIV, p. 475.

Существенное отличие нѣмецкаго права отъ русскаго, кажется, и состояло именно въ томъ, что повинности раскладывались не на всю общину, которая уже сама распределяла сумму платежей между своими членами, соотвѣтственно ихъ имущественной правоспособности, а каждый крестьянинъ платилъ точно опредѣленное количество повинностей соразмѣрно величинѣ обрабатываемаго имъ участка. Изъ одного акта можно заключить, что точно размѣренныхъ участковъ въ селахъ Гал. Руси до появленія нѣм. права не было. Земли крестьянъ русскихъ общинъ были распределены въ разныхъ мѣстахъ (*sparsim modo Ruthenico*), а не въ одномъ кускѣ, какъ въ поселеніяхъ на правѣ нѣм. (*in una linea secundum ius Theutonicum*)¹⁾.

Правда, еще въ XIV ст. мы встрѣчаемъ русскую земельную единицу — *дворище* (*curia*), но величина его не была такъ точно опредѣлена, какъ нѣмецкая земельная единица — *лань*. *Дворищемъ*, повидимому, назывался небольшой земельный участокъ, который могъ обработать одинъ человекъ (или одна семья).

Съ круговой порукой община выступаетъ во многихъ случаяхъ, выдавая аттестации въ хорошемъ поведеніи и доброй нравственности своего сочлена, заподозрѣннаго въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ, ручаясь за представленіе въ судъ обвиняемаго въ какомъ-либо преступленіи, при чемъ въ той или другой формѣ принимаетъ на себя послѣдствія за неявку обвиняемаго, платить дикую виру, если не можетъ или не хочетъ выдать своего сочлена, обвиненнаго въ убійствѣ, и т. под.²⁾.

¹⁾ А. гр. III, p. 52 (1878 г.). Львовскій мѣщанинъ Григорій Стехеръ жалуется Владиславу Опольскому *quia multa sustinisset et adhuc sustinet incomoda, quia agri ad suam villam Maly Wynyk pertinentes, sitam in districtu Lemburgensi, non in una linea secundum ius Teutonicum annexivum, sed secundum Ruthenorum consuetudinem sparsim et particulatim sunt distincti.*

²⁾ А. гр. XI, p. 47, *Strenuus Mathiasch terminum dedit kmethonibus de Hlumpza quod debent reum invenire, qui caudas absceit equis hominibus de Tyrawa, quatuordecim diebus post recessum D. Regis de Sanog, quod si non invenirent reum, extunc iurare tenebuntur super pueros ipsorum, in uxores, qui, pueros non habebunt.*

Ib. p. 56, *Venientes coram nobis Capitaneo kmethones de villa Olchowcze... ex-fideiubuerunt Chodor coniuncta manu cum XIII pecoribus et duobus equis, prout fuerat pro furto inculpatus ita, quod predicti fideiussores eundem Chodor, dum per dum Capitaneum fuerint requisiti, debent statuere, et si non statuerent, tunc domino Capitaneo decem marcas luent et condemnabuntur in eisdem.*

Cf. ib. p. 60, *coram nobis Capitaneo veniens Chodor kmetho de Olchowcze recognovit furtum, prout fuit inculpatus et dedit se nobis ad gratiam nolens nobiscum in ius introire et petivit nos cum duabus marcis, quas ab eodem recepimus. ...et in*

Что касается судебной компетенции общинъ на русскомъ правѣ, то на существованіе ея имѣемъ лишь намеки въ актахъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что даже о доминіальномъ судѣ мы могли собрать лишь самыя скудныя данныя въ актахъ общихъ судовъ. Характеристику доминіальнаго суда мы составили главнымъ образомъ на основаніи апелляцій истцовъ въ общіе суды. Рѣшенія общинныхъ судовъ, на которыхъ разбирались взаимныя претензіи сообщинниковъ (претензіи третьихъ лицъ къ членамъ какой-либо общины, какъ мы видѣли, разбирались въ судѣ доминіальномъ при ббльшемъ или меньшемъ участіи общины), рѣдко выходили за предѣлы самой общины. Но если общины на валашскомъ правѣ не только въ XV, но и въ XVI ст. имѣли значительную судебную компетенцію, то такую же компетенцію должны были сохранять и общины на правѣ русскомъ. Если о дѣятельности русской общины сохранилось мало данныхъ, то это потому, что самыхъ общинъ на русскомъ правѣ въ XV в. было уже немного, благодаря широкому распространенію права нѣмецкаго и валашскаго, замѣнившаго въ старыхъ русскихъ общинахъ право русское.

Однако мы можемъ напр. указать на фактъ, гдѣ община русская разбираетъ такіе вопросы, какъ вопросъ о наслѣдствѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, несмотря на новые порядки, несмотря на введеніе такого губительнаго для общинной свободы фактора,

presencia erat tota communitas ville Olchowcze, alias *gromada*, quia nos petivit cum duabus marcis.

Ib. p. 143, 173 (поручительство ольховецкихъ крестьянъ за своего сочлена въ уплатѣ денегъ), p. 273 communitas с. Костировичи (гдѣ была сотня) поручается въ представленіи старостѣ бѣглыхъ крестьянъ.

A. gr. XIV, p. 473, 498 (въ послѣднемъ актѣ община именуется *мною*).

A. gr. XV, p. 343 Nob. Ванько Ладовскій обвиняетъ *громаду* с. Бататичи въ убійствѣ своего брата; громада присуждается къ уплатѣ 60 гр.

A. gr. XIII, p. 35. Yssakowczanue villani reposuerunt quinque marcas coram iudicio pro capite interfecti, vct. Byechun de villa Boraticz.

О круговой поруцѣ у славянъ см. соч. И. М. Собѣстіанскаго («Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ нхъ законодательства», Харьковъ, 1888 г.).

¹⁾ A. gr. XVI, p. 120. Danyko, filius Radz de Costyrowcze cum suis pueris recepit omnia bona mobilia, vct. peccora et peccudes suorum puerorum a patruis ipsorum Andrea et Nyesch de Dobra ita, quod dicti pueri circa prefatos patruos nichil habent, nisi terciam partem hereditatis. Et sicut *communitas ville Dobra eandem hereditatem conspiciat*, ita ipsi patruus debent restituere prefatis pueris dum ad annos discretionis pervenerint. Община свидѣтельствуесть переходъ имущества въ другіи способамъ, напр. покупку.

A. gr. XI, p. 473. Продажа корчмы въ присутствіи общины с. Костировичи.

какъ доминантная власть, сила обычая была такъ велика, что община продолжаетъ и при новыхъ порядкахъ жить по своимъ старымъ обычаямъ, и существованіе ея какъ цѣльнаго живаго организма во многихъ случаяхъ признается правительствомъ и судомъ¹⁾.

Поселенія на *валашскомъ правѣ* появляются весьма рано въ Галицкой Руси. Есть основаніе предполагать, что загадочные Болоховскіе князья XIII в., надѣлавшіе столько хлопотъ Даниилу Романовичу, были просто князья валашскихъ поселеній, переселившіеся въ Гал. Русь²⁾. Отъ XIV ст. сохранилось нѣсколько

¹⁾ См. напр. А. гр. XVI, p. 283: Nob. Leonardus Jaszynsky constituit Andream minist. de Brzoszow et nob. Paulum de Pakosschowka, qui recognoverunt, quia dederunt intromissionem nobili Leonardo in villam remotiorem Terpiczow iuxta inscriptionem in iure terr. et *mandaverunt communitati obedientiam*.

Ib. p. 365. Nic. al. Myhal minist. tonsus de Bukowsko recognovit quia prout fuit additus ad intromissionem terciam nob. Nic. Jazyensky in villam Szyeumazowa nobilis Johannes Szyemuschowsky, quia sibi intromissio non est admissa tantum quod ipse Johannes *voluit protunc communitatem congregare, ut obedientiam sibi Jazyensky prefate comunitati daret*.

Въ Кременецкомъ староствѣ существовалъ еще во второй половинѣ XVI в. громадскій судъ, разбиравшій дѣла «о szkody domowe we wsiach, paszniach y w lesiach, y iaso też o wydarcie paszoli; не только крестьяне, но и поны и путные болре обзаны были «сіе stanowic na wszystkich schadzках, w gromadzie zebranych, nie ekscurując się urzędem, ani władzą, a mają wszyscy spólnie winnego szukae. Lecz ktoby na pierwszą, na drugą y na trzecią schadzkie nic stanął, ten ma temu uszkodzonemu wszystkie szkody jego nagrodzić, według dowodu, a winę złodziejską na jego k. mosc. według statutu trzy rublie gr. placić ma (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 2, p. 118).

²⁾ Миѣніе такое было выставлено впервые о. Антоніемъ Петрушевичемъ. (Слово, 1857 г., см. статью Н. П. Дашкевича, Новѣйшіе домыслы о Болоховской землѣ, Киевск. Унив. Изв. 1884 г., № 6). Другіе исследователи то производятъ Болоховскихъ князей отъ обособившихся галицкихъ бояръ (Костомаровъ), то отъ разныхъ княжескихъ вѣтвей (Квашинъ-Самаринъ, къ миѣнію котораго въ послѣднее время присоединился Р. В. Зотовъ, О черниговскихъ князьяхъ, С.-Пб. 1892, p. 156. Миѣніе Петрушевича, повидимому, не извѣстно Р. В. Зотову). Данныя о мѣстоположеніи Болоховской земли увеличились актомъ, изданнымъ М. А. Грушевскимъ: Къ вопросу о Болоховѣ, Чтен. въ Истор. Общ. Нестора лѣтовисца, кн. VII; актъ, изданный г. Грушевскимъ, подтверждаетъ миѣніе Н. П. Дашкевича, помѣщавшаго Болоховскую землю въ верхнемъ Подольи и верхней Случи. (Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи, Труды III Археол. Съѣзда, т. II). Однако нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ названій болоховскихъ городовъ въ лѣтописи (Ии. 526: Давиль же пойма гради ихъ: Деревичи, Губинь и Кобудъ, Кудинь, Городѣцъ, Божьскій, Дьяльковъ) встрѣчаются въ Львовской землѣ: такъ въ Жидачевскомъ повѣтѣ находимъ: Bolechow Ruthenicum и Bolechow Walachicum (А. гр. XV, p. 256, 258—9).

грамотъ разнымъ лицамъ на устройсто поселеній на правѣ валашскомъ. Въ XV в. мы уже находимъ въ Гал. Руси массу валашскихъ поселеній. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Гал. Руси, какъ напр. въ земляхъ Саноцкой и Самборской, едва ли не большинство поселеній жило на правѣ валашскомъ.

Было бы однако ошибкой утверждать, что поселенія на правѣ валашскомъ были заселены исключительно одними выходцами изъ Венгрии и Трансильваніи. Валашское право, какъ и нѣмецкое, привлекало разными своими удобствами и мѣстное населеніе. До насъ дошелъ любопытный актъ, рисующій способъ образованія новыхъ поселеній на валашскомъ правѣ. Правда, актъ этотъ принадлежитъ срединѣ XVI ст., но акты XV в. доказываютъ, что и тогда основаніе валашскаго поселенія происходило тѣмъ же порядкомъ. Актъ этотъ еще важенъ тѣмъ, что говорится о такихъ обычаяхъ валашскихъ поселеній, которыя, по сознанию самого составителя, въ XVI в. только доживали свой вѣкъ, практика ихъ принадлежала слѣд. періоду болѣе раннему.

Въ примѣчаніи приводимъ весь этотъ актъ въ оригиналѣ — это сказка люстратора Самборской земли 1568 г. Вотъ сущность этой сказки:

„Такъ какъ большая часть земли Самборскаго староства лежитъ въ горахъ, гдѣ не роятся озимые хлѣба, такъ какъ зима тамъ продолжается долго, и морозы наступаютъ рано, то большая часть сель этого староства сидитъ на правѣ волошскомъ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ближайшихъ (къ замку?) поселеній, не отбываетъ барщины, такъ какъ тамъ вслѣдствіе дурного качества земли нѣтъ фольварковъ; сѣютъ они овесъ, частью

Мѣсто его точно обозначено А. гр. VII, р. 127: in districtu Leopoliensi et territorio Zydzaczowuensi post fluvium Szukyl. Губинъ находимъ въ Гал. землѣ (А. гр. XIV, р. 426: Hubył et Manastyrzka civitas cum castro). Для Деревничъ укажемъ созвучное — Darowicze, (А. гр. XIII, 3). Въ люстраціи Винницкаго староства упоминаются Болоховцы. (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. I, р. 610 ...которыя *Болоховцы* тамъ во тнхъ селящахъ уходи дають имъ отъ того по 3 або по 4 гроши, того всего приходить имъ иногда о 4 кони грошей).

С. *Болоховцы* упоминается еще А. гр. IV, р. 74 (v. Bolochowcze и Raniewiczze у р. Słonica; вѣр. теперь Bolechowcze, Bolechowicze, Bolochowcze, также Neudorf, пов. Дорогобужскаго).

Въ настоящее время есть еще с. *Bolochów* пов. Калускаго надъ р. Сивкой, притокомъ Днѣстра въ 2 м. отъ Калуши.

Bolochówka, *Bolochowica* или *Nigowska* потокъ, берущій начало у с. Bolochow, при соединеніи Сивки съ Великой.

Bolochow и Bolechow ruski (пов. Долявскій); см. Słownik geograf. Krol. Polskiego.

жито, повинности отбываютъ данью, овцами, свиньями; въ некоторыя села возятъ дерево въ лѣсопильни, уголь въ бѣлизню. всѣ же обязаны чинить замокъ и возить къ нему дрова.

Въ поселеніяхъ, лежащихъ далеко отъ замка, устройство слѣдующее: каждая крайна имѣетъ своего крайника, которому подчинены князья, въ каждомъ селѣ свой князь, которому подлежатъ крестьяне, сами уже наблюдающіе за порядками въ поселеніи. Два раза въ годъ сходятся всѣ крестьяне этихъ поселеній на вѣче (zboгу), изъ которыхъ первое бываетъ на Петра и Павла, называемое лѣтнимъ, другое въ день св. Мартына, называемое осеннимъ. Князья приносятъ слѣдующее съ нихъ чинши и платы, тамъ происходитъ и судъ и собираютъ судебныя пошлины.

На этихъ судахъ засѣдаютъ подстароста и надворный судья, туда посылаемый, а апелляція отъ этихъ судовъ идетъ къ старостѣ. Для населенія эти собранія обременительны тѣмъ, что на нихъ сгоняютъ всѣхъ, хотя бы и не имѣющихъ на вѣчахъ никакихъ дѣлъ, и бѣдняки даромъ тратятъ время. Поэтому при старостѣ Старжеховскомъ не имѣющіе дѣлъ на вѣчахъ откупались 4 грошами за право не собираться на вѣча.

Крайники получаютъ съ каждаго, имѣющаго овецъ, по сыру. Старосты назначаютъ крайниками кого-нибудь изъ князей. Князья въ королевскихъ селахъ имѣютъ обыкновенно въ свою пользу по нѣскольکو лановъ земли, панцину съ крестьянъ, коляды, коляціи, млыны, сукновальни, третью часть чиншевъ, идущихъ королю, дани съ овецъ, свиней; отъ колядъ и коляцій на Пасху и Рождество Христова иногда и отъ панцины крестьяне откупаются деньгами.

Король имѣетъ двѣ части чинша, величина котораго опредѣляется усмотрѣніемъ старосты. Придетъ крестьянинъ къ старостѣ съ просьбой дозволить ему при какой-нибудь рѣчкѣ осадить село и даетъ за это старостѣ нѣскольکو сотъ, а иногда и тысячу золотыхъ, выговаривая себѣ при этомъ извѣстную часть земли (вольную отъ чинша), третью часть чинша, млыны, коляціи и т. п. Старосты на это охотно соглашались, такъ какъ не имѣли съ такихъ пустопорожныхъ земель никакихъ доходовъ, а тутъ по истеченіи лѣтъ воли пріобрѣтали неожиданные доходы. Старосты не заглядывали далеко въ будущее, выдавали имъ отъ себя грамоты, для которыхъ они потомъ добывали подтвержденіе изъ королевской канцеляріи.

Князья получали доходы тотчасъ, такъ какъ, разбивъ землю на участки, раздавали ее крестьянамъ, получая съ каждаго по

копѣ входной платы по обычаю. Крестьяне съ этого момента считали эти участки королевской земли за купленные ими у старость и распоряжались ими, какъ своими отчинами.

Чтобы скорѣе осадить поселеніе, князья выпрашивали у старость волю крестьянамъ на неопредѣленное число дѣтъ, и хотя должны были размѣрить землю на дворища, но величина послѣднихъ не одинакова, смотря по внесенной княземъ при основаніи поселенія платѣ. Поэтому одни дворища имѣють нормальную мѣру по 16 шестилоктовыхъ прутовъ въ ширину и 7 длей въ длину, другія по 32 въ ширину, хотя въ длину еще больше первыхъ (при лучшемъ притомъ качествѣ земли), третьи по 24. Поэтому въ эпоху управления этой землей королевой Боной, туда были посланы ревизоры, которые однако не занялись переизмѣреніемъ дворищъ, а только повысили платы съ поселеній, при чемъ особенно увеличили платы тѣхъ сель, въ которыхъ счетъ идетъ не по дворищамъ, а по дымамъ. Поэтому и вышло что держащіе четверти дворищъ несправедливо платятъ больше держащихъ по половинѣ дворищ¹⁾.

1) Лут. Мерп. IV B. № 22 (inventarz pożytkow starostwa Samborskiego).Fol. 3 обор.

O wsiach woloskich, pomiarze rol w nich, kniaziazch, krainikach ich zborzech.

Jz grunth starostwa Samborskiego maxima ex parte leży u gorach gdzie oziminy nierodza, przeto iż zima długo trwa i prętko zamarza na jossien, thedy thyz więtsza częśc wsi w starostwie Samborskim iest woloskiego prawa, kothore wyiawszy niektore bliaze pol roboth powinne nieszą. Bo thez tam prze zloscz grunthu folwarkow przy nich niemasz, ieno szobie... *) arz owiesz, zytha troche a bydla, tho...**) mezi in omnibus odprawiają daninami, przy thym baranow, szwin, tramy też do pil, popiul do blechu niekthore powinne, a wszytkie poprawe zamku i drzewo do niego; w kothorych wsiach isz są od dworu daleko odlieglie then porządek iesth, kazda krainia ma swego krainika, kothoremu parent kniaziowie, kazda wiesz kniazia, kthoremu parent chlopi, kothorzy tham iuz intra porzątku dogladaia. Pothem dwa razy w rok schodza się do miastha wszysci ludzie s tych wsi na zbory, s kthorych jeden bywa o S. Pietrze, zową go iarni, drugi o S. Marczynie, zowa go iesziennem. Tam przynoszą od nich kniazie czinsze y poplathki, thamze szadzy między nimi bywiają, winy na nie wydaią y wybiraia, o kothorych winach iesth nizei. Dosthawalo się jednak thego starosthom niemalo, acz narzykali ze ye inwentowano w inwentarzach krolia Iego Mcci, a przed sie szami niekthorzy daj dwie na lęk; sziaadaia na thych sządach Podstharosci, sedzia dworowy ku themu destinatus, a appellatia idzie do starosthy, w they mierze the obciążliwosc maia ludzie, isz chociaj kthorzy nimaia spraw na sborze, przedsie wszytkie zapedzaia gdzie niebozetha thrawicz sie prozno musza, dla czego za P. Starzechowskiego dali byli raz czy czo spraw nimiely po 4 gr. aby ich niewypędzano na zbor. Krainiczy na szwoj urząd maia od kazdego czlowieka kthory owcze chowa po szerowy, usthawiaia starosthowie krainika kothorego s kniazioz.

*) Вырвано.

**) Вырвано.

Приведенная сказка люстратора XVI в. дает довольно верное, хотя только внешнее описание строя валашских поселений. Акты XV и XVI ст. дают возможность значительно пополнить эту картину и представить несколько более точных подробностей о функциях и правах князей и общин, количества повинностей, способов хозяйства и т. д. Къ своду этих данных мы теперь и обратимся¹⁾.

Kniaziowie we wsiach krolia Iego Mczi pospoliczcie maią po kilka lanow roli, robothy z ludzi, kolendy, kolacze, it. we wsiach mlyny, folusze, trzecią część od czynszow. Kr. I. Mczi, dani od baranow, szwin, thakiez kolacze the y kolędy na Wielka nocz y Boże Narodzenie odkupuią od nich liudzie pieniędzmi, thakze czassem y robothy. A krol I. M. thylko dwie części czynszow ma, czo w reste wazythko za laską Starosthow. Przyszedl chlop do Starosthy, prossil aby mu na kthorym pothoku dopuszczil wiesz szadzicz, daiacz mu kilka szeth, a czassem y thysziacz zlothyh, gdzie zaraz szobie wymawial the role, trzeczyni, mlyny, kolacze etc Starostowie niemiely przecz im bycz w them thrudni, poniewasz ze požythki s tego niemieli iscz, a po wysiedzeniu woli po lath kilkanascie kthorych doczekacz niespodziwaly się. A thak czo się upiekło tho wkroili futura niedbaiacz, na czo iem dawali szwe listhy kthorych oni pothym confirmaty w Cancellarii dosthawali.

Kniaziom szie thez the zaraz placzilo bo rozmierzywszy role w nethki oszadzczny s kazdego chlopa wzięli po kopie czo iuz iesth thak usitatam ze się o to niartarguią. Skąd chlopi iuz role the krolia I. Mczi maią za przedane szobie od kniaziov y handliuą inemi między szobą iako szwemi dziedzicznymi.

A zeby thez thym rychliej byli mogli zwabiacz liudzie, thedy u starosthow upraszali yem wolie infiniti temporis, chocia mieli wszythkie role wymierzacz na dworzysza, thedy chociaj nomina dworzysz congruunt, wielkoscz ich przed sie rozna wroszła, iako kthory na szadzeniu kniaz wiele pieniędzy dal.

Skąd urosło ze w dworzysza iedne idzie po 16 pręthow sesczi lokiethnych w szerz, wdlug 7 dlej kthora miara iesth sprawiedliwa, drugie in duplo po 32 w szerz chocia wzdłuż czassem więczy maią y chocia role lepsze, trzeci po 24. Czo wiedząc krolowa jej Mcz Bona za dzierzenia szwego wysłala była rewizory ku mierzenu, alie oni dawszy pomiarowi pokoj, przyczin zgola nakladli na wszi, a poczeth nakladly thym więczy na thakowe wszi kthore iz idą nie rōne rol ale dymow. Stalo szie iz czy czo czwierzci dzierzą w niekthorych wsiach proportione więczy placza niż czy czo poldworzysza, czo iest rzecz barzo niesluczna. Z starosth tyz niekthory protext stąd wziąwszy nad tho szila liudzi thą miarą wystrasza. A thak dobrzeby zeby szie liudzie w thym kiedy uspokoiili, a zeby szie koniecz themu kiedy sthal. Iam miał wolią the iuz szam wszythko rozmierzycz by byli szniegi dopuszczili. Bom zimie the revisiā odprawial, aczby tho y obliką thylko szama, na mieszcie odprawicz szie mogło, nieuiszaiacz possessorow rōne czego iednak postampili ultro wszi the, kthore wielką miarę po kilku zlothyh, iako kthora chciała krolowi Iego Mczi hac conditione aby od dzierzawiecz dalje hoc in genere vexouani niebyli.

¹⁾ Вся ученая литература о поселеніяхъ на валашскомъ правѣ въ Польшѣ ограничивается почти двумя трудами гр. Ал. Стадницкаго [1] О wsiachъ такъ званыхъ woloskichъ на półночнымъ stoku Karpat, Lwow 1848, и 2) О kniaztwachъ we wsiachъ

Уже Стадницкій поставилъ прямо вопросъ, какимъ по национальности населеніемъ были заселены поселенія на валашскомъ правѣ въ предѣлахъ польскаго государства, пришлымъ ли, или туземнымъ? Другими словами, было ли валашское право только обычнымъ правомъ чужого, пришлого населенія, или, имѣя финансово-экономическое значеніе, подобно праву нѣмецкому, представляло собою весьма удобную для владѣльцевъ систему сельскаго устройства, а потому, подобно праву нѣмецкому, вводилось въ села съ туземнымъ населеніемъ?

woloskich, z poglądem na wójtostwa we wsiach na Magdeburkiem prawie oszadzonych, Dod. przy Gaz. Lwowskiej, 1858], хотя первыя болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ поселеніяхъ далъ извѣстный знатокъ польскаго и литовскаго права Фад. Чацкій. Стадницкій въ первомъ своемъ трудѣ подвергнулъ основательной критикѣ положенія Чацкаго, но онъ нигдѣ въ своемъ распоряженіи довольно незначительный матеріалъ и притомъ главнымъ образомъ лишь для XVI в.

Мы имѣли въ нашемъ распоряженіи болѣе значительный и болѣе разнообразный, чѣмъ Стадницкій, матеріалъ съ XIV—XVI в. Для XIV в. данныя (правда очень скудные) заключаются въ грамотахъ на валашское право; для XV не мало, хотя и очень отрывочныхъ, данныхъ даютъ судебныя книги (замѣтимъ, что наибольшимъ объемомъ данныхъ о валашскихъ поселеніяхъ отличаются самоцкія судебныя книги, въ остальныхъ валахи и валашское право встрѣчаются лишь спорадически). Для XVI в. крайне цѣнныя данныя даютъ люстраціи, особенно земель Савоцкой и Перемиськой (Лит. Метр. IV, В., 19); но наиболѣе цѣнный матеріалъ представляетъ люстрація Самборскаго староства (Лит. Метр. IV, В., 22), заключающая кромѣ описаній отдѣльныхъ селеній и ихъ повинностей и значительное количество ерекціонныхъ на валашское право привилегій. Замѣтимъ притомъ, что люстрація Самборскаго староства по обстоятельствамъ (особенно точно обозначены вездѣ топографическія данныя) лучшая изъ всѣхъ люстрацій 2-й половины XVI в. (Люстрація эта, кажется, была извѣстна Чацкому). Для XVI и XVII в. см. еще *Regestr Złoczupczów grodu Sanockiego 1564—1688*, изд. Осв. Бальзеромъ (Львовъ 1891). Насколько мало извѣстно у насъ валашское право, видно изъ того, что даже такой почтенный и основательный ученый, какъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, р. 18), смѣшалъ валашское право съ нѣмецкимъ.

Въ XV ст. мы застаемъ валашскія поселенія въ слѣдующихъ мѣстахъ Черв. Руси: въ Савоцкой землѣ въ селеніяхъ: Одрѣхово, Шавво, Плова, Маковцы, Липпа, Бирча, Ольшаница, Лубно, Яслиска, Мишова, Пелгржимъ, Малая Стрѣлка, Загочинно, Тирава, Волоская, Мрохова, Ясеновъ, Прошекъ.

Въ Гал. землѣ: Олешье (тамъ русское и вал. право), Бичолки, Подгайцы, Марково (русское и вал. право), Рудники (нѣм. и вал. право), Подмихайли, Подгородье, Чашники, Липница, Волчанецъ, Залинень, Буковно, Хомяково.

Перем. землѣ: Манова, Брилинчи, Чале (тамъ 3 дворяна на вал. правѣ).

Львовск. землѣ: Свира, Ставно, Стратинъ (?), Езовъ, Красовъ, Манастиръ и Суходоль, Гиловъ, Сроки, Лешневцы, Мокрочинно, Дроговышъ, Симечь, Ловина, Ячвице, Тарновиска, Зельче, Тучне, Кугайовъ, Ковдратово, Стольскъ, Шорница (Зарница?), Турзница (А. гр. XI—XVI).

Стадницікій утверждаетъ, что первые насельники поселеній на валашскомъ правѣ были дѣйствительно валахами. Хотя не всѣ доказательства Стадницікаго выдерживаютъ критику, но въ основѣ мысль его совершенно правильна — *первыя* поселенія на валашскомъ правѣ дѣйствительно были заселены валахами. Доказательствъ этому много, — главные тѣ, что всѣ древнѣйшія привилегіи на валашскія поселенія даются только валахамъ, и поселенцы валашскихъ поселеній именуются прямо валахами¹⁾.

Наконецъ наибольшее количество валашскихъ поселеній сосредоточивается въ пограничныхъ съ Венгріей областяхъ. Въ болѣе отдаленныхъ отъ Венгріи мѣстностяхъ валашскія поселенія встрѣчаются только спорадически.

Съ другой стороны несомнѣнно, что въ болѣе позднее время, въ XV и XVI в., валашское право, хотя и въ значительно меньшей степени, чѣмъ право нѣмецкое, стало распространяться и на поселенія не исключительно валашскія.

Этому могла способствовать съ одной стороны внутренняя организація валашскихъ поселеній съ ея общиннымъ характеромъ, сближавшимъ валашское право съ русскимъ, а поѣтому привлекавшая и туземныхъ поселенцевъ; съ другой стороны роль князя валашскихъ поселеній, въ отношеніи къ владѣльцу, вполне соотвѣтствовала роли нѣмецкаго солтыса. Валашское право представляло собою такимъ образомъ нѣчто среднее между правомъ русскимъ и правомъ нѣмецкимъ и удовлетворяло какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ. Мы встрѣчаемъ однако случаи, когда населеніе съ валашскаго права добровольно переходило на право русское²⁾. Это опять, таки могло случиться

¹⁾ Грамота Владислава Опольскаго Ладоміру *Волошину* на с. Годле поле, А. гр. VII, р. 22 (1377 г.) «to wse dalismy Ladomirowi saditi woło u wołoskoje prawo».

1402 г. *Lasczko Walachia* продаетъ Перм. епископу свое имѣніе Блазну въ Сапоцкой землѣ (ib. р. 46).

Въ Przegl. Arch. I, р. 74 напечатана грамота Ягелла отъ 1387 г. Ивону и Бочку братьямъ *валахамъ*. Петрушевичъ замѣчаетъ, что если эта грамота и подложна, то все же она свидѣтельствуетъ о румынской колонизаціи въ Гал. Руси (румынскія названія урочищъ).

Грамота Ягелла 1391 г. Бенедикту, Стефану, Андрею и Мартыну de Laszku на с. Kolodnicza ...cum rascuis *Walachorum* (Лит. Метр. IV В. 9, р. 378).

Его же грамота 1399 *Dragnio Valacho* на с. Чолханъ (ib. р. 62).

Еще раньше упоминается Щеланъ *Волошине* Рыботяцікій (1359, А. гр. VIII, № 3), с. Волоше 1373 г. (А. гр. VII, № IX).

См. еще Miklosich. Ueber die Wanderungen der Rumänen, Wien, 1879 (Denkschrift der philos. hist. Classe der Kais. Akad. der Wiss. Bd. 30).

²⁾ А. гр. XIV, р. 413. ...Nob. Hedwigis... debet iurare cum testibus, quia homi-

лишь тогда, когда русское право было въ такихъ поселеніяхъ замѣнено валашскимъ, почему-либо не пришедшимся по вкусу населенію.

Наконецъ нѣкоторые привилегіи на валашское право прямо предусматриваютъ фактъ колонизаціи основываемаго на валашскомъ правѣ села русскими и даже поляками¹⁾.

Внутреннее устройство валашскихъ поселеній и основныя черты валашскаго *права* (права обычнаго) намъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны. XVI в., эпоха, отъ которой намъ осталось наиболѣе свѣдѣній о валашскихъ поселеніяхъ²⁾, есть уже эпоха разложенія стараго строя валашскихъ поселеній, фактъ, отмѣченный даже ревизорами 1568 г.

Собирая дошедшія до насъ немногочисленныя данныя о внутреннемъ строѣ валашскихъ поселеній, отмѣтимъ прежде всего ихъ общинный строй. Валашскія поселенія несомнѣнно имѣли какую-то общинную связь: нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*. Такихъ крайнъ мы знаемъ нѣсколько. Такъ въ Саноцкой землѣ

ves... reclinati de bona voluntate subididerunt se in ius Ruthenicum de iure Valachico et sedent ab anno in iure Ruthenico. Cf. частые споры, на какомъ правѣ сидѣлъ названный крестьянинъ, русскомъ или валашскомъ. Споръ рѣшается показаніемъ крестьянской общины. Дѣло въ томъ, что владѣльцы взымали крестьянъ очень часто съ русскаго права въ валашское, и обратно, что было противно общему постановленію, дозволяющему переходъ только съ извѣстнаго права въ такое же. Отсюда постоянные процессы. А. г. XIV, р. 86, 58, 276, 305. Часто въ одномъ и томъ же поселеніи часть населенія жила по русскому праву, часть по валашскому, но въ такихъ случаяхъ жившіе по праву валашскому, по всей вѣроятности, были валахами. См. напр. А. г. XII, р. 205 (с. Олешье), XIII, р. 203 (въ с. Цаллѣ три дворища на правѣ валашскомъ).

¹⁾ ...admittimas... villam Polawa... ex cruda radice iure Valachico extirpandi erigendi fundandi hominibusque et kmethonibus *tam polonis quam ruthenis locandi*... Stadnicki, o wsiach woloakich, р. 48.

²⁾ Стадницкій, имѣнный дѣло почти исключительно съ документами XVI в., ошибочно принимаетъ время Сигизмунда I и Сигизмунда Августа за эпоху колонизаціи валаховъ въ Польшу. Въ XVI в. дѣйствительно основана масса поселеній на валашскомъ правѣ въ староствахъ Саноцкомъ и Самборскомъ, но уже съ начала XV в. количество валашскихъ поселеній въ Саноцкой землѣ очень велико; мы уже указывали, что и въ XIV в. было основано не мало валашскихъ поселеній въ пограничныхъ съ Венгріей областяхъ. Обиліе новыхъ поселеній на валашскомъ правѣ въ XVI в. объясняется какъ заботами правительства (особенно королевы Бонны) о колонизаціи края, такъ и политическими обстоятельствами въ Венгріи и Седмиградіи въ XVI в., имѣвшими результатомъ значительную эмиграцію славянскаго населенія въ предѣлы Черв. Руси.

была уже въ XV ст. краина, такъ какъ упоминается крайникъ¹⁾. Въ началѣ XVI в. упоминается въ Саноцкой землѣ *krajnik omnium villarum iuris Valachici Capitaneatus Sanocensis*²⁾.

Нѣсколько позже мы находимъ въ этой землѣ уже нѣсколько крайнѣ: тагъ принадлежавшія Кмитѣ валашскія поселенія составляли Собненскую и Ольшаницкую крайны; королевскія имѣнія на валашскомъ правѣ въ Саноцкой землѣ составляли крайну Стрвяжскую³⁾. Въ Самборскомъ староствѣ мы застаемъ въ 1568 г. двѣ крайны: *Kraina Niestrzeczka* изъ 24 селъ и *Kraina Streiska* изъ 27 селъ.

Въ чемъ состояла связь селъ, составлявшихъ одну крайну, сказать трудно. Изъ сказки люстратора XVI в. мы узнаемъ, что всѣ селенія одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на общія вѣча, гдѣ происходилъ судъ въ присутствіи подстаросты и надворнаго судьи. Присутствіе официальныхъ чиновниковъ есть уже нововведение — правительственный контроль надъ правильностью суда. Самый же судъ происходилъ на основаніи обычая валашскаго права. Въ судебныхъ книгахъ XV вѣка земли Саноцкой сохранилось нѣсколько протоколовъ *judicii Valachorum*. Изъ нихъ можно отчасти сдѣлать заключеніе относительно состава суда и дѣлъ, подлежащихъ его разбирательству.

Въ составъ суда входятъ воевода или каштелянъ, судья или подсудокъ, крайникъ, князья валашскіе, попы и другіе представители валашскихъ общинъ⁴⁾. Засѣданія такого суда носятъ названіе *termini Valachorum, termini castrenses iure Walachorum*. Определеннаго срока для такихъ судебныхъ сессій не было. На

¹⁾ A. gr. XI, p. 199, 206, 282, 313. Онъ находился въ с. Одрѣховѣ (Odrzechowa).

²⁾ Stadnicki, o wsiach woloskich, p. 10, прим. 9. Крайникъ этотъ находился въ с. Шавно. Онъ упоминается и въ листраціи 1665 (Иванъ крайникъ) Л. М. IV В., 19 p. 40.

³⁾ Ibid. Но Саноцкая краина упоминается въ 1596 г. (Reg. zloczynczow, p. 120) Въ этомъ же собраніи документовъ упоминаются крайники — п. М. Гуменскаго (№ 29), крайникъ въ Уличѣ (№ 36), Шавнѣ (105). Крайникъ именуется иногда солтысомъ (№ 186 . . . ja jestem soltys krajnik). Быть можетъ всѣ крайны одной земли соединены были въ XIV в. подъ властью воеводы, т. е. въ актѣ 1390 г. въ числѣ свидѣтелей упоминается *Dzurgius (Юриѣ) de Stupnicza Voynoda Walachorum* (A. gr. VI, p. 4).

⁴⁾ Akta gr. XI, p. 144, 199, 361, 375.

Akta gr. XIV, p. 359 (засѣданія такого суда происходили въ неопредѣленные сроки — 1 февр., 9 апр., 3 и 28 сент., 15 июня).

Впрочемъ и у валаховъ угорскихъ судъ точно такъ же происходилъ въ присутствіи каштеляна, апелляція отъ него шла къ бану. Pič, Ulber die Abstammung der Rumänen, p. 156 пр.

нихъ рѣшались какъ дѣла, возникшія по инициативѣ града (старосты), подлежащія градскому суду (воровство, изнасилованіе), имущественныя сдѣлки князей валашскихъ, разныя претензіи членовъ одной общины къ членамъ другой. Рѣшеніе суда происходило на основаніи обычаевъ валашскаго права. Пени по валашскому обычаю взымались скотомъ (овцами).

Однако подобныя судебныя засѣданія отличались отъ указанныхъ люстраторомъ XVI в. вѣчь — въ первыхъ участвуютъ только князья и другіе представители валашскихъ общинъ, *вызванные* старостою въ судъ для постановленія рѣшеній на основаніи обычнаго валашскаго права¹⁾.

Это были *экстраординарныя* судебныя сессіи, между тѣмъ какъ люстраторъ говоритъ о нормальныхъ вѣчахъ *всѣхъ* крестьянъ валашскихъ общинъ въ опредѣленные сроки, два раза въ годъ.

¹⁾ A. gr. XI p. 170. Berylo knyaz cum tota communitate de Odrzechowa fideiuserunt coniuncta manu Hain Przepiorczicz statuere coram domino Capitaneo ab hodie per octo septimanas, si non statuerent, tunc centum marcas subintrabunt.

Ib. p. 162. ...nos Capitaneus requisivimus prima, secunda, tertia vice totam communitatem de Proszek, si contra Johannem Scoda aliquam haberent esse culpam, que esset detrimentum sui honoris. Ibidem omnes stantes recognoverunt, quia nichil sinistri contra ipsum scirent neque haberent.

Ib. p. 153. Sentenciavimus, quod comunitas de Mrochowa Zambr et Onaczko et Sain civibus Sanocensibus III mensuras tritici et I mensuram brasei, mensuram tritici pro sexagena computando, et braseum pro una media marca, solveere ad quatuor septimanas. Et dominus Hriczko de ibidem fideiussit pro solucione pena trium marcarum.

Item idem comunitas de Mrochow penam trium marcarum domino Capitaneo subintraverunt, quam eciam ds. Hriczko fideiussit sub pena trium marcarum.

Ib. p. 157. O kawalecz role inter Paulum Jassensky et Jurkonem Czeschicouicz. Si dominus Jassenski et comunitas alias *gromada* ibidem in Jassenow recognoscent, quod ad kmetonem domini Pauli ager idem *kawalecz* spectat, tunc Paulus habebit eundem, si vero non recognoscent, tunc ad dominum Jurkonem pertinebit.

Ib. p. 408. ...tota comunitas (de Jaszenow) comparendo sub iuramento debet recognoscere pro taberna ville prefate videlicet an taberna est constructa in loco comuni aut in loco Pauli Jaszensky.

Item pro agro thaberne comunitas ville prefate... sub iuramento recognoscere debet videlicet an agri nunc culti ad tabernam prefatam ab antiquo pertinent ad ipsam tabernam extunc eciam ad eandem comunem tabernam pertinebunt. Et si agri culti ad eandem tabernam sunt Johannis, extunc per eundem Johannem possidebitur (?).

Item flumen alias pothok inter Iaszonow et Bukowe decurrentes (sic) homines de Iaszonow et Bukowe debebunt transitum invenire ut aqua prefati fluminis absque dampno utriusque ville transiret et *pontem per ipsum flumen comunitas ville Iaszonow reparare debibil.*

Ср. еме ib. 398, 468.

Къ сожалѣнію, протоколовъ такихъ вѣчъ не сохранилось. Люстраторъ замѣчаетъ только, что сходки эти въ XVI в. обратились уже въ тягостную для населенія повинность, отъ которой оно откупалось деньгами.

По всей вѣроятности, на такихъ вѣчахъ рѣшались дѣла, общія для всей краины, разбирались взаимныя претензіи разныхъ общинъ, жалобы на князей и т. под.

Нѣсколько больше данныхъ сохранилось относительно компетенціи самихъ валашскихъ общинъ. Община отвѣчаетъ за своихъ сочленовъ круговою порукой, свидѣтельствуетъ о доброй нравственности сообщинниковъ, отвѣчаетъ по разнымъ претензіямъ сообща, рѣшаетъ споры о земельныхъ границахъ.

Община имѣетъ общественныя земли и распоряжается ими. Несетъ сообща извѣстныя повинности, сообща отбываетъ извѣстныя работы¹⁾.

Громада изслѣдуетъ преступленія, совершенныя въ предѣлахъ ея территоріи, преслѣдуетъ злодѣевъ, судить ихъ. Князь собираетъ громаду, посылая „знакъ“; такіе сборы происходили три раза по каждому дѣлу. Не явившійся на сборъ уже этимъ самымъ давалъ основанія заподозрить его участіе въ преступленіи. Тогда громада, если обвиняемый не могъ очистить себя отъ обвиненія, отступалась отъ него, обвиняемаго арестовывалъ князь, или крайникъ и представлялъ его въ гродскій судъ. Если же обвиняемому удалось доказать громадѣ свою невинность, то громада „стоитъ“ при своемъ сочленѣ и присягаетъ въ его невинности. Присягали, положивъ два пальца на голову обвиняемаго.

Если потерпѣвшій имѣлъ на кого-либо подозрѣніе, то давалъ солтысу четыре шеляга, а тотъ съ громадой долженъ былъ „трясти“ домъ обвиняемаго (обыскъ)²⁾.

¹⁾ Regestr zloczynców grodu Sanockiego, особенно №№ 88, 94, 129, 132, 136, 141. A. gr. XV, p. 855: Joh. Zyelonka. Minist. ter-Leop. recognovit, quia equitaverat ius affectarè isto die f. quarta cum labor. Kuszuma Popone de Suchodol super bona d. Andree Chelmiczski super homines ipsius Jvan, Jaczko, Tharas. Et idem officialis alias *knyasz* interrogatus per Ministerialem si fiet hodie ius, respondit: *debit fore, sed homines dissipati sunt.*

²⁾ Однако встрѣчаемъ случаи, когда громада постановляетъ рѣшеніе и приводитъ его въ исполненіе. Такъ ржепецкій князь жалуется «przed prawem gajnem zborowem» на Иваница изъ Прилукъ въ нанесеніи ему тяжелыхъ ранъ. По совокупности и другихъ преступленій «soltysi i prawo gajne na zborze kazali go gardłem karać, iż kto na gardło czyje zasiada i krwi czyjej pragnie, ten gardło sam karan bywa; który zatem jest tu w Sanoku ścięt na instygacyą rzepieckiego. «Reg. zlocz.» № 23.

Такимъ образомъ судебная дѣятельность громады по уголовнымъ дѣламъ состоитъ главнымъ образомъ въ изслѣдованіи преступленій, нахожденіи виновнаго и представленіи его въ судъ. Окончательный разборъ дѣла, постановленіе рѣшенія и приведеніе его въ исполненіе принадлежитъ уже городскому суду).

По люстраціи XVI ст.¹⁾ хотя поля раздѣлены на участки разной величины между отдѣльными крестьянами, и каждый вноситъ платы соразмѣрно своему участку, но тѣмъ не менѣе и вся громада платитъ огуломъ извѣстныя платы: за весенній и осенній сборы (первоначально натурой — сырами, рыбой, овцами, дичью, но въ люстраціи всѣ эти платы переведены уже на денежный чиншъ), за пустыя дворница, за поля, не раздѣленные между отдѣльными крестьянами, за откупъ отъ работы и т. д.

Все это доказываетъ, что еще въ XVI ст. община имѣетъ значительную компетенцію, распредѣляя между своими сочленами извѣстныя платы и отчасти распоряжаясь и общинной землей. Люстраторъ XVI в. замѣчаетъ, что за внутренними распоряженіями въ отдѣльныхъ селеніяхъ слѣдятъ сами крестьяне.

О роли *крайниковъ* знаемъ очень мало²⁾. Люстраторы XVI в. говорятъ лишь то, что крайникамъ подчинены князья, крайникомъ назначаетъ староста кого-либо изъ князей, и что крайники получаютъ по сыру съ cadaго, имѣющаго овецъ. Крайники засѣдаютъ въ судѣ на *iudiciis Valachorum* вмѣстѣ съ князьями и правительственными чиновниками, исполняютъ вмѣстѣ съ судебными приставами постановленія суда, участвуютъ въ опредѣленіи границъ селъ, входящихъ въ составъ ихъ крайины³⁾. Какъ

¹⁾ Люстрація Саночскаго и Самборскаго старосты Л. М. IV, В., 19 и 22.

Люстраторы обозначаютъ часто неодинаковость размѣровъ дворницъ въ разныхъ селгахъ и налагаютъ за обширныя дворница прибавочныя платы, но не распредѣляютъ ихъ на отдѣльныя дворница, а вкладывая всю сумму прибавки на громаду, которая, вѣроятно, сама уже распредѣляла ихъ между своими сочленами.

²⁾ Въ актахъ XV в. мы встрѣчаемся лишь одинъ-два раза съ крайниками.

А гр. XI р. 818. Грнцько Крайникъ вмѣстѣ съ князьями Шагна и Одрѣхова опредѣляетъ границы имѣній королевскихъ и сыновей шляхтича Матьша.

Ib. p. 848. ...Cap. Sanocensis prefixit terminum M. dno. Vexillifero cum suis hominibus... cum eiusdem domini Capitanei *Krajnik* de Odrzechowa pro agnis censualibus alias pro *dan* pro castro Sanok dandis annuatim.

³⁾ Stadnicki, O ws. wol. p. 10, вр. 9 ...Krajnik omnium villarum juris Valachici Capitaneatus Sanocensis una cum ministeriali terrestri Hajkowie de Olesowcze de Castro Sanocensi missi cum aliis multis regalibus hominibus steterunt defendentes parietem Regie Majestatis (дѣло о разграниченіи имѣній Собіеи и Гочевъ 1519 г.).

Ib. p. 56. G. Elisabetha de Pleszowicze inhaerendo decreto iudicii Vallachici

далеко простиралась ихъ власть по отношенію къ населенію крайны и князьямъ, сказать трудно на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ. Но едва ли однако крайнику принадлежало право смѣщать князей, такъ какъ во всѣхъ привиллегіяхъ на князство валашскіе князья отвѣчаютъ только передъ владѣльцемъ или старостой, подобно нѣмецкимъ солтысамъ.

Гораздо больше данныхъ имѣемъ о роли и дотации князей валашскихъ поселеній. Въ привиллегіяхъ на князство всегда точно указаны права, обязанности и доходы князя. Въ люстраціяхъ точно такъ же обстоятельно перечислены привиллегіи и доходы князей.

Люстраторъ Самборскаго Староства точно перечисляетъ дотации каждаго князя, а во введеніи, какъ мы видѣли, дѣлаетъ общій сводъ его привиллегій. Роль князя настолько сходна съ ролью нѣмецкаго солтыса, что первый очень часто именуется въ актахъ солтысомъ¹⁾.

У угорскихъ валаховъ князьями были какъ крестьяне, такъ и *pobiles*²⁾. Въ Черв. Руси первыя привиллегіи на князство выдаются точно такъ же какъ крестьянамъ, такъ и шляхтичамъ, встрѣчаемъ и поповъ въ роли князей³⁾. Въ XVI в. солтыства и князства уже стали скупаться шляхтичами и поэтому князьями очень часто появляются *pobiles*.

...petiit ut executionem decreti prefati officium faciat, ministerialem et *crainisomem* eidem iam ex nunc ad intromittendum in molendinum dicti Lechno addat.

Въ люстр. Самб. стар. (Л. М. IV, В., 22 р. 140 об.) встрѣчаемъ свидѣтельство крайника о дотации попа.

Въ люстр. Саноцк. стар. (Л. М. IV, В., 22 р. 40 об.) упоминается въ числѣ крестьянъ села Шавна Крайникъ Иванъ, несущій одинаковыя съ остальными крестьянами повинности (онъ же упоминается въ числѣ бортниковъ того же села). Крайникъ имѣетъ полицейскую власть въ предѣлахъ своей краини, арестуетъ преступниковъ, производитъ обыски, Reg. Zlocz. № 129, 136, 137. Споры между крайниками и князьями разбирались въ судѣ старосты; А. гр. XI, р. 282.

¹⁾ Въ люстраціи Саноцкаго старосты князь обыкновенно именуется солтысомъ, и его привиллегіи рѣдко обозначены. Въ описаніи одного села сказано однако, что солтысъ беретъ треть всѣхъ чиншевъ *more aliarum villarum valachicarum*.

²⁾ Рѣчь въ указанномъ сочиненіи. О валашскихъ князьяхъ существуетъ отдѣльное сочиненіе Kemenu, Knezen und Kneziate, напечатанное въ Magazin für Siebenburg. Gesch. 1846, II, но мы знаемъ его лишь по цитатамъ Пича, Гулфальви, Дулишковича.

³⁾ Stadnicki, O wsiach woloskich, привиллегія селъ Тернова высшей и низшей *nobilii Wassconi Gylnicki Poponi ritus Ruthenici*, р. 34.

А. гр. XI р. 398. Дѣло между *батькомъ* и княземъ валашскаго селенія Шавно о князствѣ.

1488 г. Nob. Chan de Kopistno obligavii *nobilii* Wlassin knedz de Macowa tres kmethones in Kopistno in decem marcis. А. гр. XIII р. 65.

Дотація князя состоитъ какъ въ земельномъ надѣлѣ, такъ и въ разныхъ доходахъ съ крестьянъ; князь получаетъ обыкновенно отъ 2—4 (иногда до 6) дворницъ или лановъ, свободныхъ отъ чинша, иногда еще дозволеніе обработать лишнее дворнице или ланъ, но съ такого участка *над ргіwіwіeіeіem* князь обыкновенно платитъ чиншъ. Въ пользованіи князя находятся и земельные куски, обшары, оставшіеся послѣ раздѣленія князства на дворница или ланы.

Князю предоставляютъ по привилегіи разныя угодья бесплатно или за извѣстный чиншъ — млыны, сукновальни, корчмы, пруды, пастбища.

Князь можетъ осадить на своей землѣ загородниковъ, платящихъ обыкновенно незначительную подать, и ремесленниковъ, чинши съ которыхъ идутъ въ его пользу.

Самую существенную часть дотаціи князя составляютъ его доходы съ крестьянъ. Князю идетъ третья часть всѣхъ крестьянскихъ чиншей, третья часть судебныхъ пошлинъ, колядки (праздничныя приношенія отъ крестьянъ два раза въ годъ — на Рождество и Пасху) и наконецъ во всѣхъ привилегіяхъ — панщина съ каждаго лана отъ 2—6 дней въ годъ въ рабочую пору (жатва и косьба).

Повинности князя состоятъ прежде всего въ военной службѣ, лично имъ отбываемой, иногда самъ другъ.

Князь не вполне свободенъ и отъ денежныхъ платъ въ пользу владѣльца — онъ платитъ съ земли, которую имѣетъ *над ргіwіwіeіeіem*, за сыры двухъ вѣчъ (почты, поклоны сборовые) стацію, нерѣдко за пользованіе разными угодьями.

Князь имѣетъ внутри громады административно-полицейскую власть. Онъ распоряжается рабочей силой громады (*Reg. Złocz. № 129*), созываетъ громаду по разнымъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ вѣдѣнія общины, арестуетъ преступниковъ, производитъ обыски въ домахъ подозрѣваемыхъ и т. д. (*ib. № 89, 23; Akta г. XV, р. 355*).

Какъ и нѣмецкія солтыства, князства или продавались владѣльцами князьямъ, или давались имъ безвозмездно за разныя услуги или просто съ цѣлью получить доходы съ пустыющей земли.

Князства давались обыкновенно въ наслѣдственную собственность. Князь могъ продать свое князство, промѣнять его, дарить, вообще отчуждать всевозможными способами съ согласія владѣльца.

Съ нашей точки зрѣнія князства представляютъ собою только право пользования извѣстной частью доходовъ съ земли, отвѣденной подъ новооснованное или новоустроенное поселеніе — князь не собственникъ, а лишь usufructor своего князства. Но князья считали себя однако собственниками своихъ участковъ, продавая отдѣльныя дворща и ихъ части крестьянамъ. Послѣдніе точно такъ же считаютъ купленные у князей участки своей полной собственностью и поэтому свободно ими распоряжаются.

Изъ перечисленныхъ нами правъ и обязанностей князя ясно сходство его роли съ ролью нѣмецкаго солтыса. Поэтому-то, какъ мы уже говорили, князь очень часто и называется солтысомъ въ актахъ. Стадницкій указываетъ на нѣкоторыя отличія правъ князя и солтыса — треть чиншей первому въ отличіе отъ шестой части втораго, колядки въ пользу князя¹⁾. Но разумѣется эти отличія не существенны, онѣ имѣютъ значеніе лишь для опредѣленія права, на которомъ сидитъ извѣстное поселеніе, если въ люстраціи упоминается солтысъ, и не обозначено право, на какомъ живетъ поселеніе.

Мы думаемъ, что главное отличіе солтысовъ отъ князей заключается не въ ихъ отношеніяхъ къ владѣльцу (они тождественны), не въ количествѣ идущихъ обоимъ платъ и повинностей съ населенія, а главнымъ образомъ въ роли того и другаго въ отношеніи населенія. Значеніе князя въ отношеніи населенія князства, кажется, ниже роли солтыса въ нѣмецкихъ поселеніяхъ. Солтысъ знаетъ только своего пана, ему одному подчиненъ, имъ лишь судится. Князь кромѣ власти владѣльца подчиненъ еще (въ какой степени — мы не могли опредѣлить) власти крайника и отвѣчаетъ не только передъ судомъ владѣльца, но и передъ судомъ вѣча всей страны. Наконецъ сама валашская община имѣла повидимому гораздо большую компетенцію, чѣмъ община нѣмецкая. Люстраторы замѣчаютъ, что за внутренними порядками въ общинѣ наблюдаютъ сами крестьяне. Въ общинѣ нѣмецкой солтысъ является предсѣдателемъ суда выборныхъ (*jugati, scabini*), въ валашскихъ поселеніяхъ судъ, повидимому, производился всей общиной (представительства не знало древнеславянское вѣче).

Крестьяне валашскихъ общинъ сидятъ на отмѣренныхъ земельныя участкахъ, дворщахъ, величина которыхъ не вездѣ

¹⁾ Стадницкій впрочемъ и здѣсь не совсѣмъ правъ; не всегда князь получаетъ третью часть чиншей, иногда и шестую; см. напр. въ описаніи с. Шавво Самоцкой земли (Л. М. IV В. 19, р. 40 об. ... *exclusa parte sexta sculteti*).

однако одинакова ¹⁾. Форма владѣнія дворищами и здѣсь семейно-общинная ²⁾).

Въ XV ст. семейно-общинная форма владѣнія дворищами еще преобладала, такъ какъ поселенцы валашскихъ общинъ сидятъ главнымъ образомъ на дворищахъ и полудворищахъ. Но въ люстраціяхъ XVI в. мы замѣчаемъ уже разложеніе этой формы: дробленіе дворищъ идетъ далеко; крестьянъ на цѣлыхъ дворищахъ уже сравнительно мало, большинство сидитъ на полудворищахъ, четвертяхъ и еще болѣе мелкихъ участкахъ. Повинности раскладываются уже на отдѣльныя части дворищъ, на отдѣльные дымы ³⁾. Даже подсѣдки и загородники платятъ подымное, хотя первые обыкновенно и не имѣютъ своихъ полей ⁴⁾.

Характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія валаховъ — скотоводства. Всѣ главныя повинности уплачивались баранами, свињями, волами, сыромъ, разнаго сорта дичью (серны, зайцы). Въ XVI в. эти повинности переведены уже на деньги, но наименованіе повинностей осталось (*patraga, za zagne, za wolu, szag*). Въ Самборскомъ староствѣ съ каждаго дворища платили

¹⁾ Не только въ разныхъ общинахъ, но и въ одной и той же общинѣ дворища бывали неодинаковой величины. Такъ напр. въ одномъ селѣ Самб. стар. кметы считали неодинаково, какъ было за земляхъ, и мѣры определенной вѣтъ. Въ другомъ мѣра дворищъ неодинакова по 12 и 16 претомъ. Л. М. IV В. 22.

²⁾ А. гр. XI, р. 361. *Hrisz Zinkowicz de Odrzechowa recognovit, quia habet in bonis suis cum fratribus indivisus ducentas oves, quinque peccora cornuta, videlicet duos bowes et duas vaccas et Jalowicza et viginti scrofas, de quibus bonis debet domino Capitaneo dare partem fratris Clementis videlicet quartam partem bonorum quescunque habet.*

Drogosch Dzeszathnik de Odrzechowa habet triginta oves cum fratre suo indivisus, quarum owium domino Capitaneo medietatem, hoc est partem fratris sui, debet dare. Hrisz Zincowicz de Odrzechowa habet in bonis cum matre et duobus fratribus indivisus ducentas oves, quinque peccora cornuta videlicet duos bowes et duas vaccas et Jalowicza et viginti scrofas, equum et fruges in oreo. De quibus bonis domino Capitaneo debet dare quartam partem, hoc est partem Clementis fratris sui.

³⁾ Люстр. Самб. стар. IV В. 22 р. Людей 45, дымовъ 46, дворищъ 83¼ и 16 претомъ. Двое платятъ за два подыма, такъ какъ прикупили къ своимъ полудворищамъ еще воудворище, на которомъ были подыма. Въ другомъ селѣ за овесъ, воловъ, козладу платятъ не съ розей, а съ дыма.

⁴⁾ Что подсѣдки имѣли свои дымы, видно изъ описанія одного села, гдѣ подсѣдки съ дымами отошли къ имѣнію шляхтича Оржеховскаго. Въ с. Винникахъ 6 рольниковъ а 7 дымовъ (7-е очевидно принадлежитъ подсѣдку, т. е. съ него плата только 2 гр., т.-е. одно подымное).

Подсѣдками часто являются сыновья при отцѣ, братья при братьяхъ.

за 4 барановъ 26 гр., за откупъ отъ панщины одинъ зл. 18 гр., за ягнятъ, сыръ, роргаъ 5 гр. и подымнаго по 2 гр. Эта общаѣ цыфра за вычетомъ подымнаго уменьшалась, смотря по величинѣ участка. Подымное (2 гр.) вѣзмалось полностью со всѣхъ. Итого въ большинствѣ случаевъ съ дворяца по 2 зл. 21 гр. Кромѣ того, вся община (громада) складывается для общихъ платъ.

Исторія сельскихъ и городскихъ общинъ на *нѣмецкомъ правѣ* въ Польшѣ значительно уяснена трудами русскихъ и польскихъ ученыхъ¹⁾. Хорошія и дурныя стороны нѣмецкаго права довольно вѣрно намѣчены уже въ общихъ чертахъ.

Нѣмецкое право, какъ и право валашское, „было въ Польшѣ сначала правомъ колоніальнымъ, но потомъ оно распространилось не столько черезъ колонизацію, сколько чрезъ усвоеніе нѣмецкаго права польскими деревнями и городами, и стало отечественнымъ польскимъ правомъ“²⁾.

Причины необычайно быстро распространенія нѣмецкаго права въ Польшѣ заключаются главнымъ образомъ въ тѣхъ финансовыхъ выгодахъ, которыя оно приносило землевладѣльцамъ. Картину этихъ выгодъ въ такихъ словахъ рисуетъ одинъ изъ выдающихся польскихъ ученыхъ³⁾: „удалось шляхтичу получить привиллегію на устройство поселенія на правѣ нѣмецкомъ, и вотъ является устроитель поселенія (Zasadzca), покупающій вмѣстѣ съ тѣмъ за нѣсколько гривень, или даже нѣсколько десятковъ гривень, солтыство у владѣльца. Вотъ уже первый значительный доходъ владѣльца. Одновременно съ этимъ составляется и договоръ владѣльца съ солтысомъ, въ которомъ обозначены

¹⁾ Лучшій трудъ по этому вопросу принадлежитъ М. Ф. Владимірскому-Будалову (Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. С.-Пб. 1868). Рецензія на этотъ трудъ принадлежитъ А. И. Павяискому (Отчетъ отъ тринадцатомъ присужденіи наградъ гр. Узарова, С.-Пб. 1872).

Изъ трудовъ польскихъ ученыхъ отиѣтны соч. М. Бобржинскаго (O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku krakowskim, Rozprawy i sprawozdania Wydz. hist. filoz. Akad. umiejętności. Krak. 1875. и отдѣльно). Fr. Piekosinski, o sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce (Rozpr. i spraw. wydz. hist. filoz. Akad. umiejętności. т. 18). Статья L. L. O Sołtyzach w Polsce (Bibl. Warsz. 1843). R. Roeppele, Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reichs. См. еще Казелина, Юридическій бытъ Силезіи и Лужицы и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ (П. собр. соч. т. 2). Siegf. Hüppe, Verfassung der Republik Polen. Berlin 1867., p. 169—211. См. еще упомянутыя выше статьи Руммера, о солтысахъ въ Великой Польшѣ и статью О. Бальзера, Reformy społeczne i polityczne konstytucji trzeciego maja. Krak. 1891.

²⁾ Нѣм. право въ Литвѣ и Польшѣ, p. 3—5.

³⁾ Fr. Piekosinski, l. c. p. 7, см. также Нѣм. право въ Л. и П. p. 17—18.

условія поселенія, количество лановъ, назначенныхъ для него, права и обязанности солтыса, права и обязанности будущихъ поселенцевъ, устройство суда, способъ взиманія десятины и ея размѣръ... Затѣмъ наступаетъ вымѣръ лановъ, отведенныхъ подъ новое поселеніе. Извѣстное число лановъ отводится въ бесплатное пользованіе солтыса, нѣсколько лановъ подъ общій выгонъ (скотница), нѣсколько лановъ подъ церковь. Остальные ланы составляютъ надѣлъ будущихъ поселенцевъ. Около половины XIV ст. чиншъ съ лана равнялся 12—24 гроша, денежная десятина отъ половины до $\frac{2}{3}$, чинша, чаще всего 12 гр. (*ferto*). Но такъ какъ земли, отведенныя подъ новое поселеніе, требовали часто значительнаго труда, прежде чѣмъ могли давать доходъ поселенцу (напр. корчеванія), то поселенцамъ обыкновенно давалось извѣстное число лѣтъ „воли“, свободныхъ отъ всякихъ платъ въ пользу владѣльца или солтыса.

Извѣстное количество небольшихъ земельныхъ участковъ (загородъ) отводится еще ремесленникамъ (пекарямъ, шевцамъ, ковалямъ).

Солтысъ судитъ населеніе вмѣстѣ съ семью выборными лавниками на основаніи нормъ нѣмецкаго права. Съ такого суда, въ пользу солтыса идетъ треть судебныхъ сборовъ. Но кромѣ того въ его пользу идетъ шестая доля всѣхъ крестьянскихъ чиншей, доходы съ лавокъ, мельницъ, прудовъ, иногда еще съ бортныхъ угодій, право охоты въ лѣсахъ и т. д. За все это солтысъ обязывается, смотря по размѣрамъ солтыства, сопровождать пана, въ походахъ самолично, или съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ на его счетъ ратниковъ, ѣздить по порученіямъ пана, и т. п.

Такимъ образомъ съ устройствомъ поселенія на нѣмецкомъ правѣ выигрывалъ прежде всего владѣлецъ, получавшій съ пустовавшихъ дотолѣ участковъ разнообразныя доходы, а въ лицѣ солтыса приобрѣтавшій важнаго въ разныхъ отношеніяхъ помощника. Если въ локаціонной привилегіи были обозначены дни крестьянской барщины, то владѣлецъ, обрабатывавшій до того лишь небольшіе участки съ помощью дворовой челяди, могъ теперь расширить свое фольварочное хозяйство.

Выигрывалъ съ нѣмецкимъ правомъ и крестьянинъ. Съ своего лана онъ платилъ лишь чиншъ владѣльцу, церковную десятину, небольшую государственную подать (съ 1374 въ размѣрѣ 2 грошей съ лана), складывался съ своими сосѣдями на два обѣда въ пользу пана или его урядника, пріѣзжавшаго на такъ называемый *iudicia magna*, и иногда отбывалъ нѣсколько дней въ году

барщину въ пользу владѣльца. Судъ былъ на мѣстѣ; крестьянина не влчили въ градъ, не обирали градскіе урядники; его судилъ солтысъ съ выборными сосѣдами; въ такомъ судѣ никому не было интереса притѣснять крестьянина, такъ какъ и солтысъ и владѣлецъ, были заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне оставались на мѣстѣ, а не покидали вслѣдствіе притѣсненій своихъ лановъ.

Положеніе солтыса, какъ въ матеріальномъ, такъ и общественномъ отношеніи, было весьма заманчиво. Солтысъ имѣлъ разнообразныя, и иногда значительныя, доходы съ своего солтыства и, благодаря исполненію воинскихъ обязанностей, пользовался привилегированнымъ положеніемъ въ обществѣ: за голову солтыса платилась большая вира, чѣмъ за голову кмета.

Наконецъ отъ нѣмецкаго права получали выгоды и тѣ, кто ничѣмъ, или очень малымъ, участвовали въ основаніи такихъ поселеній — государство и церковь. Церковь пріобрѣтала значительный доходъ въ церковной десятинѣ съ пустовавшихъ дотогѣ участковъ.

Государство точно такъ же выигрывало въ отношеніи экономическомъ, получая доходы какъ отъ новоразработанныхъ участковъ, такъ и отъ промысловъ и торговли въ городахъ, развившихся значительно съ нѣмецкимъ правомъ.

Наконецъ поселенцы на правѣ нѣмецкомъ, менѣ стѣсненные въ своей дѣятельности, чѣмъ крестьяне, сидѣвшіе на правѣ польскомъ, имѣли данныя для большаго развитія въ отношеніяхъ умственномъ и общественномъ¹⁾.

Таковы свѣтлыя стороны нѣмецкаго права, весьма удачно, по нашему мнѣнію, отмѣченныя польскимъ ученымъ.

Обратную сторону медали рисуетъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Уважаемый ученый пришелъ въ этомъ трудѣ къ слѣд. выводамъ: „Нѣмецкое право ослабило княжескую власть, сообщивъ княжескія права землевладѣльцамъ и землевладѣльческія права княжескимъ чиновникамъ, а именно: а) нѣмецкое право отняло у князей финансовыя права и право на повинности, и б) отняло у князей судебную и административную власть, передавъ ее сначала войтамъ, потомъ землевладѣльцамъ, старостамъ и общинамъ.

1) Мы передали лишь въ краткихъ словахъ содержаніе изложенія г. Пѣвоснискаго; выбиралъ изъ этого изложенія главнымъ образомъ тѣ общія черты, какія мы сами пріобрѣли по актамъ.

Нѣмецкое право водворило новыя юридическія и экономическія отношенія между землевладѣльцами и крестьянами: а) лишило крестьянскую общину самостоятельнаго управленія и суда, б) введеніемъ частнаго хозяйства понизило положеніе свободныхъ поселенцевъ сначала до положенія прикрѣпленныхъ къ землѣ цензуаловъ, а потомъ до положенія крѣпостныхъ, въ смыслѣ позднѣйшаго крѣпостнаго права¹⁾.

Мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности, подробно разбирать здѣсь выводы почтеннаго ученаго. Замѣтимъ однако, что принять ихъ возможно только съ извѣстными ограниченіями: 1) нѣмецкое право, какъ уже замѣчено рецензентомъ труда М. Ф.²⁾, не было единственною причиною ослабленія княжеской власти въ Польшѣ. Нѣмецкое право было въ этомъ отношеніи только факторомъ въ ряду другихъ причинъ, лишившихъ княжескую власть ея прежняго значенія³⁾.

Точно такъ же не одно нѣм. право понизило положеніе крестьянскаго сословія; закрѣпощеніе низшихъ слоевъ общества зависѣло въ Польшѣ отъ многихъ причинъ, а прежде всего (на что указываетъ впрочемъ и самъ авторъ) отъ способа отправленія военной повинности, принятаго въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что нѣмецкое право представляло весьма удобную форму для развитія зависимыхъ отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу.

Первыя попытки введенія нѣмецкаго права въ поселенія Черв. Руси принадлежатъ послѣднему князю всей Малороссіи Юрію Болеславу. Отъ его времени сохранилась впрочемъ всего одна грамота на нѣмецкое право городу Санюку. Въ числѣ свидѣтелей упоминаются войты de Bahna, de Varsov, de Sywicz⁴⁾.

¹⁾ l. c. p. 299. Выводы автора по отношенію къ значенію нѣм. пр. въ исторіи городовъ Рѣчи Посполитой будутъ изложены въ 3-й главѣ.

²⁾ См. указанную рецензію А. И. Павнискаго.

³⁾ Освобожденіе отъ право суда надъ крестьянами давалось духовенству и свѣтскимъ лицамъ и помимо нѣм. права, см. напр. А. гр. II № 2. Проф. Владимірскій-Будановъ дѣлаетъ, правда, важное замѣчаніе, что кромѣ болѣе широкаго объема привилегій, грамоты на нѣм. право тѣмъ существенно отличаются отъ жалованныхъ, что первыя мало-по-малу обращаются въ право, вторыя же составляютъ исключеніе изъ права (р. 23). Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ большія основанія думать, что привилегіи шляхтѣ и духовенству и помимо нѣм. права имѣли наклонность обратиться въ норму.

⁴⁾ Напечатана у Ренцеля: Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts; p. 281. Подлинность грамоты подтверждается судебнымъ дѣломъ, сохранившимся въ Санюцкихъ судебныхъ книгахъ подлѣ 1439 г. (Akta gr. XI, p. 161). Въ спорѣ о Санюцкомъ

Впрочемъ едва ли можно думать о сколько-нибудь широкомъ распространеніи нѣмецкаго права при этомъ князѣ.

Болѣе значительное распространеніе въ Гал. Руси получаетъ нѣмецкое право со времени польскаго владычества. Казимиръ вводитъ нѣмецкое право во многихъ городахъ (Львовъ, Саноукъ, Яслиска, Кросно) и селахъ (Ровно, Чергова, Грицова воля, Близна, Вишня¹⁾).

При преемникахъ Казимира нѣмецкое право широкой волной распространяется съ запада на востокъ. Однако, не имѣя возможности дать точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ поселеній на нѣмецкомъ правѣ въ Гал. Руси къ концу XV в.²⁾,

войтовствѣ между Петромъ, саноцкимъ войтомъ, и вдовой Пелки Юрговицкаго, первый, по рѣшенію суда, долженъ представить *privilegium domini ducis Georgii per dominum regem confirmatum*. Однако въ грамотѣ Казимира Саноку на право нѣмецкое нѣтъ упоминанія о грамотѣ Юрія (А. гр. III, № 15, отъ 1366 г.).

Нѣмцы по городамъ появляются впрочемъ въ Гал. Руси значительно раньше времени Болеслава-Юрія; ихъ застаемъ тамъ во времена Данила; основавъ Холмъ, Данилъ признавалъ туда «прихожаѣ, Нѣмци и Русь, ивоязычники и Ляхи» (Ип. 558); назначенный наслѣдникомъ Владимира Васильковича, Мстиславъ «соши бояри Володимерскія брата своего и мѣстичѣ Русци и Нѣмци, и повелѣи зерело всеми чести грамоту братну...» *ib.* p. 596. Смерть Владимира Васильковича описывали «Нѣмци и Сурожцѣ и Новгородци и Жидове» (*ib.* p. 605). Нѣмцы по городамъ вѣроятно составляли отдѣльную общину, имѣвшую самоуправленіе и своего войта. На это указываетъ грамота Казимира 1352 г. дѣтамъ «*condam Matthie bone memorie advocati Lemburgensis*»; король подтверждаетъ имъ владѣніе землей, пожалованной дѣду ихъ, Бертольдъ, «*colum advocato Lemburgensi*» княземъ Львомъ (А. гр. II, № 1). Между тѣмъ ни въ грамотѣ Казимиру Львову на нѣмецкое право, ни въ его же грамотѣ Саноку нѣтъ упоминанія о существованіи въ этихъ городахъ нѣмецкаго права до того. Это обстоятельство мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что Левъ и Юрій-Болеславъ дали право самоуправленія только нѣмецкимъ общинамъ Льва и Санока, между тѣмъ какъ Казимиръ распространилъ нѣмецкое устройство на всю городскую общину этихъ городовъ.

¹⁾ См. А. гр. VIII, № 1, 2, 4, 6, 7, 8. *Cod. dipl. Pol. min.* III, № 812.

²⁾ Въ общихъ чертахъ движеніе, если не нѣмецкой колонизаціи, то основаній поселеній на правѣ нѣмецкомъ рассмотрѣно въ указанной выше статьѣ Реншеля; но этотъ ученый пользовался главнымъ образомъ данными, собранными въ соч. *Starożytna Polska* Балнискаго и Липнискаго. Со времени выхода этого труда (1843—46) количество данныхъ для рѣшенія этого вопроса претерпѣло значительно увеличеніе (рядъ актовъ въ *Akta grodzkie*, матеріалъ, собранный въ изданіи *Słownik geograficzny Król. Polskiego*, новое, дополненное изданіе *Starożytna Polska*, 1885 г. и пр.), но для статистическихъ выкладокъ этого матеріала все же недостаточно. Впрочемъ нѣкоторые выводы мы можемъ сдѣлать изъ иллюстрацій королевскихъ земель XVI в. (разумѣется, однако, что выводы эти имѣютъ лишь значеніе для однихъ королевскихъ земель). Въ королевскихъ земляхъ Саноцкаго и Самборскаго староства преобладаютъ поселенія на правѣ валашскомъ; такъ въ Самборскомъ стар. болѣе 60 поселеній на правѣ валашскомъ, и только 6 на правѣ нѣмецкомъ. Въ землѣ Львовской

и оставляя въ сторонѣ многіе вопросы въ исторіи нѣмецкаго права въ Гал. Руси, ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями, сдѣланными нами при изученіи находившагося у насъ матеріала:

1) Въ поселеніяхъ на нѣмецкомъ правѣ въ Гал. Руси преобладаетъ форма устройства по магдебургскому праву.

2) Нѣмецкое право чаще вводится въ ново-основанныя поселенія, чѣмъ въ поселенія старыя, живущія на правѣ русскомъ или валашскомъ.

3) При Ягеллѣ нѣмецкое право дается нерѣдко только католикамъ, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же поселеніи нерѣдко часть населенія пользовалась правомъ нѣмецкимъ, а другая часть русскимъ или валашскимъ¹⁾.

4) Русское населеніе старыхъ поселеній неохотно принимало новое устройство на чужомъ правѣ, возставая иногда противъ попытокъ землевладѣльцевъ перевести его съ права русскаго на право нѣмецкое²⁾.

5) Наибольшее распространеніе имѣетъ нѣмецкое право въ центральныхъ областяхъ Черв. Руси — земляхъ Львовской и Перемышльской; оно ослабѣваетъ въ направленіяхъ къ востоку и юго-западу отъ этихъ земель.

6) Послѣдній фактъ можетъ быть объясненъ большимъ стремленіемъ шляхетскаго сословія въ центральныя, наиболѣе выгодныя въ экономическомъ отношеніи, части Черв. Руси, а соотвѣтственно этому и болѣе частымъ обмѣномъ земельной собственности въ этихъ земляхъ.

7) Развитіе фольварочнаго хозяйства находится въ значительномъ соотвѣтствіи съ развитіемъ нѣмецкаго права³⁾.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи крестьянства является вопросъ о правѣ крестьянъ на владѣніе землею. Вла-

на 47 поселеній — нѣмецкихъ 7, въ Галицкомъ стар. на 40 сляшвомъ поселеній одно на правѣ нѣмецкомъ, 6 на правѣ валашскомъ. Въ Теребовльскомъ стар. нѣтъ поселеній на правѣ нѣмецкомъ.

¹⁾ А. гр. II. № 33 — только поляки, нѣмцы и католики будутъ пользоваться нѣмецкимъ правомъ; то же № 20. IX, № 15 (схизматики не пользуются нѣмецкимъ правомъ). Подобное ограниченіе встрѣчается въ эрекціонныхъ грамотахъ нѣкннхъ королевскихъ, духовныхъ и частновладѣльческихъ.

²⁾ См. выше, р. 159, пр. 4.

³⁾ cf. А. гр. XIV, р. 186 и 188 жалобу крестьянъ им. Ставчанъ на архіепископа — *facisti allodia de nostris curiis et agris et locasti obpociales nos ad jus Theutonicum.*

дѣли ли крестьяне землю на правѣ собственности, или представляли собою только наследственных чиншевиковъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ и за пользованіе ею отбывавшихъ разнаго рода повинности?

Рѣшить этотъ вопросъ для времени княжескаго періода весьма трудно. Однако мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что масса крестьянская до XIV в. владѣла землею на правѣ личной или общинной собственности, въ послѣднемъ случаѣ конечно съ тѣми ограниченіями, какія вытекали изъ общиннаго (семейно-общиннаго или территориально-общиннаго) землевладѣнія.

Вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи сильно запутывается съ XIV ст., со времени перехода Черв. Руси подъ власть Польши. Юридическимъ владѣльцемъ всей земельной территоріи является теперь король. Къ нему отходятъ всѣ, какъ общинныя, такъ и частныя земли. Мы видимъ однако, что король утверждаетъ многихъ старыхъ землевладѣльцевъ въ правѣ собственности на землю, придавая лишь этому утвержденію характеръ новаго пожалованія. Раздаются массами земли на разныхъ правахъ — полной собственности, владѣнія доживотнаго, записи за долгъ, держанія и т. д. — разнымъ новымъ владѣльцамъ. Городскія общины точно такъ же утверждаются въ земельномъ владѣніи, или получаютъ новые участки въ общинное владѣніе.

Приведенные въ первой главѣ факты доказываютъ, что многіе мелкіе землевладѣльцы утверждались въ своемъ земельномъ владѣніи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда права ихъ на шляхетство были весьма сомнительны.

Многіе факты доказываютъ, что крестьяне не только въ XV, но даже въ XVI в. считали обрабатываемые ими участки своею полною собственностью и на такомъ правѣ ими распоряжались¹⁾.

¹⁾ Крестьянинъ продаетъ nobili свое поле (A. gr. XI p. 271. Hrin piscator de Ulicz recognovit quia illum agrum et *dworzisko*, quem in villa Iablonycza apud dominum Chrapek pro quatuor marcis minus uno fertone comparaverat, hunc agrum cum *dworzisko* in Iablonycza sito viceversa nobili Stanislao Stroski pro quatuor marcis minus uno fertone eciam vendidit et venundavit.

ib. p. 436. Laboriosus Clisch kmetho de Costirowicze agrum suum proprium, in quo Trubka a temporibus longinquis residebat, ibidem in Costirowicze situm, videlicet unum laneum vendidit provido Alberto, al. Spakowicz...

A. gr. XII, p. 276. Iohannes kmetho dictus Koczik de Pawlowoszolo citavit. gr. Ioh. de Rudolowicze pro eo, quia tenetur decem marcas pro agro, quem apud ipsum emit in Rozanyathow...

Иллюстраторъ Самб. стар. XVI в. замѣчаетъ, что крестьяне валашскихъ поселеній, улаживъ князю кону грошей «iuz rolie the krolia I. M. maią za przedane szo-

Обильная раздача земель шляхтѣ въ XIV—XV вв. сама по себѣ не разрушила крестьянскаго землевладѣнія. Мы не встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ пожалованіяхъ дачи земли съ крестьянами: исключеніе составляло пожалованіе земли, заселеной рабами или несвободными¹⁾. Шляхтѣ давались преимущественно пустоши, земли для основанія новыхъ поселеній.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что широкое развитіе шляхетскаго землевладѣнія болѣе всего способствовало разрушенію землевладѣнія крестьянскаго.

Мотивомъ широкой раздачи земель шляхтѣ выставляется обыкновенно defectus hominum in terra Russiae (а также иногда и defensio terrae), мотивомъ надѣленія поселенія нѣмецкимъ правомъ — ut eo citius loca deserta collocari possint. Но и помимо желанія правительства заселить пустовавшіе участки, того же требовалъ и интересъ новаго владѣльца. Мы видѣли, что главное средство для приманки населенія въ ново-основанныя или пустовавшія старыя поселенія были, кромѣ нѣмецкаго права, — воля, льготы отъ повинностей года. Оставивъ, продавъ, переступивъ или осадивъ свои наследственные *собственные* участки, крестьяне массами переходили на волю. Но здѣсь положеніе ихъ имѣнилось существеннымъ образомъ, хотя печальныя послѣдствія такого переселенія сказались и не сейчасъ.

Крестьянинъ на старомъ мѣстѣ владѣлъ землею въ собственности, здѣсь онъ былъ въ сущности *только чиншевикомъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ*.

Замѣчательнъ однако тотъ фактъ, что крестьяне и новые участки считали своей собственностью и точно такъ же распоряжались ими на первыхъ порахъ. Владѣльцы точно также не препятствовали на первыхъ порахъ крестьянамъ въ такомъ пониманіи ихъ правъ: вопросъ этотъ на первыхъ порахъ былъ для шляхтичей безразличенъ: они не вмѣшивались въ отношенія крестьянъ между собою, лишь бы съ участка крестьянскаго продолжала итти въ ихъ пользу прежняя плата. Продать или вообще отчуждать участокъ крестьянинъ не могъ только шляхтичу, ибо въ послѣднемъ случаѣ земли обѣялась, но крестьянскіе участки постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки — отъ

bie od kniaziov u handliuż inemi między szobą iako szwemi dziedzicznymi (Л. М. IV B. 22. f. 3 об.).

¹⁾ Въ 1438 г. Ягелло даетъ Львовской капитулѣ вѣнаіе cum servitoribus nostri illiberis ibi morantibus (A. gr. II, № 58).

A. gr. XII, p. 188... *Ordinczy per dom Regem dati ad ecclesiam.*

крестьянъ къ крестьянамъ, или мѣщанамъ. Къ этому ограниченію права собственности присоединилось еще другое: крестьянинъ могъ продать свой участокъ только съ согласія пана и только лицу, способному отправлять лежавшія на участкѣ повинности.

Распоряжаясь, хотя и съ извѣстными ограниченіями, своими участками, крестьяне однако вовсе не имѣли юридическихъ правъ собственности на свои земли, владѣніе ихъ имѣло лишь внѣшній видъ ограниченнаго права собственности, но не было обеспечено никакимъ юридическимъ актомъ, и въ сущности представляло только право наследственнаго пользованія. Въ этомъ отношеніи крестьянское землевладѣніе совершенно соответствовало землевладѣнію солтысовъ и раздѣлило одинаковую съ нимъ судьбу. Извѣстно, что солтыство было лишь наследственнымъ правомъ пользованія, а не правомъ собственности. Право это было, правда, всегда обеспечено юридическимъ актомъ, но тѣмъ не менѣе шляхтѣ удалось впоследствии выкупить, или прямо отнять солтыства у нешляхтичей.

Еще легче было для шляхтича отобрать землю у крестьянина. Послѣдній не имѣлъ никакихъ юридическихъ правъ на свою землю, и мы встрѣчаемъ еще въ XV в. случаи, когда крестьянскіе участки отбираются землевладѣльцемъ подъ фольварки¹⁾.

И въ Черв. Руси, какъ и въ другихъ частяхъ юго-западной Руси, наиболѣе распространенной формой землевладѣнія до введенія нѣмецкаго права было владѣніе *дворищами*²⁾.

Подъ дворичемъ разумѣлась извѣстная земельная хозяйственная единица, въ которую входили пахатныя земли, луга, лѣса и разныя угодыя³⁾. Представляя собою земельную хозяйственную единицу одного лица, одной семьи (простой или сложной), двориче естественно не могло имѣть первоначально опредѣленной мѣры. Лишь впоследствии, съ распространеніемъ нѣмец-

¹⁾ См. выше, р. 159, пр. 4.

²⁾ Дворище, дворичко (dworziszcze, dworzisko), въ латинскихъ актахъ именуется обыкновенно curia, area, иногда domus (А. гр. XIII, р. 145. Margaretha dedit tres domos al. dworzyska, unum vacuum et duo cum kmethonibus...) ager (cum agro dicto dworzisko, А. гр. XIII, р. 831), villa (А. гр. XIV, р. 373). Дворища мы встрѣчаемъ повсемѣстно въ Черв. Руси въ самыхъ раннихъ актахъ.

³⁾ О владѣніи дворичами въ областяхъ Литовскаго-Русскаго государства см. статью М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ Киевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, Киевъ 1892. См. также статью проф. Лучицкаго въ Юридич. Вѣстн. 1891 г. и статью А. Я. Ефименко, Русск. Мысль, 1892 г., № 4 и 5 (Дворищное землевладѣніе въ южной Руси).

Акта гр. XIII, р. 201. М. Катерина Шамкова обязывается уплатить замужней

каго права и волоочной системы, является стремление упорядочить разбѣры дворищъ, привести ихъ къ одному знаменателю.

дочери 20 гр. за ея часть наслѣдства — pro quinta porcione curie sue. sui patrimonii, alias dworziszca in Pracowsze, если не уплатятъ, то должна дать intromissionem in quintam partem dicte curie cum quinta parte agrorum, pratorum, silvarum et omnium proventuum ad dictam quintam partem curie spectantium. Et iam sibi addiderunt ministerialem ad intromittendum cum quinta parte domus, ortorum, pomeriorum et totius domini.

Aktia gr. XII, p. 50... ad aream vascnam al. nyeosyadlo Lazor terram, argulas, prata et similia dare debet et assignare.

A. gr. XIII p. 239 quinque curiae ...cum omnibus pratis, silvis, piscinis, gajis 1892. Ягелло жалуетъ Васкѣ Тентуковичу uduas curias ville Knezeszchylo in districtu Zudaczowiensi duabus curiis falconariorum nostrorum exceptis... cum omnibus fructibus... agris, campis, pascuis, montibus, vallis... mericis, borris, aquis (обычная формула; Prochaska, Mat. arch. p. 7).

Пользуемся случаемъ напечатать здѣсь неизданную грамоту Казимира, хранящуюся въ музеѣ Чарторийскихъ въ Краковѣ (Diplomata, № 164):

Я се ѿ король Казимиръ краковьскини и кулѣвьскини и господарь рускоѣ зьмля далъ іесмь служѣ своєму иванови дворище заньво матѣвичча штожь слушаеть пьремьскоѣ волости а приписалъ іесмь микитино дворище ткомужь (sic! в томужь?) дворищу къ перемышльскому ижь было на двоѣ. але ѿ далъ за одно. а далъ іесмь. и землю ролзную. и сѣсножатьми. што к тому дворищу слушаеть. сѣсножать на монсѣевѣ долини швьѣздана и земля ролна ѿ вѣлошевѣ сѣсножати по куцеву ниву. а по вреховича дубыѣ. ѿ вреховича дубыѣ по долѣшнии коньць. деречину ганку. а по путь по пздъ гаіецьскыи. а по гостиньць по колъбаіевьскыи а тутъ нѣтъ иному чанковцю ни земля ролноѣ. а ни сѣсножати. а ни іеще далъ іесмь. и ѣзы на днѣстрѣ. ѿ мутвичьного потока до степаньча перевоза. а ту не надобѣ ни дному чанковцю совѣ ѣза чинти. а придалъ іесмь іему шзера рывнаѣ за днѣстромъ куды мон неводи ходиати. а ни ещѣ далъ іесмь іему ловища одюноваѣ што нзвьишьного перевоза поперекъ вольшины. верьхнии коньць. швьѣздомѣ. поколѣ семьюново держитъ поколѣ дунино держитъ до берегъ днѣстра. а далъ іесмь иванови оу вѣкъ. а воленъ продати и задаръ да. кому коли хочеть. а вживаючи того дворища не надобѣ. ни во инакиѣ ловиць платити. а ни поѣздъниства ни грамоты носити. далъ іесмь іему. волно. и свободно. просити му бѣ. за король и за королевы. намѣстѣкы. и на то свѣдци. панъ дмитръ. панъ петръ. панъ судимон. панъ судѣя сіаночькыи. панъ глѣбъ дворьсковичь. а писанъ листъ оу днѣ пѣдсѣтѣны на городѣ Казимирѣ.

(Оригиналъ на пергаментѣ полууставомъ весьма четкимъ; на зеленомъ шелковомъ изурѣ малая королевская печать.)

Но еще и въ XVI в. величина дворищъ даже въ одной и той же мѣстности была неодинакова¹⁾.

Дворище имѣеть или свое собственное названіе или получаетъ наименованіе отъ своего владѣльца²⁾.

И въ Черв. Руси, какъ и въ остальной юго-западной Руси, владѣніе дворищами выступаетъ какъ общинно-семейная форма владѣнія. Чаще всего встрѣчается единосемейное владѣніе; дворищемъ владѣеть либо одно лицо (семья), либо нѣсколько ближайшихъ родственниковъ, братья, тестъ съ зятемъ, иногда перечисляются нѣсколько совладѣльцевъ дворища безъ указанія на родство между ними, упоминаются familiares и kmethones владѣтеля дворища³⁾.

Личный составъ совладѣльцевъ дворища выступаетъ яснѣе изъ люстрацій 16 в. Такъ, напр., въ с. Лисятичахъ Стрыйскаго староства мы находимъ 32 $\frac{1}{2}$ дворища, на которыхъ сидятъ 157 человекъ. Способъ заселенія дворищъ виднѣнъ изъ слѣд. примѣровъ: *Дворище Бринсиенское* (Brinsienskie): Хвилецъ съ тремя сыновьями, Клишко, Хведько и Лучка, сыновья Параса, Сташъ и Онисько, Стець Пасковичъ. *Дворище Ковалево*: сыновья Матвѣя, Василь Гладко, Лаврикъ Ляховичъ⁴⁾.

1) Ревизоры 1568 г. указываютъ, что въ валашскихъ поселеніяхъ Самборскаго староства величина дворищъ весьма разнообразна (chocziaj nomina dworzyszcz congruunt, wielkoszcz ich przed sie rozna urosła); за правильную мѣру дворищъ ревизоры принимаютъ 16 шестилуктевыхъ прентовъ въ ширину и 7 длей въ длину, но указываютъ, что нѣкоторые дворища имѣютъ по 32 прента въ ширину, а въ длину еще больше первыхъ, несмотря на лучшее иногда качество земли, третія — по 24 прента. Неодинаковую величину дворищъ ревизоры объясняютъ разнѣрами платы, внесенной каземъ валашскимъ старостѣмъ за право осадить село (iako kthory na szadzeniu kniaz wielie pieniedzy dal). Лит. Метр. IV В. № 22, л. 3 об.

2) Завадзицы, Невѣстиво во владѣніи пов. Стецька въ селѣ Погорци, А. гр. XIV, р. 81. Юрково дворище XIV, р. 477, Павлово XIII, р. 78. Бартниково дворище ib. р. 167. Studzino, А. гр. XI, р. 325.

1400 г. Дворище Жворонковича (Голов. Пам. р. 19), дворища пустая Боднарская (ib. р. 32), Нелатица дворище (ib. р. 85), Шестовича дворище (ib. р. 38), дворище Ярополково пустое (ib. р. 42); curia alias dworzyszcz Collocelowa, curia Radwonice, dworzyszcz Czugkowiec, dworzyszcz Kisielowa (Cod. dipl. Min. Pol. III. № 715, актъ 1357 г.).

3) А. гр. XIV р. 156 Иванъ и Ваць въ с. Гаѣ de una curia. Иванъ съ братомъ de una arca, XII 90. Василій cum genere ipsius de una arca XII, 120; Zan, Tanasch et mulier Damna de una arca XII, 167. Иванецъ съ братомъ, Ленець и Мартинець de uno pane ib. 203. XI 388., de uno pane et de integra arca. XIII 163. Станко Чичовицкій закладываетъ дворище, на которомъ сидятъ Артемій, Степанъ, Васыко.

4) Лит. Метр. IV В. № 12, р. 682 об.

Въ Львовской землѣ въ с. Карачиновѣ на одномъ дворницѣ 17 кметовъ, платящихъ огуломъ чиншъ съ дворница¹⁾).

Приведенные примѣры вполне подтверждаютъ опредѣленіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова „дворище форма общинно-родовая, имѣющая значительное сходство съ Хорватской задругой. Дворищемъ (въ смыслѣ личнаго состава) называется общество лицъ, связанныхъ въ главной части своей родовымъ единствомъ, но допускающее примѣсь чужеродцевъ, имѣющее одного главу (который обыкновенно и даетъ имя дворлицу) и членовъ, именуемыхъ потужниками (последняго наименованія мы въ галицко-русскихъ актахъ не встрѣтили). Дворищемъ въ объективномъ смыслѣ называется участокъ земли усадебной, пахатной и угодьевъ, — состоящій во владѣніи одной группы лицъ“²⁾).

Вполнѣ правильнымъ является и другое положеніе уважаемаго автора, что дворлице есть явленіе исконное, бытовое, общинно-родовая форма, которое коренится въ глубочайшей почвѣ семейныхъ и имущественныхъ основъ общества³⁾).

Съ дворлицами мы встрѣчаемся въ самыхъ раннихъ актахъ галицкорусскихъ, и именно какъ съ формой общинно-семейнаго владѣнія. Такъ въ 1371 г. панъ Вятславъ Дмитровскій купилъ дворлице и съ землею яко изъ вѣка слушало къ тому дворлицу... у Василя іему же рѣчють Скибичъ и въ іего брата на имя оу Гѣнка и въ іехъ сновця у Оленка... тогда они пришедши вшитци и своимъ племенемъ оуздали пану Вятславу со всѣми объѣзды того дворлица по своей доброй воли и за иныхъ молвили, абы въ добромъ покои вжити тѣхъ вжитковъ пану Вятславу...“⁴⁾).

Совладѣтелями дворлица здѣсь являются два брата съ племянниками. Имущество это родовое, такъ какъ на отчужденіе его требуется согласіе не только однихъ совладѣльцевъ, но и всего рода.

На отдѣльныхъ дворлицахъ сидятъ какъ крестьяне, такъ и шляхтичи⁵⁾. Владѣнія мелкаго, захудалаго потомка древнихъ

1) Ів. IV В. 19, р. 159 об.

2) Кіевск. сб. р. 858.

3) Ів. р. 869.

4) Акты зап. Рос. I р. 20. Головацкій, Пам. р. 7. Въ первомъ изданіи актъ отнесенъ къ 1351 г., Головацкимъ къ 1371. Встрѣчаемъ дворлице еще раньше въ грамотахъ Льва.

5) Nob. Оначко и Дронъ продаютъ curiam suam dictam Sepyolowskie за 80 м. А. гр. XIII р. 65 и 594. Nob. Катерина съ мужемъ уступаютъ curiam al. дворлице ubi soli sedent. ib. р. 293.

русских бояръ или обѣднѣвшаго шляхтича сводились иногда къ одному — двумъ дворищамъ. Такое обезземеленіе могло между прочимъ произойти и путемъ раздѣла наслѣдства между совладѣльцами¹⁾. Поэтому-то случалось часто, что получившій грамоту на какое-либо имѣніе заставлялъ тамъ, кромѣ крестьянъ, цѣлый рядъ мелкихъ владѣтелей шляхтичей, имѣвшихъ во владѣніи одно—два дворища. Въ результатѣ возникали частые процессы (о нихъ см. предыдущую главу), ибо новые владѣльцы нерѣдко вступались въ права старыхъ, требуя отъ нихъ чинша и повинностей за ихъ участки²⁾.

Въ XIV и XV ст., при обилии пустыхъ земель, свободѣ передвиженія и заманчивой волѣ, обращавшей галицко-русскихъ крестьянъ въ кочевниковъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто, мы не замѣчаемъ еще такого дробленія дворищъ, какое застаемъ въ XVI вѣкѣ. Осѣдлый, *bene collocatus, bene possessionatus* крестьянинъ и дворище въ большинствѣ актовъ — синонимы³⁾. *Kmethones areales, curiales, de integra area* чаще всего фигурируютъ въ актахъ. Иногда крестьяне держатъ по два дворища, или такое количество земли, что должны поставить на свое мѣсто при выходѣ нѣсколько человекъ⁴⁾. На цѣлыхъ дворищахъ

¹⁾ А. гр. XIV р. 81—8. Какъ дробились дворища, видно изъ XIII, р. 201, гдѣ два изъ соваслѣдницъ получаютъ вводу во владѣніе одной пятою частью дворища.

²⁾ См. выше р. 65, пр. См. еще любопытный актъ въ Акта гр. XV, р. 435, судебное дѣло изъ-за владѣнія имѣніемъ Чайковци: совладѣтелями имѣнія являются 20 человекъ *mobiles* (въ томъ числѣ три женщины), несомнѣнно состоявшие между собой въ родствѣ; они не имѣютъ оправдательныхъ документовъ на свое владѣніе, а только утверждаютъ *eadem bona Czajkovicze ipsorum esse hereditaria et perpetua ex atavis, avis et patribus et non Regalia, submittentes se hoc probare probis ac idoneis, veris et perpetuis terrarum Russie heredibus, de quibus in medium nostri nominaverunt et produxerunt octodecim...* Судъ выбралъ изъ числа этихъ свидѣтелей шесть, показавшихъ подъ присягой, что имѣніе Чайковци находилось невѣчно во владѣніи отъѣтчиковъ, и послѣ этой присяги права отъѣтчиковъ были утверждены судомъ.

См. еще судебную грамоту старосты русскаго Яну Бѣлецкому съ Иваномъ Лопатичемъ 1421, напечатанную нами въ журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г. № 7, приложеніе I.

См. еще А. гр. XV, р. 9 и 17. Наиболѣе древнія упоминанія дворищъ въ выше-напечатанной грамотѣ Казимира безъ даты и въ грамотѣ 1357 Чаплицу (*Cod. dipl. Min. Pol. III, № 715*). Къ еще болѣе раннему времени относится упоминаніе о дворищахъ въ грамотѣ Льва Сеньку Татарниновичу — Левъ даетъ ему *quatuor curias* въ Самборской землѣ (*Inventarium, ed. Rykaczewsky, р. 249*) впрочемъ, грамота эта до насъ не дошла, и о подлинности ея поэтому судить не можемъ. См. еще у Шараповича, *Rus wewn. stos. gal. wachodnej, р. 54, пр. 76*.

³⁾ А. гр. XIII, р. 6. *intromissio in duos kmethones seu duo dworziska*.

⁴⁾ А. гр. XII, р. 187. *de media altera area, media tercia area. XIV, р. 188. N. Язь*

сидять не только мужчины, но и женщины¹⁾. Вообще осѣдлый, *debite locatus et possessus* кметъ — зажиточный хозяинъ, имѣющій достаточный инвентаръ для веденія хозяйства²⁾. Экономическая цѣнность такого крестьянина вычисляется обыкновенно въ 10 гр. При залогѣ осѣдлыхъ дворищъ каждое идетъ обыкновенно за 10 гр. Средняя норма чинша съ дворища опредѣляется въ 1 гр.

Уже въ XV ст. на ряду съ дворищемъ появляется и полудворище (*media curia*). Въ XVI ст. раздробленіе дворищъ идетъ гораздо дальше — на четверти и еще болѣе мелкія части дворища. Эта форма въ XVI ст. теряетъ уже свое прежнее значеніе³⁾. Дворища раздѣляются на равномѣрные участки, хотя не только въ разныхъ староствахъ, но и въ предѣлахъ одного и того же староства величина дворищъ еще не одинакова, но въ предѣлахъ одного и того же села дворища и отдѣльныя его части стараются подвести подъ одинъ знаменатель.

На раздробленіе дворищъ должны были повліять съ одной стороны закрѣпощеніе крестьянъ, съ другой измѣненія въ финансовой системѣ государства.

Населеніе дворища съ теченіемъ времени разрасталось, а между тѣмъ выходъ для крестьянъ постепенно затруднялся. Съ другой стороны, владѣльцы стараются перевести повинности на меньшія единицы, привлекая къ обложенію возможно большее количество лицъ.

Въ XIV и XV ст. повинности падаютъ еще на все дворище, даже подымное собиралось, повидимому, еще не съ cadaго дыма, а съ cadaго дворища, такъ какъ въ актахъ термины *curia*, *fumus* и *kmetho* употребляются какъ синонимы.

Въ XVI ст. подать идетъ не только съ дворищъ и ихъ частей, находящихся въ отдѣльномъ владѣніи, но разныя повинности (подымное, стаціи, ахтеловое) собираются съ cadaго кмета, хотя бы и не имѣющаго даже своего дыма.

Давыдовскій утверждаетъ, что крестьянинъ Петръ имѣлъ два участка (*ager*), одно осадилъ при выходѣ, другое нѣтъ. Кметъ, наоборотъ, говоритъ, что осадилъ тотъ участокъ, на которомъ сидѣлъ, а другого не имѣлъ. XIV, р. 386. Кметъ Яковъ *debet collocare agrum Ianussio et debet statuere tres homines ad collocandum agrum... homines debent fieri valentes pro collocando agro.*

¹⁾ А. гр. XII, р. 210. *mulier Chotca de integra area cum omni iure sicut aliquis kmetho arealis.*

²⁾ А. гр. XIII, р. 62, 195. *Kmetho cum duobus bobus laboratoribus.*

³⁾ Лишь кое гдѣ, какъ въ Стрыйскомъ староствѣ, она уцѣлѣла въ наибольшей чистотѣ.

Исслѣдованіе размѣра крестьянскихъ повинностей въ Черв. Руси XIV—XV в. представляетъ значительныя затрудненія. Для этого періода мы лишены того драгоцѣннаго матеріала, который даютъ намъ для послѣдующихъ вѣковъ люстраціи. Точное указаніе размѣра крестьянскихъ повинностей XIV—XV в. находимъ, главнымъ образомъ, въ эрекціонныхъ грамотахъ на нѣмецкое право. Данныхъ для изученія размѣра повинностей въ поселеніяхъ на правѣ русскомъ, польскомъ, валашскомъ очень мало. Однако необыкновенно широкое распространеніе нѣмецкаго права въ Черв. Руси даетъ намъ право разсматривать размѣръ повинностей въ поселеніяхъ на этомъ правѣ какъ среднюю норму крестьянскихъ повинностей вообще. Повинности крестьянъ на всякомъ другомъ правѣ не могли особенно превосходить своимъ размѣромъ повинностей поселенцевъ на нѣмецкомъ правѣ: при свободѣ передвиженія крестьянъ въ XIV—XV в. особенно ощутительная разница въ размѣрахъ повинностей могла быть весьма невыгодной для землевладѣльцевъ: они могли остаться вовсе безъ рабочихъ рукъ. Устроители новыхъ поселеній усердно перезывали крестьянъ на новыя мѣста, сманивая ихъ разными льготами, погашая претензіи землевладѣльца къ старымъ поселенцамъ. Льготы нѣмецкаго права должны были заставлять землевладѣльцевъ сокращать размѣры повинностей тамъ, гдѣ количество ихъ превышало повинности поселеній на правѣ нѣмецкомъ.

Повинности крестьянъ на нѣмецкомъ правѣ складывались изъ слѣд. существенныхъ частей: денежнаго чинша въ пользу землевладѣльца, церковной десятины, натуральныхъ повинностей и панщины.

Въ XIV ст. размѣръ всѣхъ этихъ повинностей еще очень великъ. Размѣръ чинша, отъ 8 грошей до 1 гривны съ лана, десятина отъ 1 гр. до 6 гр. и 1 *ferto*, натуральныя повинности отъ 1 до 3 мѣръ хлѣба, иногда еще 2 куръ, 12 яицъ. Кромѣ того крестьяне давали еще на содержаніе плебана извѣстное количество хлѣба и всѣ совместно складывались на два *grandia* землевладѣльцу, пріѣзжавшему въ село для отправленія правосудія (такихъ *iudicia magna* бывало по 3 въ годъ, и издержки пребыванія владѣльца одинъ разъ принималъ на себя солтысъ, два раза крестьяне); крестьяне могли откупаться отъ устройства *grandium*'а (уплачивая владѣльцу отъ 16 грошей до полугривны за *grandium*¹⁾).

¹⁾ См. Akta gr. III, № 9; VIII, № 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 15, 19; IX, № 6; Prochaska, Mat. arch. № 12; Cod. diplom. Min. Pol. III, № 721, 812.

Кромѣ повинностей и платъ въ пользу владѣльца на крестьянахъ лежали еще, правда, очень незначительныя, государственныя и общественныя повинности. Крестьяне платили подъемную по 2 гр. съ лана, иногда военщину (*expidicionales*) (въ одномъ актѣ 2 гр.)¹⁾, поправляли замокъ, мосты, плотины, помогали при спускѣ ставовъ и т. д.

Замѣтимъ еще одно важное обстоятельство: *панщина*, работы въ пользу владѣльца или солтыса, въ грамотахъ XIV в. ни разу не упоминается. Свобода отъ повинностей въ актахъ XIV в. дается отъ 8 до 20 лѣтъ.

Выше приведенныя данныя относятся какъ къ королевскимъ (наибольшее число) землямъ такъ и къ имѣніямъ духовенства и частныхъ лицъ. Наивысшій чиншъ (1 гривна), какъ и наивысшую десятину, находимъ въ имѣніи, принадлежащемъ духовенству. Чиншъ въ частномъ имѣніи ($\frac{1}{2}$ гривны) равняется наивысшему чинту въ имѣніяхъ королевскихъ. Число льготныхъ лѣтъ одинаково во всѣхъ грамотахъ (8 и 20 л., въ одномъ актѣ 12 и 20). Десятина очень разнообразна. Натуральныя повинности (въ одномъ актѣ названныя *honoraciones*) лишь въ 4 изъ приведенныхъ актовъ.

Однако число извѣстныхъ намъ актовъ слишкомъ незначительно, чтобы изъ нихъ составить какія-либо заключенія относительно разницъ въ размѣрѣ повинностей имѣній королевскихъ, духовныхъ и частныхъ. Нѣкоторая разниа въ размѣрѣ повинностей могла происходить отъ неодинаковаго качества эксплуатируемой земли. Вообще же (что и понятно) размѣры повинностей въ земляхъ королевскихъ, духовныхъ и частныхъ въ XIV в. (какъ увидимъ дальше въ XV в.) колеблются незначительно около одной и той же общей нормы. Одинаковая для всѣхъ потребность въ рабочей силѣ привела къ такому молчаливому соглашенію всѣхъ землевладѣльцевъ.

XV вѣкъ вноситъ существенныя измѣненія въ экономическое положеніе червонорусскаго крестьянина.

Мы уже указывали выше²⁾, что хотя червонорусскій крестьянинъ имѣлъ еще право выхода въ XV в., но что выходъ его подлежалъ уже извѣстнымъ ограниченіямъ. Жившій на нѣмецкомъ

¹⁾ Въ экспедиціонныхъ грамотахъ XIV в. на нѣм. право, впрочемъ, упоминается лишь военщина въ одномъ актѣ. Подъемное также въ этихъ грамотахъ не упоминается, хотя находится въ большинствѣ жалованныхъ грамотъ на земли.

²⁾ См. р. 127.

правъ крестьянинъ долженъ былъ осадить передъ выходомъ свой участокъ другимъ крестьяниномъ. Пользовавшійся льготою въ теченіе известнаго числа лѣтъ долженъ былъ отработать столько лѣтъ, сколько сидѣлъ на волѣ. Эти условія въ значительной степени связывали свободу крестьянскаго передвиженія.

Съ другой стороны, и самые шляхтичи червонорусскіе стали болѣе осѣдлыми и принялись за хозяйство. Политическія условія польскаго государства послѣ соединенія съ Литвой дали возможность приняться въ болѣе широкихъ размѣрахъ за торговлю, увеличили сбытъ сырыхъ продуктовъ, въ особенности хлѣба. Это обстоятельство заставило шляхту, жившую вначалѣ исключительно насчетъ чиншей и другихъ даней съ своихъ крестьянъ, приняться за обработку земли на свой страхъ. Рабочая сила, уже значительно ограниченная въ правахъ передвиженія, находилась тутъ же въ лицѣ своихъ крестьянъ. И вотъ съ XV в. въ Черв. Руси появляется (хотя и въ ограниченныхъ на первыхъ порахъ размѣрахъ) панщина.

Размѣры панщины, какъ и размѣры другихъ повинностей, и въ XV в. въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ и частныхъ приближались къ одной общей нормѣ. Къ срединѣ XV в. мы находимъ панщину въ размѣрѣ 14 дней съ лана. Такую норму опредѣляютъ двѣ грамоты на нѣмецкое право, одна въ королевскомъ имѣніи, другая въ имѣніи частномъ¹⁾. На существованіе общей нормы размѣра панщины для поселеній на нѣмецкомъ правѣ указываетъ эрекціонная грамота для имѣній Львовской духовной капитулы — здѣсь панщина должна отбываться *secundum consuetudinem aliarum villarum in ius theutonicum majd-burgense in terra Russie locatarum*²⁾. Норму 14 дневной панщины съ лана мы находимъ въ разныхъ мѣстахъ Черв. Руси въ продолженіе большей части XV в.³⁾

¹⁾ Akta gr. II, № 78, 1447 г. для с. Мальчицы Грод. пов. съ лана 13 дней панщины въ пользу землевладѣльца и 1 день въ пользу солтыса. Крестьяне, сидѣшіе на полуланѣ, сирагаются по два и отбываютъ одинъ день панщины въ пользу солтыса. Помимо этого на крестьянахъ лежитъ еще обязанность поправки плотины. Въ королевскомъ имѣніи Dzuschicze (ib. № 74, 1448 г.) Гродецк. пов. панщина опредѣлена въ размѣрѣ 14 дней.

²⁾ А. gr. II, № 76, 1468 г., с. Ставчаны Льв. пов.

³⁾ Наиболее ранній актъ отъ 1424 г. (А. gr. XI, р. 7, въ землѣ Салоцкой). 14-дневная панщина въ 1480 г. упоминается въ грамотѣ на н. право *Provido Roidoni de Winniki* (Самб. земли Л. М. 4 В., № 22, р. 483 об.). Эту норму застаемъ еще въ 1474 г. (А. gr. XII, р. 357 въ с. Дипицѣ Гал. земель). Въ одномъ лишь актѣ

Норма 14-дневной панщины съ лана представляется еще весьма сносной, если сравнить ее съ нормою XVI в. Въ люстраціяхъ королевскихъ имѣній въ Черв. Руси (1565 г.) панщина достигаетъ громадныхъ размѣровъ отъ 2 до 3, 5 дней въ недѣлю. Крестьяне нѣкоторыхъ селъ работаютъ въ замковыхъ фольваркахъ ежедневно¹⁾.

Незначительный размѣръ панщины въ XV в. объясняется, конечно, слабымъ еще развитіемъ фольварочнаго хозяйства. Фольварочное хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ появляется въ Польшѣ лишь въ XVI в.²⁾ Первое общее постановленіе о пан-

начала второй половины XV в. находимъ 19 дней панщины (А. гр. IV, № 99, 1461 г. Змиавода, съ лана 19 дн., съ полулана 10 дн., ortulani 4 дн.). Но съ другой стороны еще въ концѣ XV в. находимъ въ одномъ частномъ имѣніи 10 дней панщины, изъ которыхъ 3 дня толоки на хлѣбъ владѣльца (А. гр. IX, № 96, 1487 г.). Въ одномъ актѣ 1460 г. встрѣчаемъ панщину въ 7 дней (А. гр. XIII, р. 350); въ другомъ актѣ 1448 г. крестьяне про grandio обязаны отбить 8 дней панщины (Prochaska, Mat. arch., № 142). Но съ другой стороны еще въ 1440 г. встрѣчаемъ ежедневную панщину (А. гр. XII, р. 78) ...scrutari, si Dmtr solveret decimas, *Sabbatinos dies laborabit, decimam mellificam dabit et alia cedat ut vicini sui. Labores* часто встрѣчаются въ перечисленіи крестьянскихъ повинностей XV в. (Акта гр. XI—XVI), но только въ рѣдкихъ случаяхъ размѣры ихъ опредѣлены. Эти labores состоятъ какъ въ панщинѣ на фольваркахъ (labores ad curiam, XI, р. 270, ager qui colebatur pro curia, XII, 385, seminatio hiemalis et estivalis in agris curiensibus, XI, 446), такъ и въ возкѣ дровъ, сѣна, хлѣба съ фольварочныхъ полей (XI, 382 возка дровъ, XIII, 223 сѣять и свести посѣвъ, XI, 486—3 дня убирать сѣно, 1 день (пахать?) озимое и 1 день яровое, XIII, 454 складывать хлѣбъ, ib. 454—6 крестьянъ сѣютъ 6 колоды овса в 6 ордеи. Замѣчательно, однако, что еще въ XVI в. державцы иногда обрабатывали поля наемными рабочими (Л. Метр. IV В. 12, р. 648) или отдають крестьянамъ поля съ ковы (скопщина въ XV в., кажется, опредѣлялась десятимъ снопомъ — *caprum cum decimis al. скоруами* XII, р. 286). Въ XVI ст. встрѣчаемъ десятую и седьмую копу, Л. М. IV В. 12, при описи Пустолоцкаго и Замковаго фольварковъ Гал. старства. Въ концѣ концовъ можно, кажется, на основаніи приведенныхъ фактовъ, прійти къ заключенію, что 14-дневная панщина представляла въ XV в. максимумъ обычной нормы. Норма 14 дней встрѣчается еще въ XVI в. Такъ, въ с. Михончицы Льв. г. по привилегіи 1524 г. крестьяне работали лишь по 14 дн. въ годъ, хотя къ среднѣ XVI в. панщина въ этомъ селѣ была значительно увеличена (Лит. Метр. IV В. 19, р. 172 об.). Въ той же землѣ крестьяне трехъ селъ жалуются, что ихъ заставляютъ работать ежедневно, тогда какъ крестьяне другихъ селъ работаютъ лишь отъ 8—14 д. въ годъ (ibid., р. 178).

¹⁾ Лит. Метр. IV В., № 12, р. 625 об. Села Льв. земли Велеполе, Загѣсье, Любалье, Погѣланы, Мвклашовъ, Демяя работаютъ ежедневно, кромѣ рыночнаго дня (Л. М. IV В. 19, р. 160, 177—8). Многія села Теревольской земли работаютъ ежедневно съ полудня.

Въ Галицкой землѣ многія села работаютъ по 3 дня въ недѣлю. Одно село отбивало ежедневную панщину, но откупилось отъ нея деньгами (Л. М. IV В. 12, р. 616).

²⁾ Stawiski, Poszukiwania do historii rolnictwa krajowego, Warszawa. 1858. Pe-

щинѣ появляется лишь въ 1520 г.¹⁾ Размѣръ панщины опредѣленъ здѣсь однимъ днемъ въ недѣлю.

Введеніе панщины въ XV в. не было замѣною новой повинностью какихъ-либо прежнихъ; панщина является вездѣ прибавкою къ прежнимъ повинностямъ. Размѣры всѣхъ прочихъ повинностей не только не уменьшаются, но, хотя и не особенно быстро, растутъ въ XV в.

Денежный чиншъ въ XV в. поднимается до 1 гривны съ лана — такой размѣръ денежнаго чинша повсемѣстенъ въ Черв. Руси XV в., это общая норма для кмета *bene possessionato*²⁾).

Десятина точно также въ большинствѣ случаевъ приводится къ одной общей нормѣ — 6 гр. съ лана³⁾).

Натуральные повинности повидимому остаются почти на нормѣ XIV в. — отъ 1—2 мѣръ (колода, бочка) хлѣба, отъ 2—4 куръ и 12—20 яицъ, иногда сыры.

Такимъ образомъ мы можемъ вычислить средній размѣръ крестьянскихъ повинностей XV в. въ 1 гривну чинша, 2 мѣры хлѣба, 2 куръ, 12 яицъ, 14 дней панщины, 6 грошей десятины, 2 гр. подымнаго и 2 мѣры хлѣба въ пользу плебана (последняя подать часто собиралась какъ съ католиковъ, такъ и съ право-

визоръ 1565 г. отмѣчаетъ убилъ подымнаго и объясняетъ это тѣмъ, что «*schlachta gospoziwazi znie zegnali kmieszi niemalo szobie na folwarki dlya swaj ziwnoszi*» (Л. М. IV В. 19, р. 50). Подобные факты изрѣдка случались и въ XV в. Такъ въ 1444 г. *agazones Regales de Stawczani* жалуются, что львовскій архіепископъ *fecit sibi allodia de ipsorum curiis et agris* (XIV, р. 136—138).

¹⁾ Vol. leg. I. p. 178.

²⁾ Эту норму встрѣчаемъ во множествѣ актовъ, въ судебныхъ книгахъ XV в. и многихъ грамотахъ на вѣм. право (см. напр. А. гр. VIII № 30, 40, 65; IX, 15). Но, конечно, отъ этой общей нормы встрѣчаются и отступленія — $\frac{1}{2}$ гр., $\frac{1}{2}$ копн, даже 20, 15 и $10\frac{1}{2}$ гр. съ лана (А. гр. II № 73, 74, 76, 128, 130; IV № 99; IX № 96).

³⁾ А. гр. III, № 55, 1392 г. и особенно актъ 1426 г. (А. гр. III № 100), въ которомъ Ягелло разрѣшаетъ споръ между львовскимъ архіепископомъ и его паствою о десятинахъ, — архіепископъ требовалъ съ каждого лана по 1 *ferto* какъ съ католиковъ, такъ и съ православныхъ; шляхта утверждаетъ, что ему слѣдуетъ лишь 6 гр. и то только съ лановъ, обрабатываемыхъ католиками, и съ тѣхъ изъ православныхъ, которые приобрѣли земли у католиковъ. Споръ рѣшается компромиссомъ, по которому десятина опредѣляется въ 6 гр. съ каждого обрабатываемаго лана съ католиковъ, равно какъ и съ православныхъ. Десятину въ 1 *ferto* архіепископъ получаетъ только съ львовлянъ и львовскихъ колоновъ. Въ Перемишльской епархіи еще равнѣе (въ 1395) послѣдовало соглашеніе между шляхтою и епископомъ о 6-грошевой съ лана десятинѣ, при чемъ, однако, платившіе больше 6 грошей должны были и впродъ платить попрежнему, платившіе же меньше — 6 грошей (А. гр. VIII № 24).

славных¹⁾. Какому проценту доходов крестьянина соответствовала эта совокупность повинностей?

Дабы сдѣлать подобное вычисленіе, мы должны перевести всѣ натуральныя повинности на деньги, и обратно — полученную денежную сумму перевести на хлѣбъ, затѣмъ вычислить средній урожай съ лана земли, сравнить полученное нами при расчетѣ количество хлѣба, соответствующее величинѣ всѣхъ повинностей, съ общей суммой урожая.

По изслѣдованію Пѣкосинскаго²⁾ только два лана были въ употребленіи въ Польшѣ при основаніи сельъ на нѣмецкомъ правѣ: 1) ланъ малый, фламандскій или хелминскій, называемый также шродскимъ = 30 старыхъ польскихъ морговъ, и ланъ большой, франконскій или нѣмецкій = $43\frac{1}{3}$ морга. Меньшіе ланы — большой кметій въ $21\frac{1}{2}$ моргъ и малый кметій въ 12 м. произошли, по мнѣнію Пѣкосинскаго, вслѣдствіе дѣленія большого франконскаго лана на полъ ланки и четверти и составляли такимъ образомъ лишь части лана. По Гревенеду³⁾ ланъ въ Польшѣ начала XVI ст. равнялся, по крайней мѣрѣ, магдебургской Hufe въ 30 магдебургскихъ морговъ.

Примемъ эту мѣру въ 30 морговъ за среднюю мѣру лана⁴⁾. При трехпольной системѣ хозяйства на каждое поле придется около 10 морговъ.

По Гревенеду при трехпольномъ хозяйствѣ высѣвается на такомъ ланѣ 10 четвертей озимаго хлѣба. Принимая средній урожай за самъ 5, получимъ всего озимаго урожая 50 четвертей.

При переводѣ крестьянскихъ повинностей на деньги мы можемъ держаться слѣд. расчета. Въ XV в. средняя цѣна колоды хлѣба (ржи) была отъ полугривны до 1 гривны, пару куръ можемъ считать въ 1 грошъ, 12 яицъ также въ 1 грошъ⁵⁾. Что

¹⁾ См., напр., А. гр. II № 90, 117, 220; VI, № 115.

²⁾ Fr. Piekowinski, O lanach w Polsce wieków srednich, Krak. 1887 (Rozprawy Akad. Umiejętn. wyd. histor. filozof. t. 21).

³⁾ Der Bauer in Polen, Berlin 1818, p. 11—13.

⁴⁾ Листраторъ Самборской земли говоритъ о селахъ на нѣм. правѣ въ этой области: Lanow romiar iesth tez w nich ad bene placitum rozny (Л. Метр. IV В. 22, р. 5).

⁵⁾ Расчетъ этотъ мы произвели на основаніи слѣд. данныхъ: мѣра (truncus, колода) ржи стоила въ XV в. отъ 16 грошей до 1 гривны; чаще однако встрѣчается цѣна въ полгривны (А. гр. XI, р. 173). 2 малдрата (24 четверта) ржи — 8 гривенъ безъ 12 грошей; ib. мѣра ржи (mensura) — 16 грошей. XII, р. 175 20 колоды (truncus) ржи — 10 копъ; XIII, р. 259 truncus ржи — $\frac{1}{2}$ коны; ib., 240 — 20 cassulae ржи — 10 гривенъ; truncus ржи 16 гр.; ib., р. 148 $1\frac{1}{2}$ trunci ржи — $1\frac{1}{2}$ гривны (А. гр. XIV); 12 trunci ржи — 2 гривны; 80 cassulae ржи — 5 копъ.

касается панцины, то однодневную панцину, обработку морга подъ пахоть, примемъ, по расчету Гревенеца,¹⁾ стоимостью въ 8 маць ржи ($7\frac{1}{2}$ польскихъ гарлицевъ по Стависскому)²⁾. При та-

Для овса встрѣчаемъ слѣд. цѣны: отъ $\frac{1}{4}$ гривны до $\frac{1}{2}$ гривны за колоду (А. гр. XI, р. 155); 4 мѣры овса — 2 гривны; XII, р. 162 8 колодъ овса — 2 коны; Въ львовскихъ актахъ 10 колодъ овса — 4 гр.; XV, р. 153 — 24 trunci avenae tritullatae — 4 гривны.

Цѣна мѣры пшеницы — отъ $\frac{1}{2}$ гривны до 1 гривны за колоду (А. гр. XI, р. 153, мѣра пшеницы — 1 кона) XII, р. 175 — 20 trunci — 10 конъ; XIII, р. 240 — 25 cassulae — 15 гр.; въ Львовской землѣ — 60 cassulae — 4 гр., 14 trunci — 7 гр. (А. гр. XIV, р. 164); ib., р. 513 — 10 tr. пшеницы — 10 гривневъ. А. гр. XV, р. 45 — 3 trunci tritici — 3 fert.; ib., р. 343 — 10 cassulae tritici in valore quinque tumnarum, quaelibet tumna pro illo tempora per florenum.

Колода заключала въ себѣ 8 полмѣрокъ, полмѣрка — 2 мацы (Л. М. IV, В. 22, р. 5). Впрочемъ, мѣры были не вездѣ одинаковы. Дистраторъ XVI в. замѣчаетъ, что мѣра галицкая меньше слятиской и коломийской, но немного больше рогатинской (Л. М. IV, В. 12, р. 563). Въ Сокальскомъ староствѣ хлѣбъ мѣрили третинниками, мѣра одинаковая съ каменецкою (Dod. do gaz. Lwowisk. 1859 г.).

Ревизоръ XVI в. Самборской земли дѣлаетъ такую расцѣвку средняго урожая (plennessz zboza srednia miedzy liathem urodzainem y nieurodzainem):

Пшеницы кона	дасть	полмѣрокъ	2
Жита	>	>	3
Ячменя	>	>	3
Овса	>	>	3
Татарки	>	>	3
Проса	>	>	2
Гороха	>	>	$1\frac{1}{2}$

Въ XVI в. нара куръ стоила 2 гроша, 20 яицъ — около 1 гроша (люстр. XVI в.).

Названіе мѣръ въ XVI в.: truncus — колода (бочка), viccus — джберъ (XII, р. 425), chorum, tricornum — четверть (четвертка — А. гр. II, р. 161, 220, 284); полу-мѣрка (XII, р. 95); cassula — кона (А. гр. II, № 61); aservus, cumulus, arthonium — стогъ; manipulus — снопокъ (XV, № 279).

Названіе хлѣбовъ: пшеница — triticum (XIII, р. 513); scrutum — просо; siligo — рожь (у Du Cang'a: siligo Latinis scriptoribus est selecta farinae medulla, ex siligine frumenti genere, de quo Plinius (L. 18, c. 8) et Isidorus (L. 17, c. 2): siligo, genus tritici a selecto dictum (возтому-то Klotz, Handwört. der lat. Sprache неправильно: siligo — Art feinen Waizens, Winterwaizen). At postremi aevi auctoribus usurpatur pro secali, vulgo segle. «Lebiński, Materyaly do Słownika średniowiecznej Łaciny i starożytności polskich. Poznań. 1885. Siligo — cfr. modius (?)», spand. Kętrzyński odnosi do пудъ, pud.). Ordeum, hordeum — ячмень. Pisum — горохъ. Brassicum — солодъ (мѣра brassi — $\frac{1}{2}$ гривны, А. гр. XI, р. 153; мѣра ordei — 12 грошей, ib., р. 173).

¹⁾ Гревенецъ (l. cit., р. 13) принимаетъ стоимость рабочаго дня — подъемъ плуга съ тремя лошадьми большаго морга — въ 8 маць ржи, т.-е. по нашему расчету въ $\frac{1}{4}$ гривны, т. е. за колоду шло 16 маць.

²⁾ L. c., р. 89; прим.

комъ расчетъ вся сумма повинностей съ лана равняется 1 гривнѣ чинша + 2 гривны за 4 мѣры хлѣба¹⁾ + 6 грошей за десятину + 1 грошъ за куры + 2 гроша подымнаго + 1 грошъ за яйца, + 3¹/₂ гривны за панщину. Итого въ итогъ около 7 польскихъ гривенъ. Въ переводѣ на хлѣбъ, считая мѣру хлѣба въ польскія гривны, = 14 мѣръ хлѣба. Такимъ образомъ крестьянинъ XV в. по приблизительному расчету оплачивалъ свои повинности одной третью озимаго урожая. На его долю такимъ образомъ оставалось около ²/₃ озимаго урожая, весь яровой посѣвъ и значительная часть дохода съ прочихъ угодій (съ луговъ, озеръ, прудовъ, etc.; такъ какъ иногда крестьяне обязывались еще доставкой известнаго количества сѣна и дровъ владѣльцу). Размѣръ повинностей такимъ образомъ представляется для XV в. еще весьма умѣреннымъ особенно если сравнить его съ размѣромъ повинностей XV в.²⁾

Нѣмецкое право, какъ мы видѣли, не всегда распространялось на всѣхъ жителей села: въ эрекціонныхъ на нѣмецкое право грамотахъ нерѣдка прибавка, что правомъ этимъ будутъ пользоваться только католики. Такимъ образомъ и въ самыхъ поселеніяхъ на нѣмецкомъ правѣ оставалась часть населенія, сидѣвшая на иномъ правѣ (валашскомъ, русскомъ). Мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Черв. Руси даже въ XV в. число поселеній на валашскомъ правѣ превышало число поселеній на правѣ нѣмецкомъ. Сравнительно меньше осталось въ XV в. поселеній на правѣ русскомъ, хотя такія поселенія мы находимъ какъ въ королевскихъ земляхъ, такъ и въ земляхъ духовныхъ и частныхъ лицъ.

Какова была сумма повинностей въ этихъ поселеніяхъ и каково было ея отношеніе къ суммѣ повинностей поселеній нѣмецкаго права? При надѣленіи нѣмецкимъ правомъ крестьяне освобождаются обыкновенно отъ цѣлаго ряда повинностей *quae jus teutonicum perturbare solent*, но повинности эти перечисляются въ очень общихъ выраженіяхъ, размѣръ ихъ не опредѣляется³⁾.

¹⁾ Мы беремъ среднюю по актамъ цѣну мѣры хлѣба (ржа).

²⁾ При трехдневной въ недѣлю панщинѣ по предыдущему расчету одна панщина равнялась бы стоимости почти всего озимаго съ лана урожая. Но и цѣны XVI в. развились отъ цѣнъ XV в. Въ Самб. землѣ колода жита въ XVI в. стоила 1 гривну 26 грошей, пшеницы — 8 гр. 6 грош. (Л. М. IV, В. 22, р. 5, съ другой стороны и цѣна денегъ была въ XVI в. ниже, чѣмъ въ XV в.).

³⁾ *Exactiones, daciones, contribuciones, soluciones, staciones, responsiones, equitaturae, vecturae, angariae et perangariae.*

Уставныхъ грамотъ для поселеній на русскомъ правѣ не сохранилось ни одной, да ихъ, повидимому, и не было. Повинности поселенцевъ на русскомъ правѣ опредѣлялись старымъ обычаемъ. Основанія новыхъ поселеній на русскомъ правѣ мы почти не встрѣчаемъ въ XIV—XV в.

Одно можно, кажется, утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что въ поселеніяхъ на русскомъ правѣ повинности не раскладывались на каждаго крестьянина отдѣльно, а вся община облагалась огуломъ извѣстной суммой преимущественно натуральныхъ повинностей. Кромѣ натуральныхъ повинностей крестьяне на русскомъ правѣ въ XV в. отбывали и панцину¹⁾.

Нѣсколько больше данныхъ сохранили акты относительно повинностей крестьянъ на валашскомъ правѣ. Какъ кажется, первые валашскіе выходцы въ Черв. Руси составляли, подобно словакамъ въ Венгріи²⁾, нѣчто въ родѣ пограничной стражи. Таковы, какъ кажется, были Болоховцы XIII в. Въ XIV ст. упоминается валашскій воевода (Vojewoda Valachorum Georgius de Stupnicza). На общую военную повинность всѣхъ валаховъ указываетъ одно постановленіе шляхетскаго вѣча 1444 г.: когда Львовская и Галицкая земли пойдутъ въ походъ, то владѣльцы должны посылать всѣхъ своихъ валаховъ³⁾.

Занимаясь преимущественно скотоводствомъ, валахи, уплачивали всѣ свои повинности первоначально скотомъ и его продуктами⁴⁾.

¹⁾ Крестьянинъ с. Костировичъ платитъ за чиншъ старостѣ *non ad daciaм regalem duos bonos marduros* на Р. Х., отбываетъ 5 дней панцины (3 дня на уборку сѣна, 1 день на запашку (?) подъ озимое, день подъ ярину) и отбываетъ съ людьми повинность гахтеловое (А. гр. XII, р. 436).

²⁾ Cf. Pič, Ueber die Abstammung der Rumänen, p. 138 о русскихъ въ Угріи.

³⁾ *Item etiam quando movebitur Leopoliensis et Haliciensis terra ad expeditionem, extunc omnes domini debent destinare omnes ipsorum Walachos* (А. гр. XII, р. 129).

Въ привилегіи Ладоміру Волоху 1487 г. (Prochaska, Mat. arch. № 207) крестьяне *servire tenebuntur more aliorum Walachorum in bonis seu villis episcopalibus consistentium*.

⁴⁾ 1430 г. Ягелло записываетъ Ивану Дзирецъ и Климашку (*fratres germani de Stupnicza* — не дѣти ли это валашскаго воеводы?) 200 гр. на валашскомъ поселеніи (*villa Walachorum*) Высоцкомъ въ Самб. землѣ. Братья должны ежегодно давать 100 барановъ *pro dacione et stacione regali*.

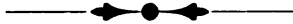
По эрекціонной грамотѣ Ладоміру Валаху на княжество (1487 г.) въ Переи. землѣ повинности крестьянъ состояли въ 4 баранахъ съ лана, 2 валашскихъ сырахъ, 2 подиругахъ, десятинѣ со свиней (кто не разводилъ свиней, платилъ по 1/2 грому), всѣмъ мѣстѣ *pro grandio* 1/2 гривни. Въ пользу солтиса крестьяне отбываютъ 2 дня толоки (*labrabunt duos dies in anno, quibus ipse (Ladomir) comestionem et bibitionem, ut moris est, circa tales labores tenebitur* (Proch. Mat. № 207).

Размѣръ повинностей въ XV вѣкѣ былъ весьма умѣренный¹⁾.

Въ XV ст. валашскіе поселенцы, особенно въ подгорныхъ мѣстностяхъ, кажется еще не отбывали панщины.

А. гр. XI, р. 348. Дѣло крайника орѣховскаго cum dom. vexillifero и его людьми pro agnis mensualibus al. *dam.* pro castro Sanok dandis annuatim. На Корчинскомъ сеймѣ 1472 г. временная подать (contributio fertorum) была опредѣлена съ лана по 6 гр., но «Valachi a quolibet centenario ovium per sex grossos dabunt (Bandtkie, I. Pol. р. 311).

¹⁾ Если считать барана въ 4 гр. (А. гр. XI), 2 сыра въ 2 гр., 2 подруги въ 2 гр. (?) да $\frac{1}{2}$ гроша за роговину decima, то всѣхъ платъ съ лана приходилось лишь около полугривны.

ГЛАВА III.

Мѣщанство въ Галицкой Руси XIV—XV в.

Въ княжескую эпоху, насколько можно судить по лѣтописнымъ даннымъ, галицко-русскій городъ не игралъ въ исторіи своей земли такой роли, какую играли города въ другихъ русскихъ земляхъ. Сила, какую приобрѣло въ Галицкой Руси боярство, убила здѣсь самостоятельность городскихъ общинъ. Не онѣ, а боярство является здѣсь рѣшителемъ судебъ земли. Боярство, а не вѣче, приглашаетъ и изгоняетъ князей, съ боярами, а не съ горожанами сносятся разные, какъ русскіе, такъ и иноземные, претенденты на княжескій столъ; бояре находятъ иногда возможнымъ обойтись и безъ князя, „вокняжиться“. На протяженіи нѣсколькихъ столѣтій мы едва два-три раза встрѣчаемся съ вѣчемъ въ галицко-русскихъ городахъ, да и то въ случаяхъ экстраординарныхъ¹⁾; на вѣче, какъ на нормальное явленіе, не находимъ никакихъ указаній.

^{*)} Отдѣлъ о мѣщанствѣ будетъ очень кратокъ. До сихъ поръ издаво слишкомъ мало матеріала для внутренней исторіи города Галицкой Руси. Занятія же въ архивѣ магистратскомъ Львова были для автора почти невозможны по причинамъ, указаннымъ имъ въ статьѣ Архивы въ Галиціи («Кіевская Старина», 1888, №№ 8 и 10). Поэтому-то въ некоторые труды, какъ Kronika miasta Lwowa Зубрицкаго и Patrycyat i pienszaństwo Lwowskie Лозинскаго, по необходимости, играютъ роль первоисточниковъ, какъ основанные на архивномъ матеріалѣ (нерѣдко приводимомъ въ нихъ in extenso).

¹⁾ Ил. 228, вѣче въ Звенигородѣ во время осады его Всеволодомъ Ольговичемъ. 1144 г. Галичане приглашаютъ Ивана Ростиславича (Ил. 226), но лѣтопись очень часто подъ галичанами разумѣетъ галицкихъ бояръ. Лишь 2—3 раза упоминаются граждане. Ил. 586 («и послаша ко гражданамъ, рекуще «предайтеся, князь вашъ лѣ бысть») ил. 517... и бывшу ему (Данилу) третій день у Галичи, любяхуть же и граждане. Подѣхавшу же ему подъ городъ, и рече имъ «о мужи градъстни, доколі хочете терѣти иноплемєнныхъ князій державу? Онѣ же воскликнуше, рѣша «яко се естъ держатель нашъ, Богомъ даный...). Единственный разъ въ лѣтописи выступаетъ галицкая земля. Почувствовавъ приближеніе смерти, Ярославъ «созва мужа своя и всю галицкую землю, позва же и збори вся и монастыря, и нищя и силныя и худыя» (Ил. 442), но у земли онъ проситъ лишь отпущенія грѣховъ («а отци и братья! простите и отдайте»), послѣднія же свои государственныя распоряженія (раз-

Нѣсколько большее, чѣмъ въ Галицкой Руси, значеніе имѣло, какъ кажется, вѣче на Волыни, но и тамъ оно рано гложнеть¹⁾).

Органы городского управленія въ княжескій періодъ извѣстны намъ очень мало.

Въ болѣе крупныхъ городскихъ центрахъ находимъ воеводъ и тысяцкихъ. Мы думаемъ, что въ завѣдываніи тысяцкаго находилось какъ городское населеніе, такъ и населеніе подгородныхъ селъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ городомъ тысячу. Не можемъ для галицкой земли рѣшить вопроса о сосуществованіи должностей тысяцкаго и другихъ мѣстныхъ правителей. Однако по лѣтописи мы знаемъ только тысяцкихъ галицкихъ и перемышльскихъ; въ меньшихъ центрахъ упоминаются воеводы и даже тиуны. Не только одна близость тысяцкаго къ князю — въ перипетіяхъ XIII в. мы находимъ тысяцкихъ постоянно на сторонѣ князя — но и прямыя указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что тысяцкій — *княжескій* чиновникъ, а не земскій: тысяцкаго назначаетъ князь²⁾).

лѣтъ княженія) излагаетъ только передъ мужами галицкими (такъ лѣтопись очень часто называетъ бояръ) и ихъ только приводитъ ко кресту.

1) Ип. 176, Василько и Володаръ осаждаютъ Владимиръ «и посласта к Володимерцемъ» съ требованіемъ выдачи Туряка, Лазаря и Василя, совѣтниковъ Давида на ослѣженіе Василька; «гражани же слышаше се и созвоиша вѣче, и рекоша Давидомъ людье на вѣчи: «свдай мужи ся, ми не бьемся за сяхъ, а за тя можемъ ся бити, а за сихъ не бьемся; аще ли, то отворимъ ворота городу, а самъ проишай о собѣ». Способъ созва вѣча и тонъ рѣчи Владимирцевъ соотвѣтствуютъ фактамъ нормальной вѣчевой жизни Киева и Новгорода.

Другой подобный же фактъ находимъ въ эпизодѣ той же борьбы Ростиславичей съ Давидомъ. Смерть Мстислава Святополковича, убитаго при осадѣ Владимира «таша 8 дни, и въ четвертый повѣдаша и на вѣчи; и рекоша людье: «се князь убьенъ, да аще ся влани, и Святополкъ погубитъ ны» и послаша къ Святополку, глаголюще: «се сязъ твой убьенъ, а ми изнемогаемъ голодомъ; аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти» (Ип. 178). Активную роль играютъ Владимирци и въ событіяхъ времени малолѣтства Романовичей (Ип. 481—82).

Самый поздній фактъ, свидѣтельствующій объ извѣстномъ значеніи Владимирской городской общины, принадлежитъ концу XIII в. Наслѣдникъ Владимира Васильковича, Мстиславъ Даниловичъ «свземъ же рядъ с братомъ, поѣха до Володимера, и приѣхавъ Володимеръ ѣха во пскопью ко святѣй Богородици: и созва бояры Володимерьскыя брата своего, и мѣстичѣ Русци и Нѣмицѣ и повелѣ передо всеми чести грамоту братву о даньхъ землѣхъ и всѣхъ городовъ и столнаго города Володимера; и слышаша вси отъ мала и до велика» (Ип. 596).

Замѣтимъ, что боярство не играетъ на Волыни въ княжескій періодъ такой огромной роли, какъ въ Галицкой Руси.

2) Ип. 527 «Ростиславъ же... вон собравъ и Володислава невѣрнаго, поѣде на Галичь; и пришедъ къ Печерѣ Домамири, и прельсти е Володиславъ, и влшася Ростиславу; и оттуда, поима, поѣде ко Галичи, рекни: «яко твой есть Галичь», а самъ прия тысячу отъ него.

Подъ тысяцкимъ находились сотские, число которыхъ намъ неизвѣстно ¹⁾. Обѣ должности, и тысяцкаго, и сотскаго, постоянныя; тысяцкій начальствуетъ своимъ полкомъ въ походѣ — изъ этихъ двухъ фактовъ возможно съ вѣроятностью заключить объ административно-военномъ значеніи обѣихъ должностей.

О правахъ горожанъ, компетенціи городской общины въ княжескій періодъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго на основаніи сохранившихся данныхъ.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній утверждать о какой-либо сословной отдѣльности городского населенія Черв. Руси въ княжескій періодъ.

Въ совершенно новый, кореннымъ образомъ отличный отъ стараго, фазисъ развитія вступаетъ южно-русскій городъ со времени польскаго владычества. Онъ обособляется отъ земли въ отдѣльную замкнутую общину съ своими правами и привилегіями; мѣщанство изъ класса становится сословіемъ.

Это обособленіе городского сословія явилось результатомъ введенія въ червонорусскіе города нѣмецкаго права.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса, имѣли ли польскіе короли при введеніи нѣмецкаго устройства въ города цѣли только финансовыя, или вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія, т.-е. хотѣли ли они создать третье сословіе, на которомъ бы, по примѣру королей западныхъ, могли съ теченіемъ времени опереться въ борьбѣ съ постоянно возростающей силой шляхетства. Не будемъ также останавливаться и на общемъ вопросѣ о благопріятномъ или неблагопріятномъ влияніи нѣмецкаго права на развитіе города въ Рѣчи Посполитой (последній вопросъ изслѣдованъ уже въ двухъ русскихъ трудахъ)²⁾, хотя не можемъ не замѣтить, что въ описываемый нами періодъ нѣмецкое право отразилось на городѣ скорѣе своими хорошими сторонами, чѣмъ дурными.

¹⁾ Въ XVI ст. населеніе и тѣхъ городовъ, которые уже пользовались нѣмецкимъ правомъ, было расписано на десятки, по такая организація имѣетъ уже иное значеніе. Такъ по люстраціи 1552 г. въ Кременцѣ мѣщане подъ Марборскимъ правомъ въ месте и на передместіи. *А расписаныхъ на десятки для обороны часу потреби на замку и въ месте: десятковъ всѣхъ 81, а домовъ триста семьдесятъ 6, а которые подъ присудомъ замковымъ* (Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. II, р. 80). Въ Варѣ, въ его русской части (miasto Ruskie) 12 десятковъ (12 десятковъ; *ib.* р. 131).

²⁾ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. С.-Пб. 1868, и В. Б. Автоновича (Архивъ Юго-Западной Руси, ч. V, т. I, Акты о городахъ 1432—1798 г.)

Въ послѣдующемъ насъ будутъ интересовать лишь слѣдующіе вопросы: 1) Каково было отношеніе новаго устройства города къ его старому русскому строю, т.-е. иначе, въ чемъ состояли коренныя отличія обоихъ устройствъ. 2) Остались ли какія черты стараго русскаго устройства при новыхъ порядкахъ. 3) Каковы были взаимныя отношенія разныхъ общинъ, составлявшихъ городъ (такъ какъ изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что новое устройство не охватывало цѣликомъ всего городского населенія) и 4) Какими особенностями въ устройствѣ и въ юридическихъ правахъ отличались эти общины¹⁾.

Нѣмецкое право появляется въ галицко-русскихъ городахъ еще въ русское время; но до времени польскаго господства оно имѣло здѣсь лишь характеръ частной привилегіи нѣмецкимъ обитателямъ города — они еще въ русское время составляли въ городѣ

¹⁾ Галицко-русскіе города еще ждутъ своихъ историковъ. Въ городскихъ архивахъ многихъ изъ нихъ (особенно Львова и Перемишля) хранится богатѣйшій, очень мало еще разработанный, матеріалъ для внутренней исторіи червонорусскихъ городовъ съ конца XIV в. (нѣкоторыя указанія см. въ нашей статьѣ, Архивы въ Галиціи, «Кіевская старина», 1888 г., №№ 8 и 10). Къ изданію этого матеріала приступили только въ самое послѣднее время. Тамъ въ Akta grodzkie i ziemskie I—IX изданы почти всѣ грамоты до XVI в., касающіяся Львова, и много грамотъ, касающихся исторіи другихъ городовъ Гал. Руси. Богатый матеріалъ для исторіи внутренней жизни въ городахъ находится въ судебныхъ книгахъ галицко-русскихъ (Akta gr. XI—XVI). Львовскій магистратъ съ 1892 г. сталъ издавать древнѣйшія магистратскія книги своего архива (Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. I. Najstarsza księga miejska 1382—1389, wyd. Dr. Aleksander Czołowski, we Lwowie, 1892).

Исторіи важнѣйшаго изъ галицко-русскихъ городовъ, Львова, посвящено и наибольшее число трудовъ. Кромѣ старыхъ трудовъ Зиморовича, Triplex Leopoli (польскій переводъ Пивовцаго, Lwów 1888) Иозефовича (Annales urbis Leopoliensis — издаваема только часть), Ходмицекаго (Hystorya miasta Lwowa, Lwów 1829), Зубрицкаго (Kronika miasta Lwowa, Lwów 1844, — трудъ, не потерявшій цѣны по сіе время, хотя и содержитъ не мало ошибокъ), отмѣтимъ цѣнныя статьи Распа (Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg, Archiv für oesterr. Gesch. Bd. 43), статьи Дѣлицкаго въ Słownik geograf. król. polskiego, и особенно талантливый трудъ Влад. Лозинскаго, Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, изд. 2-е, we Lwowie, 1892 г.

Древней исторіи Львова посвящены труды Шаранѣвича, Стародавній Львівъ, Львовъ 1861 и Алекс. Чоловскаго (Lwów za ruskich czasów, we Lwowie 1891).

Для исторіи Перемишля см. Hauser, Monografia miasta Przemyśla; Anat. Lewicki, Obrazki z najdawniejszychъ dziejów Przemyśla, Przemyśl, 1881.

Для Галича, Is. Szaraniewicz, Trzy opisy historyczne staroksiążęcego grodu Halicza, Lwów 1883; Al. Czołowski, O położeniu starego Halicza, Lwów 1890. Библиографію исторіи прочихъ червонорусскихъ городовъ см. въ Słownik geogr. król. polskiego а также въ новомъ изданіи Starożytna Polska Балинскаго и Липинскаго.

отдѣльную общину съ своимъ войтомъ¹⁾. Такія же отдѣльныя общины вѣроятно составляли и другіе инородцы, жившіе въ городѣ. Въ русское время мы знаемъ только одну попытку распространить нѣмецкое устройство на весь городъ — попытка эта принадлежала Болеславу-Юрію, послѣднему галицко-русскому князю.

Совсѣмъ иное значеніе для города имѣетъ введеніе нѣмецкаго права со времени присоединенія Черв. Руси къ Польшѣ. Новое устройство распространяется теперь на весь городъ, который освобождается отъ власти мѣстныхъ правителей и образуетъ замкнутую самоуправляющуюся и самопополняющуюся общину. Для нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ дѣйствительно существовали нѣмецкія общины, этотъ фактъ пріобрѣталъ какъ бы значеніе возвышенія нѣмецкой общины надъ всѣми прочими и подчиненія ей другихъ общинъ. Войтъ — представитель нѣмецкой общины — становится теперь представителемъ всего города. Такъ было напр. во Львовѣ, гдѣ долгое время войтъ и райцы были исключительно нѣмцы.

Обособивъ городъ отъ „земли“, нѣмецкое право сдуло самое понятіе о городѣ, ввело въ старую демократическую русскую общину новые элементы — исключительности и аристократизма. Равные прежде по правамъ обитатели города рѣзко раздѣлились теперь на два класса — полноправныхъ мѣщанъ и неполноправныхъ обитателей. Съ теченіемъ времени и первый классъ разбился на два разряда, патриціевъ и плебеевъ. Хотя юридической разницы въ правахъ обоихъ разрядовъ перваго класса и не было, но *de facto* вся судьба города находилась въ рукахъ крѣпко сплоченнаго богатаго купечества. Только жители города въ тѣсномъ смыслѣ считались полноправными мѣщанами и пользовались всѣми выгодами нѣмецкаго права. Предмѣщане не имѣли правъ горожанъ.

Условіями для пріобрѣтенія права гражданства были: законное происхожденіе, христіанское вѣроисповѣданіе, добрая нравственность, засвидѣтельствованная какой-либо уважаемой личностью или урядомъ того мѣста, изъ котораго происходилъ аспирантъ,

¹⁾ Войтъ львовскій упоминается еще за время Льва (А. гр. II, № 1 подъ 1362 — жалованная грамота Казимира дѣтямъ умершаго львовскаго войта Матѣя, подтверждающая имъ владѣніе имѣніемъ, пожалованнымъ ихъ *оуду Бертольду, львовскому войту, княземъ Львомъ*). Въ Перемишлѣ войтъ упоминается еще подъ 1359 и 1366 г. (А. гр. VIII, № 3 и 5). Въ Ярославѣ подъ 1371 Мыхно войтъ ярославскій (Головацкій, № 4).

и наконецъ владѣніе недвижимой собственностью въ городѣ, стоимостью въ 300 зл.¹⁾ Иногда только католикамъ предоставлялось пользоваться нѣмецкимъ правомъ.

¹⁾ Дѣдичій въ *Słownik geogr. król. polskiego*, t. V, p. 506. Но Лозинскій увеличиваетъ эту сумму до цифры отъ 8000—6000 зл. (*Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie*, изд. 2-е, р. 17). Зубрицкій (р. 78) приводитъ фактъ, доказывающій необходимость владѣнія недвижимой собственностью въ городѣ для приобрѣтенія городского права. Когда въ 1406 г. райца львовскій Леонгардъ подарилъ свой домъ на госпиталь, городская рада (въ видѣ исключенія) дала ему обязательство не принуждать его къ покупкѣ недвижимой собственности и доволять ему и безъ этого торговать въ городѣ. Въ 1418 г. было постановлено, что для принятія въ городское право нужно было быть женатымъ и владѣть недвижимой собственностью, иначе платить въ городскую казну по 10 гривенъ (ib. p. 84). Не могли получить права мѣщанства холостые (ib. p. 26); они платили особую подать *vestigal taurinum* (букове въ люстраціяхъ XVI в.) (во Львовѣ съ 1411, Зубрицкій, Кр. М. Лв. 79). Принятій въ городскую общину платилъ вступное въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Подъ христіанской религіей иногда подразумѣвалось только католическое вѣроисповѣданіе. Въ нѣкоторыхъ наставленіяхъ нѣм. права выразительно говорится, что имъ будутъ пользоваться только католики. См. напр. грамоту Витовта г. Соколову 1424 г. *Staroż. polska*, 2-е изд. т. III, р. 531 (*Mieszczan i wloscian rodu polskiego lub niemieckiego przepisany z prawa polskiego, lub ruskiego na niemieckie, zwane srodzkiem; Rusinów zaś przi ich prawach zostawiamy*). Въ эрекціонной грамотѣ Казимира Львову на нѣм. право последнее, правда, распространяется на всѣхъ жителей города безъ ограниченія вѣроисповѣданіемъ (... et licet totae civitati predictae et omnibus habitantibus et commorantibus in ea tribuimus jus Magdeburgense... и выше: *absolvimus insuper civitatem predictam et incolas ipsius quoslibet ab omnibus jurisdictionibus palatinorum etc.*), но изъ многихъ актовъ мы видимъ, что и во Львовѣ для принятія армянина въ нѣм. право нужно было особое королевское разрѣшеніе. (А. гр. V, р. № 42, 78, 141. Въ последнемъ актѣ король разрѣшаетъ тремъ братьямъ армянамъ, Васкѣ, Стецьку и Томѣ пользоваться нѣм. правомъ ... *assecurantes et absolventes ab omnibus arrestacionibus, exaccionibus et solucionibus theloneorum nostrorum regalium, prefatos Armenos nostros iure simili gaudere facientes et uti, prout etiam serenissimus dominus rex Vladislaus, felicitis recordii noster genitor carissimus, aliis Armenos eodem iure civili consolabatur ex gracia speciali*).

Въ Перемишлѣ только въ 1458 г. всѣ *cives et suburbani* переводятся съ польскаго в русскаго права на нѣмецкое (А. гр. VI, № 28), между тѣмъ какъ и право Перемишля получилъ въ 1389 г. (грамота Ягелла въ А. гр. V, № 19, но еще раньше упоминается войтъ перемишльскій въ грамотѣ 1359 г. Головацкій, I. с. № 2 «Панъ войтъ перемишльскій» и А. гр. VIII, № 5; войтъ и райцы подъ 1886 г., ib. № 16).

Формулу аттестата въ доброй нравственности и хорошемъ поведеніи мы находимъ въ грамотѣ новосадецкаго магистрата, рекомендующаго магистрату львовскому своего согражданина Яна Розу и просящаго о принятіи его въ число львовскихъ гражданъ... *recognoscentes quod is providus Iohannes Rosa in civitate nostra Sandeczensi iuxta ritum sanctae matris ecclesiae, legitime coniugato thoro honesto ac legitimo, honestis ex parentibus extat progenitus, genitore Iohanne Rosa, Martha vero genitrice eius originem trahens in civitate nostra Sandeczensi famamque laudabilem, probam et honestam conversacionem ac conservacionem, in omnibus a mi-*

Такия условия естественнымъ образомъ создавали рознь между двумя разрядами городскихъ обывателей и дѣлали неполноправныхъ равнодушными къ судьбѣ городской общины, въ которой

nimo ad maximum duxit honesteque se apud nos conservavit; de quo nulla nota infamie, imo omne bonum laudabile et honestum temporibus, quibus nobis commansit, et in exteris partibus, prout audita percipimus, prorsus innotuit. A. gr. VII. № 98. Подобное же свидѣтельство выдаютъ въ 1460 г. каменецкіе райцы Яну Трипдалу (A. gr. VI, № 38).

Не всякій, принятый въ нѣм. право, пользовался всеми его выгодами и получалъ полныя права мѣщанства. Не-католики (въ томъ числѣ православные русскіе и армяне) не могли быть избираемы въ лаву и магистратъ; русскіе и армяне не могли приобретать домовъ въ рнвкѣ (Losiński, l. c. p. 340); de facto однако послѣднее ограниченіе и русскимъ и армянамъ удавалось обходить, что впрочемъ вело къ нескончаемымъ процессамъ. Лозинскій (р. 350) говоритъ, что хотя въ 1708 г. львовскіе русскіе вмѣстѣ со ставропигіей приняли унию, магистратъ львовскій все же не хотѣлъ допускать русскихъ къ городскимъ должностямъ, и права участвовать въ городской лавѣ и магистратѣ русскіе добились только путемъ процесса, тянувшегося 30 лѣтъ. Однако Зубрицкій (Kr. miasta Lwowa, p. 144) утверждаетъ, что до 1518 г. православные русскіе жили въ мирѣ съ католиками и вмѣстѣ съ ними засѣдали въ городской радѣ. Но въ числѣ приводимыхъ имъ райцевъ XIV—XV в. мы нашли только двухъ русскихъ — Hanuszko Szerkes Rusin (р. 78 и 84 подъ 1407 г.) и Mikula Rusin (р. 114 подъ 1463 г.). Nicolaus Reuse (р. 76 ad. a. 1410) упоминается еще въ магистратскихъ книгахъ XIV в. (Pomn. dzieiowe Lwowa, № 590, 641). Однако есть основаніе считать его католикомъ. Подъ 1383 (ib. p. 57) выступаетъ Jencz Ruteni, т.-е. сынъ русскаго (filius quondam Johannis Reuse), а такъ обозначались лица русскаго происхожденія, перешедшія въ католицизмъ (ст. Johannes Rutleni Rector parochialis Ecclesie sancte Marie in Lemburga, A. gr. III, p. 92, 126). Замѣтимъ еще, что Neco Reuse былъ войтомъ въ 1403 г. (A. gr. II, p. 48), а райцемъ въ 1406—7 г. (A. gr. IV, p. 15, 21, 43, 47, 55; еще раньше въ 1402 г. лавникомъ, ib. p. 9, а Лаврентій Reuse — въ 1443—4 (A. gr. V, p. 118, XIV, p. 123).

Nicolaus Rutenus въ числѣ райцевъ встрѣчался подъ 1359 г. (A. gr. III, p. 23). Вѣроисповѣданіе двухъ райцевъ русскихъ (Ганушка Черкеса и Микити) намъ не извѣстно. Приобрѣтеніе недвижимой собственности въ городѣ для русскихъ и армянъ было ограничено опредѣленными пунктами (улицы Русская и Армянская). Русскіе и армяне долго не имѣли доступа въ нѣкоторые цехи (Losiński, l. c. p. 341), напр. въ цехи плавильщиковъ, золотарей. Въ 1386 г. перемишльскіе мещане получаютъ тѣ же привилегіи, что и львовскіе, но, судя по тексту грамоты, дѣло идетъ только о мещанахъ католикахъ (A. gr. VI, № 1: omnia iura et singulas consuetudines, quibus ipsi auctores catholici, Polonici sive Teutonici, utuntur fruuntur et mancipiuntur in civitate Lemburgensi, in nullo prorsus diminuendo, eisdem dedimus, donavimus et temporibus perennibus contulimus inviolabiter observari. Русскіе мещане, жившіе подъ Перемишльскимъ замкомъ, только въ 1439 г. получаютъ право: artem ipsorum sutoriam, prout ab antiquo laborabant et exercebant, exercere, laborare et ad eam quomodolibet necessaria in foro et extra forum eiusdem civitatis emere, vendere, comutare et de factis per eos indutiis disponere libere, secure et sine quovis advocati, consulum, civium, incolarum, sutorum et quorumcumque hominum eiusdem civitatis Polonicalem et in iure Teutonico manentium impedimento, prout alii ipsius civitatis Przemysliensis su-

они несли большія тяготы, но не пользовались никакими привилегіями.

Надѣляя городъ нѣмецкимъ правомъ, короли однако не разрушали разнородныхъ общинъ, населявшихъ городъ. Эти общины подчинялись теперь въ полицейскомъ и административномъ отношеніи городскому правительству, но въ извѣстныхъ границахъ продолжали сохранять свои права и привилегіи. Въ судебномъ отношеніи зависимость этихъ общинъ отъ городского управленія не была безусловной: лицамъ, принадлежавшимъ къ національнымъ общинамъ предоставлялось право или судиться на основаніи нормъ нѣмецкаго права, или же на основаніи своего обычнаго права въ особыхъ смѣсныхъ судахъ, въ которыхъ судьями были представители ихъ общинъ, а предсѣдателемъ — представитель города, войтъ. Вопросъ о предѣлахъ компетенціи городского правительства надъ представителями разныхъ національностей, обитавшихъ въ городѣ, составлялъ постоянно *objectum litis* между національными общинами и городскимъ магистратомъ. *De facto* дѣло сводилось къ тому, что судебные казусы между представителями одной и той же общины рѣшались на судѣ однихъ ея представителей, а смѣсные суды играютъ роль главнымъ образомъ по претензіямъ третьихъ лицъ къ членамъ данной національной общины.

Въ грамотѣ Казимира Львову на нѣмецкое право указаны слѣдующія національности, которымъ дозволялось судиться смѣснымъ судомъ: армяне, русскіе, сарацины и евреи (хотя это право предоставлялось и *aliis gentibus cujuscunque status vel conditionis existant*). Что Армяне и Евреи составляли особыя общины со своими старшинами, это давно извѣстно; объ этихъ общинахъ мы скажемъ ниже.

Составляли ли русскіе, не пользовавшіеся нѣмецкимъ правомъ, такія же общины, какъ Армяне и Евреи?¹⁾

Нѣкоторые изъ историковъ Львова²⁾ утверждаютъ, что, въ противоположность Армянамъ, составившимъ отдѣльную автономическо-правовую общину, существовавшую на основаніи ряда привилегій, Русскіе составляли въ городахъ только вѣроиспо-

tores laborant, emunt, vendunt et exercent (A. gr. VI, № 19). Съ XVI ст. иноземцы съ трудомъ приобрѣтаютъ городское право; почетное званіе мѣщанина обходится имъ очень дорого (Loziński, p. 19).

¹⁾ Замѣчательно, что армяне, какъ увидимъ ниже, перешедшіе на право нѣмецкое, не теряли связи со своей общиной.

²⁾ Loziński, I, с. р. 14 и 308.

вѣдную общину, а не правовую, слѣдовательно не имѣли правильной организаціи.

Замѣтимъ на это слѣдующее: вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ не только доступъ къ полнымъ гражданскимъ правамъ, но и прочная осѣдлость были ограничены въ городѣ для не-ка-толиковъ. Но юрисдикція городского магистрата распространилась первоначально только на городъ въ тѣсномъ смыслѣ. Городскія предмѣстья только съ теченіемъ времени мало-по-малу были подчиняемы городской юрисдикціи; неполноправное население города (въ его широкомъ смыслѣ), бѣднѣйшіе классы ютились преимущественно въ предмѣстьяхъ (и подчиненные городскому магистрату предмѣщане не пользовались полными правами гражданства). Здѣсь по преимуществу живутъ Русскіе, Армяне и Евреи.

Въ періодъ независимости отъ городского правительства предмѣщане должны были имѣть свою отдѣльную организацію и юрисдикцію и свое *право*.

Изъ многихъ судебныхъ рѣшеній мы можемъ заключить, что не подчиненное городскому магистрату население предмѣстья было подчинено въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ замковому уряду. Во главѣ завѣдыванія предмѣстьями стоялъ, какъ кажется, воевода. Подъ воеводой находились *сотскіе*, которымъ принадлежало какъ ближайшее завѣдываніе населеніемъ предмѣстій, такъ и завѣдываніе подзамковыми сотными людьми¹⁾.

Населеніе предмѣстій жило на *правѣ русскомъ* и слѣдовательно и судилось по тому же праву въ замковомъ судѣ²⁾.

¹⁾ Въ *Pomniki dzeuowe Lwowa*, № 421 упоминается *староста* Михаилъ подъ 1886 г. Въ это время старостой (*capitaneus*) львовскимъ былъ Андрей. Не былъ ли это какой представитель львовской русской общины? Тіуць перемншльскій Богдаль упоминается подъ 1359 и 1366 г. (Головацкій, № 2 и 3. А. гр. VIII, № 3 и 5), тіуць de Sczirzicz подъ 1405 г. (А. гр. IV, р. 21).

²⁾ А. гр. XIV, р. 128, львовскій банщикъ Манько продаетъ армянскому банщику Лазарю два дома *ante portas Cracoviensem in iure castri Ruthenico existentes*, обявляясь защищать покупателя отъ претензій своихъ родственниковъ *iuxta consuetudinem iuris Ruthenici*.

Въ 1415 г. армяне, приписанные къ церкви св. Іоанна въ Львовскомъ предмѣстьи, переводятся съ *права русскаго* на право армянское (А. гр. IV, № 82).

Въ Каменцѣ Подольскомъ еще въ 1565 г. русскіе составляли отдѣльную общину и судились по праву русскому (*Miasto Kamieniecza w azobie troyaki narod ludzki, troyaki obiczaj prawa. Poliaczy autoritate praeeinent, a szadza szie prawem Maydemburskym; Russz prawem y swoiczajem ruskym sadza szie y woytha swego maja; Ormiane—obiczajem armenskym y woytha tez swego maja*) (Арх. Юго-Зав. Рос., ч. VII, т. II, р. 165).

Не всё предмѣстья въ XV в. переходятъ подъ юрисдикцію города; нѣкоторые изъ нихъ остаются въ завѣдываніи замка¹⁾; но и въ тѣхъ предмѣстьяхъ, которые были подчинены городскому магистрату, оставалось населеніе, подчиненное замку.

На русскомъ правѣ въ предмѣстьяхъ жили не одни Русскіе, а и иноподданы, напр. Армяне.

Въ исторіи южно-русскаго города средняго періода армянамъ принадлежить весьма видное мѣсто²⁾. Безъ всякаго преувеличенія

¹⁾ Во Львовѣ различаются Suburbium civile и Suburbium castrense (А. гр. XIV, р. 396, *providus Paulus de suburbio civili*); изъ А. гр. XIV, р. 155 можно бы заключить, что въ городскомъ предмѣстьи былъ свой войтъ (*Hanusch advocatus in suburbio in Cerdonibus*: въ этомъ году городскимъ войтомъ былъ Лаврентій, ib. р. 123 и А. гр. V, р. 118). Дома in suburbio ante portam Cracoviensem находятся in iure castrensi (А. гр. XIV, р. 164). Съ нихъ идетъ служба замку (А. гр. XV, р. 189). Предмѣстье pod zamczie оставалось въ вѣдѣніи замка и въ XVI в. (Л. М. IV В. 19, л. 152 об.).

²⁾ Лучшій трудъ по исторіи южнорусскихъ армянъ принадлежитъ проф. Громницкому (*Ormianie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje, Warszawa 1889*). Въ предисловіи къ этому труду (основанному по большей части на дипломатическомъ матеріалѣ) приведена и литература предмета. Изъ приведенныхъ авторомъ трудовъ наиболее важны: *Sadok Barącz, Żywoty sławnych ormjan w Polsce, Lwów 1856* (богатство матеріала, но не мало умеченій и ошибокъ), труды Бишофа: *Ferd. Bichoff, Das alte Recht der Armenier in Polen (Oesterr. Blätter für Litteratur und Kunst, Wien 1857), Das alte Recht der Armenier in Lemberg, Wien 1862, Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg (Archiv für Kunde oesterr. Geschichtsquellen, Wien 1864), Zacharjasiewicz, Wiadomoszi o ormjanach w Polsce (Bibl. nauk. zakł. im. Ossol. 1842, т. II), Шараневичъ (Szkola, г. 1868), *Sadok Barącz, Rys dziejów ormjanских; Siarczyński, Galicya, jej ziemia, płody i ludy (Dod. tyg. przy Gaz. Lwowskiy 1857 г.)*. Очень много цѣннаго матеріала по исторіи армянъ въ галицко-русскихъ городахъ находится въ Акта grodzkie i ziemskie. (Многія изъ собранныхъ Бишофомъ привилегій армянамъ напечатаны съ оригиналовъ въ первыхъ IX томахъ). Для бытовой исторіи львовскихъ армянъ особенно важны: Акта гр. т. XIV—XV и *Pomniki dziejowe Lwowa, Lwow 1892*. Не мало любопытныхъ бытовыхъ подробностей даетъ *Wl. Loziński* въ соч. *Lwów starożytny II, Patrycyat i mieszczaństwo Lwowakie w XVI—XVII w.* (главнымъ образомъ по невзданному матеріалу изъ Львовскаго городского архива). Въ Кіевскомъ центр. архивѣ, насколько намъ извѣстно, хранятся книги армянскаго суда въ Каменцѣ Подольскомъ (на арм. языкѣ). Книги Барскихъ армянъ возвращены изъ этого архива въ Баръ. Вѣнски изъ каменецъ-подольскихъ армянъ были дѣлаемы для Энциклопедической патріаршей бібліотеки. О каменецкихъ армянахъ см. *dr. Antoni J. Zamecki Podolskie I—III Warszawa 1880*. О торговлѣ южнорусскихъ армянъ см. еще *St. Koczynski, Osteurop. Handel im XV Jahrh. (Jahrb. für Nationalrekon. u. Statistik, XXXIV (1879 г.), р. 498*. Латинскій текстъ сборника армянскаго права издавъ Бишофомъ (*Das alte Recht der Arm. in Lemberg*), польскій — Войцциемъ въ *Bibl. Warsz. 1842* и *Bibl. starożytna pi-sarzów polskich, I*. Важно было бы изученіе этого сборника и выдѣленіе изъ него*

можно утверждать, что наиболее крупные торговые центры южной Руси, какъ Львовъ, Луцкъ, Каменецъ Подольскій, обязаны въ значительной степени своимъ богатствомъ, блескомъ и значеніемъ преимущественно армянамъ. Благодаря преимущественно этому бойкому, оборотливому и предприимчивому народу южнорусскіе торговые центры стали посредниками торговли Востока съ Западомъ. Знакомые съ условіями жизни на Востокъ, владѣвшіе восточными языками, хорошо ориентированные въ торговыхъ путяхъ на Востокъ, не лишены личной храбрости и умѣнья владѣть оружіемъ, качествъ необходимыхъ для рискованныхъ экскурсій на Востокъ черезъ обширныя земли разбойническихъ народовъ, Армяне очень рано принялись за сухопутную торговлю Запада съ Востокомъ, а съ паденіемъ итальянскихъ колоній въ Крыму забрали ее въ свои ловкія руки.

Обширными торговыми оборотами и разными другими, часто менѣе почтенными, путями наживы Армяне достигли на Руси большаго богатства и личнаго значенія. Несмотря однако на это, Армянамъ не удалось пріобрѣсть даже въ тѣхъ центрахъ, которые, благодаря ихъ предприимчивости и завидному примѣру, вступили на широкій путь торговой предприимчивости, уваженія и юридическаго значенія. Въ общественномъ мнѣніи армяне стояли правда ступенью выше, чѣмъ Евреи, но во всякомъ случаѣ ниже нѣмцевъ.

Такое положеніе армянъ объясняется съ одной стороны ихъ религіозной отдѣльностью: и католики и православные одинаково считали ихъ за раскольниковъ, невѣрныхъ (*infideles*). Съ другой стороны это былъ народъ пришлый, стойкій въ своихъ оригинальныхъ восточныхъ обычаяхъ, народъ восточный, а къ Востоку и Русь и поляки и нѣмцы относились всегда съ недоувѣріемъ. По физическому складу, языку, обычаямъ Армяне составляли группу совершенно отдѣльную, группировались въ своей общинѣ, рѣзко отличаясь отъ туземцевъ и западныхъ колонистовъ. Наконецъ личный характеръ Армянъ и нѣкоторыя не особенно

разныхъ наслоеній. Попытку этого дѣлаетъ I. Kohler, *Das Recht der Armenier* (*Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, VII Bd. I. Heft, Stuttgart, 1887). Исторія принятія армянами уніи — въ трудѣ проф. Павякаго, *Dzieje zjednocenia ortuan polskich z Kosciolom Rzymskiem, Źródła dziejowe*, т. II, Warsz. 1876, см. еще Иозефовича, *Annalium urbis Leopoliensis tomus extraneus* (рукопись библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ). О языкѣ армянъ польскихъ см. I. Hanusz, *o języku ortuan polskich*, *Rozpr. wydz. filolog. Akad. umiej.*, т. XI. Его же *Einige slovischen Namen armenischer und türkischer Herkunft*, *Архивъ Ягяча*, Bd. IX, H. III.

симпатичныя отрасли их дѣятельности (какъ лихва), а въ значительной мѣрѣ, конечно, и зависть къ богатству пришлыхъ инородцевъ, подрывавшихъ личные интересы мѣстнаго промышленнаго класса — все вмѣстѣ заставляло буржуазію южнорусскихъ городовъ недоброжелательно относиться къ Армянамъ¹⁾.

Появляются Армяне на Руси очень рано. Хотя мы и не можемъ признать достовѣрною грамоту, будто бы выданную имъ кievскимъ великимъ княземъ въ 1062 г.²⁾, но пребываніе Армянъ на Руси въ XI в. не подлежитъ сомнѣнію. Въ житіи преп. Θεодосія Печерскаго есть рассказъ о его преніяхъ съ армянами кievскими о вѣрѣ. И въ Кіевѣ конечно Армяне занимались торговлей и ремеслами.

Съ паденіемъ Кіева Армяне передвигаются въ юго-западные торговые центры; въ XIII ст. мы ихъ находимъ во Владимирѣ.

1) Громницкій утверждаетъ, что армяне не играли видной роли на Руси вслѣдствіе своей малочисленности (р. 52). Малочисленность армянъ была только относительная. Въ городахъ (а армяне въ нихъ-то почти исключительно и жили) процентъ армянскаго населенія былъ весьма значителенъ, что видно изъ фактовъ, приведенныхъ у него въ гл. 9—10. Такъ въ Каменцѣ было около 900 домовъ, принадлежавшихъ армянамъ (р. 70), и около 1200 армянскихъ семействъ. Въ 1407 г. въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ Львова числилось 63 армянскихъ семьи, а 534 семьи остальныхъ обитателей: вѣнцевъ, русскихъ, поляковъ, татаръ. Zubrzycki, Kron. miasta Lwowa, p. 68. По Сарчинскому (Galicya, Dod. przu Gaz. Lwow. 1857) въ 1413 г. 3 тысячи армянскихъ семей пришли въ Молдавію, осѣли въ Сучавѣ и другихъ городахъ, часть отсюда перешла во Львовъ въ эпоху борьбы между наследниками господара Александра. Когда внутренние раздоры нѣсколько улеглись въ Молдавію, туда въ среднѣ XV в. переселялось снова немало армянъ изъ Львова (Kuczynski, l. c.).

2) См. у Вншофа, Urk. zur Gesch. der Arm. in Lemberg, и у Громницкаго по копію 17 в. «privilegium Theodori Demetrii Ducis Russiae ex Ruthenico idiomate in latinum transpositum in an. Dei 1062 Armenis datum, cujus ea sunt verba: Ecce Magni Ducis Theodori Demetrii filii Nosohacensibus Armenis, qui huc volunt venire, veniant in auxilium meum, et ego vobis dabo libertatem ad tres annos et cum fueritis apud me, ubi quis voluerit, illuc ibit libere. Захарьясевичъ (у Громницкаго, р. 8), видѣвшій русскій оригиналъ этой грамоты, утверждаетъ, что на ней нѣтъ даты, тоже говоритъ и Бѣловскій (Bischof, l. c.), замѣчающій, что въ оригиналѣ нѣтъ и граепомен Zub (Theodor Zub), встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ копіяхъ, и что въ текстѣ можно прочесть — носохачкимъ и косохачкимъ армянамъ (б. м. наиболее правильное чтеніе — ко солхачскимъ). Дату 1062 Захарьясевичъ, какъ намъ кажется, удачно объясняетъ годомъ перевода грамоты на латинскій языкъ по армянскому лѣтоисчисленію (1062 = 1615 г.). Дата 1062 г. ввела многихъ въ заблужденіе — грамоту на основаніи такой даты относили къ XI в., а такъ какъ въ 1062 не было великаго князя Θεодора Дмитриевича, то грамоту сочли подложной. Позволимъ себѣ предположеніе — не исходить ли эта грамота отъ Волынскаго князя Θεодора Любартовича (христіанское имя Любарта — Дмитрій); онъ скончался въ 1431 г. Dlugosch ed. Przewdziecki, l. XI, p. 455, Wolf, Röd. Gedymina, p. 76.

Съ усиленіемъ значенія Львова, какъ торговаго центра, сюда стекаются изъ разныхъ мѣстъ Армяне, и здѣсь они свили себѣ самое прочное гнѣздо.

Кромѣ Львова очень рано находимъ Армянъ въ Луцкѣ, Каменцѣ Подольскомъ, Галичѣ, Ярославѣ и вообще во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ центрахъ Юго-Западной Руси¹⁾.

Вездѣ, куда только Армяне стекались въ значительномъ количествѣ, они составляли отдѣльную общину, имѣвшую самоуправленіе, своего войта, свое собраніе старѣйшинъ, своихъ священниковъ и въ болѣе крупныхъ центрахъ и епископовъ²⁾.

Объемъ сферы самоуправленія армянской общины составляли постоянно *objectum litis* между армянами и горожанами. Первые стремились расширить его компетенцію, послѣдніе хотѣли подчинить армянъ присуду городскихъ властей. Съ третьей стороны, наконецъ, и старосты стремились подчинить своей судебной компетенціи не только армянскую общину, но и всѣхъ армянъ, которые были приняты въ городскую общину и, слѣдовательно, находились въ нѣмецкомъ правѣ³⁾. Въ результатъ безконечныя жалобы, протесты и процессы трехъ заинтересованныхъ сторонъ.

Наиболѣе данныхъ сохранили намъ акты о судьбѣ армянской общины во Львовѣ. Передадимъ здѣсь вкратцѣ исторію этой общины, останавливаясь главнымъ образомъ на вопросѣ о юридическомъ положеніи армянъ, не пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ.

Мы не знаемъ о существованіи какихъ-либо особенно древнихъ грамотъ утверждавшихъ армянъ въ ихъ правахъ (о грамотѣ Θεодора Дмитріевича мы говорили выше). Казимиръ по видимому не выдалъ армянамъ отдѣльной грамоты, опредѣлявшей точно ихъ права и привилегіи. Въ грамотѣ Львову на нѣмецкое право армянамъ, какъ и остальнымъ народамъ, заселявшимъ

¹⁾ Данныя о распространеніи армянъ въ предѣлахъ Польши собраны Громницкимъ, I. с., гл. 9—10. Въ 1432 г. луцкимъ армянамъ и евреямъ даются тѣ же привилегіи, что и львовскимъ (*Inventarium privilegiorum etc.* 371).

²⁾ Во Львовѣ было даже два армянскихъ войта, одинъ въ городѣ, другой въ предмѣстьи (*Pomn. dz. Lwowa*, № 397. Богданъ, *advocatus Armenorum*, — 1386. *A. gr. XIV*, p. 166 упоминается *advocatus Armenorum de suburbio*). *Consilium Armenorum A. gr. XIV*, p. 141. Епископы армянскіе были во Львовѣ въ XIV в. (*Pomn. dz. Lw.* № 696, *Gromnicki*, p. 52), въ Луцкѣ, Каменцѣ Под., Ярославѣ (*Громницкій*, p. 69—71).

³⁾ *A. gr. XIV*, p. 204.

Львовъ (русскимъ, евреямъ, сарацинамъ), подтверждаются ихъ старыя права, но въ очень общихъ выраженіяхъ.

Такъ же глухо говорятъ о правахъ армянъ и другія древнѣйшія грамоты польскихъ королей, ссылавшихся впрочемъ обыкновенно на привиллегіи удѣленные армянамъ Казимиромъ.

Что во второй половинѣ XIV в. армяне имѣли своего собственнаго войта, это видно изъ грамоты Елисаветы армянамъ и львовскихъ магистратскихъ книгъ XIV в.

Самоуправленіе армянской общины постоянно стояло бѣльмою въ глазу у львовской городской общины. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій тянется процессъ львовскаго магистрата съ армянами о подсудности послѣднихъ. Городская община утверждала, что въ городѣ долженъ быть одинъ войтъ и его суду подчиняться всѣ горожане безъ различія національностей, на этомъ основаніи требовали упраздненія отдѣльнаго армянскаго войта.

Въ виду подобныхъ противоположныхъ претензій короли чувствовали себя въ довольно неловкомъ положеніи — имъ не хотѣлось обижать армянъ, приносившимъ правительству, по собственному заявленію, немалыя выгоды¹⁾, съ другой стороны значительные доходы съ городской общины дѣлали королей весьма снисходительными къ „вѣрнымъ и любезнымъ“ (*fideles et dilecti*) горожанамъ. Всѣ королевскаго правосудія склонялась то на ту, то на другую сторону, то принимали нейтральное положеніе — компромиссомъ старались успокоить обѣ стороны.

На чьей сторонѣ были большія права?

Положеніе армянъ въ львовской городской общинѣ было дѣйствительно не совсѣмъ удобное — кромѣ платы общихъ городскихъ налоговъ и пошлинъ, на армянахъ лежала еще специальная подать²⁾, отъ которой не освобождены были и армяне, получившіе

¹⁾ *A quibus nobis comoda crescunt non modica*, A. gr. V, № 42.

²⁾ *Кошовица?* (A. gr. XV, p. 296). Въ 1440 король велитъ: *quod omnes et singuli Armeni, fide Armenorum viventes, quorum multi de iure suo Armenico se in ius Teutonicum transtulerunt, eoque pociantur et fruuntur, ita scilicet quod dum et quociens ipsi Armeni per nos tanquam nostri subditi pro aliquibus dacionibus sive solucionibus requirentur, omnes unanimiter iuxta uniuscuiusque exigenciam pro eisdem solucionibus aut dacionibus ipsis per nos impositis contribuant et component...* (A. gr. V, p. 99).

Въ 1436 г. король проситъ Львовъ принять въ вѣм. право армянъ лущихъ Сенька, Насзиле и Мелешка, но послѣднихъ не освобождаетъ отъ пошлинъ, уплачиваемыхъ армянами (Bischoff, № 7). Но съ другой стороны, давая львовскимъ армянамъ Ивашку, Стецьку и Томъ вѣм. право, король освобождаетъ ихъ «a quibusvis

нѣмецкое право. Далѣе, обычное право армянъ отличалось значительно отъ постановленій права нѣмецкаго и польскаго. Однако армяне, повидимому, хотѣли судиться по своему праву и у своихъ судей не только между собою, но и по претензіи третьихъ лицъ — не армянъ, отказываясь въ такихъ случаяхъ подчиняться общему городскому присуду. Естественно, что городъ защищалъ свои права, требуя подсудности армянъ-отвѣтчиковъ по претензіямъ горожанъ другихъ національностей городскому войту.

Жалуя Львову нѣмецкое право, Казимиръ подтвердилъ въ то же время права разныхъ народовъ, обитавшихъ во Львовѣ, какъ-то: армянъ, жидовъ, сарацинъ, татаръ и русскихъ, при этомъ всѣмъ инородцамъ разрѣшено по дѣламъ, возникающимъ между членами отдѣльныхъ національностей или по иску членовъ одной національности къ членамъ другой¹⁾, судиться или по нѣмецкому праву, или по своимъ правамъ, но въ присутствіи и предсѣдательствѣ городского войта.

Подтверждая права и привилегіи армянъ, Елисавета поручаетъ ихъ опеку старостѣ²⁾, между тѣмъ какъ грамотой Казимира львовскіе армяне подчинялись присуду городского войта (въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ войта). Это противорѣчіе въ актахъ имѣло для армянъ неприятныя послѣдствія: жившіе за чертою города армяне находились на *правѣ русскомъ* и были подчинены присуду замка³⁾.

theloneis et foralibus Leopoliensibus, nobis per ceteros Armenos solvi et dari consuevit» (A. gr. V, p. 182). Въ 1568 г. Армяне жалуются королю, что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ изъ-подъ армянскаго права въ другія права *simulque onera debita denegare consueverunt* (Bischoff, № 35). Король запрещаетъ армянамъ переходъ подъ другое право.

¹⁾ Такъ я понимаю выраженіе грамоты: «dantes tamen facultatem eis ut pro quibuscumque causis vel criminibus inter ipsos aut inter eos vel *alias* (nationes?) quibuscumque super causis vel articulis emergentibus, habuerint questionem, licitum sit eis pridicti Iure Madeburgense uti coram advocati et perfrui juxta eorum petitionem petitam et oblatam. (A. gr. III, № 5).

²⁾ A. gr. III, № 29... vobis nichilominus nostro fideli Baroni domino Ianussio, Capitaneo terre sepius nominate, singulariter committimus, insimantes, quatinus superiores dictos Armenos ab hominum quorum libet iniurijs, molestijs et perturbationibus universis tueri et protegere sollicitate debeatis et in eorum iure per vos et quemlibet vestrum nec non alios in terra Russie constitutos more pristino permittatis cum effectu. Армянамъ въ общихъ выраженіяхъ подтверждаются права въ привилегіи, какими они пользовались въ эпоху Казимира. Грамоту Елисаветы подтверждаютъ Людовикъ и Ягелло (ib. № 31 и 45).

³⁾ Только въ 1415 г. Армяне, жившіе на землѣ церкви св. Іоанна extra muros civitatis Leopoliensis переводятся съ права русскаго на право армянское, какими

Старосты стремятся и всѣхъ армянъ подчинить своей власти. Въ этомъ отношеніи характерно дѣло, занесенное въ львовскія городскія книги подь 1446 г. ¹⁾ Львовскій староста, Петръ Одрованжъ, требуетъ, чтобы всѣ армяне, находившіеся на правѣ нѣмецкомъ, подчинялись замковому суду и требуетъ этого подь угрозою смертной казни. Армянскій войтъ Христко храбро однако отстаиваетъ права своихъ соплеменниковъ. Онъ не хочетъ назвать армянъ, находящихся на правѣ нѣмецкомъ. „Я не могу приказывать имъ, такъ какъ они живутъ на правѣ нѣмецкомъ, и судятся по этому праву“.

Въ этомъ процессѣ, по всей вѣроятности, принялъ участіе и городъ, отстаивавшій подчиненіе своему присуду армянъ, жившихъ на правѣ нѣмецкомъ. Участіе города въ этомъ процессѣ ясно изъ соглашения львовскаго магистрата со старостою, состоявшемся въ 1460 г. ²⁾ Староста отказывается отъ претензій на юрисдикцію надъ армянами, какъ жившими во Львовѣ, такъ и за его стѣнами, сохраняя только юрисдикцію надъ армянами, жившими издревле подь замкомъ. Однако львовскій магистратъ не хотѣлъ ограничиться этой побѣдой. Отдѣльность армянской общины, имѣвшей своихъ войтовъ (одного въ городѣ, одного въ предмѣстьи) ³⁾, своихъ старѣйшинъ ⁴⁾, свое право, подчинен-

пользовались армяне львовскіе, освобождаются отъ присуда замковыхъ чиновниковъ, получаютъ своего войта, отвѣчающаго только передъ каноникомъ церкви; войтъ судитъ ихъ по армянскому праву и по тому же праву отвѣчаетъ самъ передъ каноникомъ (А. г. IV, № 32. Замѣчательно, что формула грамоты буквально сходна съ формою грамотъ на право нѣмецкое).

¹⁾ А. г. XIV, р. 204.

²⁾ А. г. VI, № 41.

³⁾ Войтъ армянскій упоминается еще въ концѣ XIV ст. Pomniki dziejowe Lwowa, № 497. Войтъ предмѣстья, А. г. XIV, р. 166. По Дозинскому (I. с. р. 277) первый изъ старѣйшихъ армянскихъ (войтъ?) носилъ громкое названіе «начальника армянскаго народа» (dyrektor narodu ormiańskiego) или по-армянски «egospochan».

⁴⁾ Последніе именуется «armeni scabini iurati» (А. г. XV, р. 269), seniores consilii Armenorum (А. г. XIV, р. 141). Въ Pomn. dziejowe Lwowa (№ 492) есть случай смѣснаго суда надъ армянами Sewoncz filio Meletschy и Tholak filio Thaysz — судъ in iure provinciali — председательствуетъ Pascho de Odirborg, pallatinus parvi castri съ 3 шляхетскими ассессорами, Богданомъ армянскимъ войтомъ и армяниномъ Herbytho, сыномъ Тенегана изъ Владимира (а. 1387). Нужно думать, что судившіеся армяне жили въ львовскомъ предмѣстьи и поэтому подчинялись присуду замка.

Для смѣснаго суда старосты съ армянскими старѣйшинами см. А. г. XIV, р. 107, 110, 115—116. Для суда городского войта съ армянскими старѣйшинами см. А. г. VII, № 69 (1474). Засѣданія такого суда происходили in pretorio Leopoliensi (А. г. XV, р. 269) Armeni scabini iurati in pretorio Leopoliensi iudicialiter residentes). Впрочемъ львовляне изъ за мѣста засѣданія такого смѣснаго суда спо-

ной только въ ограниченнѣхъ размѣрахъ присуду городского магистрата, стояла бѣльмомъ въ глазу у гордыхъ львовскихъ патрищевъ. И вотъ начинается долгій процессъ магистрата съ армянами объ ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеніяхъ.

Какъ мы уже говорили, дѣла между армянами судились на смѣсномъ судѣ; судьями были армянскіе старѣйшины, предсѣдательствовалъ городской войтъ; такой судъ рѣшалъ дѣла по праву армянскому.

Но кромѣ мѣстныхъ армянъ, постоянныхъ обитателей Львова, въ этотъ центральный торговый городъ южной Руси массами постоянно наѣзжали армяне изъ другихъ южнорусскихъ городовъ, изъ Крыма, Арменіи, Венеціи и пр. Вопросъ о подсудности иногородныхъ и иноземныхъ армянъ составлялъ долго камень раздора между тремя заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами — львовской армянской общиной, городскимъ магистратомъ и старостами. Старосты стремились подчинить своей юрисдикціи всѣхъ иноземныхъ купцовъ, прибывавшихъ въ городъ. Городской магистратъ требовалъ ихъ подчиненія своему суду по праву нѣмецкому. Наконецъ въ частности относительно армянъ возникалъ еще вопросъ о *правѣ*, по которому они должны судиться: магистратъ утверждалъ, что иноземные армяне, какъ прочіе иноземные купцы, должны судиться по праву нѣмецкому; армяне требовали того же смѣснаго суда для иноземныхъ армянъ, какой былъ установленъ для армянъ львовскихъ. Всѣ три стороны, помимо вопроса о предѣлахъ своей юридической компетенціи, были въ этомъ дѣлѣ заинтересованы и съ финансовой стороны — кто судилъ, тому и шли судебныя пошлины.

Сначала побѣду надъ остальными конкуррентами одержалъ городъ. Въ 1444 г. король подчиняетъ всѣхъ пребывающихъ во Львовѣ иноземныхъ купцовъ, грековъ, армянъ, сарацинъ, евреевъ, бесерменъ и представителей всякихъ другихъ національностей, будь то христіане или язычники, присуду городского суда по праву нѣмецкому¹⁾.

рши съ армянами: армяне утверждали, что въ смѣсномъ судѣ войтъ съ армянскими старѣйшинами послѣдніе должны засѣдать in pretorio et scabellis et locis scabinorum, райцы львовскіе утверждаютъ, что армянскіе старѣйшины могутъ засѣдать in pretorio, только не in subscellis scabinorum. Король рѣшаетъ дѣло въ пользу львовскихъ райцевъ. Смыслъ спора понятенъ — львовскіе райцы хотѣли этой мелочной формальной привилегіей отстоять непоправимость армянъ, лишенихъ права принимать активное участіе въ городскомъ управленіи (документъ въ сборникѣ Бишофа № 27).

¹⁾ А. ит. V, № 104.

Однако королевскія грамоты и городскія привиллегіи имѣли весьма мало значенія въ глазахъ такихъ самовластныхъ распорядителей судебъ Червоной Руси, какими были въ XV в. Одрованжи. Мы видѣли, что послѣдніе путемъ разныхъ угрозъ (а вѣроятно и насилій) хотѣли подчинить своей компетенціи даже мѣстныхъ армянъ, принятыхъ въ нѣмецкое право. Только въ 1460 г. львовскій староста Андрей Одрованжъ призналъ право городского суда надъ прибывающими въ городъ иноземными купцами¹⁾.

Споры города съ армянской общиной о подсудности иноземныхъ армянъ, прибывавшихъ во Львовъ, продолжались дольше. Къ нѣкоторому соглашенію пришли обѣ стороны въ 1469 г. — дѣла между армянами львовскими попрежнему должны были рѣшаться въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ городского войта, и въ такомъ случаѣ судебныя пошлины шли въ пользу армянскихъ старѣйшинъ, но по дѣламъ между иноземными армянами всѣ пошлины судебныя поступали цѣликомъ въ пользу городского войта²⁾.

Судебная компетенція армянской общины была однако еще болѣе ограничена грамотами королевскими 1476 и 1510 г. Первой уголовныя дѣла (насиліе, убійство, пораненія), возникавшія между львовскими армянами были изъяты изъ смѣснаго суда и подчинены суду войта и городскихъ лавниковъ, въ остальныхъ дѣлахъ былъ оставленъ прежній порядокъ суда. Апелляція отъ суда войта шла въ судъ королевскій³⁾.

Еще болѣе ограничиваетъ судебную компетенцію армянской общины королевскій декретъ 1510 г.⁴⁾. Еще во время пребы-

1) A. gr. VI, № 41 ...hospites eciam ab undecunque venientes et signanter hospites transmarinos tam Christianos quam paganos cuiuscunque generis et conditionis extiterint, in iurisdicionem et civitatem Leopoliensem venientes, pro omnibus questionibus coram nemine de se querulantibus respondebunt, nisi in iure civili coram advocato Leopoliensi. Этому соглашенію предшествовалъ долгій процессъ, въ которомъ приняли участіе разныя польскіе города, какъ Познань и Данцигъ, свидѣтельствовавшіе передъ кородемъ, что Львову вздревле принадлежала юрисдикція надъ иноземными купцами (ib. № 34 и 35). Любопытно, что львовянамъ нужно было такое свидѣтельство третьихъ лицъ въ то время, когда они имѣли совершенно определенно установившую это право королевскую грамоту 1444 г.

2) Gromnicki, l. c. p. 54. Въ сборникѣ Бишофа ни этой грамоты, ни слѣдующей 1476 вѣтъ; послѣдняя находится въ сборникѣ армянскихъ привиллегій, собранныхъ Бѣловскимъ и хранящихся въ музеѣ Оссолинскихъ во Львовѣ.

3) Gromnicki, ibidem.

4) Bischof, l. c. № 23.

ванія короля во Львовѣ магистратъ жалуется ему, что армяне не хотятъ подчиняться городскому войту, утверждая, что имѣютъ своего войта. Король отложилъ рѣшеніе этого спора до будущаго Петроковскаго сейма, куда были вызваны обѣ стороны. Львовяне представили на сеймѣ документальныя доказательства того, что въ городѣ долженъ быть только одинъ войтъ, суду котораго подлежатъ представители всѣхъ національностей, жившихъ въ городѣ. Армяне не могли доказать своего права на отдѣльнаго войта. Процессъ былъ поэтому выигранъ львовскимъ магистратомъ¹⁾. Однако и декретомъ 1510 г. судебная компетенція армянской общины не была окончательно упразднена; она была только значительно ограничена. Изъ вѣдѣнія смѣснаго суда, кромѣ дѣлъ, упомянутыхъ въ декретѣ 1469 г. (насиліе, убійство, и въ актѣ 1510 г. еще воровство) были изъяты еще всѣ дѣла по недвижимой собственности (*pro bonis et rebus immobilibus, puta hereditatibus, domibus, hortis et agris et aliis ejus generis*). Такія дѣла были теперь подчинены суду городского войта. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ (*pro aliis rebus et eventibus pro tempore Armenos contingentibus, hoc est si alieni in aliqua culpabiles essent*) оставленъ прежній смѣсный судъ войта съ шестью армянскими старѣйшинами *loco scabinorum*, которые судятъ ихъ по нормамъ армянскаго права. Апелляція по дѣламъ перваго рода должна была итти въ высшій судъ по нѣмецкому праву (*jus Theutonicum superius*), по дѣламъ втораго рода — прямо къ королю.

Вслѣдствіе возникшихъ споровъ по вопросу о взиманіи судебныхъ пошлинъ декретомъ 1518 г. судебныя пошлины въ смѣсныхъ дѣлахъ рѣшено дѣлить пополамъ между войтомъ и армянскими старѣйшинами, засѣдавшими на судѣ²⁾.

Мы не ставемъ здѣсь слѣдить за дальнѣйшими прерѣканіями армянской общины съ городомъ; замѣтимъ только, что армянская община съ своими отдѣльными правами просуществовала во Львовѣ до самаго конца XVIII ст.³⁾. Еще въ 1519 г. армяне представили королю латинскій переводъ своего національнаго кодекса и въ указанныхъ выше случаяхъ судились по своему

1) Bischoff, № 23.

2) Ib. № 26.

3) Армяне продолжали жить отдѣльной общиной, имѣли свои собранія, на которыхъ выбирали епископовъ, священниковъ, разбирали вопросы церковнаго характера, занимались дѣлами о призрѣніи бѣдныхъ (они имѣли свои школы и госпитали), дѣлами по завѣщаніямъ и пр. (Bischoff. l. c. № 36 и 50.

праву до 1784 г., когда были упразднены спеціальныя армянскіе суды¹⁾.

Несмотря на то, что многіе армяне были приняты въ нѣмецкое право, магистратъ львовскій никакъ не хотѣлъ признавать равноправность армянъ съ другими горожанами. Онъ утверждалъ, что армяне вслѣдствіе разницы въ языкѣ и религіи не могутъ быть полноправными гражданами (*paes ipsis non esse ac certis limitibus ultra reliquos cives Leopolienses inclusos esse*²⁾; львовяне не останавливались и передъ инсинуаціями: они набрасываютъ тѣнь на политическую благонадежность армянъ, заявляя, что собранія армянъ, происходившія въ ночное время за стѣнами города, весьма подозрительны³⁾.

Это были конечно не совсѣмъ почтенныя орудія въ борьбѣ магистрата съ армянской общиной. Въ основаніи такого сильнаго нерасположенія львовянъ къ армянской общинѣ, помимо оскорбленнаго чувства самолюбія городскихъ патриціевъ, видѣвшихъ въ армянской общинѣ *status in statu*, лежали главнымъ образомъ причины экономическія. Львовяне боялись „*ne universa proventus civitas ab illis occuparetur*“⁴⁾. Они жалуются, что львовскій рынокъ грозитъ весь перейти въ руки армянъ, — въ концѣ XVI в. изъ 38 оптовыхъ лавокъ на рынокъ (*institae divites*) 22 принадлежатъ армянамъ, и только 8 католикамъ и 6 русскимъ, а среди мелкихъ лавокъ (*institae pauperes*) католикамъ принадлежатъ 2, русскимъ 3, а остальные 18 — армянамъ⁵⁾.

Львовяне указываютъ, что издревле армянамъ, русскимъ и евреямъ былъ опредѣленъ извѣстный *maximus* домовъ, которыми они имѣли право владѣть въ городѣ⁶⁾, просятъ запретить армянамъ покупку домовъ у католиковъ. Однако оказалось, что магистратъ былъ не совсѣмъ правъ — ни въ какихъ королевскихъ декретахъ не было обозначено число городскихъ домовъ,

¹⁾ Gromnicki, l. c. p. 56.

²⁾ Bischoff. l. c. № 37.

³⁾ *Ib.* № 36. Армяне, какъ знакомые съ восточными языками, исполняли обыкновенно важную въ то время роль толмачей (дѣлій рядъ ихъ см. въ *Pomniki dziejowe Lwowa*) и тайныхъ агентовъ, посылаемыхъ польскими королями на Востокъ и въ Турцію (интересныя подробности см. у Лозинскаго, l. c. глава VII). Случалось, что армяне принимались за политическія интриги и на свой страхъ, какъ напр. въ дѣлахъ Моллавін (*ib.* p. 284).

⁴⁾ Bischoff, № 36.

⁵⁾ Bischoff. l. c. № 46.

⁶⁾ *Ex antiqua civitatis illius locatione certus numerus platearum Armenis, Ruthenis et Judeis designata est...* Bischoff. l. c. № 36.

какимъ могли владѣть армяне. Дѣло окончилось компромиссомъ въ 1600 г.¹⁾ Король предоставилъ армянамъ право на владѣніе 73 домами въ городѣ (т. е. вѣроятно утвердилъ во владѣніи всѣхъ наличныхъ домовладѣльцевъ-армянъ), не включая въ это число дома „*qua in negotiis ecclesiasticis utuntur*“²⁾, двухъ церковныхъ домовъ, школы и гошпиталя.

Хотя на общихъ собраніяхъ всѣхъ городскихъ чиновъ армянскіе старѣйшины и занимали второе мѣсто³⁾, но и имъ, какъ не католикамъ, нельзя было занимать городскихъ должностей и вступать въ извѣстные цехи⁴⁾.

1) Ib. № 50.

2) Этотъ домъ — мѣсто собраній армянъ — называется по-армянски «хучъ» (chuc, kucz). Loziński, l. с. p. 291.

3) Ib. p. 265.

4) Впрочемъ уже въ XIV ст. мы находимъ во Львовѣ не мало армянъ-католиковъ (Pomn. dz. Lwowa, p. 4, 10, 13, 17, 26 etc.). Въ XV в. разрѣшались еще браки католиковъ съ армянками и обратно. Такъ львовскій архіепископъ разрѣшаетъ армянину Леонарду бракъ съ крещеной по католическому обряду татаркой подъ условіемъ не склонять ее ни въ какую иную вѣру, армянскую или русскую, не заставлять исполнять армянскихъ обрядовъ; дѣти отъ этого брака должны быть крещены по католическому обряду (А. гр. IX, № 84 между 1451—1477 г.).

Богатыя армянки нерѣдко выходили замужъ за русскихъ шляхтичей (А. гр. XIV, p. 433—4, 302—4, 309, 312).

Армяне-мѣщане до запрещенія мѣщанамъ владѣть землей имѣли земельныя недвижимыя имущества (А. гр. III, № 23 продажа имѣнія армяниномъ Мардромъ Яну Маховичу).

Отдѣльные армяне приобрѣтали и шляхетское достоинство (А. гр. IX, № 28 Gregorius miles Armenicalis, А. гр. XV, p. 107 армянинъ interpres Thartarorum cubicularius Regis, nobilis, А. гр. XIV, p. 145, 260 — Nobilis Petrus armenus de Stro-pnyathin, ib. p. 34 Nob. Holubej armenus. См. еще нѣсколько фактовъ у Лозинскаго, гл. VII. Любопытную характеристику армянъ находимъ у двухъ писателей XVII в. Янъ Адамбекъ, львовскій мѣщанинъ, такъ характеризуетъ современныхъ ему армянъ львовскихъ: «Młodzieńce szujni, nieustraszeni; mężowe przebiegli i rozmiłowani w okazałości; starcy żarliwi i gościnni; dziewczyny uparte o śniadej twarzy, kobiety troche gminne, na starość jadowite» (Loziński, l. с. p. 266).

Путешественникъ второй половины XVII в. Ulryk v. Werdum даетъ объ армянахъ львовскихъ слѣд. оцѣнку: «...trzymają się z dala od Polaków i innych narodów i religij, prawie zupełnie na podobieństwo Żydów, są jednak tak genereux i dumni (herrisch) jak tamci nędzni i służalczy (abject und knechtisch). Po ich krewkiej (robust) i ciemnej twarzy, z wypukłemi bezczelnemi oczami można ich od wszystkich innych ludzi równie łatwo odróżnić, jak Żydów niezwłocznie po ich bladej glupowatej twarzy (bleichfarbene Blödigkeit). Nie łatwo się kojarzą małżeństwem z obcymi, nie podobnymi z ich narodowości, a są zarazem największymi i najprzebieglejszymi kupcami, jakich znaleźć można.

Къ этому онъ прибавляетъ, что въ его время едва ли кто изъ армянъ, кромѣazoleвскихъ, понималъ письменный армянскій языкъ; современный же ихъ разговор-

Евреи появляются весьма рано на Руси¹⁾. Если пребывание ихъ въ Кіевѣ въ X в. — только весьма вѣроятная гипотеза, то отъ XI и XII в. сохранилось въ лѣтописи, Патерикѣ и посланіяхъ іерарховъ не мало свѣдѣній о кіевскихъ евреяхъ. Конечно въ Кіевѣ привлекала евреевъ ѣго торговая слава, и евреи прочно осѣдаютъ тамъ, занимаясь торговлей и другими коммерческими операціями, среди которыхъ связанная съ самимъ именемъ еврея лихва занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ числѣ предметовъ торговли евреевъ живой человѣческой товаръ занималъ видное мѣсто. Естественно, что уже тогда евреи, помимо національной и религіозной антипатіи къ нимъ христіанскаго населенія, вызывали и экономическую вражду, выразившуюся жидотрепаніемъ въ самомъ началѣ XII в.

нѣй языкъ былъ значительно усвоенъ татарскими словами (Liske, Cudzoziemcy w Polsce, Lwów, 1876, p. 81—2).

¹⁾ О евреяхъ въ Польшѣ и юго-западной Руси см. T. Czacki, Rozprawa o żydach i karaitach (въ изданіи Bibliotheka Polska Туровскаго); H. Sternberg, Geschichte der Juden in Polen unter den Piasten und den Jagiellonen, Leipzig, 1878; Al. Kraushar, Historia żydów w Polsce, I—II, Warszawa 1865—66; W. A. Maciejowski, Żydzi w Polsce, na Rusi i Litwie, Warsz. 1878; L. Gumplowicz, Prawodawstwo polskie względem żydów, Kraków, 1867.

Ф. И. Леонтовича, Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ (Кіевскій Универс. Извѣстія, 1864, № № 3—4).

Критическая оцѣнка всѣхъ упомянутыхъ трудовъ — въ сочиненіи С. А. Бершадскаго, Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уни, С.-Пб. 1883 (приложенія — 2 тома: Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ). Рецензія на соч. С. А. Бершадскаго принадлежитъ М. Ф. Владимірскому-Буданову (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г.). См. еще Dr. Ph. Bloch, Die Generalprivilegien der polnischen Judenschaft (Zeitschrift der Hist. Gesellschaft für die Provinz Posen, 1891, в отдѣльно), Marcelli Janeki, Erhielten die Juden in Polen durch die Taufe den Adelstand, Berlin, 1888. Не доступно для нашего пользованія, какъ писанное на еврейскомъ языкѣ, соч. Dembicera, Kelilat Joff, трактующее о львовскихъ раввинахъ и знаменитыхъ польскихъ и литовскихъ евреяхъ (см. Kwart. Historyczny, 1894 I; тамъ же перечисленіе другихъ трудовъ на еврейскомъ языкѣ, касающихся исторіи евреевъ въ Польшѣ, и рецензія соч. Wetstein, Quellenschriften zur Geschichte der Juden in Polen insbesondere in Krakau).

О евреяхъ въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ см. любопытную и весьма остроумную статью И. И. Малышевскаго (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1878 г. № № 6 и 9). Впрочемъ уважаемый авторъ, увлекаясь своей темой, придаетъ, какъ намъ кажется, слишкомъ большое значеніе дѣятельности евреевъ X—XII вѣка въ Кіевѣ. Въ разныхъ политическихъ интригахъ того времени авторъ хочетъ видѣть участіе евреевъ на томъ одномъ лишь основаніи, что евреи всегда были склонны къ вслѣдствію интригамъ, разъ они могли изъ нихъ извлекать для себя выгоду.

Для XVIII в. см. Арх. юго-зап. Россіи, ч. V, т. II (2 выпуска). Матеріалы для исторической статистики еврейскаго населенія въ XVIII в.

Съ паденіемъ торговаго значенія Кіева евреи направляются въ новые крупные центры какъ сѣверо-восточной, такъ и юго-западной Руси. Во второй половинѣ XII в. мы ихъ застаемъ во Владимирѣ на Клязьмѣ¹⁾, въ XIII ст. во Владимирѣ Волинскомъ²⁾, а вѣроятно кромѣ того и въ другихъ крупныхъ торговыхъ центрахъ юго-западной Руси, Львовѣ, Холмѣ. По крайней мѣрѣ въ срединѣ XIV ст. мы застаемъ евреевъ уже крѣпко засѣвшими во Львовѣ.

Въ грамотѣ Казимира Львову на нѣмецкое право въ числѣ національностей, которымъ предоставляется судиться по нормамъ права нѣмецкаго или, если онѣ этого не хотятъ, по своему праву, но подъ предсѣдательствомъ городского войта, фигурируютъ и евреи³⁾.

¹⁾ Ил. 401.

²⁾ Ил. 605. Смерть Владимира Васильковича горько оплакивали владимирскіе евреи: «и жидове плакахуся аки и во влатье Иерусалиму».

³⁾ А. г., № 5. Въ львовскихъ магистратскихъ книгахъ конца XIV в. (Ромнікі dziejowe Lwowa) мы встрѣчаемъ евреевъ почти исключительно въ роли ростовщиковъ. Евреи появляются въ этихъ документахъ только по дѣламъ о займахъ, залогахъ, запрещеніяхъ на какое-либо имущество (№№ 15, 286, 556, 311, 601, 618—19, 47, 57, 72 etc.). Чаще всего фигурируетъ въ этихъ актахъ еврей Шлома. Кромѣ него Сзене (247), Яковъ, сынъ Исачка (74, 150, 248, 349), Исачко (74), Шано (128, 619, 639). Армяне въ этихъ актахъ выступаютъ несравненно чаще, чѣмъ евреи. Но въ окладной переписи 1405 г. вѣтъ евреевъ во Львовѣ; Зубрицкій (Кг. м. Lwowa, р. 69) объясняетъ это тѣмъ, что на евреевъ, какъ на подлежащихъ городскому праву, не была наложена экстраординарная подать (pro redimenda terra Dobrugnevi), послужившая поводомъ къ переписи мѣщанскаго населенія Львова.

Мы имѣемъ нѣкоторые данныя о числѣ евреевъ въ городахъ юго-западной Руси въ люстраціяхъ второй половинѣ XVI ст. (Лит. метр. IV, В. 12 и 19). Число евреевъ во Львовѣ не обозначено; знаемъ лишь, что городскіе евреи платили старостѣ за *szubke* и за *obrope* 31 зл. Въ замковомъ предмѣстьѣ 14 еврейскихъ домовъ. Но въ 1575 г. христіане во Львовѣ уплатили экстраординарной подати 128⁹ зл. 29 гр., а евреи — 297 зл. 15 гр. (Зубрицкій, I. с., р. 198). Если подать была наложена на всѣхъ поровну, то это доказывало бы, что число евреевъ равнялось почти $\frac{1}{3}$ всего населенія города. С. А. Бернадскій (Лит. евреи, р. 84) находитъ это число незначительнымъ (?). Главнымъ мѣстомъ жительства львовскихъ евреевъ было Краковское предмѣстье (Loziński, I. с., р. 376).

Въ *Перемышлѣ* еврейскихъ домовъ 13, съ нихъ чинша по 4 зл. Коморниковъ еврейскихъ 10, платящихъ по 2 зл.

Въ *Холмѣ* евреи платятъ королевскаго часа 30 зл. и 12 ф. перца (въ числѣ городскихъ домовъ находимъ дома Мейера докторовича, Ильяша доктора, кантора еврейскаго, еврейскій госпиталь). Въ городѣ 20 крамянницъ — всѣ еврейскія (между державными крамянницами — одинъ докторъ и два докторовича). Всѣхъ домовъ въ парканѣ — 100, на предмѣстьѣ — 148.

Въ *Любомлѣ* евреи платятъ королевскаго часа — 40 зл.

Въ *Ратно* еврей часа — 15 зл. Всѣхъ домовъ на городскомъ правѣ 249.

Но евреи львовские не ограничиваются этой общей грамотой, подтверждающей права всех национальностей, обитавших городъ. Имъ удается выхлопотать въ 1387 г. особую королевскую грамоту, распространявшую и на червонорусскихъ евреевъ тѣ привилегіи, какими пользовались евреи въ Польшѣ¹⁾.

Привилегія 1387 есть лишь подтвержденіе привилегіи Казни-

Въ *Городи* евреи платятъ чосъ als на сзаркѣ — ал. 12. Крамницъ еврейскихъ 7. Въ *Грубешовѣ* евреевъ 5.

Въ *Тымшолѣ* евреи держатъ gzeznictwo jatecznie и платятъ, сколько есть евреевъ хозлевъ и коморниковъ, а ихъ — 42, платящихъ по камню смальцоваго лод. Всѣ евреи — чоса или за сзаркѣ — ал. 4.

Въ *Сокалѣ* только 2 еврейскихъ дома. Но по люстраціи 1570 г. (Dod. przy Gaz. Lwowskiej 1869 г.) еврейскихъ домовъ 12 (2-е прибыли въ годъ люстраціи), платятъ по 1 флорину (всѣхъ домовъ въ Сокалѣ 222).

Въ *Хмельникѣ* 5 евреевъ (всѣхъ мѣщанъ осѣдлыхъ въ Хмельникѣ 170, предмѣщанъ 62).

Въ *Смятими* евреевъ 10, платящихъ за сзаркѣ по 52 гроша. Домовъ на старомъ мѣстѣ 72, хозлевъ въ предмѣстьи 103.

Въ *Любачевѣ* евреевъ 2 хозляна, платящихъ чосу по 2 червонныхъ злотыхъ, а третій коморникъ, платящій гр. 52.

Занималась почти исключительно торговлей и ремеслами, евреи естественно населяли преимущественно болѣе крупныя торговныя цевтры. Поэтому, напр., въ землѣ Саноцкой (см. А. гт., XI, предисловіе) мы почти не встрѣчаемъ евреевъ въ XV в., тогда какъ въ львовскихъ судебныхъ книгахъ XV в. евреи фигурируютъ постоянно.

Что въ Галичѣ въ XV в. было мало евреевъ, видно изъ А. гт., XII, р. 124, гдѣ по дѣлу шляхтича съ евреемъ рѣшено справиться во Львовѣ, какъ евреи приносятъ присягу. По люстраціи 1565 г. въ Галичѣ евреевъ хозлевъ 29 и 13 коморниковъ. Первые платили по 80 грошей, вторые по 15. Кромѣ того школьникъ и кавторъ были освобождены отъ чинша.

Въ *Теребовлѣ* по люстраціи 1565 г. было всего 5 евреевъ хозлевъ и 5 коморниковъ, первые кромѣ обыкновеннаго чинша уплачивали еще старостѣ по червонному золотому, вторые по полузолотому. Всѣхъ же мѣщанъ-хозлевъ было въ *Теребовлѣ* 237.

¹⁾ См. Przewodnik naukowy 1873, т. II и Bloch, Die Generalprivilegien der polnischen Judenschaft, р. 37. «Judeis nostris in Lamburgo et tota terra Russie constitutis». Замѣтимъ, что въ 1367 г. Казимиръ далъ общую привилегію малопольскимъ евреямъ («Judeis nostris in Cracovia, in Sandomiria, in Lamburgo»); (текстъ у Блоха, р. 12 sq.). Поэтому-то и не было нужды въ специальной привилегіи львовскимъ евреямъ. Мы думаемъ поэтому, что найденный Вислоцкимъ и напечатанный имъ (Przew. nauk. 1873, II) текстъ специальной будто бы грамоты львовскимъ евреямъ (въ подтвержденіи Ягелла) есть лишь частная копія привилегіи малопольскимъ евреямъ, сдѣланная кѣмъ-либо ad usum; переписчикъ (б. м. для какихъ-либо цѣлей) сдѣлалъ (помимо другихъ, указанныхъ Блохомъ, измѣненій въ текстѣ) измѣненіе въ первыхъ строкахъ грамоты, замѣнивъ «Judeis in Crac., Sand. и Lamb.» вышеприведеннымъ контекстомъ — in Lamb. et tota t. R. constitutis (общъ грамоты носятъ дату 1367 in conductu Rasche — свидѣтели одни и тѣ же). Въ такомъ видѣ грамота могла быть представлена на утвержденіе Ягелла въ 1387 г.

мира (1367) малопольскимъ евреямъ. Въ основѣ же послѣдней лежить привилегія Болеслава Благочестиваго 1264 г.¹⁾

Статутъ Казимира, составленный въ весьма благоприятномъ для евреевъ смыслѣ (нѣкоторые §§ статута Болеслава существенно измѣнены въ пользу евреевъ) занимается главнымъ образомъ вопросами объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ, подсудности евреевъ, огражденіи ихъ личности и имущества, регулируетъ денежныя сдѣлки евреевъ съ христіанами и пр.

Посмотримъ теперь, каково было въ Червоной Руси положеніе евреевъ *de facto* (въ XIV—XV вв.), въ какомъ отношеніи къ статутамъ стояла жизненная практика.

По грамотѣ Львову на нѣмецкое право евреямъ, какъ мы видѣли, разрѣшалось судиться или по нормамъ нѣмецкаго права, или же по нормамъ своего права въ смѣсномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ городского войта.

По привилегіи евреямъ 1367 г. судебная компетенція надъ евреями принадлежитъ старостѣ или воеводѣ или назначенному старостой судѣ евреевъ (*iudex Judeorum*), который долженъ судить евреевъ по ихъ праву, въ присутствіи еврейскихъ судей (старшинъ)²⁾.

По находящимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ мы можемъ здѣсь говорить главнымъ образомъ о практикѣ суда въ отношеніи евреевъ, подчиненныхъ старостѣ³⁾.

¹⁾ Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе отношеній однихъ привилегій къ другимъ. Отсылаемъ по этому вопросу читателя къ указанному сочиненію Блоха

²⁾ §§ о подсудности евреевъ вложены крайне запутанно въ разныхъ редакціяхъ Статута 1367 г. Такъ въ § 8 по дѣламъ между евреями въ одной редакціи говорится о судѣ старосты, воеводы или войта (?), а въ другой о судѣ воеводы или еврейскаго войта (*I: sed nos tantummodo aut noster capitaneus, pallatinus vel advocatus iudicium exercebit...*, въ другой редакціи — *nostri capitanei palatinus vel advocatus ipsorum*) (Bloch, p. 16). Въ §§ 15, 18, 19, 23 говорится о спеціальномъ судѣ евреевъ (*iudex Judeorum*), см. особенно § 19: *Item iudex eorum non debet sententiam sine Judeis promulgare nec proferte*, при чемъ въ одной редакціи добавлено *nisi prius habito super hoc speciali ipsorum Judeorum consensu*. Въ Львовскомъ предисловіи находимъ въ XV в. еврейскаго войта (A. gr. XV, p. 297—8).

³⁾ Евреи ютились главнымъ образомъ по предмѣстамъ, а, какъ мы видѣли, предмѣстья и послѣ надѣленія города нѣм. правомъ оставались еще въ вѣдѣніи замковаго уряда. Въ люстраціи Львовскаго староства 1570 г. (*Sprawozdanie dyrekcyi c. k. Wyższego gimnazjum realnego w Stryju za rok szkolny 1890, w Stryju, 1890, p. 9*) читаемъ о евреяхъ: *Żydowie w mieście i na miejskiem gruncie mieszkający tylko z strony prowentów, które powinny królowi Jmci, panu staroście podlegli pod jurysdykcją starościna. A ci co pokupili na przedmieściu zamkowym u przedmieszczan domy i grunty, weszli in iurisdictionem castrensem et in omnia onera i prowentów tych domów i gruntów zarówno jako inisi tegoż przedmiescia incolae.*

Привилегія 1367 г. устанавлюєть слѣдующій порядокъ вызова евреевъ въ судъ: истецъ повидимому долженъ обращаться свачала къ еврейскому суду при синагогѣ, или школѣ; вызывать евреевъ въ общіе суды имѣеть право только староста¹⁾.

Такой порядокъ подтверждается и актами: евреи требуютъ вызова въ судъ черезъ своего школьника²⁾. Судъ происходитъ въ еврейской синагогѣ, или школѣ; судятъ еврейскіе старѣйшины подъ предсѣдательствомъ судьи евреевъ.

Судья евреевъ — должность постоянная. Староста назначаетъ такимъ судьей кого-либо изъ шляхтичей³⁾.

Апелляція отъ *judicium Judeorum* идетъ въ судъ градскій. Судъ производитъ или самъ староста, или подстароста, или специально для такихъ дѣлъ назначаемый судья вмѣстѣ съ шляхетскими ассессорами и еврейскими старшинами⁴⁾.

О чинишъ съ евреевъ предмѣстля ревизоры замѣчаютъ: *Dyferencją tę tak deklarowaliśmy, iż 30 florenorum w rejestrze rewizorskim stoi, tedy non obstantibus quietationibus demortuorum quorundam capitaneorum na 13 otrzymanych, mają dawać per fl. 30. (ib., p. 33).*

¹⁾ Такъ я понимаю крайне плохо изложенные §§ 31 и 23: *Item contra Judeum non nisi in scholis vel ubi judicantur Judei omnes prope dotem* (по объясненію Бюха *dos* означаетъ школу еврейскую) *excerptis nobis aut nostro capitaneo qui eos possumus ad nostram presentiam evocare.*

§ 23: *Item si iudex Judeorum secundum causam inter eos ortam iudicium deducat, ubi per querimoniam est invitatus, Judei circa scholas vel ubi elegerint, debent indicare ante meridiem.*

²⁾ *A. gr. XIV, p. 270 ...domini, adjudicato michi super ea penam, quia me non debite citavit secundum ius meum, non schkolnyket nolo sibi respondere.*

Ib. p. 484. Fam. ds. Clemens civis Leop. nobili Francisco de Dzewyanthniki pro Aaron Judeo fideiussit ipsum statuere in duob. sept. ante scolam Judeorum.

³⁾ Въ этой должности находимъ подъ 1440 г. Стефана Быдловскаго (*A. gr. XIV, p. 20*), а съ 1445—47 г. — Николая Страдовскаго (*ib., p. 182—3, 3, 193, 238*).

⁴⁾ Составъ суда по еврейскимъ дѣламъ въ градѣ весьма разнообразенъ: то мы находимъ въ такомъ судѣ постоянного судью евреевъ вмѣстѣ съ градскимъ судьей и еврейскими старшинами (*A. gr. XIV, p. 193*), то старосту съ подстаростою, ассессорами и евр. старш. (*ib. p. 330*), то подстаросту съ ассессорами и евр. старш. (*ib. p. 333*), то подстаросту съ ассессорами, *magistro civium*, райцами, представителями итальянскихъ купцовъ, евр. старш. (*ib., p. 360*), *cf. 383* — подстароста, градскій судья, львовскіе райцы и евр. старш., то специально назначеннаго судью (*iudex Judeorum specialiter deputatus*) съ евр. старш. (*ib., p. 19*), то подстаросту съ градскимъ судьей и евр. старш. (*ib., p. 484, XV, 337, 360, 295, 303, 389, 191, 282, 402, 356*). Такимъ образомъ мы видимъ, что постояннымъ лицомъ въ такомъ *jure iudaico castrensi* (*ib., p. 383, 282*) является подстароста; другіе ассессоры (кромѣ, конечно, градскаго судьи, по большей части засѣдающаго въ такомъ судѣ) появляются здѣсь случайно, то въ качествѣ экспертовъ, то свидѣтелей. Встрѣчаемъ случаи (*cf. выше*), когда судъ производитъ подстароста съ еврейскими старѣйшинами и безъ градскаго судьи. Подстароста, какъ кажется, заведывалъ евреями и въ полицейскомъ отношеніи.

Въ такомъ судѣ рѣшеніе постановлялось на основаніи права еврейскаго.

Но евреи могли отступать отъ своего еврейскаго права (*cedere a jure suo Judeico*) и просить суда на основаніи нормъ общаго права¹⁾.

Изъ многихъ судебныхъ дѣлъ видно, что судъ въ постановленіи рѣшеній держался довольно строго привиллегій евреямъ. Встрѣчаемъ даже прямыя ссылки на привиллегіи²⁾.

Существовали особые *libri Judeorum*, куда вносились протоколы еврейскаго суда (XIV, 287, XV, p. 397 *liber Belzensis Judaicus*, *Acta d. Pal. Belzensis iuris Judaici*). Книжки эти велись отдѣльно отъ книгъ гродскаго суда (A. gr. XV, p. 282 ... *hanc inscriptionem Smoel ad primam positionem librorum Judaicorum sub vadio centum marc. inducere in librum Judaicum debet*).

¹⁾ A. gr. XIV, p. 374, 383, 478, XV, 185.

²⁾ A. gr. XV, p. 350 *Nos itaque Moyse Judeo decrevimus sexaginta marcas pro capite patris ipsius iuxta citationem et litteram seu privilegium Judaeicum datum sub sigillo et titulo olim Kazymiri Regis Poloniae M. D. Lithwanie. Et pene Regie Majestatis, prout sua Serenitas gratiam suam sibi ostendet.*

Ib. p. 351. *Nos itaque decrevimus pro capite ipsius Jude nomine Thobiam per ipsum Cristofforum interfectum sanguinem ipsius effudendo iuxta privilegium Judaeicum, quem habent datum sub sigillo et titulo olim Kazymiri Regis Poloniae, quod Cristofforus debet solvere sexaginta marc. et bona ipsius mobilia et immobilia in gratiam Johannis Alberti Regis Pol. prout sua Serenitas gratiam suam sibi ostendet.*

cf. §§ 10 и 11 привилегій Казимира (Bloch, p. 16); эти §§ ближе подходят къ рѣшенію суда, чѣмъ §§ статута 1447 (Bandtkie, *Jus Pol.* §§ 13 и 14), на который ссылается судъ: такъ въ § 10: *item si Christianus Judeum occiderit, digno iudicis puniatur, collum et omnia reorum mobilia et immobilia in nostram transeant potestatem.*

§ 11. *Item si Judeum Christianus occiderit ita tamen quod sanguinem non effudit, poena simili requiratur secundum consuetudinem nostram, quemadmodum in terra nostra pro nobili est consuetum si vero pecuniam habere non poterit, idem pro commisso, sicut statutum fuerit, punietur, vel caput pro capite decernatur.*

По статуту 1447 г. конфискація имущества привилегіруется къ христіанину, убившему послѣ убійства еврея.

Таксу въ 60 гр. находимъ и въ дѣлѣ о повѣшеніи щирецкимъ войтомъ львовскаго еврея (A. gr. XIV, p. 249 — *pro capite 68 m. 18 gr.*).

Присяга евреевъ происходитъ также согласно еврейскимъ привилегіямъ: A. gr. XV, p. 403. Судъ рѣшаетъ *quod Judeus habet iurare ad rotam al. ukoly, quod prefatas res suprascriptas non subtrahit neque de eis scit et hoc ideo Judeus debet iurare ad rotam, alias ukolcza, quia Judei non debent iurare ad eandem rotam alias ukolcza, nisi pro re, que se extendit ad quinquaginta marc.*

Но въ ст. Казимира (Bloch, § 20): *Item statuimus, quod nullus Judeus iurabit super rodale ipsorum, nisi se causa extendat usque ad quinquaginta marcas argenti puri fusi, vel sit ad nostram presenciam causa revoluta, pro minoribus autem causis iurabit ad rotulam scholae implicate et inficte* (у Бандтке: *ante scholas ante ostium dictae scholae*). Bloch объясняетъ *rodale* — *Torahrolle*, а *rotula* (*rota*) — *Thürting*.

Но если со стороны правительства евреи встрѣчали не только защиту, но и расположение¹⁾, то въ мѣстномъ населеніи они постоянно вызываютъ экономическую и національную вражду.

Львовяне жалуются, что евреи обходятъ львовскій складъ товаровъ, ведутъ не дозволенную имъ торговлю враздробь и пр. (1484 г.). Дѣло это тянется много лѣтъ. Король вызываетъ въ 1488 г. обѣ стороны въ судъ. Евреи могли представить только свои общія привилегіи (*privilegium, continens ius quo admissi sunt in regnum et quo agitare et iudicari debent sine aliqua mentione et concessione faciente ad eorum propositum*), въ которыхъ не было никакихъ частныхъ постановленій о способахъ производства торговли, почему король и рѣшаетъ дѣло въ пользу львовянъ²⁾).

Однако евреи, опираясь на покровительство магнатовъ³⁾, пропускаютъ мимо ушей это королевское рѣшеніе и продолжаютъ

Форма еврейской присяги А. гр. XIV, р. 479. *Sic me Deus vivus adiuvat et lex Moysi et decem precepta Dei, quia scio et testificor etc.* (форма присяги на 10 заповѣдахъ у Bandtkie, J. Pol., р. 20).

Принесеніе евреями присяги свидѣтельствуетъ школьникъ (А. гр. XV, р. 303).

Невыкупленные въ теченіе 1 года и 1 дня залоги могутъ быть евреями проданы (А. гр. XV, р. 387, 297); cf. § 28 у Блоха.

Претензіи христіанъ къ евреямъ должны быть доказываемы свидѣтелями христіанами и евреями (А. гр. XIV, р. 360, cf. Bloch, § 1).

¹⁾ Отдѣльными лицамъ еврейскаго происхожденія короли даже жалуютъ земли; т. н. въ 1426 г. Ягелло жалуетъ львовскому мѣтнику, еврею Волчку, пустошь Вербежъ пожизненно, а въ 1427 г. дозволяетъ устроить въ немъ солдатыство (А. гр. II, № 45 и 46; король точно извѣщается, что такъ милостивъ по отношенію къ еврею: *considerato et attento, quod Wolczko, Judeus de Leopoli, Thelonator noster sui moras incolatus in medio Cristi fidelium faciens et in ritu suo execrabili se exercens quantum in eo suarum virium sufficiebat facultas, ad mandata nostre Majestatis proum reddidit....*).

Въ роли сборщиковъ податей постоянно находимъ еврей (А. гр. XIV Schachno Judeus, львовскій сборщикъ; Nathko Judeus, thelonator Grodecensis et zupparius Drohobyczensis; ib. Moyses Jordan А. гр. XV, р. 316 etc. Только на Радомскомъ сеймѣ 1505 г. евреямъ было запрещено брать на откупа мита и вообще исправлять какія-либо общественныя должности (Арх. Бернард. А. Castr. Prem., t. IV, р. 69; § 5: *De Judeis ad officia non instituendis. Judei theloneis et tributis exigendis reliquisque officiis publicis non preficiantur*).

²⁾ А. гр. VII, №№ 74, 89, 94.

³⁾ А. гр. IX, № 143: *Verum quia hac vice nonnulli Judei de Myedzibosche et Ostrog huiusmodi depositoryum Leopoliense fuerant transgressi et eorum merces propterea fuerunt per eosdem cives Leopolienses fuerant iuxta eorum iura arestate, quas licet ad magnas preces omnium consiliariorum Maiestati nostre factas, cum difficultate relaxavimus....*

попрежнему обходить львовскій складъ. Въ 1502 г. король подтверждаетъ прежнее постановленіе, запрещавшее обходить львовскій складъ подь угрозою конфискаціи товаровъ¹⁾.

Но и это королевское постановленіе произвело очень мало впечатлѣнія на евреевъ, и жалобы львовянъ на противную львовскимъ привиллегіямъ торговлю евреевъ продолжаются постоянно²⁾.

Но несмотря на всѣ протестаціи львовянъ, еврейство, имѣвшее сильную опору въ лицѣ магнатовъ, тѣснилось со всѣхъ сторонъ въ этотъ крупнѣйшій торговый центръ южной Руси, и къ срединѣ XVII в. захватило въ свои руки всю его торговлю³⁾.

Что касается прочихъ инородныхъ обитателей Львова, то мы не имѣемъ данныхъ, чтобы они составляли отдѣльныя общины со своими спеціальными правами. Временно пріѣзжавшіе иностранные купцы подчинялись юрисдикціи городского магистрата, а переселившіеся на постоянное жительство во Львовъ иностранцы часто пріобрѣтали городское право⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго видно, что городу для успѣшнаго внутренняго развитія недоставало единенія горожанъ. Городъ состоитъ изъ внѣшняго агломерата отдѣльныхъ общинъ, каждая со своими спеціальными правами и привиллегіями; разобщенность интересовъ, національная и экономическая вражда характеризуютъ взаимныя отношенія этихъ общинъ.

¹⁾ Ib. Жалобы на незаконную торговлю евреевъ въ Львовскомъ премѣстѣи, А. гр. IX, № 119. cf. А. гр. XV, р. 385.

²⁾ Зубрицкій, Кг. т. Lwowa, р. 136, 143, 151—2.

³⁾ См. любопытную жалобу у Лозинскаго, I. с., р. 192—3.

Кромѣ евреевъ-раввинистовъ во Львовѣ были и караймы: см. А. гр. XV, р. 179.

⁴⁾ Итальянцы, ведшіе обширныя торговыя сношенія со Львовомъ, имѣли здѣсь своего консула (Messopero Petrus Italicus de Ansaldo, heres Licostomi, consul Francorum, А. гр. XIV, р. 36, 37 etc. См. в главу V у Лозинскаго, Patr. i mieszc. Lw.).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ р. I, прим. 1. См. еще: В. Милькович, Студія критичнї над исторією русько-волоською. Часть I, 1340—1387. Львѣвъ, 1893.

Іванов, Картка з исторїи Волині на початку XIV віку (Записки наукового товариства імени Шевченка, т. II, у Львові, 1893).

Къ р. 16, пр. 10 воевода Сяноцкій, А. гр. VIII, № 17 (1383 г.) и № 25 (1396 г.).

Къ р. 20, пр. 2; А. гр. VII, № 13 (1377) Костко Волестратигцій князми писарь. Пам'ят судья Сяноцкій въ документѣ Казимира слугѣ своіему Иванови (Арх. Чартор. Diplom. № 164, см. дальше, р. 195).

Къ р. 22. Convencio in Moscisca 1438 г., куда їздилъ львовскіе райцы *ein arduis causis civitatis* (Зубрицкій, Kron. miasta Lwowa, p. 99). Convencio въ Коломиї 1444 г. всѣхъ старость Руси подъ предсѣдательствомъ краковскаго старости и канцелярѣ Яна de Ciszow locum seren. d. Regis in Regno Pol. tenentis cum Mf. P. Odrow. Pol. Leop., totiusque terre R. Cap. gen., J. de Knyeh. d. Halic., Nic. Parawa de Lublin, Cap. Rohat. ex Halic., nec non Nic. de Gologor et gen. Mich. Muzilo de Buczacz Cap. Colom. et Sniatin. ceterisque omnibus capitaneis et dominis in terra R. constitutis). А. гр. V, № 97 (10 февр. 1444).

Къ р. 55 пр. Inventar. ed. Rykaczewski, p. 249. 2 грамоти Сеньку Татариничу (Leo dux Russiae servitori suo Siemkoni Tatarzynowicz in bonis Samboriensibus donat certas sortes seu Drożyszczca (sic! дворища) dąbrowa dictas. Datum in antiqua Sambor, a. 1265.

Leo dux Russiae servitoribus suis donat Latinow in Praemisliensi districtu.

Головацкій, Пам. дна. лъ., № 55, грамота 1415 г. Ягелла пону Михайлу Терлецкому са также оставленъ его іако за князя Льва были, за русскыхъ князатъ. (Та же грамота на лат. лъ. у Тургенева, Supplem. ad hist. Russ. monum., № 165).

Лит. Метр. IV В., 8, р. 148. Hordinszci. Hordinie i Dorozewo. Okazali listh xiączcia Lwa przess Krola J. M. dzisiejszego approbowany na wiess Hordinie, Dorozewo, listh dobry stari quatenus in usu, a wszakze iednak pothem vзнаніе o takowych listchiech od xiączczcia Lwa do drugiego seymu Krol. J. M. odlozil, zgdalosia iednak przy takich listchiech revisiei panom niemalo zeby takie byly dobre, ktore mają pieczęci z zubem. A isz snacz iusz byl miał bycz iakiss decreth Lubelski okolo nich. A tak przed drugim seymem dostacz bendzie decreth Lubelskiego.

Ib., p. 148 об. Kolcziczki. Kolczicze.

Roman Kolcziczki listh na wiess Kolczicze od tegoss Lwa list dobry quatenus in usu albo czego (?) iesth in possessione, yednak ysz takowy list p. Deputacze do Krola J. M. A Krol J. M. potem jako y pierwszy na drugi seym.

Ib. 127. Od Pawła Marczina y Andrzeia Rogozinskiх, od Barthossa i Mikolaia Ritherowskich y ynych p. Jan Wolosieczki, ktorego zona ma tesz do tego interessa. Ukazal listi na Ritherowicze, Rogozno i liasz Radochon od xiączczcia Lwa przess Wladzislawa y Kazimierza confirmowane, a wszakze isz ieszcze o takich listchiech

książęcią Lwa niebyła nigdi cognitia, iesli maią bicz trzimize, czili nie, do Krola J. M. A Krol J. M. pothem uznawanie okolo takich listow na drugi seym przelosciz raczil.

Къ р. 65. См. еще А. гр. XVI, р. 63: *Nobil. Rutheni* heredes de Dobra, Mass, Iwan *faber* cum Mal filio, Siemon Bryz, Jacow, Damko, Danilo, Michitha, Michalo Wasilowicz, Siemion Zinowicz, Andrej Kyelb, Hricz Klisschovisz, Siemion Craczko, Iwan Philowicz, Hricz Chodorow vendiderunt totam suam partem hereditatis et domini in eadem villa Dobra, que spectat eis in tercia parte eiusdem ville Dobra mfo. Nicolao Pyeniazek de Wittowicze Succ. Crac. et Cap. Sanocz. pro sexaginta marcis.

Къ р. 87. Холопъ и раба въ договорѣ Любарта съ Казимиромъ: а за избѣга можемъ его добыти и выдати, аже его не можемъ добыти, можемъ его искати съ обод сторону, аже побѣгнетъ Русинъ а либо Руска, или во Львовъ или холопъ чьн, или раба, выдати его... (Голов., Пам., № I).

Къ р. 142; см. о покорѣ А. И. Павинскаго, О pojednaniu w zabójstwie, Warszawa, 1884 (акты о покорѣ въ приложеніи 3).

Къ р. 143, А. гр. XI, р. 357. Item Fedor, Michalko Jacobus, Turko tenentur penam talem, sicut ipsorum ius canit.

Къ р. 144. cf. соч. Jos. Hube, Geschichtliche Darstellung der Erbfolgerechte der Slaven, Posen, 1836.

Къ р. 173. Въ люстраціи с. Викторова Гал. земли (Лит. Метр. IV, В. 12, р. 577об.) крестьяне даютъ подстаростѣ, чтобы къ нимъ два раза въ годъ прѣзжалъ „zadzicz wieśca...“ за каждый прѣздъ по 3 гр. съ лана.

Къ р. 178. Крайники Брылинскій и Устрицкій въ Перемишл. землѣ (Л. М. IV. В. 19, р. 812, 818).

Къ стр. 237. Отношеніе львовлянъ къ евреямъ ярко характеризуется слѣд. записью въ львовскихъ градскихъ книгахъ (подъ 1500 г.): *Nob. Henricus Regie Mai. Cubicularius nomine Sue Magestatis vallavit vadium decem milia marc. super Consules Leopold. mandans ipsis ut defenderent Judeos Leop. ab iniuriis et infestacionibus Cruciferorum, ipsi vero Consules vadium suscipere nec Judeos defendere volebant, quod vadium idem Cubicularius nomine Regie Maiest. in librum castr. Leop. inscribere iussit.*

Къ р. 238, пр. 3. Venientes Judei suburbii castr. Leop. recognoverunt dicti Caraymowie, quia Judeos dictos *Rabany* eiusdem eciam suburbii castr. Leop. de omnibus custodiis, laboribus, daciis et a labore cuttium alias *od suranow* et etiam quod fures non debent ducere ad castrum nec custodire eosdem et in adventu Maiestatis Regie ad currus et ad coquinas nichil habere debent perpetue et in evum emiserunt presentibusque emittunt, tantum excepto, quod ipsi Judei *Rabany* cum eisdem Caraymis debent simul redditus solvere super fossatam alias *na przekop* et censum annualem, hoc est quinque marcas eciam in simul exolvere debebunt et tenebuntur. Et iterum stantes circa eadem acta Judei pretuiti *Rabanowye* recognoverunt, quia eosdem Judeos Caraymos effecerunt liberos perpetue et in evum ab omnibus solucionibus tam Regalibus quam aliis domini Capitanei. Et surpa hoc utraque pars memorial: posuit, quod iudicium recepit.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.: Строка:	Напечатано:	Должно быть:	
2	4 св.	ея	его
—	пр. 4 св.	wzglądzie	wzglądzie
—	пр. 10 св.	Pomniejsze	Pomniejsze
3	пр. 15 св.	audirimus	audivimus
4	10 св.	обратилась	обратилась бы
9	пр. 1 св.	Наря.	Народя.
10	пр. 8 св.	consenu	consensu
11	24 св.	Polonia	Polonico
—	29 св.	населеніе	населеніе
—	1 св.	постараемса	постараемса
12	5 св.	явстна	явѣстна
13	1 св.	³⁾	⁶⁾
14	пр. 7 св.	что сельское населеніе было раздѣлено	что часть сельскаго населенія была раздѣлена
15	пр. 2 св.	они появляются	она появляется
17	14 св.	децентрализація	децентрализаціи
—	пр. 2 св.	Бальзера	Бальцера
18	12 св.	Бальзеромъ.	Бальцеромъ
22	пр. 7 св.	Савоцкаго о пр.	Савоцкаго — о
23	пр. 5 св.	ободнарныхъ	ордварныхъ
25	11 св.	привести эту реформу къ концу	довести этой реформы до конца
27	11 св.	обязанности	обязанность
40	9 св.	утверждаетъ	утверждаютъ
45	пр. 1 св.	Н. IV. В.	М. IV. В. 9,
53	18 св.	упорня	упорная
55	пр. 6 св.	Акта	Акта
60	5 св.	силезскаго	Мазовецкаго
61	3 св.	Юрія	Юриѣ
—	14 св.	силезскаго	Мазовецкаго
62	4 св.	praeponem	praeponem
63	17 св.	сохривавшимся	сохранявшимся
64	пр. 10 св.	процесса	процессѣ
67	пр. 13 св.	starosta kaze	starosta kaze (Dodatek przy Gaz. Lw. 1859 г.)
98	пр. 18 св.	Бальцеру	Бальцеру
99	пр. 2 св.	per.	per Dom.
100	пр. 5 св.	recipiantur	recipiantur
109	пр. 16 св.	sus	sui
113	2 св.	area ¹⁾	area ²⁾
—	1 св.	Оясиимъ ³⁾	Оясиимъ ³⁾
—	пр. 9 св.		вставить ³⁾
128	10 св.	recunio	recunia
—	пр. 4 св.	istcsyenko	iste syenko
129	пр. 1 св.	tunc nos iudices — do reclinavit —	вычеркнуть
142	пр. 12 св.	ipse	ipse
—	пр. 10	eum esd	eum sed
175	пр. 16 св.	Бальцеромъ	Бальцеромъ
176	пр. 14 св.	Перм.	Перем.
186	пр. 1 св.	Piekosiianki	Piekosiński
188	13 св.	большая	большая
190	пр. 17 св.	вмѣсто напечатаннаго: на нѣмецкой общинѣ Львова, между тѣмъ какъ Казимиръ распространилъ нѣмецкое устройство на всю городскую общину.	Лѣтъ далѣ самоуправленіе толь- ко нѣмецкое устройство на всю городскую общину.
195	пр. 9 св.	duas	duas
201	16 св.	чянту	чяншу

